

О.Э. Мандельштам, его предшественники
и современники

О.Э. Мандельштам,
его предшественники
и современники

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Мандельштамовское

общество

Кабинет

мандельштамоведения

научной

библиотеки РГГУ

Записки Манделъштамовскаго общества
Том 11

О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники

Сборник материалов
к Мандельштамовской
энциклопедии

Москва 2007

УДК 82(03)
ББК 83.3(2 Рос-Рус) 6я43
М 23

Составители:

И. Делекторская,
Дж. Мамедова,
П. Нерлер,
И. Ряховская,
Ю. Фрейдин

Художник В. Сурков

ISBN 978-5-7281-0953-2

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2007

Содержание

<i>Нерлер П.</i> На пути к Мандельштамовской энциклопедии	9
---	---

1. Словник и методические материалы

Словник (по состоянию на 31.12.2004)	15
Списки сокращений	22

2. Избранные статьи и материалы

Персоналии

Бабаев Э.Г. (<i>П. Нерлер</i>)	37
Брюсов В.Я. (<i>В. Калмыкова</i>)	38
Волошин М.А. (<i>С. Данилова</i>)	51
Гиппиус В.В. (<i>Е. Куранда</i>)	62
Достоевский Ф.М. (<i>Е. Сошкин</i>)	65
Заболоцкий Н.А. (<i>И. Лощилов</i>)	71
Зошенко М.М. (<i>М. Котова</i>)	74
Иваск Ю.П. (<i>Н. Богомолов, П. Нерлер</i>)	76
Кант И. (<i>С. Шиндин</i>)	80
Клюев Н.А. (<i>К. Азадовский</i>)	82
Ламарк Ж. Б. (<i>Т. Игошева</i>)	85
Малларме С. (<i>Я. Линкова</i>)	93
Мандельштам (Хазина) Н.Я. (<i>Ю. Фрейдин</i>)	97
Мейерхольд В.Э. (<i>О. Купцова</i>)	111
Наполеон I (<i>А. Бузылева</i>)	112
Недоброво Н.В. (<i>Е. Орлова</i>)	115
Пастернак Б.Л. (<i>А. Сергеева-Клятис</i>)	117
Пушкин А.С. (<i>И. Сурат</i>)	128
Тихонов Н.С. (<i>О. Лекманов</i>)	138

Усов Д.С. (<i>Т. Нешумова</i>)	141
Шенгели Г.А. (<i>С. Дуговейко-Должанская</i>)	144
Шершеневич В.Г. (<i>А. Кобринский</i>).....	147
Эренбург И.Г. (<i>Б. Фрезинский</i>)	149

Географические названия

Гейдельберг (<i>П. Нерлер</i>)	163
Судак (<i>С. Шиндин</i>)	165

Организации и учреждения

«Время» (<i>К. Азадовский</i>)	167
Всеукраинское фотокиноуправление (<i>С. Шиндин</i>)	169
Дом литераторов (<i>С. Шиндин</i>)	169

Произведения

«Айя-София» (<i>М. Гаспаров, П. Нерлер</i>)	172
«Notre Dame» (<i>М. Гаспаров, П. Нерлер</i>)	175
«Петербургские строфы» (<i>М. Гаспаров, П. Нерлер</i>) ...	178

О.Э. Мандельштам и мировая культура

Буддизм (<i>Э. Мачерет</i>)	181
Иудаизм и еврейство (<i>Л. Кауцис</i>)	193
Интернет (<i>П. Нерлер, А. Никитин-Перенский</i>)	219

Поэтика

Пространство (<i>С. Шиндин</i>)	222
---	-----

3. Библиография, архивы и архивные росписи

Методические материалы к библиографии	233
Издания произведений О.Э. Мандельштама, монографии и статьи о жизни и творчестве поэта (1999–2003 гг.) (<i>П. Нерлер, И. Делекторская, М. Соколова</i>)	236

«Библиотека Мандельштамовского общества» (П. Нерлер)	258
Переводы и изучение О.Э. Мандельштама за рубежом: Нидерландский язык; Библиография: Переводы О.Э. Мандельштама на нидерландский язык; Литература об О.Э. Мандельштаме на нидерландском языке (Т. Лангерак).....	261
Принстонский университет (П. Нерлер)	286
Литературный музей (С. Шумихин, Л. Алексеева, П. Нерлер)	288
Материалы О.Э. Мандельштама из коллекции Государственного литературного музея (Л. Алексеева, А. Бобосов, Е. Варенцова, М. Соколова и др.)	292

На пути к Мандельштамовской энциклопедии

Замысел Мандельштамовской энциклопедии сложился, по крайней мере, десять лет тому назад. Само столетие со дня рождения поэта, отмечавшееся в 1991 г., как бы подводило к этой мысли, но не юбилейно-парадной своей коннотацией, а обозначившимся вдруг осознанием того, что в мандельштамоведении начиная с 1955 г. сделано так много, что назрела потребность зафиксировать и осмыслить все наработанное, нащупать его структуру. Наличие Мандельштамовского общества, объединившего пусть и не всех, но все же явное большинство тех, кто мог бы всерьез поучаствовать в этом начинании, стало организационной и содержательной предпосылкой всего проекта. Первые разговоры и первые наброски словника, как, впрочем, и первые ухмылки и сомнения скептиков, все это создавало и создало ту среду, в которой вызревала практическая сторона Мандельштамовской энциклопедии.

Неизменным участником этих баталий – скептиком-реалистом и вместе с тем одним из главных организаторов проекта – была Марина Соколова, первый ученый секретарь редколлегии и настоящий мотор проекта, горячо болевшая за его будущность и состоятельность. Именно она составила первый вариант словника и внесла решающий вклад в формирование авторского коллектива. Не оценить поддержки Сергея Аверинцева – первого председателя Мандельштамовского общества и одного из главных редакторов энциклопедии. В его планы входило написание вступительной статьи и десятка других ключевых текстов. Но, увы, планам этим не суждено было осуществиться – Марина Соколова умерла в 2002 г., а Сергей Сергеевич – в 2004.

Главным редактором Мандельштамовской энциклопедии является Павел Нерлер. В состав редколлегии вошли Николай Богомолов, Иоанна Делекторская, Олег Лекманов, Андрей Сорокин, Никита Струве, Роман Тимечник, Юрий Фрейдин, Сергей Шиндин и Галина Якушева. Многие члены

редколлегии естественным образом составили и костяк авторского коллектива Мандельштамовской энциклопедии.

Помимо формирования концепции и потребовавшихся для этого внутренних дискуссий у проекта была не менее трудная внешняя задача – найти организационные пути реализации – адекватного спонсора и издателя. С 1996–1997 гг. велись переговоры с издательством «Большая российская энциклопедия». Усилиями директора издательства Александра Горкина и главного редактора Александра Прохорова проект включили в редакционно-издательский план, был даже выделен издательский редактор – Галина Якушева, с чьей помощью и началась работа над методическими материалами и совершенствованием словника энциклопедии.

Однако со временем новое руководство старейшего энциклопедического издательства России потеряло интерес к этому, как, впрочем, и ко многим другим филологическим проектам.

В настоящий момент организационно энциклопедия готовится в Мандельштамовском обществе и Кабинете мандельштамоведения Научной библиотеки Российского государственного гуманитарного университета в сотрудничестве с издательством «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Мандельштамовская энциклопедия замышляется как компендиум сведений об Осипе Мандельштаме, его жизни и творчестве. Она призвана подытожить полувековые усилия близких и друзей поэта, архивистов и текстологов, комментаторов и литературоведов по собиранию, изданию и изучению материалов о нем.

Структурно Мандельштамовская энциклопедия состоит из следующих тематических блоков: 1) статьи о произведениях О.Э. Мандельштама; 2) прижизненные издания и публикации; 3) биография О.Э. Мандельштама; 4) окружение поэта; 5) географические названия; 6) поэтика; 7) общие воззрения О.Э. Мандельштама; 8) Мандельштам и мировая культура; 9) изучение творчества О.Э. Мандельштама.

Кроме алфавита словарных статей и вступительной статьи «О.Э. Мандельштам и мировая культура» (автор В.Б. Микушевич), в состав Мандельштамовской энциклопедии будут включены также следующие приложения: 1) летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама; 2) библиография О.Э. Мандельштама и литературы о нем; 3) иконография; 4) указатели – имен, географических названий и произведений О.Э. Мандельштама.

Общее количество словарных статей в энциклопедии приближается к 1500, а ее совокупный объем – к 150 п. л. В авторский коллектив вошли десятки российских и зарубежных филологов разного профиля, как мандельштамоведов, так и тех, кто специализируется в совершенно других разделах литературы прошлого и позапрошлого веков.

Издание будет проиллюстрировано репродукциями автографов, прижизненных публикаций, биографических документов, произведений живописи и графики, карт и планов городов. При этом редколлегия заручилась согласием Государственного литературного музея о сотрудничестве в подготовке будущего изобразительного ряда энциклопедии.

Работа по созданию персональной энциклопедии традиционно активизирует усилия научного сообщества, стимулирует новые усилия по исследованиям в избранном направлении. Многие статьи не имеют аналогов ни в одной из имеющихся энциклопедий, основываются на специальных разысканиях и поэтому поистине уникальны. Все статьи подчеркнута мандельштамоцентричны: тот или иной персонаж, та или иная организация интересуют нас не сами по себе, а постольку, поскольку их творчество или деятельность пересеклись с мандельштамовскими творчеством и судьбой.

Стоит, наверное, подчеркнуть, что после Лермонтовской энциклопедии этот проект является первой попыткой создать полноформатную персональную энциклопедию русского поэта и вообще первую, посвященную поэту XX века. Инициаторы и разработчики Мандельштамовской энциклопедии с самого начала видели Лермонтовскую энциклопедию в качестве вдохновляющего образца.

Наша задача несколько осложнялась тем, что хотя на сегодняшний день творческое наследие поэта полностью опубликовано (в известных науке архивах неопубликованных мандельштамовских текстов почти не осталось), все еще отсутствует академическое издание, в котором были бы решены спорные вопросы мандельштамовской текстологии. Нет и полноформатной летописи жизни и творчества поэта, а соответственно и его научной биографии. Но Мандельштамовская энциклопедия бесспорно внесет вклад в решение этих задач.

Предлагаемый читательскому вниманию сборник подготовлен в Кабинете мандельштамоведения НБ РГГУ в рамках работы по созданию Мандельштамовской энциклопедии. В процессе реализации проекта необходимость подобного издания стала очевидна (что доказала, в частности, прове-

денная 10 марта 2004 г. научно-практическая конференция «Осип Манделъштам, его предшественники и современники»). Идея публикации одноименного сборника нашла поддержку в издательстве Российского государственного гуманитарного университета.

Сборник состоит из разрозненных материалов и призван дать первое и предварительное представление как о концепции издания, так и о промежуточных итогах первых двух лет напряженной работы над этим крупным издательским проектом. Его первый раздел составляет подборка методических материалов, специально разработанных к этому изданию. Во второй вошли избранные энциклопедические статьи, представляющие все основные, заложенные в словнике типы статей, а также образцы сводной архивной описи (в частности, материалов из коллекции Литературного музея) и библиографий на русском и иностранном языках.

Работа над каждой энциклопедической статьей – долгий и многоступенчатый процесс: автор присылает свой текст научному куратору, тот тщательно редактирует его (иногда настолько тщательно и скрупулезно, что в конечном счете по справедливости и по обоюдному согласию становится его соавтором), возвращает текст автору на доработку, тот дорабатывает и шлет его назад. В очень редких случаях (когда автор и куратор по каким-либо причинам не могут договориться) привлекается опыт еще одного сотрудника редколлегии или главного редактора, после чего куратор пересылает согласованную редакцию диспетчеру проекта. Диспетчер регистрирует все присланные тексты и пересылает их издательскому редактору. У того, конечно, возникают свои вопросы, скорее технические; чаще всего он снимает их сам, но иногда редактору приходится еще раз обращаться к автору.

подавляющее большинство материалов, включенных в сборник, соответствуют как раз этой – самой последней – стадии подготовки статей, но некоторые характеризуют скорее промежуточный этап работы, когда тот или иной этап редактуры еще впереди (среди них тексты Леонида Кациса, Томаса Лангерака и др.).

Редколлегия Манделъштамовской энциклопедии и составители настоящего сборника надеются, что он послужит как обсуждению проблем, связанных с подготовкой Манделъштамовской энциклопедии, так и облегчению работы над теми статьями, подготовка которых еще ведется или даже не начиналась.

Павел Нерлер

Словник и методические материалы

1.

Словник

(по состоянию на 31.12.2004)

- «Абракасас»
Аввакум, протопоп
Авербах Л.Л.
Аверинцев С.С.
Автор в поэтике О. М.
Агранов Я.С.
Адалис А.Е.
Адамович Г.В.
Адмони В.Г.
Айхенвальд Ю.И.
«Academia»
Акмеизм
Аксенов И.А.
«Альманах муз»
Альтман Н.И.
Анаграмма
Андреев Л.Н.
Андроникова
(Гальперн) С.Н.
Анненков Ю.П.
Анненский И.Ф.
Античность
Аполлинер Г.
«Аполлон»
Арбенина
(Гильдебрандт) О.Н.
«Аргус»
Аренс Е.М.
Ариосто Л.
Архив Гейдельбергско-
го университета
Архивы
Архитектура
Асеев Н.Н.
Ахматова А.А.
- Бабаев Э.Г.
Бабель И.Э.
Бабин-Корень Б.В.
Багрицкий
(Дзюбин) Э.Г.
Байрон Дж.Г.Н.
Балтрушайтис Ю.К.
Бальмонт К.Д.
Барбье О.
Баринова Г.В.
Бартель М.
Батум (Батуми)
Батюшков К.Н.
Бах И.С.
Беатенберг
Бедный Демьян
(Придворов Е.А.)
Бедье Ж.Ш.М.
Безыменский А.И.
Бейлис М.
Бекерман А.Г.
Белый Андрей
(Бугаев Б.Н.)
Белявский С.И.
Берберова Н.Н.
Бергсон А.
Бердяев Н.А.
«Березиль»
Берестов В.Д.
Берия Л.П.
Берлин
Бернштейн И.И.
Бетховен Л. ван
Библиография О. М.
«Библиотека
- Мандельшта-
мовского
общества»
Благой Д.Д.
Блок А.А.
Блок Г.П.
Блюмкин Я.Г.
Бобров С.П.
Бодлер Ш.
Бозио А.
Бонч-Бруевич В.Д.
Боратынский
(Баратынский) Е.А.
Борис Годунов
Борисов Л.И.
Бородин С.П.
Браунэ Т.В.
Брехничев И.П.
Брик О.М.
Бродский И.А.
Бродский Д.Г.
«Бродячая собака»
Бруни Л.А.
Бруни Н.А.
Брюсов В.Я.
Бубнов А.С.
Буддизм
Булгаков М.А.
Булгаков С.Н.
Бурлюк Д.Д.
Бухарин Н.И.
Бухштаб Б.Я.
- Вагинов К.К.
Ваксель О.А.

- Варковицкая Л. М.
 Варшава
 Васильев П. Н.
 Вена
 Венгеров С. А.
 Венгерова З. А.
 Вербловская Е. Ф.
 Вербловская С. Г.
 Вербловская (Мандельштам) Ф. О.
 Вербловский Г. О.
 Вербловский М. Г.
 Вербловский С. Г.
 Вергилий (Публий Вергилий Марон)
 «Весенний салон поэтов»
 «Вестник русского христианского студенческого движения»
 Вечера памяти О. М.
 «Вечерняя звезда»
 Вийон Ф.
 Виктор-Серж (Кибальчич В.-Н.Л.)
 Вильдрак
 (Мессаже) Ш.
 Виндельбанд В.
 Вишневецкий В. В.
 Вишневецкая С. К.
 Владивосток
 «Воздушные пуги»
 Возрождение
 Волошин М. А.
 Вольпе Ц. С.
 Вольнский А. Л.
 (Флексер Х. Л.)
 «Воля народа»
 «Вопросы литературы»
 Воронеж
 Воронский А. К.
 Восемнадцатый век в творчестве О. М.
 «Восемьдесят восемь современных стихотворений,
- избранных
 З. Н. Гиппиус»
 Время в поэтике О. М.
 «Всемирная иллюстрация»
 Всероссийский союз поэтов
 «Вторая книга»
 Вторая речка
 ВУФК, всеукраинское фотокиноуправление
 ВЧК – ОГПУ – НКВД
 Выборг
 Выгодский Д. И.
 Габричевский А. Г.
 Гаприндашвили В. И.
 Гаспра
 Гауптман Г.
 Гейдельберг
 Гейдельбергский университет
 Генуя
 Германия
 «Гермес»
 Герцен А. И.
 Герцык Е. К.
 Гершензон М. О.
 Герштейн Э. Г.
 Гёте И.-В.
 Гибер М. В.
 Гинзбург Л. Я.
 «Гиперборей»
 Гиппиус В. В.
 Гиппиус З. Н.
 Гладков А. К.
 Глебова-Судейкина О. А.
 Глухов-Щуринский А. И.
 Глюк К. В.
 Гоголь Н. В.
 Гомер
 Горлин А. Н.
 Горнунг Б. В.
 Горнунг Л. В.
 Горнфельд А. Г.
- Город в поэтике О. М.
 Городецкий С. М.
 Горький Максим
 (Пешков А. М.)
 Госиздат
 «Гостиница для путешественников в прекрасном»
 Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ)
 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
 Государственный литературный музей
 Готье Т.
 Грибоедов А. С.
 Григорьева Н. Г.
 Григорьева Т. Г.
 Грин А. С.
 Грин Н. Н.
 Груздев И. А.
 Грузия
 ГУЛАГ
 Гумилев Л. Н.
 Гумилев Н. С.
 Гурвич Э. С.
 Гусев С. И.
 Гюисманс Ш. М. Ж.
- Дальстрой
 Данте Алигьери
 Дармолатова М. Н.
 «Даугова»
 Дейч А. И.
 «День поэзии»
 Державин Г. Р.
 Дзержинский Ф. Э.
 Добычин Л. И.
 Дом в поэтике О. М.
 «Дом Герцена»
 «Дом искусств»
 «Дом искусств», писательское общежитие

- Дом литераторов
 Дома отдыха
 Достоевский Ф. М.
 «Дракон»
 «Дружба народов»
 Дукельский С. С.
 Дюамель Ж.
- Евреинов Н. Н.
 Еврипид
 Ежов Н. И.
 Ереван (Эривань)
 Есенин С. А.
 Эссенуки
 Естественно-научные
 взгляды О. М.
- Жамм Ф.
 Жанры поэзии О. М.
 «Железный путь»
 Живопись в поэти-
 ке О. М.
 «Жизнь»
 Жирмунский В. М.
- «За автомобильно-
 дорожные кадры»
 Заболоцкий Н. А.
 «Заветы»
 Замятин Е. И.
 «Записки Манделъшта-
 мовского общества»
 «Записки отдела
 рукописей Го-
 сударственной
 библиотеки
 им. В. И. Ленина»
 «За 7 дней»
 Заславский Д. И.
 «Звезда»
 Звенигородский А. В.
 Зельманова
 (Чудовская) А. М.
 «Земля и фабрика»
 («ЗИФ»)
- Зенкевич Е. П.
 Зенкевич М. А.
 «Златоцвет»
 Злотинский Д. И.
 «Знамя»
 «Знамя труда»
 Зоргенфрей В. А.
 Зоценко М. М.
 Зубакин Б. М.
- Иванов В. И.
 Иванов Г. В.
 Иванов-Разумник
 (Иванов Р. В.)
 Иваск Ю. П.
 Ивич И. И.
 Ивнев Р.
 (Ковалев М. А.)
 «Известия»
 Издания Манделъштама
 «Издательство писате-
 лей в Ленинграде»
 Изучение биогра-
 фии О. М.
 Изучение поэтики О. М.
 Изучение текстоло-
 гии О. М.
- Ильф
 (Файнзильберг И. А.)
- Имажинизм
 Импрессионизм
 Интертекст (подтекст,
 контекст)
 Интернет (О. М. в
 Интернете)
 «Иппокрена»
 Ислам
 Источники текстов О. М.
 Италия
 Иудаизм
- Каблуков С. П.
 Каверин В. А.
 Кавказ
 Калецкий П. И.
- Каменев Л. Б.
 Канделаки Д. В.
 Канегиссер Л. И.
 Кант И.
 Кара-Дервиш
 (Генджян А. М.)
 Карташев А. В.
 Катаев В. П.
 Католицизм
 Каутский К.
 Керенский А. Ф.
 Киев
 «Киевский пролета-
 рий»
 Кинематограф
 Кирсанов С. И.
 Кисловодск
 Кишилов Н. Б.
 Классицизм
 Клычков
 (Лешенков) С. А.
 Ключев Н. А.
 «Ковчег»
 «Ковш»
 Коктебель
 Комаровский В. А.
 Комиссаржевская В. Ф.
 Комиссия по литера-
 турному наследию
 О. М. при СП
 СССР
 Композиция у О. М.
 Коневской (Ореус) И. И.
 Конференции ман-
 дельштамовские
 Костров Г. А.
 Костарев Н. К.
 Кочин Н. И.
 «Красная газета»
 «Красная новь»
 Крепс Е. М.
 Кретова О. К.
 «Круг»
 Крученных А. Е.
 Крым
 Кудашева М. П.
 Кузин Б. С.
 Кузмин М. А.

- Кульбин Н.И.
Курбас Л.
- Ламарк Ж.-Б.
Ландсберг Л.Э.
Лапин Б.М.
Ласк Э.
Лахути А.
Лебедева
(Дармолатова) С.Д.
Левитин Е.С.
Легран Б.В.
Лежнев (Альтшулер) И.Г.
Ленин (Ульянов) В.И.
«Ленинград»
Леонидзе Г.Н.
Леонтьев К.Н.
Лермонтов М.Ю.
Лесман М.С.
Лившиц Б.К.
Лившиц (Скачкова-
Вриновская) Е.К.
Лидин В.Г.
Линде Ф.Ф.
Липкин С.И.
«Лирический круг»
«Литературная Арме-
ния»
«Литературная газета»
«Литературная Грузия»
Литературный особняк
Литературный
фонд СССР
Лозинский М.Л.
Ломоносов М.В.
Лондон Дж.
Лопатинский Б.Л.
Лукницкий П.Н.
«Лукоморье»
Луначарский А.В.
Лунц Л.Н.
Луппол И.К.
Лурье А.С.
- Маккавейский В.Н.
Маковский С.К.
- Макридин Н.В.
Малкин Б.Ф.
Малларме С.
Мандельштам А.А.
Мандельштам А.Э.
Мандельштам Г.В.
Мандельштам Е.Э.
Мандельштам И.Б.
Мандельштам
(Хазина) Н.Я.
Мандельштам Н.Д.
Мандельштам Н.Е.
Мандельштам
(Вербловская) Ф.О.
Мандельштам Э.В.
Мандельштам Ю.Е.
Мандельштамоведен-
ния кабинет
Мандельштамовская
традиция в поэзии
Мандельштамы-одно-
фамильцы
Мануйлов В. А.
Марр Н.Я.
Маршак С.Я.
Маторин Д.М.
Маяковский В.В.
Мейерхольд В.Э.
Мекк Г.Н.
Мемуаристика об О. М.
Мережковский Д.С.
Меркулов В.Л.
Метафора у О. М.
Микеланджело Буо-
нарроти
Миклашевский К.М.
Милашевский В.А.
Миндлин Э.Л.
Минский
(Виленкин) Н.М.
Митурич П.В.
Михоэлс (Вовси) С.М.
Мицишвили
(Сирбиладзе) Н.И.
Московское общество
драматических
писателей
и оперных
- композиторов
(МОДПИК)
Моисеенко Ю.И.
Молотов В.М.
Монтре
Моргулис А.О.
Москва
«Москва»
«Московский комсо-
молец»
«Московский поне-
дельник»
Моцарт В.-А.
Мочульский К.В.
Мстиславский С.Д.
Музыка
в поэтике О. М.
- Набоков В.В.
Надсон С.Я.
«Накануне»
Наполеон I Бонапарт
«На посту»
Наппельбаум И.М.
Наппельбаум М.С.
Нарбут В.И.
Народный
комиссариат
просвещения
«Наши дни»
«Невский альманах»
Недоброво Н.В.
Нейман Ф.Г.Г.
Некрасов Н.А.
Неоклассицизм в
творчестве О. М.
«Нива»
Никитина Е.Ф.
Ницше Ф.
Новалис (фон Гарден-
берг Ф.)
«Новая жизнь»
«Новая Россия»
«Новый Гиперборей»
«Новый мир»
«Новый Робинзон»
«Новый Сатирикон»

- «Обвалы сердца»
 Образ О. М. в изобразительном искусстве
 Образ О. М. в литературе
 Образ О. М. в музыке
 Овидий (Публий Овидий Назон)
 «Огонек»
 Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.)
 Оксман Ю.Г.
 Олеша Ю.К.
 Оношкович-Яцына А.И.
 «О поэзии»
 ОПОЯЗ (Общество изучения поэтического языка)
 «О природе слова»
 Основные мотивы творчества О. М.
 Острогорский А.Я.
 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 «От символизма до Октября»
 Оцуп Н.А.
- Павленко П.А.
 Павловск
 Париж
 Парнах (Парнок) В.Я.
 Парнок С.Я.
 «Паруса»
 Пастернак Б.Л.
 Переводы О. М. на английский язык
 Переводы О. М. на голландский язык
 Переводы О. М. на иврит
 Переводы О. М. на немецкий язык
 Переводы О. М. на польский язык
 Переводы О. М. на чешский язык
 Переводы О.М. на французский язык
 Петербург (Петроград, Ленинград)
 Петр I
 Петрарка Ф.
 Петров Е.П.
 Петровых М.С.
 Пилюняк (Vogay) Б.А.
 Пиндар
 По Э.А.
 Подобедов М.М.
 «Подъем»
 Политические взгляды О. М.
 Полонская В.В.
 Польша
 Попова Е.Е.
 Поступальский И.С.
 Поэтический язык (лексика, грамматика, синтаксис)
 Поэтический стиль (семантика: тропы, фигуры)
 Православие
 Протестантизм
 «Прибой»
 «Привал комедиантов»
 Принстонский университет
 Пришвин М.М.
 Проза
 Пространство в поэтике О. М.
 Прут И.Л.
 Пунин Н.Н.
 «Пути творчества»
 Пушкин А.С.
 «Пьяные вишни»
 Пяст (Пестовский) В.А.
- Рабле Ф.
 «Рабочая газета»
 Радлова (Дармолатова) А.Д.
 Раковский Х.Г.
 Расин Ж.
 Раскольников Ф.Ф.
 «Russian Literature»
 Рейснер Л.М.
 Религиозно-философское общество
 Религиозные взгляды О. М.
 Рембо А.
 Рембрандт Х. ван Рейн
 Ремизов А.М.
 Рига
 Рогинский Я.Я.
 «Родник»
 Рождественский В.А.
 Рожицын В.С.
 Розанов В.В.
 Розенталь Л.В.
 Роллан Р.
 Ромен Ж.
 Ромм А.И.
 Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП)
 Российский государственный архив литературы и искусства
 «Россия»
 Ростов
 «Рубикон»
 Рудаков С.Б.
 Рудерман М.И.
 Рукописи О. М.
 Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
 Рукописный отдел Института мировой литературы РАН
 Рукописный отдел Пушкинского Дома (Института)

- русской литературы РАН)
 Рукописный фонд Государственного литературного музея
 Русская революция 1917 г. в творчестве О. М.
 «Русская мысль»
 «Русский современник»
 «Русское искусство»
- Савелово
 Савоева Н.В.
 Сайма
 Саматиха
 Самиздат
 Санкт-Петербургский государственный архив литературы и искусства
 Санкт-Петербургский университет
 Санников Г.А.
 Сафо
 Сви́рский А.И.
 «Свиток»
 Северянин И. (Лотарев И.В.)
 Селивановский А.П.
 Сельвинский И.Л. (Эний Карл)
 Семенко И.М.
 Серафимович А.С.
 Сестрорецк
 Символизм
 Симонов К.М.
 Синани Б.Б.
 Синани Б.Н.
 «Сирена»
 Скалдин А.Д.
 Скрябин А.Н.
 Скульптура в поэтике О. М.
- «Слово о полку Игореве»
 Слонимский М.Л.
 «Смехач»
 Советская литература
 «Советский Юг»
 Соколова М.В.
 Соколова Н.В.
 Соловьев В.С.
 Сологуб (Тетерников) Ф.К.
 Сорбонна
 Софокл
 Социалистов-революционеров партия
 Союз советских писателей
 Средневековье
 Ставский (Кирпичников) В.П.
 Сталин И.В.
 Старый Крым
 Стенич В.О.
 Стихосложение (метрика, ритмика, рифма, строфика, мелодика, фоника)
 «Стихотворения»
 Столярова Н.Н.
 «Страницы лирики»
 Струве Г.П.
 Судак
 Судейкин С.Ю.
 Судейкина В.А.
 Сурков А.А.
 Сухуми
- Табидзе Т.Ю.
 Тамбов
 Тарановский К.Ф.
 Тарасенков А.К.
 Тарковский А.А.
 Тарловский М.А.
 Тассо Т.
 Татлин В.Е.
- «Творчество»
 Театральные мотивы в творчестве О. М.
 Текстология произведений О. М.
 Тенишевское училище
 Терапиано Ю.К.
 Тифлис
 Тихон патриарх (Белавин В.И.)
 Тихонов А.Н.
 Тихонов Н.С.
 Тоде Г.-Р.
 Толлер Э.
 Толстой А.Н.
 Толстой Л.Н.
 Томашевский Б.В.
 «Тринадцать поэтов»
 Троцкий Л.Д.
 Тынянов Ю.Н.
 Тютчев Ф.И.
- Узкое
 Украина
 Усов Д.С.
- Фадеев А.А.
 Федерация объединений советских писателей (ФОСП)
 Федин К.А.
 Федорченко С.З.
 Феодосийский литературно-художественный кружок (ФЛАК)
 Феодосия
 Фет А.А.
 «Фигаро»
 Филиппов Б.А.
 «Филологические записки»
 Философия
 Финкельштейн Л.С.

Финляндия	быта ученых	Шпиковский Н.Г.
Фирдоуси А.	(ЦЕКУБУ)	Штейнберг А.А.
Флобер Г.	Цех поэтов	Штемпель Н.Е.
Флоренский П.А.	Цыбулевский А.С.	Шуберт Ф.
Фрадкина Е.М.	Цыгальский А.В.	
Франс А.		
Франция		Щеголев П.Е.
Футуризм	Чаадаев П.Я.	Щербаков А.С.
	Чайковский П.И.	
	Чаплин Ч.С.	
Хазин А.Я.	Чаренц Е.А.	Эйзенштейн С.М.
Хазин Е.Я.	Чеботаревская А.Н.	Эйхенбаум Б.М.
Хазин Я.А.	Чердынъ	Экстер А.А.
Хазина А.Я.	Чехов А.П.	Эпистолярная О. М.
Хазина В.Я.	Чечановский М.О.	Эрдман Н.Р.
Халатов А.Б.	Чудовский В.А.	Эренбург И.Г.
Ханцын И.Д.	Чуковский К.И.	Эренбург Л.М.
Харджиев Н.И.	Чуковский Н.К.	Эрлих В.И.
Харьков	Чулков Г.И.	Эстетика
Хачатрянц Я.С.		Эсхил
«ХЛАМ» (Художники –		Эфрос А.М.
литераторы –	Шагинян М.С.	
актеры – музыкан-	Шаламов В.Т.	
ты) – литературное	Шваб К.К.	Юдина М.В.
общество	Швейцария	«Юность»
Хлебников В.В.	Шекспир У.	Юркун Ю.И.
Ходасевич	Шеллинг Ф.В.	
(Чулкова) А.И.	Шенгели Г.А.	
Ходасевич В.Ф.	Шенье А.	Языков Н.М.
Христианство	Шепеленко Д.И.	Якобсон Р.О.
	Шервинский С.В.	Ялта
	Шершеневич В.Г.	Ярцева М.
Царское (Детское)	Шиваров Н.Х.	Яхонтов В.Н.
Село (г. Пушкин)	Шилейко В.К.	Яшвили П.
Цветаева А.И.	Шишмарев В.Ф.	
Цветаева М.И.	Шкловская-Корди В.Г.	
Центральная комис-	Шкловский В.Б.	
сия по улучшению	Шпенглер О.	

Списки сокращений

Сокращения названий городов

Ваш. – Вашингтон	Dresd. – Dresden
К. – Киев	Fr/M – Frankfurt am Main
Л. – Ленинград	Gen. – Genève
М. – Москва	Hamb. – Hamburg
Мюнх. – Мюнхен	Heid. – Heidelberg
Н.-Й. – Нью-Йорк	L. – London
П. – Париж	Lpz. – Leipzig
Пб. – Петербург	Mass. – Massachusetts
Пг. – Петроград	Münch. – München
Ростов н/Д. – Ростов-на-Дону	N.Y. – New York
СПб. – Санкт-Петербург	Oxf. – Oxford
Тб. – Тбилиси	P. – Paris
Х. – Харьков	Stuttg. – Stuttgart
	W. – Wien
Amst. – Amsterdam	Warsz. – Warszawa
B. – Berlin	Wash. – Washington
Camb. – Cambridge	Z. – Zürich

Список аббревиатур учреждений, организаций, сокращений названий периодики

АН – Академия наук	ГАРФ – Государственный архив РФ
АХ – Академия художеств	ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, ныне РГБ
ВИИ – журнал «Вестник Института по изучению СССР» (Мюнхен)	ГЛМ – Государственный литературный музей
ВЛ – журнал «Вопросы литературы» (Москва)	ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ныне РНБ
ВП – журнал «Воздушные пути»	ДН – журнал «Дружба народов» (Москва)
ВРСХД – журнал «Вестник русского студенческого христианского движения» (Париж – Нью-Йорк)	

- ДП – ежегодник «День поэзии» (Москва, с указанием года)
- ЛАрм. – журнал «Литературная Армения» (Ереван)
- ЛГ – газета «Литературная газета» (Москва)
- ЛГруз – журнал «Литературная Грузия» (Тбилиси)
- «Лит. совр.», журнал – журнал «Литературный современник» (Ленинград)
- «Лит. совр.», альманах – альманах «Литературный современник» (Мюнхен)
- ЛН – серийное издание «Литературное наследство» (Москва).
- ЛО – журнал «Литературное обозрение» (Москва)
- ЛУ – журнал «Литературная учеба» (Москва)
- МК – газета «Московский комсомолец» (Москва)
- МХТ – Московский художественный театр
- МХАТ – Московский художественный академический театр
- НБ – Научная библиотека
- НЖ – «Новый журнал»
- НЛО – журнал «Новое литературное обозрение» (Москва)
- НМ – журнал «Новый мир» (Москва)
- НРС – журнал «Новое русское слово»
- ОР РГБ – Отдел рукописей Рос. гос. б-ки (Москва)
- ОР РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ПН – газета «Последние новости» (Париж).
- РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РЛ – журнал «Русская литература»
- РМ – журнал «Русская мысль»
- РНБ – Российская национальная библиотека
- РО ГЛМ – Рукописный отдел Государственного литературного музея (Москва)
- РО ИМЛИ – Рукописный отдел Института мировой литературы РАН (Москва)
- РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома, Санкт-Петербург)
- РО ПД – Рукописный отдел Пушкинского Дома
- «Совр.» – журнал «Современник» (Торонто)
- «Совр. зап.» – журнал «Современные записки» (Париж)
- СП – Союз писателей
- ЦГАЛИ СПб. – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
- ЦА МВД – Центральный архив Министерства внутренних дел РФ (Москва)
- ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (Москва)
- Books Abroad – Books Abroad. An International Literary Quarterly (Norman, Oklahoma, USA)
- MLA – Modern Language Association Bibliography
- RL – «Russian Literature»
- Slavic Review – Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies (USA)
- Slavica Hierosolymitana – Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University (Jerusalem; Stanford; Berkeley)
- The Russian Review – The Russian Review: An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present (Hanover; New Hampshire, USA)
- UP – University Press

Список основных сокращений, принятых в МЭ*

авт. – авторский	гос. – государственный
автобиогр. – автобиографический, автобиография	гос-во – государство
автореф. – автореферат	гражд. – гражданский
адм. – административный	губ. – губерния, губернский
акад. – академик	д. – деревня; действие (в пьесе); дело
альм. – альманах	д. с. с. действительный статский со- ветник
антич. – античный	д. т. с. – действительный тайный со- ветник
арх. – архивный	д. ч. – действительный член
Б. – Большой	Д. Восток – Дальний Восток
быв. – бывший	демокр. – демократический
б. ч. – большей частью	деп. – департамент; депутат
библ. – библиографический, библио- графия, библейский	дет. – детский
биогр. – биографический	дипл. – дипломатический
б-ка – библиотека	дир. – директор
бр. – братья	дис. – диссертация
букв. – буквально; буквенный	доб. – добавление
в.; вв. – век; века	докт. – докторский
в осн. – в основном	док-ты – документы
вел. кн. – великий князь	дом. – домашний
внеш. – внешний	доп. – дополнения, дополнительный, дополненный
внутр. – внутренний	д-р – доктор
воен. – военный	Др. – Древний
восп. – воспоминания	др. – другой
вост. – восточный	др.- – древне-...
всерос. – всероссийский	драм. – драматический
г. – год; город; гора	Е.И.В. – Его (Ее) императорское величество
газ. – газета	европ. – европейский
гг. – годы	ежегод. – ежегодный, ежегодник
ген. – генерал, генеральный	ежедн. – ежедневный
геогр. – географический	еженед. – еженедельный, еженедель- ник
гл. – главный, глава	
гл. обр. – главным образом	
голл. – голландский	
гор. – городской	

* Применяются сокращения слов, обозначающих государственную, языковую и национальную принадлежность (например, англ. – английский, рус. – русский), название месяцев (например, апр. – апрель, апрельский). В прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний и суффиксов: «анский», «анный», «енный», «ионный», «ующий», «еский», «ский», «альный», «ельный» и др. (например, центр., иностр., значит., жен. и т. п.).

ежемес. – ежемесячный
ж. д. – железная дорога
ж.-д. – железнодорожный
журн. – журнальный
зав. – заведующий
зам. – заместитель
зап. – западный
зап.-европ. – западноевропейский
заруб. – зарубежный
зем. – земский
зол. – золотая (медаль)
изв. – известный; известия
изд. – издание, издатель, изданный
и т. п.
изд-во – издательство
изм. – изменение, измененный
илл. – иллюстрация, иллюстриро-
ванный
им. – имени
имп. – император, императрица, им-
ператорский
инж. – инженер, инженерный
инсц. – инсценировка
ин-т – институт
иск-вед – искусствовед
искл. – исключительно, исключая
иск-во – искусство
исп. – испанский
испр. – исправленный
ист. – исторический
иссл. – исследование
кавк. – кавказский
канд. – кандидат, кандидатский
кл. – класс (учебный, подразделе-
ния)
кладб. – кладбище
к.-л. – какой-либо
к.-н. – какой-нибудь
колл. – коллективный
комп. – композитор
кон. – конец
консерват. – консервативный
корр. – корреспондент
крест. – крестьянский
к-рый – который
к/ст – киностудия

к/ф – кинофильм
к-т – комитет
ленингр. – ленинградский
лингв. – лингвистический
лит. – литературный
лит-вед – литературовед
лит-ведение – литературоведение
лит.-ведч. – литературоведческий
лит-ра – литература
м. – море, местечко
мандельшт. – мандельштамовский
м. б. – может быть
матем. – математический
мат-лы – материалы
мед. – медицинский
междунар. – международный
мин. – министр
мин-во – министерство
мифол. – мифологический
млн – миллион
мн. – многие
мон. – монастырь
мор. – морской
моск. – московский
муз. – музыкальный, музыка (при
имени)
мусульм. – мусульманский
Н. – Нижний
н. ст. – новый стиль
н. э. – наша эра
наз. – называемый
назв. – название
наиб. – наиболее, наибольший
напр. – например
нар. – народный
наст. – настоящий
науч. – научный
нац. – национальный
нач. – начало, начальник, началь-
ный
неизв. – неизвестен, неизвестно, не-
известный
нек-рый – некоторый
некр. – некролог
нелег. – нелегальный
неск. – несколько

не сохр. – не сохранился
н.-и. – научно-исследовательский
нов. – новый
о., о-ва – остров, острова
об-во – общество
обл. – область, областной
обозр. – обозрение
однoим. – одноименный
ок. – около
опред. – определенный
опубл. – опубликован, опубликован-
ный
орг-ция – организация
ориг. – оригинал, оригинальный
осн. – основан, основанный, основ-
ной
отд. – отдельный, отделение, отдел
отеч. – отечественный
офиц. – официальный
парт. – партийный
пед. – педагогический
переим. – переименован
петерб. – петербургский
петрогр. – петроградский
пов. – повесть
п-ов – полуостров
подзаг. – подзаголовок
пол. – половина
полит. – политический
полиц. – полицейский
полн. – полный, полностью
пом. – помощник
пос. – поселок
посв. – посвящен, посвященный
пост. – постановка; постановление;
постоянный
поч. – почетный
пр. – премия; прочее
правосл. – православный
пр-во – правительство
пред. – председатель
препод. – преподаватель
произв. – произведение
пролет. – пролетарский
пром. – промышленный
просветит. – просветительский

просп. – проспект
проф. – профессор, профессиональ-
ный
псевд. – псевдоним
психол. – психологический
публ. – публикация (но опубликовал)
публиц. – публицистический
р., род. – родился
р. – река
разг. – разговорный
разл. – различный
рев. – революционный
ред. – редактор, редакция (кроме
организации), редакционный
религ. – религиозный
реж. – режиссер, режиссерский
resp. – республиканский
рец. – рецензия
рис. – рисунок
р-н – район
ром. – роман
рукоп. – рукописный, рукопись
С. – север
с. – село
сб. – сборник (при названии)
св. – свыше; святой
с.-д. – социал-демократ, социал-демо-
кратический
сев. – северный
С.-Петерб. – Санкт-Петербургский
секр. – секретарь
сел. – сельский, селение
сер. – середина
серебр. – серебряная (медаль)
сиб. – сибирский
симф. – симфония, симфонический
см. – смотри
соавт. – соавтор, соавторство
совм. – совместно
совр. – современный
сокр. – сокращенный
сотр. – сотрудник
спец. – специальный
ср. – сравни; средний
ср.-век. – средневековый
ст. – станция; статья; старший

стат. сов. – статский советник
стих. – стихотворение
стихотв. – стихотворный
т. е. – то есть
т. з. – точка зрения
т. к. – так как
т. н. – так называемый
т. о. – таким образом
т-во – товарищество
терр. – территориальный, террито-
рия
тыс. – тысяча, тысячелетие
у. – уезд
ул. – улица
ум. – умер
ун-т – университет
ун-тский – университетский
урожд. – урожденный
усл. – условие, условный
уч. – учебный
уч-ще – училище
ф. – фильм
фам. – фамилия
феод. – феодальный

филол. – филологический
филос. – философский
флам. – фламандский
фольк. – фольклорный
фп. – фортепьяно, фортепьянный
ф-т – факультет
хоз. – хозяйственный
христ. – христианский
худ. – художник
худож. – художественный
ценз. – цензурный
центр. – центральный
церк. – церковный
ч.к. – член-корреспондент
четв. – четверть
чл. – член
экз. – экземпляр
экон. – экономический
этногр. – этнографический
юж. – южный
юрнд. – юридический
яз. – язык
Univ. – University

Список сокращений литературы в библиографических описаниях

Издания сочинений

- Ватиканский список – авторизованный список, составленный Н.Я. Мандельштам в 1935 г. (Архив Мандельштама).
- Воронежские тетради – Мандельштам О. Воронежские тетради / Подгот. текста, примеч. и послесл. В.А. Швейцер. Анн-Арбор, 1980.
- Вторая книга – Мандельштам О. Вторая книга. М., 1923.
- Египетская марка. 1928 – Мандельштам О. Египетская марка. Л., 1928.
- «И ты, Москва...» – Мандельштам О. Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...»: Стихи, проза, воспоминания, материалы к биографии: Венок Мандельштаму / Сост., вступ. статья, примеч. П.М. Нерлера. М., 1990.
- Избр. стихи – Избранные стихи русских поэтов. Период III. Вып. 2. СПб., 1914.
- Камень. 1913 – Мандельштам О. Камень. Пб., 1913.
- Камень. 1916 – Мандельштам О. Камень. Пг., 1916 [1915].
- Камень. 1916 (Ав.) – Мандельштам О. Камень / Изд. М.В. Аверьянова. Авторская и наборная рукопись (собр. А.Г. Островского).

- Камень. 1916 (Кабл.) – экземпляр кн. Мандельштам О. Камень. Пг., 1916 [1915], подаренный С.П. Каблукову (Архив Мандельштама, сообщено А. А. Морозовым).
- Камень. 1923 – Мандельштам О. Камень. М.; Пг., 1923.
- Камень. 1990 – Мандельштам О. Камень / Подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Меца, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдина. Л., 1990 (Лит. памятники).
- Корр.-28 – Мандельштам О. Корректурa книги «Стихотворения» (ИРЛИ. Ф. 124. Оп. 1. Ед. хр. 204).
- Полн. собр. стих. – Мандельштам О. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца; Вступ. статьи М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца. СПб., 1995 (Новая библиотека поэта).
- Разговор о Данте. 1967 – Мандельштам О. Разговор о Данте / Подгот. текста и примеч. А.А. Морозова; Послесл. Л.Е. Пинского. М., 1967.
- Слово и культура. 1987 – Мандельштам О. Слово и культура / Сост. и примеч. П. Нерлера. М., 1987.
- Собр. соч.-1 – Мандельштам О. Собрание сочинений: В 3 т. (Т. 4, дополнит.). Вашингтон; Мюнхен; Париж, 1967–1981.
- Собр. соч.-2 – Мандельштам О. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихи и проза, 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1993; То же. Т. 2: Стихи и проза, 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1993; То же. Т. 3: Стихи и проза, 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1994; То же. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. М., 1997.
- Соч. – Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Стихотворения. Переводы / Сост. П.М. Нерлера; Подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова и П.М. Нерлера; Вступ. ст. С.С. Аверинцева. М., 1990; То же. Т. 2: Проза. Переводы / Сост. С.С. Аверинцев и П.М. Нерлер; Подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. М., 1990.
- Стих. 1928 – Мандельштам О. Стихотворения. Л.; М., 1928.
- Стих. 1973 – Мандельштам О. Стихотворения / Вступ. ст. А.Л. Дымшица; Сост. и примеч. Н.И. Харджиева. Л., 1973. (Б-ка поэта, большая серия).
- Стих. Проза / Сост. М.Л. Гаспаров – Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст., коммент. М.Л. Гаспарова. М.; Харьков, 2001 (Б-ка поэта).
- Стих. Проза / Сост. Ю.Л. Фрейдин – Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост. Ю. Фрейдин; Подгот. текста С. Василенко; Предисл., коммент. М.Л. Гаспарова. М., 2001.
- Стих. (рукоп.) – наборная рукопись: Мандельштам О. Стихотворения (ИРЛИ. Ф. 124. Оп. 1. Ед. хр. 208).
- Ташкентский список – список под загл. «Новая книга», составленный в 1943–1944 в Ташкенте Н.Я. Мандельштам и Э.Г. Бабаевым (собр. Э.Г. Бабаева).
- Tristia – Мандельштам О. Tristia. Пб.; Берлин, 1922.
- Шум времени. 1925 – Мандельштам О. Шум времени. Л., 1925.

Архивы и публикации

- Архив Аверьянова – Архив М.В. Аверьянова (ИРЛИ. Ф. 428. Оп. 1. Ед. хр. 70 и 141).
- Архив Волошина – Архив М.А. Волошина (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 818 и Оп. 6. Ед. хр. 149).
- Архив Иванова – Архив В.И. Иванова (РГБ. Ф. 109. К. 45. Ед. хр. 37).
- Архив Зенкевича – Архив М.И. Зенкевича (ГЛМ. Ф. 247).
- Архив Ивича-Бернштейна – Архив И.И. Ивича-Бернштейна (собр. С.И. Богатыревой).
- Архив Лозинского – Архив М.Л. Лозинского (собр. И.В. Платоновой).
- Архив Лукницкого – Архив П.Н. Лукницкого (собр. В.К. Лукницкой).
- Архив Е. Мандельштама – Архив Е.Э. Мандельштама (собр. Е.П. Зенкевич).
- Архив О. М. – Архив О.Э. Мандельштама (в основной своей части хранится в библиотеке Принстонского ун-та, США). Для некоторых элементов архива введены особые сокращения, например: Камень. 1916 (Кабл.).
- Архив Рудакова – Архив С.Б. Рудакова (ИРЛИ. Ф. 803).
- Архив Чуковского – Архив К.И. Чуковского (собр. Е.Ц. Чуковской).
- Архив Шагинян – Архив М.С. Шагинян (собр. Е.В. Шагинян).
- Ахматова. Листки из дневника. – Цит. по: Ахматова А. Requiem. М., 1989. С. 121–48, где дано по авторизованному списку в РНБ (подгот. текста Р.Д. Тименчика при участии К.М. Поливанова).
- Бабаев, 2000 – Бабаев Э. Воспоминания. СПб., 2000.
- Бартель – Бартель М. Завоеем мир!: Избранные стихи / Пер. с нем. и предисл. О.Э. Мандельштама. Л.; М., 1925.
- Видгоф – Видгоф Л.М. Москва Мандельштама: Книга-экскурсия / Предисл. П. Нерлера // Записки Мандельштамовского общества. М., 1998. Т. 9.
- Гаспаров, 1996 – Гаспаров М.Л. О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 г. // Чтения по истории и теории культуры. М., 1996. Вып. 17.
- Герштейн – Герштейн Э.Г. Мемуары. СПб., 1998.
- Горнунг – Горнунг Б. Поход времени: Статьи и эссе // Записки Мандельштамовского общества. М., 2001. Т. 2.
- Дневник Каблукова – Дневник С.П. Каблукова (РО РНБ. Ф. 322. Оп. 1. Ед. хр. 3–5), с указанием даты.
- Ежегод. РО ПД – неперiodическое издание «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома». СПб. (с указанием года).
- ЖиТМ – Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / Отв. ред. О.Г. Ласунский. Воронеж, 1990.

Захаренко, Мец, 1990 – Осип Эмильевич Мандельштам: Библиография / Сост. Н.Г. Захаренко, А.Г. Мец // Русские советские писатели: Поэты. М., 1990. Т. 13. С. 116–207.

ЗМО – серия «Записки Мандельштамовского общества».

Кузин – О.Э. Мандельштам и Б.С. Кузин: Материалы из архивов: [Письма О.Э. Мандельштама к М.С. Шагинян и Б.С. Кузину] / Публ. М.А. Давыдова, А.П. Огурцова [и П.М. Нерлера] // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 127–44.

Кузин – Н. Мандельштам – Борис Кузин: Воспоминания. Произведения. Переписка. Н.Я. Мандельштам: 192 письма к Б.С. Кузину / Сост., предисл., подгот. текста, примеч. и коммент. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. СПб., 1999.

Лекманов, 2000 – Лекманов О. А. Книга об акмеизме и др. работы. Томск, 2000.

Лекманов, 2003 – Лекманов О. Жизнь Осипа Мандельштама: Документальное повествование. СПб., 2003.

Лекманов, 2004 – Лекманов О. Жизнь Осипа Мандельштама: Документальное повествование. М., 2004 (ЖЗЛ).

Мандельштам Н. (1) (с указанием года) – Мандельштам Н. Я. Воспоминания / Подгот. текста Ю.Л. Фрейдина; Послел. Н.В. Панченко; Примеч. А.А. Морозова. М., 1999 (1-е изд. – Нью-Йорк, 1970; 2-е изд. – М., 1989).

Мандельштам Н. (2) (с указанием года) – Мандельштам Н. Я. Вторая книга / Предисл. и примеч. А.А. Морозова; Подгот. текста С.В. Василенко. М., 1999 (1-е изд. – Париж, 1978; 2-е изд. – М., 1990. Подгот. текста, послел. и примеч. М.К. Поливанова).

Мандельштам Н. (3) – Мандельштам Н. Я. Книга третья. Париж, 1987.

Мандельштам в записях дневника Каблукова – О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // Мандельштам О. Камень / Подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Меца, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдина. Л., 1990 (Лит. памятники).

Мандельштам в письмах Рудакова – О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) [Вступ. ст. А.Г. Меца, Е.А. Тодеса; Коммент. О. Лекманова, А. Меца, Е. Тодеса] // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993: Материалы о О.Э. Мандельштаме. СПб., 1997.

Мандельштам и античность – Мандельштам и античность / Под ред. О.А. Лекманова, М., 1995. (Записки Мандельштамовского об-ва.) Т. 7.

Мандельштам и его время – Осип Мандельштам и его время. М., 1995.

Мандельштамовские дни – Мандельштамовские дни в Воронеже: Материалы. Воронеж, 1994.

Материалы к биографии – Григорьев А. [Мец А.Г.] и Петрова Н. [Сажин В.Н.] О. Мандельштам: Материалы к биографии // Russian Literature. 1984. Vol. XV. P. 1–28.

- Материалы о Мандельштаме – Материалы о Мандельштаме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 1993 год. СПб., 1997.
- Молодая Германия – Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии / Ред. Г. Петников. Харьков, 1926.
- Морозов – Морозов А. А. Письма О.Э. Мандельштама к Вячеславу Иванову // Записки РО ГБЛ. 1973. Вып. 34. С. 258–74.
- Музей Ахматовой – Литературно-мемориальный музей А.А. Ахматовой. СПб.
- Нерлер, 1994 (1) – Нерлер П. Осип Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994. (Записки Мандельштамовского об-ва). Т. 3.
- Нерлер, 1994 (2) – Нерлер П. «Сгурьбой и гуртом»: Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама. М., 1994. (Записки Мандельштамовского об-ва.) Т. 5.
- «Отдай меня, Воронеж...» – «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения: Сб. статей. Воронеж, 1995.
- О. и Н. Мандельштамы – Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Подгот. текстов, сост., коммент., вступ. ст. О.С. Фигурновой, М.В. Фигурновой. М., 2002.
- Поэтика и текстология – Осип Мандельштам: Поэтика и текстология: К 100-летию со дня рождения: Поэтика и текстология: Материалы научной конференции 27–29 декабря 1991 г. / Сост. Ю. Фрейдин. М., 1991.
- РП (1800–1917) – Русские писатели, 1800–1917. Биограф. словарь. Т. 1–4. М., 1989–99.
- РП 20 в. – Русские писатели 20 в.: Биограф. словарь. М., 2000.
- Сегал – Сегал Д. Осип Мандельштам: История и поэтика. Ч. 1, кн. 1, 2 // *Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University. Jerusalem; Stanford; Berkeley*, 1998. Vol. VIII.
- Семенко – Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама: От черновых редакций – к окончательному тексту. 1-е изд., доп. / Предисл. Л. Гинзбург; Сост. С. Василенко, П. Нерлер; Подгот. текста, примеч. С. Василенко; Библиогр.: П. Нерлер, Н. Поболь. М., 1997. (Записки Мандельштамовского общества.) Т. 8.
- Слово и судьба – Слово и судьба: О.Э. Мандельштам: Сб. статей и материалов / Отв. ред. З.С. Паперный. М., 1991.
- Смерть и бессмертие поэта – Смерть и бессмертие поэта: Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998) / Сост. М.З. Воробьева, И.Б. Делекторская, П.М. Нерлер, М.В. Соколова, Ю.Л. Фрейдин // Записки Мандельштамовского общества. М., 2001. Т. 11.
- Собр. Лесмана – Собрание М.С. Лесмана (ныне собрание Н.Г. Князевой-Лесман).

Собр. Маршака – Собрание Б.И. Маршака.

Собр. Поляковой – Собрание С.В. Поляковой.

«Сохрани мою речь»-1 – «Сохрани мою речь...»: Вып. 1: К 100-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама: Мандельштамовский сборник / Сост. и ред. П.М. Нерлер и А.Т. Никитаев. М., 1991. (Записки Мандельштамовского общества.)

«Сохрани мою речь»-2 – «Сохрани мою речь...»: Вып. 2 / Сост. О. Лекманов, П. Нерлер. М., 1993. (Записки Мандельштамовского общества.)

«Сохрани мою речь»-3(1) – «Сохрани мою речь...»: Вып. 3 (1): Публикации. Статьи / Сост.: О. Лекманов, П. Нерлер, М. Соколова, Ю. Фрейдин. М., 2000. (Записки Мандельштамовского общества.)

«Сохрани мою речь»-3(2) – «Сохрани мою речь...»: Вып. 3 (2): Воспоминания. Материалы к биографии. Современники / Сост. О. Лекманов, П. Нерлер, М. Соколова, Ю. Фрейдин. М., 2000. (Записки Мандельштамовского общества.)

Столетие Мандельштама – Столетие Мандельштама: Материалы симпозиума / Ред.-сост. Р. Айзельвуд, Д. Майерс, Тенафлай, 1994.

Струве – Струве Н. Осип Мандельштам. Л., 1990.

Темы и вариации – Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Л. Флейшмана / К. Поливанов, И. Шевеленко, А. Устинов // Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Stanford, 1994.

Штемпель – Штемпель Н. Е. Мандельштам в Воронеже / Сост. В. Гыдов, П. Нерлер; Предисл. Д. Заславского. М., 1992. (Записки Мандельштамовского общества.)

Brown – Brown C. Mandelstam. Cambridge UP, 1973.

California Slavic Studies – California Slavic Studies (Berkeley; Los Angeles; London).

Dutli – Dutli R. Mandelstam. Meine Zeit, mein Tier: Eine Biographie. Zürich, 2002.

Mandelstam – Mandelstam // La Revue de Belles-Lettres / Ed. by F. Rodari. Genève? 1981. 104e Année, № 1–4. (A la mémoire de N. Mandelstam) (3060 ex., 260 numérotés).

Osip Mandel'stam und Europa – Osip Mandel'stam und Europa / (Hg.). W. Potthoff // Beiträge zur Slavistische Philologie. Heidelberg, 1999. Bd. 5.

Slavic Poetics – Slavic Poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsky / Ed. by R. Jakobson, C.H. van Schooneveld and D.S. Worth. The Hague; P., 1973.

Сокращения в библиографических и архивных описаниях

- б. г. – без указания года
б. д. – без указания даты
б. м. – без указания места
б. п. – без подписи
БПбс (мс) – Библиотека поэта, большая серия (малая серия)
вед. – ведомости
вест. – вестник
веч. – вечерний (выпуск)
вступ. ст. – вступительная статья
вып. – выпуск
ед. хр. – единица хранения
зап. – записки
избр. произв. – избранные произведения
избр. соч. – избранные сочинения
изд. – издание
к. – картон
коммент. – комментарий
л. – лист
лит. – Литература
об. – оборот
л. д. – личное дело
оп. – опись
отд. – отдел
пер. – перевод
полн. собр. – полное собрание
- послел. – послесловие
предисл. – предисловие
преим. – преимущественно
приб. – прибавление
прилож. – приложение
примеч. – примечание
ПСС – Полное собрание сочинений
ПССиП – Полное собрание сочинений и писем
с. – страницы
сер. – серия
собр. – собрание (о произведениях)
сост. – составитель, составлено, составление
соч. – сочинение
т. – том
т. л. – титульный лист
тетр. – тетрадь
тр. – труды
ук. – указатель
утр. – утренний (выпуск)
УЗ – Ученые записки
ф. – фонд
факс. – факсимильный
ч. – часть
энц. – энциклопедия, энциклопедический

Избранные статьи и материалы

2.

Персоналии

БАБАЕВ Эдуард Григорьевич (30.7.1927, Ташкент – 11.3.1995, Москва), поэт, филолог и мемуарист. В 1961–69 зав. науч. частью Гос. музея Л.Н. Толстого в Москве, с 1969 доцент, затем проф. ф-та журналистики МГУ. Во время Вел. Отеч. войны 1941–45, когда в Ташкент эвакуировались мн. писатели и ученые из Москвы и Ленинграда, Б., в то время школьник, познакомился с Н. М., к-рая вела кружок англ. яз. в Центр. доме худож. воспитания детей, а также с А.А. Ахматовой, К.И. Чуковским, Н.Д. Леоновым, Б.С. Кузиным, а позднее со мн. др. близкими О. М. людьми, в частности с Н.И. Харджиевым и Э.Г. Герштейн. Там же Н. М., опасаясь неожиданно оказаться в б-це, часто доверяла Б. на хранение чемодан с рукописями О. М., завещая в случае ее смерти отвезти его в Москву Харджиеву. Покидая Ташкент, Н. М. оставила Б. на хранение автографы О. М., возвращенные им через брата Н. М. – Е.Я. Хазина в 1961. В марте 1959 Н. М. сама приезжала к Б. в Ташкент и составила в пользу Б. и его первой жены, Л.В. Глазуновой, офиц. завещание (факсимильно воспроизведено в: Бабаев, 2000). В 1943–44 в Ташкенте в самодельной тетради из плотной бумаги оливкового цвета Б. вместе с Н. М. составили список поздних стихов О. М. под загл. «Новая книга» (т. н. ташкентский список – в собр. Б.; чудом уцелел во время ташкентского землетрясения 1966). Н. М. сама записала стихи цикла «Армения» и позднее авторизовала каждую страницу, скопированную Б. Эдиционно-текстологич. значение этого списка значительно: сделанный по источникам, непосредственно восходящим к прижизненным, он был ценен сочетанием авторитетности и доступности (см. *Архив О.Э. Мандельштама*). Вдумчивый текстолог Л.Н. Толстого, Б. глубоко интересовался текстологией О. М. и изложил свои представления об этом в аналитич. статье-рец. на сб. «Слово и культура» (Бабаев, 1987). В нач. 1990-х гг. Б. написал очерк «Диотима» – восп. о Н. М. (опубл. в 1993; перепечатано в: Бабаев, 2000).

Соч.: Мандельштам как текстологич. проблема // ВЛ. 1987. № 4; Диотима // Там же. 1993. № 6; Воспоминания. СПб., 2000.

Лит.: Глазунова Л. В. Не хочу вспоминать // Бабаев, 2000; Терехов А. Г. Бабаев // Знамя. 2003. № 1.

П. М. Нерлер

БРЮСОВ Валерий Яковлевич (1.12.1873, Москва – 9.10.1924, там же), поэт, прозаик, драматург, критик, лит.-вед, переводчик, лит.-обществ. деятель, инициатор провозглашения рус. символизма. В ранний период О. М., как и многие поэты младшего поколения, испытывал влияние Б. Нек-рые современники (в частности М.А. Волошин, З.Н. Гиппиус) видели в О. М. поэтич. преемника Б. (см.: Лекманов, 2003. С. 26). Творчество Б. воспринималось О. М. еще и сквозь призму отношения В.В. Гиппиуса (Шум времени // Собр. соч.-2. Т. 2. С. 388; см. также: Лекманов, 2003. С. 27). Б. в 1890-х гг. мечтал о лит. сотрудничестве с Гиппиусом. В 1908 О. М. писал своему учителю из Парижа о том, что его не привлекают религ. и обществ. проблематика, он предпочитает чистые непосредств. эмоц. состояния («люблю жизнь, веру и любовь»). В поэзии Б. О. М. находит музыку жизни, в ней его привлекает «гениальная смелость отрицания, чистого отрицания» (Камень. 1990. С. 204) (ср.: «Я действительности нашей не вижу, / Я не знаю грядущего века, / Родину я ненавижу, – / Я люблю идеал человека» у Б.). В том же году О. М. декламировал в присутствии М.М. Карповича стих. Б. «Грядущие гунны» (Лекманов, 2003. С. 26). В творчестве О. М. отразились не только оригинальные стих. Б., но и его поэтич. переводы: так, среди подтекстов стих. О. М. «Адмиралтейство» обнаруживается почти дословная цитата из брюсовского перевода «Лебеда» С. Малларме (Ронен. С. 76). Стих. О. М. «Notre Dame», носящее характер манифеста, восходит к предисл. Б. к кн. Н.А. Клюева «Сосен перезвон» (см.: Лекманов, 2000. С. 680).

Начиная поэтич. путь как преемник рус. символизма в момент распада и перерождения этого направления, О. М. характером своего творчества отчасти возрождал эстетич. установки молодого Б. (см. об этом: Гинзбург Л. Я. Камень // Камень. 1990. С. 261). Характерно, что О. М. в 1908 переживал увлечение Ш. Бодлером и П. Верленом – важными и для Б. (Камень. 1990. С. 366). С.П. Каблуков записал 18.8.1910, что в гостях

у него О. М. читал вслух стихи, в т. ч. Б. (О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // Камень. 1990. С. 241). Чуть позже, 24.10.1910, Каблуков обратился к З.Н. Гиппиус с просьбой ознакомиться со стихами О. М. и дать ему рекомендацию в журнал «Рус. мысль», где в то время Б. заведовал лит. отделом (1910–11). 5.2.1911 О. М. сообщил Каблукову, что стихи отклонены Б. Это вызвало раздраженную реакцию Каблукова: «Вообще Брюсов стал безобразничать... <...> Я надеюсь, что Мандельштам устроится и без Брюсова...» (Там же. С. 244). В 1916 О. М. болезненно воспринял критику Б. (вероятно, прозвучавшую в одном из разговоров или устных выступлений), о чем вспоминала М.И. Цветаева: «Помнится Вы, уже известный тогда поэт, в 1916 г. после неслестного отзыва о Вас Брюсова – плакали» (Цветаева. С. 307–08).

О. М., будучи знаком со всеми поэтич. книгами Б., применяет мотивы или непосредств. подтексты из каждой из них, а также способы поэтич. самоописания, свойств. Б. В отдельных стихах О. М., написанных в 1900-е гг. и в период подготовки 1-го изд. «Камня», заметно влияние поэзии Б. Так, стих. О. М. «Среди лесов, унылых и заброшенных...» и «Тянется лесом дороженька пыльная...» (1906) перекликаются со стих. «Грядущие гунны» (1904–05) и «Довольным» (1905). В «О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...» (1908) противопоставляются два временных пласта – прошлое и настоящее – подобно тому как они противопоставлены в стих. Б. «Мы в лодке вдвоем, и ласкает волна...» (1905).

Стих. О. М. «В морозном воздухе растаял легкий дым...» (1909) ритмически и тематически сходно с «L'Ennui de vivre» Б. (1902). Стих. «Озарены луной ночевья...» (1909) отсылает к стих. «Когда твой поезд, с ровным шумом...» (1901) так же, как «Что музыка нежных...» (1909) – к изв. и одному из программных для молодого Б. стих. «Творчество» («Тень несозданных созданий...», 1895). В стих. О. М. «На темном небе, как узор...» (1909) использованы образы из цикла Б. «На Сайме», ср.: О. М.: «На темном небе, как узор, / Деревья траурные *вышиты*...» – Б.: «Желтым шелком, желтым шелком / По атласу голубому / *Шьют* невидимые руки» («Желтым шелком...», 1905); «Качались волны, *шитые* шелками...» («Я – упоен! мне ничего не надо!..», 1905). Также на структуру и организацию этого текста явно воздействовало стих. Б. «Целение» (1904), сходное по принципам рифмовки и поэтич. синтаксиса. Образ орла из стих. Б. «Угрюмый час» (1906) получает у О. М. творч.

развитие в стихах «Над алтарем дымящихся зыбей...» (1910) и «В самом себе, как змей, таясь...» (1910). Такая же ситуация – в стих. О. М. «Когда укор колоколов...» (1910), отсылающем к стих. Б. «Голос часов» (1902).

Стих. Б. «Наполеон» (1901, кн. «*Tertia vigilia*»), в к-ром образная система построена по принципу синкретического олицетворения (ср., напр.: «И стало, наконец, вселенной / Немоготу носить тебя» и далее), вместе со стих. «Где подступает к морю сад...» (1898) на уровне концентрир. приема отражены в стих. О. М. «Где вырывается из плена...» (1910). Та же самая ситуация – в стих. О. М. «Под грозowymi облаками...» (1910), явно написанном под влиянием текстов кн. «*Tertia vigilia*» при том, что импульсом здесь является одна из ключевых для Б. метафор «история как книга».

Стихи «Мне стало страшно жизнь отжить...» (1910) перекликаются с целым рядом стихов Б. на уровне метра и тематики. Это «Господи! Господи!..» 1894 (ср.: О. М.: «Мне стало страшно жизнь отжить...» – Б.: «О, страшно стоять одному / На кручи заоблачной»; О. М.: «И безмятным камнем капнуть» – Б.: «Есть блаженство – скалой неоформленной быть»); «Наполеон», 1901 (О. М.: «И с дерева, как лист, отпрянуть...» – Б.: «Земля дохнула полной грудью, / И ты, как лист в дыханье гроз, / Взвился...»); «Строгое звено», 1899 (ср. О. М.: «И я слежу – со всем живым / Меня связующие нити...» – Б.: «Одна судьба нас всех ведет / И в жизни каждой – те же звенья!»). Ср. также «книжную» метафору в конце стих. В стих. О. М. «О небо, небо, ты мне будешь сниться...» (1911) последние строки перекликаются со стих. Б. «Настал заветный час дремотный...» (1900) (см. об этом: Ле к м а н о в, 2000. С. 98), развивая «книжную» метафору. Также существует параллелизм в текстах: О. М. «Скудный луч холодной мерою...» (1911) – Б. «Волны приходят, и волны уходят...» (1899); О. М. «В неприужденности творящего обмена...» (1909) – Б. «Измена» (1895) (Там же. С. 98–99). Два стих. Б. из кн. «Все напевы» (1909), следующие одно за другим в отделе «На гранитах» (собственно «На гранитах» и «В море»; оба – 1906), повлияли на также смежные стих. О. М. «Я вижу каменное небо...» и «Вечер нежный. Сумрак важный...» (оба – 1910). Др. пример текстовой близости: О. М.: «И небо падает, не рушась, / И море плещет, не пенясь» («Я вижу каменное небо...») – Б.: «Небо хочет быть прекрасным. / Море хочет быть – как небо!» («На гранитах»), равно как и многочисл. лексико-синтаксич. повторы в стихах

О. М. в тех же позициях, что и у Б. Повтор как поэтич. прием применяется Б. и в стих. «Висби», метрически сходном со стих. О. М. «Вечер нежный. Сумрак важный...». Явным откликом стих. Б. «Поэту» (1907, открывает кн. «Все напевы») звучит финал «Как облаком сердце одето...» (1910) О. М., ср.: О. М.: «И дышит таинственность брака / В простом сочетании слов» – Б.: «И ты с беспечального детства / Ищи сочетания слов» (см. об этом: Гинзбург Л. Я., Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л. Комментарии // Камень. 1990. С. 321). Предшествующее ему стих. О. М. «Убиты медью вечерней...» является попыткой освоения метрич. рисунка и также содержит в себе брюсовские подтексты. Ср.: О. М.: «Убиты медью *вечерней* / И сломаны *венчики* слов. / И тело требует *терний*, И вера – безумных цветов» – Б.: «В снах утра и в бездне *вечерней* / Лови, что шепнет тебе Рок, / И помни: от века из *терний* / Поэта заветный венок» («Поэту»), а также «Звезды мерцают, и кротки и пышны, / Как пред иконами *венчики* свеч» («У гроба дня», 1907). По свидетельству Н. М., впоследствии О. М. отзывался о стих. «Поэту» как о непонятном для себя: «О. М. выходил из себя: “Что это значит – ‘ты должен быть жарким, как пламя, ты должен быть острым, как меч?’” – раздраженно спрашивал он» (Мандельштам Н. (1). С. 229). «Зимняя красота» (1902) Б. служит источником образности для стих. О. М. «Из омута злого и вязкого...» (1910; см. стихи 1-й, 2-й), также и ритмики – для «Неумолимые слова...» (1910). Ср. О. М.: «Как *венчик*, голова висела / На *стебле* тонком и чужом» – Б.: «Я буду сам как *стебель* явлен, / Омою в зное *венчик* свой...». Оба стих. содержат метафору «человек – растение, цветок», словоупотребления «лилия», «глубина», важные для обоих поэтов и отсылающие к поэзии Ф.И. Тютчева, во мн. воспринятой О. М. через призму прочтения Б. В стих. О. М. «Темных уз земного заточенья...» (1910) мотив «презрения» к самому себе также отсылает к тексту Б. – имеется в виду стих. «Презрение» (1900), в к-ром также есть важный для поэзии раннего О. М. образ древесного листа, несущегося в потоке.

Словоупотребление поэзии Б. входит в поэтику О. М. отд. понятиями и единицами, ср.: О. М.: «...и, *несозданный* мир лелея...» («Отчего душа так певуча?..», 1911) – Б.: «Тень *несозданных* созданий» («Творчество», 1895). Отзывается в стихах О. М. и знаково важное для Б. «беспристрастие», ср. О. М.: «Там в беспристрастном эфире...» («Душу от внешних условий...», 1911). В отд. случаях опора на стихи Б. пропускает

не на уровне метрич. организации стихов О. М., а в рифмовке и ключевых словах. Ср.: О. М.: «Воздух пасмурный влажен и гулок; / Хорошо и нестрашно в лесу. / Легкий крест одиноких прогулок / Я покорно опять понесу» (1911, 1935) – Б.: «Приду ли в скит уединенный, / Горящий главами в лесу, / И в келью бред неутоленный / К ночной лампаде понесу?» (1902, кн. «Urbi et orbi»).

Программная для Б. в опред. период тема униженности природной мощи и красоты для человека отразилась и в произв. О. М., ср.: «Я ненавижу свет / Однообразных звезд».

Характер поэтич. диалога О. М. и Б. мог быть и полемическим – как в стих. О. М. «Пешеход» (1912) и Б. «Любовь» (1900). Зачастую О. М. впитывал те мотивы поэзии Б., к-рые являлись провозвестниками акмеистич. мировоззрения, ср.: Б.: «Холод», 1906, «Покорность», 1911 – О. М.: «Я вздрагиваю от холода...», 1912; Б.: «Орфей и Эвридика», 1903–04 – О. М.: «Как этих покрывал и этого убора...», 1915; Б.: «Венеция», 1902 – О. М.: «И поныне на Афоне...», 1915. К брюсовской поэзии восходит также «экзотический и единичный» образ дровяка в руках дикаря (Б. «Жизнь», 1907) (см.: Лекманов О. А. Брюсов и акмеисты: эпилог и пролог // Лекманов, 2000. С. 99–101).

Отд. поэтические приемы Б. при создании книги стихов также были восприняты О. М. Так, парные стихи, носящие одно и то же название: «Египтянин» («Я избежал суровой пени...», 1913) и «Я выстроил себе благополучья дом...», 1913), «Аббат» («О, спутник вечного романа...», 1915 и «Переменилось все земное...», тогда же) отсылают к парным стихам Б., напр. «Одна», «Жрице Луны». Впоследствии этот прием существенно трансформировался и расширился: О. М. стал употреблять не только идентич. заголовки, но и идентич. строки в разных стих., что вовсе не делало их «вариантами» одного и того же произв. Ряд стих. О. М. («Когда удар с ударами встречается...», «Когда укор колоколов...», «Когда мозаик никнут травы...», «Когда поднимаю...», «Когда показывает восемь...», «Когда, пронзительнее свиста...») начинаются по аналогии с рядом стих. Б.

Заглавие кн. «Камень» среди подтекстов, помимо отсылки к поэзии Тютчева, содержит и брюсовский – см.: «Камни, камни! о вас сожаление!...» (1903), строки «Вы ли пребудете вне воскресенья, / Как хаос косный и грубый?».

Метафора «камень – человеческое тело» вызвана у О. М. этим стих. и генетически связана со стих. «Поэту».

Включенность в поэзию О. М. классич. подтекстов часто происходит через соотнесение с совр. ему поэзией, и таким соотносящим явлением могут быть произв. Б. В частности, строки «Душный сумрак кроет ложе, / Напряженно дышит грудь... / Может, мне всего дороже / Тонкий крест и тайный путь» (1910), связ. с пушкинским «Буря мглою небо кроет...», одноврем. отсылают к следующим стих. Б.: «Мерно вьет дорога...», 1899 («Мерно вьет дорога / Одинокий путь. / Я в руках у Бога, / Сладко дышит грудь»); «Раб», 1900 («И было все на бред похоже! / Я был свидетель чар ночных, / Всего, что тайно кроет ложе, / Их содроганий, стонов их») и др. У самого Б. стих. «Мерно вьет дорога...» строится как вариация на тему лермонг. финала «Выхожу один я на дорогу...». Тематич. отличие стихов Б. в этом и др. сходных случаях не мешает текстам вступать во взаимоотношения – не только благодаря ярким лексич. совпадениям, но и именно благодаря семантич. контрасту, несходству. Эротика, важную для Б., О. М. в подавляющем большинстве случаев переводит в духовный, филос. план. Актуальная для обоих поэтов идея всеобщей связи явлений мира решается у Б. ср-вами любовной лирики и тематики, связ. со «сладострастием», у О. М. – медитативной лирики и тематики, связ. с филос. раздумьями поэта как ведущим жанром поэзии. Так, строки О. М. из стих. «Есть целомудренные чары...» («Я слушаю моих пенатов / Всегда восторженную тишь») противопоставлены стих. Б. «Сладострастие», где строка «Тише! Приветствуй восторг тишины!» относится к эротич. описанию (см. об этом: Тоде с, 1992. С. 52–54).

Взаимодействие поэтики О. М. с поэзией Б., помимо переноса эротич. пласта в медитативный, имеет еще значение и при разработке существенной для эстетики О. М. проблемы перевода. В данном случае О. М. выступает как переводчик важных для него брюсовских мотивов на собств. поэтич. язык, что сопровождается разработкой и углублением лексико-семантич. связей в его собств. словаре.

Подавляющее большинство стих., в к-рых особенно заметно влияние Б., О. М. не включил в издания «Камня». Ученичество у Б. не отрицала и Н. М. (Мандельштам Н. (2), С. 31, 42), говорившая о дани, отданной О. М. в ранней молодости брюсовской поэзии. Генетич. связанность первых произв. О. М. с брюсовскими текстами критики постоянно

отмечали: так, для С.М. *Городецкого* «поэтич. оружие» О. М. носит марку «делано по Брюсову», что само по себе является гарантией его качества (Рецензии на «Камень»: С.М. Городецкий // Камень. 1990. С. 215). В 1913 Гиппиус писал о поэзии О. М. как о «стилизации в манере Брюсова» («Камень». 1990. С. 342). В.И. Рындзюн, говорящий об отсутствии в «Камне» подлинного поэтич. дара автора, упрекает его в чрезмерной гладкости текста и напоминает совет Б. «пишите шершавые стихи» (Рецензии на «Камень»: В.И. Рындзюн // Камень. 1990. С. 235).

После провозглашения акмеизма литер. школой, сменившей символизм, эпатирующее поведение акмеистов прямо связывали с именем О. М., и Б. сконцентрировал на нем свое негативное отношение к новому литер. течению (см. об этом: А.Н. Чеботаревская – Брюсову // ЛН. Т. 85. М., 1976. С. 703). Свое отношение к первым выступлениям акмеистов Б. высказал в ст. «Новые течения в рус. поэзии». Отмечая индивид. своеобразие стихов *Гумилева*, *Ахматовой*, *Городецкого*, *М.А. Зенкевича*, *В.И. Нарбута* и выражая надежду на их дальнейшее самостоят., внегрупповое существование в поэзии, Б. ни слова не говорит о поэзии О. М. По свидетельству *Г.В. Иванова*, Б. в ответ на оценку *В.Ф. Ходасевича*, считавшего О. М. «хорошим поэтом», «иронически пожимал плечами» (Камень. 1990. С. 351).

Брюсовские реминисценции содержатся также и в последующих текстах О. М., относящихся к 1910-м гг. Так, II строфа стих. «Автопортрет» (1913–14) перекликается со стих. Б. «Кому-то» (1908): «Над поколением пропела / Свой вызов пламенная медь, / Давая знак, что косность тела / Нам должно волей одолеть» (см.: Тоддес, 1988).

Оба поэта разрабатывают два важных для них блока тем: один – связанный с *античностью* – с Грецией и Римом, другой – с культурой и мировоззрением эпохи *Средневековья*. В частности, в ром. Б. «Огненный ангел» дается близкий О. М. подход к описываемой эпохе, при к-ром делается попытка реконструкции ее специфики изнутри, как бы глазами ее современника, одноврем. – героя произв. Этот метод просматривается в ст. О. М. «Франсуа Виллон».

Такой же подход проявился и в стих. О. М. «Tristia», также связ. с источником из поэзии Б. – имеется в виду стих. «Ахиллес у Алтаря» (1905). Это произв. Б. вызвало восторженную реакцию *А.А. Блока* и *Гумилева* (См.: Лукницкая. С. 45). В связи со стих. О. М. обращают на себя внимание следующие

строки из текста Б.: «Всем равно в глухом *Эребе* / Годы долгие скорбеть. / Но прекрасен ясный *жребий* – / Просиять и умереть!» (ср. О. М.: «Не нам гадать о греческом Эребе, / Для женщин воск, что для мужчины медь. / Нам только в битвах выпадает жребий, / А им дано гадая умереть»), равно как мотивы жертвы, обряда, неотвратимости изв. заранее судьбы и др.

Идея мужественности и мужского долга как одной из поэтич. задач, естественная в поэзии О. М., является также одной из ведущих для поэзии Б. и его системы ценностей.

В книгах Б. кон. 1900 – нач. 1910-х проявляется одна из важных черт его поэтической лексики – непосредственное введение в произведение научной терминологии. При том, что само понятие «научная поэзия» чуждо О. М., этот прием нашел применение и у него, хотя использовался в свойственной ему манере кодировки и метафоризации.

Разрабатывая собств. концепцию поэтич. языка, О. М. опирался на положения, сформулир. Б. О. М. говорит о самостоятельной реальности художественного произведения, развивающегося по своим внутренним законам, неподотчетным законам внехудожественной реальности. Искусство не является отражением действительности. Неслучайно в более поздней ст. «Художественный театр и слово» (1923) О. М. жестко критикует реализм МХТ, оценивая его по критериям, сходным с выраженными в ст. Б. «Ненужная правда» (1902) (см. *Teamp*). Если Б. считает, что стремление к худож. правде в МХТ заменилось всего-навсего механич. воссозданием действительности, то О. М. то же самое квалифицирует еще жестче, говоря о «На дне»: «ситцевый и трущобный маскарад» (О природе слова // Собр. соч.-2. Т. 2. С. 335).

Мироощущение (у Б. – мировоззрение) художника рассматривается О. М. как одно из средств создания стихотворения, которое не имеет целью передачу этого мироощущения (ст. «Утро акмеизма»). Для О. М. мироощущение художника есть «орудие и средство, как молоток в руках каменщика» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 177), для Б. оно входит в область формы художественного произведения. Так же как и для Б., для О. М. в область формы произведения входит и смысл слова, см. О. М.: «...если смысл считать содержанием, все остальное, что есть в слове, приходится считать простым механическим привеском, только затрудняющим быстрю передачу мысли. <...> ...все элементы слова втягивались в понятие формы, только сознательный смысл, Логос, до сих пор ошибочно и

произвольно почитается содержанием» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 177). И для Б., и для О. М. слово – единственная настоящая реальность в искусстве поэзии (о мировоззрении художника, области формы художественного произведения и слове как поэтической реальности см. статьи Б. «О искусстве» (1899), «Ненужная правда», «Miscelanea» <1914>, «Иван Коневской» (1916) и др.). В ст. О. М. «О собеседнике» (1913) содержится пассаж о поэтич. необходимости «обменяться сигналами с Марсом – задача, достойная лирики, уважающей собеседника и сознающей свою беспричинную правоту» (Там же. С. 187), восходящий к ряду поэтич. и прозаич. текстов Б., посв. космич. и межпланетным диалогам (ср.: «С кометы», 1895). Много позже, в «Разговоре о Данте» (1933), О. М. развивает тезис о самодостаточности художественного мира и отдельной плотной реальности художественного произведения. Теоретическое осознание О. М. книги стихов как единого худож. целого (об этом: Мандельштам Н. (2). С. 325) также восходит к концепции Б. В ст. «О современной поэзии (К выходу “Альманаха муз”» (1916) О. М. говорит о поэтич. манере Б. как о нехарактерной для текущего момента. Отмечая слабость помещ. в издании произв. Б., О. М. тем не менее говорит о свойств. им энергии при том, что рефлексии по поводу поэтич. творчества и отсылки к словоупотреблениям символизма он оценивает негативно (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 206–07).

Общение обоих поэтов в годы рев-ции носило поверхностный характер. Так, О. М. рассказывал об одной из «шалостей» Б., к-рый пригласил его к себе в служебный кабинет и стал хвалить его стихи, обильно цитируя при этом киевского поэта В.Н. *Маккавейского*. При этом «мэтр» не произнес ни одной строчки стихов самого О. М. (см.: Мандельштам Н. (2). С. 73).

Н. М. упоминает, что при распределении академич. пайка писателям Б. добился предоставления О. М. пайка 2-й категории. При этом Б., по словам Н. М., притворился, что перепутал поэта с его состоят. однофамильцем. Н. М. была возмущена тем, что у них «вырывают изо рта кусок мяса и кулек крупы», а О. М. этот эпизод лишь позабавил (Там же. С. 73–74). Вместе с тем М.М. *Пришвин* вспоминает о резком и публ. возмущении О. М. результатами распределения пайковых норм, выглядевшем как «настоящий бунт» (Пришвин Н. С. 264–65).

Характерно, что в мемуарных очерках Б. и О. М. выступают как гл. действующие лица в одних и тех же сюжетах,

рассказанных разными авторами (см.: Ле к м а н о в, 2003. С. 9). Таков эпизод получения писателями материальной помощи от амер. благотворит. орг-ции «АРА». Процедура включала необходимую подпись писателя и слова о том, что он благодарит отправителя. При этом Н. М. сообщает, что Б. «счел унижением нац., что ли, или своего брюсовского достоинства поблагодарить Ара за банку бледно-белого жира и мешочек муки» (М а н д е л ь ш т а м Н. (2). С. 75), а Пришвин указывает, что не Б., а О. М. квалифицировал этот вопрос как принципиальный: «Не обидно ли так получать помощь рус. поэту?..» (П р и ш в и н. С. 264).

Брюсовские подтексты проступают в поэзии О. М. и в это время. Так, стих. О. М. «Вернись в смесительное лоно...» (1920) ритмически идентично 1-й и 3-й ч. «Habet illa in alvo» Б. (1902), а во 2-й ч. брюсовского стих. возникает тема «плода», «утробы» библ. Лии: «Ребекка! Лия! Мать! С любовью или злобой / Сокрытый плоднося, ты служишь, как раба, / Но труд ответственный дала тебе судьба: / Ты охраняешь мир таинственной утробой...»

Одна из наиб. значимых для О. М. семантич. единиц – «бесполость» в разных грамматич. вариантах – содержится в стих. Б. «Цепи» (1905) именно в том оценочном смысле, в к-ром употребляет слова этого круга О. М.: «Но вы безвольны, вы *бесполы*, / Вы скрылись за своим затвором».

Фигура Б. рассматривалась О. М. в выстроенной им линии преемственности рус. поэзии, когда старший по возрасту поэт признает младшего и тем открывает ему дорогу в лит-ру: самого О. М. признал Гумилев, а того признал Б. В этом контексте отношение О. М. к Б. вряд ли было однозначно негативным, как это представляет Н. М. (М а н д е л ь ш т а м Н. (2). С. 276).

Н. М. вспоминает, что при подготовке антологии рус. поэзии О. М. не смог найти для нее ни одного стих. у Б. (М а н д е л ь ш т а м . Н. (1). С. 276; Она же. (2). С. 72, 276). Б. упорно не желал признать О. М. самостоят. крупным поэтом. Вскользь он говорит о его приверженности к традиц. формам поэтики символизма в ст. «Смысл современной поэзии» (1920), в ст. «Альманах Цеха поэтов. Кн. вторая» (Пг., 1921) и «Вчера, сегодня и завтра рус. поэзии» (1922).

В статьях 1920-х гг. О. М. дает оценку творчества Б. уже со своей сформировавшейся т. зр. на лит. процесс и лит. произв. В ст. «Письмо о русской поэзии» (1922) он высказы-

вает т. зр., совпадающую и с т. зр. Б.: соотносительность поэзии с религ.-филос. проблематикой точно так же снижает ее самооценку, как подчинение поэтич. творчества любой др. тематике и идеологии.

В ст. «Буря и натиск» (1922–23) О. М. пишет об «урбанизме» Б., квалифицируя его как тему, изначально не соответств. характеру изобразит. средств поэзии Б. Здесь же О. М., в отвлечении от «урбанизма», заслоняющего, по его мнению, от читателей осн. корпус брюсовской поэзии и ее достоинства, отмечает последовательность и умелость поэта в подходе к поэтич. теме как эстетич. задаче и категории поэтики, сравнивая его в этом смысле с И.Ф. Анненским. Власть над темой, умение ее разрабатывать адекватными для нее ср-вами языка ставят Б. в позицию наиб. яркого среди всех представителей символизма. Среди лучших стих. Б. называются «Орфей и Эвридика» (1904), «Тезей и Ариадна» (имеется в виду «Тезей Ариадне», 1904), «Демон самоубийства» (1910). Особо отмечаются последние кн. Б. – «Последние мечты» (1920) и «Дали» (1922), к-рые представляют образцы «емкости стиха и удивительного расположения богатых смыслом, разнообразных слов в скупом отмеренном пространстве», что дает возможность поэтам учиться у Б. (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 291).

Вместе с тем О. М. подвергает суровой критике один из постулатов мировоззрения Б., а именно свойств. ему неолейбницианские настроения множественности и равноправия истин в мире, являющихся залогом неиссякаемости жизн. силы. В ст. «О природе слова» приводятся (неточно) строки Б. из стих. «З.Н. Гиппиус», и акцент на всеобщность восприятия квалифицируется не как способность все принять и вместить, а как «убогое “ничевочество”» (Там же. Т. 1. С. 230). Такое же резкое неприятие вызывалось сравнением ист. эпох с «фонариками», употребленным в кн. Б. «Στέφανος» (1906) (см.: Мандельштам. Н. (1). С. 218).

Наиб. полный отзыв о поэзии О. М. Б. дал в ст. «Среди стихов» (1923). Здесь отмечается известность О. М. как поэта, правда, только «в некоторых кругах» (среди «нео-акмеистов», называемых так самим Б.; см.: Там же. С. 144). Далее говорится о несовременности всего круга поэтич. образов О. М. Привлечение в поэзию массива ист., знаковых для культурного читателя имен и собств. наименований, по Б., не достигает цели поэзии, т. е. передачи собств. ощущений от жизн. событий и реалий (Брюсов В. Я., 1990. С. 641). Отсутствие прямых

отсылки к событиям Первой мировой войны, общественной жизни, к социальным и политическим обстоятельствам и проблемам современной науки делает поэзию О. М. предельно субъективной, с одной стороны, и столь же предельно отвлеченной – с другой. Б. категорически отрицает не только действительность, но и саму возможность основания приема метафоризации книги «Tristia» – создание особого культурного кода, единицами которого служат явления античной, средневековой культуры и вообще культуры прошлого. При этом ясно, что сущность этого приема понятна Б. Парадоксальность мышления и мастерство О. М. как поэта сами по себе не являются для Б. способом преодоления отвлеченности в его поэзии. Более того, об основании смысловых узлов «Tristia» он высказывается однозначно негативно: они «в своем метафорическом аспекте... стали давно пустыми, лишенными реального содержания» (Там же. С. 642). Отзыв Б. нарочито поверхностен. Он принципиально не видит в «Tristia» книги стихов, логично продолжающих «Камень»: иначе от его внимания не ускользнуло бы то, что вторая книга является непосредственным ответом на предложение, заканчивающее первую, представить, что было бы «Когда бы грек увидел наши игры». Б. продолжает прочитывать О. М. как наследника символизма. При всем этом отторжение Б. слишком демонстративно, чтобы позднейший критик принимал его на веру. Характерно также, что весь объем демонстрируемого неприятия и непонимания все же не мешает Б. заметить в книге «Tristia» стих, к-рый, подобно «Я не увижу знаменитой "Федры"...» в «Камне», знаменует новый этап становления поэтики О. М., а именно «Грифельную оду» (Там же. С. 640–43). В дальнейшем О. М. в большинстве случаев употребляет средневековые, впервые найденные именно в этом стихе.

В 1923 О. М. выступил на 5-летию Всесоюзного союза поэтов (Тверская, 18) на «академическом собрании» под председательством Б. (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 446).

Совпадение культурных интересов характерно для О. М. и Б. Так, в 1909 Б. выступил со своей оценкой творчества Н.В. Гоголя как писателя, не принадлежавшего к традициям реализма. Заметно, что гоголевские реминисценции у О. М. строятся по пути возможно большего отхода от реалистической традиции и приближения к литературной условности как приему и цели даже тогда, когда реалистическая трактовка образа уместна (ср.: «Египетская марка»).

С 1890-х гг. Б. занимался творчеством Тютчева, чрезвычайно важного и для О. М. Оба поэта уделяют особое внимание

образу грозы в тютч. поэзии: для О. М. она служит «прообразом исторического события – в природе...» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 276), для Б. – своеобраз. «окном» в мир хаоса (Брюсов В. Я. Ф.И. Тютчев: Смысл его творчества // Брюсов В.Я. Собр. соч. Т. 6. С. 201).

С 1915 Б. занимался изучением истории и культуры *Армении*, переводами и публикациями арм. поэтов. В 1916 им написан стихотв. цикл «Армения». О. М. стремился в Армению, совершил важное для него путешествие в эту страну, посвятил ей стихотв. цикл. Между циклами поэтов никаких переключек нет, кроме единств. словоупотребления – значимого для обоих эпитета «лазурный», знакового также и для поэтики А. Белого, также совершившего путешествие в Армению и интересовавшегося ее культурой. По свидетельству Н.А. Соколовой, на своем вечере 14.3.1933 О. М. упомянул о брюсовских исследованиях в обл. арм. яз. и дал понять, что в своих штудиях в этой области идет по пути, проложенному Б. (См.: Соколова Н. А. 14 марта 1933 г. Вечер О. Мандельштама (Из старых тетрадей) // «И ты, Москва...». С. 441).

Помимо столь явно общих моментов, между системами ценностей обоих поэтов существовали и непреодолимые антагонистич. противоречия: так, идея культ. иск-ва у Б. несовместима с концепцией иск-ва как игры «Отца с детьми», свойств. О. М.

Оценке О. М. подвергалась переводч. деятельность Б. Так, в ст. «О переводах» (1929) О. М. негативно оценивает сделанный Б. перевод «Фауста» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 518). Однако в целом Б.-переводчик, с т. зр. О. М., достоин высшей награды, к-рая есть «усвоение переведенной им книги рус. лит-рой» (Там же. С. 445).

Брюсовский подтекст проявляется и в стихах О. М. памяти А. Белого. Ср. Б.: «И, глубли черные покинув, / В лазурный день из темноты / Взлетает яркий рой павлинов, / Раскрыв стоцветные хвосты» («Охотник», 1904) – О. М.: «О Боже, как жирны и синеглазы / Стрекозы смерти, как лазурь черна» (см.: Тоддес, 1992. С. 52–54).

В целом можно сказать, что «синтетич. поэт современности» и будущего (Слово и культура // Собр. соч.-2. Т. 1. С. 216), чей образ формируется последовательно в ст. О. М., складывался в его сознании по модели лит. личности Б. периода символизма и книг 1920-х гг. В произведениях «синтетического поэта» идеи, научные системы, государственные

теории выступают как согласованные эстетические единицы, объединенные общей музыкальной идеей стихотворения. Одна из поздних ст. Б. называлась «Синтетика поэзии» (1924). Б., в свою очередь, также занимался моделированием подобной универс. поэтич. личности и поэзии в целом как познават. метода, имеющего «синтетич.» природу, порождающего поэтические образы как универсалии, выражающие связи между явлениями реальности вне зависимости от обыденных характеристик этих явлений.

Соч.: Собр. соч.: В 7 т. М., 1975; Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990.

Лит.: В. Брюсов // ЛН. Т. 8. М., 1976; Тоддес Е. А. Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама 20-х гг. // Тыняновский сб. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988; Он же. Заметки о Мандельштаме // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992; Мандельштам Н. (1). 1989; Она же. (2). 1990; Лукницкая В. К. Н. Гумилев: Жизнь поэта по мат-лам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990; Цветаева М. И. Мой ответ Осипу Мандельштаму // Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994–95. Т. 5; Пришвин М. М. Сопка Маира // «И ты, Москва...»; Лекманов, 2000; Он же. 2003; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

В.В. Калмыкова

ВОЛОШИН Максимилиан Александрович (наст. фам. – Кириенко-Волошин) (16.5.1877, Киев – 11.8.1932, Коктебель, Крым), поэт-символист, критик, переводчик, художник. Знакомство В., уже составившего себе лит. имя, с учеником Тенишевского училища О. М. датируется кон. 1906 – нач. 1907, по В.П. Купченко – 2-й пол. февр. 1907 (Купченко, 2002. С. 176). В. вспоминал: «...это было у сестры Зинаиды Венгеровой – Изабеллы Афанасьевны (певицы). <...> Сопровождая свою мать... там был мальчик с темными, сдвинутыми на переносицу глазами, с надменно откинутой головой, в черной курточке частной гимназии... Он держал себя очень независимо. В его независимости чувствовалось очень много застенчивости. “Вот растет будущий Брюсов, – формулировал я... свое впечатление”» (Волошин, 1990. С. 298).

Фраза из письма О. М. (1909) к В. – «С Вами я только встретился» – говорит о том, что следующая встреча состо-

ялась, очевидно, весной 1909: В. находился в С.-Петербурге 27 янв. – 20 марта и 27 марта – 12 апр. Судя по характеру реплики О. М., встреча была мимолетной, кратковрем., возможно, она имела место на к.-л. обществ. мероприятии – напр., на лекции В. «Аполлон и мышь» 3.3.1909 в «Салоне» (Университетская наб., 1, Кадетский корпус). Ср. у Н. М.: «Кто-то, кажется Волошин, сказал Мандельштаму, что в греч. мифологии белая мышь символизирует время» (Мандельштам Н. (2). 1999. С. 546). В апр. 1909 О. М. начал посещать «Академию стиха» В.И. Иванова, а 26.4.1909 Е.И. Дмитриева сообщила В. о заседании от 23.4.1909: «Потом читали стихи, – все, даже безмолвные. <...> Был еще поэт Мандельштам» (Цит. по Купченко, 1987. С. 187). Почувствовав внимание и участие старшего поэта, О. М. избрал В. (вместе с Вяч. Ивановым) адресатом и судьей своих стихов, однако ни тот, ни другой не ответили О. М. на письма, посланные из *Гейдельберга* (В. было отправлено письмо с 5 стихотворениями во 2-й пол. сент. и письмо-поправка в нач. окт. 1909). Позднее В. оправдывал свое молчание тем, что, несмотря на своеобразие стихов О. М., они ему «не очень понравились» (Волошин, 1990. С. 300). К заочным пересечениям О. М. и В. можно отнести и тот факт, что в № 9 журнала «Аполлон» за 1910 состоялся лит. дебют О. М., а также был опубликован волошинский перевод «Муз» П. Клоделя. Подтекст из ст. В. «Пророки и мстители» (1906) О. Ронен усматривает в сонете О. М. «Паденье – неизменный спутник страха...» (1912) (Ронен С. 196).

Впервые посетив Коктебель (30.6.1915 – кон. авг. 1915), О. М. не застал хозяина (В. находился в Париже, Биаррице), зато познакомился с М.И. Цветаевой. Имя О. М. постоянно мелькает в переписке Е.О. Волошиной (Пра) и В.: 1.7.1915 Пра писала В. о совм. ужинах с А.Н. Толстым и «со вчерашнего дня... поселившимся у нас поэтом Мандельштамом»; 14 июля упоминала о живших у нее О. М., А.И. и М.И. Цветаевых, «сестрах Парнок» и др.; 10 авг. жаловалась на неряшливость и бесцеремонность О. М. (устраивавшего «полный беспорядок» в б-ке В.); 26.1.1916 уже из Москвы писала В. о состоявшемся у нее 25 янв. приеме, на к-ром присутствовал и О. М. (Купченко, 2002. С. 375–78, 389). В. отвечал Пра 31.7.1915: «Мандельштам очень люблю как поэта». Ср. с позднейшим комментарием М.С. Волошиной: «Я Мандельштама люблю... Не как поэта, а как судьбу. Ему все время надо было прощать... не потому, что он был поэт – а такой, обиженный Богом» (Волошина.

С. 233). Ср. с совершенно противоположным отношением О. М. к поэзии В.: «...читая поэтов, он искал у них удачи... <...> При мне он как-то перелистал Волошина – книгу и тетради – и со вздохом отложил в сторону» (Мандельштам Н. (2). С. 88).

Однако любовь В. к поэту О. М., неоднократно им декларированная (см., напр., письмо 1920: «Вместе с Ахматовой он является самым талантливым представителем последнего поколения петерб. поэтов» (Цит. по: Волошин, 1988. С. 771), не могла примирить В. с привычками и поведением О. М., особенно с его отношением к книгам. Так, 29.4.1916 В. пишет М.С. Цетлиной: «...укладываюсь, привожу в порядок мастерскую и библиотеку», в к-рой «варварски хозяйничали Мандельштам и Толстой» (Цит. по: Купченко, 2002. С. 396). Эта разница в обращении поэтов с книгами отмечена мн. мемуаристами: В. «...книги любил непередаваемо. <...> И как он берег всякую! Если видел книгу перегнутую, волновался...» (Волошина. С. 116) – О. М. в Коктебеле даже с единств. экземпляром книги любимого им М.А. Кузмина «обращался ужасно, держал... в пиджачном кармане свернутой трубкой, поминутно вынимал и читал стихи» (Миндлин. С. 96); у В. была идеально подобранная и ухоженная б-ка, к-рой он гордился: «И свои книги он знал на ощупь – доставал с полки не глядя» (Волошина. С. 116) – Н. М. писала про мужа: «...ведя бродячий образ жизни, роскошными изданиями не соблазняются, а предпочитают портативные, легкие на вес» (Мандельштам Н. (2). С. 93). Поэтому неудивительно, что ссора между О. М. и В. в 1919 произошла в т. ч. на «книжной» почве.

В 1915 О. М. написал в Коктебеле стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», «С веселым ржанием пасутся табуны...», «Обиженно уходят на холмы...». Последнее Пра послала В. в Париж: «Прилагаю при сем стихотворение Мандельштама, к-рое он просил прислать тебе как привет свой. Оно хорошо, только “как жердочки, мохнатые колени” не соответствуют портрету овец, здешних, по крайней мере» (Цит. по: Купченко, 1987. С. 189). Кроме того, в стих. «У моря ропот старческой кифары...» (окт. 1915) О. М. также вспоминал «глухую деревню», «где воют псы» и живут «бедные татары». Все эти 4 стих. объединяет антич. образность, с помощью к-рой О. М. воссоздал коктебельский дух и ландшафт. Исследователи видят здесь влияние В., «первым услышавшего в “хорах” коктебельских волн “напевы Одиссеи”» (Купченко,

1987. С. 189). О воздействии поэзии В. на О. М. писали мн. современники: С.П. Бобров полагал, что О. М. «использовал... мало-заметных на общем фоне символизма М. Волошина и Ю. Балтрушайтиса» (Бобров С. П. О. Мандельштам. «Tristia» // Печать и революция. 1923. Кн. 4. С. 260), Г.И. Иванов настаивал, что только Цветаева и В. «помогли Мандельштаму создать “Tristia”» (Иванов Г. И. О. Мандельштам // Новый журнал. Н.-Й., 1955. Кн. 43. С. 277).

Что касается коктебельского пейзажа – существует мнение, что О. М. отобразил его в «Грифельной оде»: «Стихотворение многопланово... один из его планов – это простая последовательность фабульных пейзажных картин, допускающих реконструкцию некоего реального события, к-рое могло послужить толчком для создания “Грифельной оды”. <...> с одной стороны, можно реконструировать крымский, коктебельский пейзаж...» (Сегал Д. М. Смысловая структура «Грифельной оды» // RL. 1972. № 2. С. 51).

Вторично О. М. побывал в Коктебеле в 1916 (7 июня – 25 июля). В.Ф. Ходасевич, встретивший на пляже приехавшего в этот день О. М., писал жене: «Здесь просто. Ходят в каких-то отрепьях, купаются в чем попало» (Цит. по: Купченко, 2002. С. 399). В 1916 Коктебель был переполнен: поэты, художники, артисты и др., несмотря на войну, устраивали концерты, разыгрывали спектакли, придумывали розыгрыши. «В Коктебеле... становится все более и более тесно от людей», – жаловался В. в письме к Цетлиной (Цит. по: Купченко, 2000. С. 179).

19.6.1916 В. выступал с О. М. на даче С.Г. Поповой (певица, коктебельская дачевладелица с 1902) в лит. отделении спектакля, устроенного петроградским актером В.И. Сергеевым (Купченко, 2002. С. 400). 10 июля В. с О. М. и Ходасевичем участвовали в концерте, устроенном В.А. Княжевичем (1871–1934, предводитель дворянства Феодосии, камергер) в пользу коктебельского Об-ва курортного благоустройства на даче И.В. Харламова (московский предприниматель, коктебельский дачевладелец; в нач. 1920 О. М. вместе с братом снимал у него комнату) (Там же. С. 403). 14.7 Ю.Л. Оболенская (1889–1945, художница) написала М.М. Нахман (1889 – не ранее 1939, художница) об этом концерте: «Макс ухитрился потрясти сердца, а Мандельштаму устроили кошачий концерт <...>, Ходасевича приняли сухо» (Там же). 18 июля Ходасевич писал Б.А. Диатропову (юрист, приятель В. Ходасевича) о предстоящем 18 июля очередном концерте и язвительно характеризовал тех, кто

должен в нем участвовать: «Мандельштам. <...> Посмешище всекоктебельское» (Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 404). Оболенская 2 авг. изобразила в письме Нахман поездку коктебельцев на этот концерт (устроен управлением Феодосийского округа Рос. об-ва спасания на водах) с юмором: «Везли нас в Феодосию на катерах, автомобилях, а нам с М. Ал. и Мандельштамом достался автобус, где мы на империале тряслись в обществе урядника, сгибая головы под телеграфной проволокой» (Там же).

В творч. плане 1916 оказался для О. М. менее плодотворным, чем предыдущий год, однако стих. «Не веря воскресенья чуду...» относится к александровско-коктебельскому периоду (С.П. Каблуков получил его в нач. июня). Купченко, сопоставляя «коктебельские» стихи О. М. (включая стих. «Меганом», 1917) с творчеством В., пришел к выводу, что Крым О. М. – «каменистый», «каменный» «край земли», где «обрывается Россия / Над морем черным и глухим»; «глухие» деревни, к-рые затягивает «горький дым жилищ» и освещает «ветренная луна, – «в традиции восприятия Киммерии Волошиным», у к-рого «Киммериян печальная область», как и у древних греков, «была не солнечным Югом, а далеким Севером, краем земли, неведомым и опасным» (Купченко, 1987. С. 192).

Сам В. 3.9.1916 рекомендовал стихи О. М. и Ходасевича в письме М.О. Цетлину (1882–1945, эсер, предприниматель, поэт) для задуманной антологии, а М.С. Цетлиной (1882–1976, жена М.О. Цетлина, доктор философии, эсерка) в тот же день писал о стихах О. М.: «...ни у кого не встречал такой сосредоточенной звучности» (Цит. по: Купченко, 2002. С. 408). О «таинстве речи и голоса» В. рассуждал и в рец. на «Камень» (1916) «Голоса поэтов» – одном из первых серьезных откликов на стихи О. М. ([экз. «Камня» О. М. подарил Пра летом 1916 с «нежной дружеской надписью»] Волошин, 1990. С. 711). Ключевое понятие рец. – голос поэта – это «попытка охарактеризовать звучащие стихи, включающая впечатление от авторского чтения» (Купченко и др. М.А. Волошин – литературный критик // Волошин М.А. Лики творчества. Л., 1988. С. 580). В сохранившемся плане статьи В. так характеризовал голос поэта: «Быть может, наиболее музыкальный и богатый мелодич. оттенками из всех совр. поэтов, но еще слишком молодой голос, постоянно пробующий себя, любующийся округлостью собств. звука и сам себе удивляющийся» (Там же. С. 770). Несмотря на возникшую после ссоры в 1919

взаимную неприязнь, сохранявшуюся до конца жизни обоих поэтов, исследователи говорят о существенном воздействии статьи В. на О. М. Ключевые положения статьи В. отразились в позднейших стихах и статьях О. М. Так, тема «голоса» стала ведущей в поэзии зрелого О. М. (см., напр., «Грифельную оду»); важна также тема «я один в России работаю с голоса», отразившаяся и в повторяющемся мотиве «шевеления губ». Выявлено множество переключек, носящих не такой основополагающий характер – напр., характеристика, к-рую дают В. и О. М. поэтич. речи Кузмина (см.: Там же. С. 771–76).

Непреренно должен быть учтен и биогр. подтекст статьи: мистификатор и «душемутитель» (Мандельштам Н. (2). С. 219) В. намеренно соединил в своей рец. имена О. М. и С.Я. Парнок, упоминая при этом Цветаеву и ее кн. «Версты». Посвященный читатель сразу улавливал намек на отношения между тремя поэтами, к-рые встретились и познакомились в доме В. в Коктебеле в 1915. В. был не только свидетелем, но и доверенным лицом Цветаевой, что позволило ему придать традиционному жанру рец. скандально-эротич. оттенок (см.: Никольская и др. С. 772; Лекманов, 2004. С. 63–64).

Третье посещение О. М. Коктебеля пришлось на лето 1917 (22 июня – кон. июля). В авг., перебравшись в Алушту, О. М. написал стих.-воспоминание «Меганом»: «И раскрывается с шуршаньем / Печальный веер прошлых лет...». Трагич. события, толчок к-рым был дан в 1915–16 там, в Коктебеле, за «мысом туманным», – смерть матери, о к-рой О. М. узнал в Коктебеле 24.7.1916 (ср. тему похорон в стих. «Эта ночь непоправима...» (1916) и «Меганом») и исчерпавшие себя отношения с Цветаевой: «Пока еще на самом деле / Шуршит песок, кипит волна» (1917) – «Прими ж ладонями моими / Пересыпаемый песок» (1916), «Столь памятный моим ладоням песок Коктебеля!» (Цветаева С. 95); «И в царстве мертвых не бывает / Прелестных загорелых рук» (1917) – «Не веря воскресенья чуду, / На кладбище гуляли мы. / ...Целую локоть загорелый. / ...Целую кисть, где от браслета / Еще белеет полоса. / ...Как скоро ты смуглянкой стала...» (1916); «...Над аметистовой водой? / <...> В песок зарылся амулет» (1917) – «...радужные камушки, между которыми и аметист, и сердолик... Коктебельские камушки... Лежу на берегу, рою, рядом роет Волошин Макс. – Макс, я выйду замуж только за того, кто из всего побережья угадает, какой мой любимый камень» (Там же). Однако надежды О. М. на то, что можно воскресить прошлое («Туда душа моя стремится

ся, / За мыс туманный Меганом...»), окончательно развеяла встреча с Цветаевой осенью 1917 в Феодосии: «Мандельштам был тут – и Марина сказала: “Пожалуйста, не оставляйте нас вдвоем”» (Цит. по: Купченко, 1987. С. 193). По мнению Д.М. Сегала, важным фоном перехода О. М. от поэтики «Камня» к поэтике «Tristia» послужила ст. В. «Театр и сновидение» (Сегал. С. 406–07).

В следующий раз О. М. приехал в Крым через 2 года – в сент. 1919. Первое упоминание о его появлении в доме В. обнаруживается в письмах С.Я. Эфрона к В. от 2 и 11.9.1919 (см.: Купченко, 1987. С. 194), а 5 нояб. В. сообщал писателю Л.П. Гроссману: «Дом наш полн... Пока живет Мандельштам, но скоро собирается ехать в Одессу» (Там же). По предположению Купченко, стих. О. М. «В хрустальном омуте такая крутизна!..» было написано в этот период: образ «сумасшедших скал колючие соборы» навеян, скорее всего, вулканич. нагромождением Кара-Дага. Перекликаются с ранними коктебельскими стихами О. М. и др. образы: воздух, «где шерсть и тишина», «овчины пастухов» (Там же).

В. вместе с О. М. печатался в ряде феодосийских изданий («К искусству!», «Ковчег»), неоднократно выступал в *Феодосийском литературно-художественном кружке* (ФЛАКе), в частности на вечере «Богема», выручка от к-рого и позволила опубликовать альм. «Ковчег». Э.Л. Миндлин, также принимавший участие в деятельности ФЛАКа, приводит высказывание В. об О. М.: «– Ну разумеется! Мандельштам нелеп, как настоящий поэт!» Это была первая услышанная мною фраза Волошина, с к-рой он спустился в подвал», где находился ФЛАК (Миндлин. С. 14).

И В., и О. М. оставили воспоминания о том, как они воспринимали друг друга в этот период. У О. М. – лаконичный портрет В. в «Феодосии» (1923–24): «А когда Волошин появился на щербатых феодосийских мостовых в городском костюме: шерстяные чулки, плисовые штаны и бархатная куртка, – город охватывало как бы античное умиление, и купцы выбегали из лавок» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 395). Ср. у И.В. Одоевцевой: «Ах, сколько вы потеряли! Не знать Волошина! – Мандельштам искренне огорчен за меня. – Волошин – представьте себе – бородатый шар в венке и в хитоне. Едет на велосипеде по горной, залитой солнцем каменистой тропинке. Кажется, что не едет, а летит по воздуху, что он – воздушный шар. А за ним стая пестрых собак с лаем несется по земле» (Одоевцева И.В.

На берегах Невы // Мандельштам и его время. С. 149). Воспоминания В. об О. М. также ироничны, в них последовательно перечислены «нелепости» поэта: «курьезный умывальник» и прозвище «Mademoiselle Fifi», к-рых он стеснялся; не менее курьезная влюбленность О. М. в М.П. *Кудашеву*; «полное забвение чувств» при встрече с казацким есаулом; беззастенчивое требование «Божественной комедии» *Данте Алигьери*, к-рую сам же О. М. потерял 3 года назад.

Более подробно В. остановился на истории своей ссоры с О. М. (сер. июля 1920) из-за подаренного Пра и «похищенного» впоследствии «Камня». Признавая частичную правоту О. М. – «похитил со стола у Майи книжку не он, а Эренбург» (Волошин, 1990. С. 302), В. не мог простить поэту потребительски небрежного, презрительно-высокомерного отношения к коктебельским книгам, к коктебельской б-ке. Ср. об этом у Волошиной: «У Макса было возмущение непорядочностью... Обиды не было. Макс снисходительно прощал ему очень многое... Макс говорил: “Мне надоел Мандельштам”» (Волошина. С. 232). Позднее В., вспоминая свою ссылку в Ср. Азию, писал в янв. 1924 Е.И. *Замятину*: «Я был начальником каравана из 22 верблюдов, из к-рых каждый был похож профилем, повадкой и нравом на Мандельштама: представляете, какое наслаждение!» (Цит. по: Купченко, 1991. С. 177). Несмотря на обиду и «ругательное письмо» О. М. к В. от 25.7.1920 (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 26–27; ср. письмо В. к А.А. Новинскому (1878–1960, начальник Феодосийского торгового порта. Описан О. М. в очерке «Начальник порта») от 2(?) .8. 1920, к-рым было спровоцировано письмо О. М. (Купченко, 1991. С. 178–79), В. принял участие в освобождении поэта из тюрьмы, куда О. М. был посажен врангелевской контрразведкой (авг. 1920).

Ссора двух поэтов описана неск. мемуаристами (Миндлин, И.Г. *Эренбурге*), к-рые старались быть объективными; существуют и пристрастные мнения – к ним можно отнести воспоминания Н. М. (см.: Мандельштам Н. (2)), к-рая не была свидетельницей ссоры, и устные высказывания А.А. *Ахматовой*, к-рая «обвиняла Волошина в тысяче сплетен-анекдотов про Мандельштама...» (Там же. С. 94. См. также: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997, по им. ук.). Самая точная оценка этого неприятного для обоих поэтов эпизода – «Недоразумения с Мандельштамом Волошин не касался, и Мандельштам тоже о нем неохотно говорил» (Мандельштам Н. (2). С. 92) – дана Волошиной, к-рая в разговоре с Купченко

настаивала на том, что поведение В. и О. М. во время ссоры не было для них характерно вообще: «Фактически так... а по духу неверно» (Волошина С. 233).

История закончилась отъездом О. М. в Батум, однако за ней еще долго тянулся шлейф разговоров и пересудов, тем более что В. не делал из этой истории тайны: «...я, на первом же чтении стихов, что я устраивал в мастерской, сказал слушателям: “А вот если кто из Вас потеряет... книжку, взятую из моей библиотеки, то рекомендую Вам... писать мне ругательное письмо”. И, как образец стиля, прочел им письмо Мандельштама» (Волошин, 1990. С. 302). «Непристойные рассказы из Коктебеля, распространяемые поклонницами Волошина» (Мандельштам Н. (2). С. 94), вынудили О. М. ответить одной из них – писательнице С.З. Федорченко – резким письмом от 9.7.1924 (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 43). В дневниковой записи от 12.5.1926 П.Н. Лукницкий привел рассказ Ахматовой о том, как С.Я. Парнок и Федорченко, к-рых она видела в изд-ве «Узел», восхваляли В. и как последняя «в отместку за плохое мнение Мандельштама о Волошине обозвала Мандельштама чуть ли не жуликом» (Слово и судьба. С. 127). Ср. у Н. М. о том, что ее мужа В. «стилизовал под дурковатого жулика» (Мандельштам Н. (2). С. 94).

О злопамятности одного поэта и чистосердечной забывчивости другого свидетельствует и последняя встреча В. и О. М. в марте того же 1924 в Москве, в редакции журнала «Красная новь». В. иронично комментирует ее в своих воспоминаниях: «Мандельштам встретил меня радостно и, видимо, “все простил” из того, что между нами было: и зачитанного у меня Данта, и спасение из-под ареста. Он это все мне высказал» (Волошин, 1990. С. 304). Именно неизбывной обидой на О. М. в какой-то степени было продиктовано письмо В. директору изд-ва «Творчество» С.А. Абрамову от 3.12.1923 по поводу ст. О. М. «Записки о поэзии. Vulgata» (1923) (вышла в № 2–3 за 1923 журнала «Русское слово», издававшегося Абрамовым). В. в резких выражениях отозвался о статье О. М., допустившего ошибку в использовании термина «Vulgata»: «Очень только меня неприятно поразила своим невежеством статья О. Мандельштама “Vulgata”. <...> Неужели Мандельштам – филолог, ритор и латинист, настолько невежествен... Позор...» (Цит. по: Купченко, 1987. С. 200). Судя по тому, что при последней встрече разговор зашел о «Vulgata», О. М. ознакомился с письмом В. По свидетельству самого В., неудовольствие

О. М. вызвала не форма и не суть его отзыва, а нарушение В. «интересов корпорации»: «Ведь все-таки наши интересы – поэтов, равнодейственны, а редакторы наши враги. Нельзя же было Абрамову выдавать меня в случае “Vulgata”. Ведь эти подробности только вы знаете, а публика и не заметит» (Волошин, 1990. С. 304).

Н. М., к-рая О. М. рядом с В. «не видела никогда», в 1926 (сер. сент. – дек.) одна отдыхала в Коктебеле, где В. «однажды зазвал ее “к себе”» (Мандельштам Н. (2). С. 91). Однако общения не получилось из-за предвзятого отношения Н. М. к В.: «Я не люблю всеобщих баловней и кумиров типа Волошина, мнимых мудрецов и пророков для истерических женщин с неустроенной любовной жизнью» (Там же).

В воспоминаниях вдовы В. есть эпизод, к-рого не могло быть в действительности: О. М. с женой приезжают в Коктебель в 1932, когда В. при смерти (на самом деле лето 1932 О. М. провел в доме отдыха «Болшево»). В. отказывает им в приюте, т. к. дом переполнен, а «Мандельштам начнет выкамаривать, как он любит – требовать, надеяться... Он очень был непростой в жизни...» (Волошина. С. 232). Вспомнив неловкость ситуации, Волошина оговаривается: «Иногда мне кажется, что этого даже ничего не было...» (Там же. С. 238), – но затем опять противоречит себе: «Но в данном случае я хорошо помню: я им сказала, что мы их принять не можем» (Там же). Очевидно, здесь мы имеем дело с аберрацией памяти: жена Волошина знала О. М.-тенишевца – «Он ходил весь такой опущенный. Ему кричали: “Ёська! Застегни штаны!”» (Там же. С. 233), – дальнейшее – только со слов В., не желавшего больше никогда иметь дело с бытовыми проявлениями О. М. Несмотря на сложные отношения между В. и О. М., Волошина после смерти О. М. передала Н. М. «трогательное, но неприемлемое» предложение: поселиться с ней в Коктебеле (Мандельштам Н. (2). С. 93).

В последний раз О. М. с Н. М. посетил Коктебель в 1933 (кон. мая – кон. июня), уже после смерти В. Жили они в писательском доме отдыха, О. М. работал над «Разговором о Данте». В этом эссе строки о геологич. структуре «Божественной комедии» навеяны лицезрением «дивной геологич. случайности, именуемой Коктебель» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 411). По собств. «автобиографич. признанию» О. М., «черноморские камушки, выбрасываемые приливом, оказали» ему «немалую помощь, когда созревала концепция этого разговора» (Там

же. С. 256). В черновых набросках к «Разговору о Данте» есть фрагмент, посвященный памяти В. В нем В. предстает не по-этом, а спецом «в делах зоркости», «почетным смотрителем» Коктебеля, всю жизнь посвятившим «намагничиванию вверенной ему бухты. Он вел ударную дантовскую работу по слиянию с ландшафтом и был премирован отзывом плотника» (ср. в «Разговоре о Данте»: «Нет синтаксиса – есть намагниченный порыв...») (Там же. С. 255, 411).

Несмотря на противоречивые и не всегда достоверные свидетельства современников о взаимоотношениях О. М. и В. (см., напр., мнение Ахматовой о воспоминаниях Цветаевой: «Отношения Мандельштама и Волошина она приукрашает из преданности Волошину». – Ахматова А. А. Записные книжки. М.; Torino, 1996. С. 486), отношения двух поэтов можно реконструировать по их собств. высказываниям и воспоминаниям. Мнение друг о друге сложилось у О. М. и В. в начале их знакомства и практически не менялось на протяжении всей жизни. Поэты парадоксальным образом оценивали друг друга с точностью до наоборот: В. терпеть не мог О. М.-человека и любил О. М.-поэта. См. его ответ на анкету Е.Я. Архиппова 30.6.1932: «Любите ли Мандельштама? Какую книгу более <...>?» – «Люблю. “Камень”» (Цит. по: Волошин, 1988. С. 771); О. М. же, напротив, ценил в В. его человек. призвание – быть коктебельским «гением места» – и не принимал В.-поэта. См. высказывание О. М. летом 1937 по поводу ареста Д.Д. Жуковского (1909–39(?), математик и любитель поэзии, сын А.Д. Герцык и Д.Е. Жуковского) за распространение стихов В.: «Так ему и надо – Макс плохой поэт!» (цит. по: Видгоф. С. 273).

Тем не менее Л.Ф. Кацис усматривает реминисценции из В. в стихах О. М. разных лет: «Кому зима арак и пунш голубоглазый...», «К пустой земле неволью припадая...», «Эта область в темноводье...», «Чернозем» (Кацис. С. 55–59; возражения (не всегда корректные) М.И. Шапира на эту статью см.: <http://www.guelman.ru/slava/skandaly/m2.htm>).

Соч.: Голоса поэтов // Речь. 1917. 4 июня; Лики творчества / Примеч.: Т. Л. Никольская, Г. А. Левинтон. Л., 1988; Путник по вселенным. М., 1990.

Лит.: Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979; Купченко В. П. О. Мандельштам в Киммерии // ВЛ. 1987. № 7; Он же. Ссора поэтов (к истории взаимоотношений О. Мандельштама и М. Волошина) //

Слово и судьба; Он же. Труды и дни М. Волошина: Летопись жизни и творчества (1877–1916). СПб., 2002; Он же. Жизнь М. Волошина: Док. повествование. СПб., 2003; Кацис Л. Ф. Мандельштам и Волошин (Заметки к теме) // Поэтика и текстология. 1991; Цветаева М. И. История одного посвящения // Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Сегал; Мандельштам Н. (2). 1999; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Волошина М. С. О Максе, о Коктебеле, о себе: Восп. Письма. Феодосия; М., 2003.

С.Ф. Данилова

ГИППИУС Владимир (Вольдемар) Васильевич (псевд.: Вл. Бестужев, В. Нелединский, В. Белкин) (15.7.1876, Химки, близ Москвы – 5.11.1941, Ленинград, в первые месяцы блокады, от голода), поэт, писатель, критик, педагог, «первый», по словам З.Н. Гиппиус (см.: Гиппиус З. Н. Дмитрий Мережковский // Мережковский Д.С. 14 декабря. Гиппиус З.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 322) рус. поэт-декадент. Стяжал славу «одного из самых выдающихся преподавателей рус. словесности», «Грановского средней школы» (Лавров А. В. С. 565). О. М., поступивший в *Тенишевское училище* в 1899, 3 г. являлся учеником Г. (см.: Тименчик. С. 27–28; Сконечная О. Ю. Набоков в Тенишевском училище // Наше наследие. 1991. № 1. С. 109–11, а также характеристику, к-рую Г. дал О. М.-ученику, с его оценкой из матрикула: Мандельштам О. Э. Соч. М., 1990. Т. 2. С. 393, 400).

Уроки словесности (см. в автобиографии (1915) об «уроках литературы» – «уроках жизни» – Камень. 1990. С. 342), домашняя доступность Г. для учеников (см.: Морозов А. А. Примеч. // Камень. 1990. С. 257), внеш. облик (ср. впечатление А.А. Блока: «Волчья челюсть» (Гиппиусовская) [«Дневник 1911 г.»] – Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 95), манера речи и преподавания, а также поэтич. творчество (см.: Набоков В. В. Другие берега // Набоков. В.В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 241) и эстетич. концепции Г. стали предметом необычайно глубокой и долговрем. рефлексии О. М. (см.: Мандельштам Н. (2). 1999. С. 288); свидетельство из дневника С.П. Каблукова о чтении О. М. наизусть стихов Г. (Камень. 1990. С. 241, 342). Ср.: «К поэзии его толкнули уроки символиста Вл.В. Гиппиуса» (Гаспаров. С. 327).

Поэтич. деятельность и первую славу своего ученика Г. встретил скептически, назвав его стихи «мертвенными»

(Камень. 1990. С. 351). Вместе с тем он отдавал должное дару О. М., хотя воспринимал его поэзию как «стилизацию в манере Брюсова» (Там же. С. 342).

Несмотря на то что манифесты акмеистов Г. характеризовал как «безжизненный эстетизм» (Речь. 1913. № 89. 3 апр.), он опубликовал именно в журнале акмеистов «Гиперборей» (1912. № 2. С. 2) подборку своих стихов, посвященных Блоку (см.: ЛН. Кн. 3. С. 553–54). В 1912, после более чем 10-летнего отсутствия Г. в лит-ре, под эгидой «Издания Цеха поэтов» вышел сб. стихов Г. «Возвращение» (см. рец. Н.С. Гумилева: Аполлон. 1912. № 9). На последней странице кн. Г. анонсировалась «Раковина» О. М. – такое назв., отсылавшее к широко известному ницшеанскому образу (см.: Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990. С. 292 – со ссылкой на наблюдение О. Ронена над анаграмматич. трансформацией «Ницше – оценишь» в стих. «Раковина»), О. М. предполагал дать своему 1-му сб. стихов, возможно, не без влияния Г., поскольку в ранний период тот, подобно мн. рус. поэтам-декадентам, пережил страстное увлечение филос.-эстетич. концепциями и творчеством Ф. Ницше. Худож.-бытийств. совпадения поэтич. миров О. М. и Г. выразились, в частности, в ориентации на общий семантически богатый ницшеанско-мифотворческий подтекст, а также использование Г. и ранним О. М. трактата «Так говорил Заратустра» как текстуального прототипа ряда образов и мотивов в сб. «Возвращение» Г. и «Камень» О. М. (ср. подтекстово-ассоциативный слой «Раковины» и сходную, но явленную в тексте, а не в подтексте у Г. трансформацию имени «Ницше» в рифмовке строк: «...Мне был ли другом – нищий?.. / <...>/ Чьим именем – божился?.. Нитцше, Нитцше!..» – «Лик человеческий». С. 208). Собственно, и роль Г. как «учителя», возможно, проецировалась у О. М. на ницшеанские персонажно-ролевые сценарии из «Так говорил Заратустра». Это нашло выражение в письме из Парижа от 14.4.1908, отдельные фразы из к-рого читаются как стилизации в духе диалогов ученика с Заратустрой: «С давнего времени я чувствовал к Вам особенное притяжение <...>, Вы были для меня тем, что другие называют: “друго-врагом”» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 11–12; о месте этого письма в биографии О. М. см.: Ронен. С. 195, 199; Морозов А. А. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // ЛО. 1991. № 1. С. 77–86; Годдес Е. А. Поэтич. идеология // Там же. № 3. С. 30–43; Лекманов, 2003. С. 22–23, 26–27).

Ряд общих мотивов и текстовых переключек в стихах Г. и О. М. этого периода соотносится с Ф.И. Тютчевым – одним из важных, «подтекстообразующих» для О. М. поэтов. У Г. в «Возвращении» тютчевский авторитет, манифестированный в эпиграфах к разделам книги и к отдельным стихам, создает архитектуру сборника и подтекст преодоления смерти с «согласия жизни», подготовленный эпиграфом из Шопенгауэра (см.: Кур ан да. С. 295). Ср. худож. прием взгляда в свое школьное прошлое героя-повествователя в «Шуме времени» (1923–25), где имя Тютчева неотделимо для него в сознании от имени, личности и эстетических приоритетов учителя Г.: «То был человек с пересохшим горлом. Тютчев ранним склерозом, известковым слоем ложился в жилах» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 387; см. также гл. «Эрфуртская программа» – Там же. С. 375). М.Л. Гаспаров определяет процесс становления художнич. мировоззрения О. М. как «книжный путь к культуре» (Га с п а р о в. С. 331). Медиатором этого процесса, возможно, и становится для О. М. фигура Г.

Создавая образ «В. В. Г.» – в автобиогр. прозе «Шум времени», О. М. наделил его совершенно особой ролью в сознании автора-повествователя – ролью «формовщика душ» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 375), «наставника» (Там же. С. 391), посредника между лит. эпохами («Первая лит. встреча непоправима». – Там же. С. 387). Ср. в «Разговоре о Данте» (гл. VI; X) (1933), где О. М., прибегая к обобщенно-символич. образу учителя-поэта, созданному в «Шуме времени», через проекцию на него осмысляет одну из собств. авт. ипостасей – владение «кошничным богатством» культуры и заботу о том, «чтобы щедрость изливающейся поэтич. материи не протекла между пальцами» (Там же. Т. 3. С. 253). Одно из проявлений «силы личности» своего учителя автобиогр. герой «Шума времени» усматривает в «энергии и артикуляции его речи» (Там же. С. 389). Чтение Г. на уроках стихов А.А. Фета – одно из самых ярких – «радостных» – впечатлений о юношеском проникновении в стихию «внешнего неблагоразумия рус. речи» (Там же.), маркированное у О. М. редким для его повествовательной практики подстрочным примечанием, касающимся Н.В. Недоброво, чье чтение Тютчева в той же мере, как и у Г., являлось «предстательством» за поэта: «С легкой руки В. В. и поныне я мыслю ранний символизм как густые заросли ... “щ”» (Там же.).

«Весь девятнадцатый век рус. культуры – разбившийся, конченный, неповторимый» (Там же. Т. 2. С. 390),

как явствует из опосредованно-ретроспективного итога повествователя в «Шуме времени», предстает через «уроки В.В. Гиппиуса» (Там же). В спектре упомянутых – имена А.Н. Радищева, Н.И. Новикова, К.Н. Леонтьева, Фета, Тютчева, К.К. Случевского, В.Г. Короленко.

Не явленная внешне, но глубинно соотносимая типология творч. биографий О. М. и Г. выразилась в их обращении в 1922 (Г. – «Лик человеческий») и в 1923 (О. М. – «Шум времени») к худож. формам, автобиографическим в своей основе. У обоих писателей эта потребность возникла в момент осознания своего разрыва с «веком» как экзистенциального выбора. Отсюда возникновение на страницах «Шума времени» многократно подвергнутого худож. рефлексии образа Г.

Лит.: Ямпольский И. Г. Иван Коневской. Письма к Вл. Гиппиусу // Ежегод. РО ПД на 1977 год. Л., 1979. С. 79–98; Русская литература и журналистика начала XX века. М., 1984 (по им ук.); Мордсерер В. Я. Блок и Иван Коневской // А. Блок: Новые мат-лы и исслед. // ЛН. Кн. 4. М., 1987. С. 151–78; Тименчик Р. Д. Владимир Гиппиус // Родник. 1988. № 4. С. 27–28; Лавров А. В. Гиппиус Вл. В. // РП (1800–1917). Т. 1. 1989. С. 565–66; Гумилев Н. С. Письма о рус. поэзии. М., 1990. С. 161–62; Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 221–23, 327–71; Мандельштам Н. (1). 1999 (по им. указ.); Морозов А. А. Примечания // Мандельштам О.Э. Шум времени. М., 2002; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002. (по им. указ.); Лекманов, 2003. С. 26–27, 22–23, 49–51; Куранда Е. Л. «От непобежденного учителя»: Пушкинский миф в жизни и творчестве Владимира Васильевича Гиппиуса // Беллетристич. пушкиниана XIX–XXI веков. Псков, 2004. С. 287–300.

Е.Л. Куранда

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (30.10.1821, Москва – 28.1.1881, С.-Петербург), писатель. Вспоминая детство в «Шуме времени» (1923–24), О. М. описывает «материнские рус. книги» в родительской б-ке: «<...> А что такое Тургенев и Достоевский? Это приложение к “Ниве”. Внешность у них одинаковая, как у братьев. <...> На Достоевском лежал запрет, вроде надгробной плиты, и о нем говорили, что он “тяжелый” <...>» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 357). В др. месте О. М. называет одного из своих товарищей по Тенишевскому уч-щу «начетчик

по Достоевскому» (Там же. С. 369). И усвоенная в детстве характеристика «тяжелый», и иронич. определение «начетчик» подтверждают мнение Н. М. о том, что О. М. «чурался» Д.: «В стихах и в прозе <О. М.> есть реминисценции из Достоевского, но он никогда не писал и не говорил о нем. Боялся ли он его выводов или его отталкивали теории Достоевского-публициста? <...> Люди наших поколений делились на приверженцев Толстого и Достоевского. Мандельштам тяготел скорее к Толстому, чем к Достоевскому, но в общем был свободен от обоих, потому что чувствовал в них ересиархов» (Мандельштам Н. (2). 1972. С. 319). Вместе с тем упоминаемые Н. М. реминисценции из Д. и просто переключки с его произв. присутствуют в творчестве О. М. на всем его протяжении [сверх того О. Ронен атрибутирует О. М. изобретение полифонической концепции, легшей затем в основу книги М.М. Бахтина о Д. (Ронен, 2000. С. 105), а также вменяет О. М. рефлексию др. теоретич. работы о Д., принадлежащей Ю.Н. Тынянову (Ронен, 2002. С. 150)]. В стих. «Домби и сын» [1913 (1914?)], по мнению С.И. Липкина, «Диккенс воспринят Мандельштамом через Россию, через Достоевского, <...> лондонский Сити – это и Петербург Достоевского» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 16). Идея возвращения к земле, к метафизич. «почве» Д., усвоенная в контексте орфич. модели В.И. Иванова, различима в стих. «Как этих покрывал и этого убора...» (1915) (Freidin, P. 94). Ронен цитирует пассаж из «Идиота» (1868) как один из источников «Сумерек свободы» (1918) (Ронен, 2002. С. 140). В «Письме о рус. поэзии» (1922) О. М. писал, что в «космич.» поэзии В.И. Иванова «даже минерал произносит несколько слов» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 237), намекая на аллегорич. поэму Степана Трофимовича из «Бесов» (1871–72), где «даже <...> пропел о чем-то один минерал» («Бесы») (см.: Василенко С. В., Фрейдin Ю. Л. Примечания // День поэзии. М., 1981. С. 196; ср.: Лекманов, 2000. С. 561–64). При анализе стих. О. М. «1 января 1924» (1924) Ронен обращается к тексту «Идиота» (Ронен, 1983. P. 290) и полемизирует с Дж. Бэйнс, возводящей паука из этого стих. к пауку, к-рый снился Свидригайлову в «Преступлении и наказании» (1866; Ibid. P. 165).

В рец. «<Магазин дешевых кукол>» (1929), О. М., критикуя сов. кинокомедию «Кукла с миллионами» (1928), объявляет картину продолжением рассказа Д. «Бобок» (1873) (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 503), а ниже ей присуждается «вузовская стипендия имени господина Свидригайлова, в чьем сизом

мозгу только и мог зародиться весь этот бред» (Там же. С. 505). Как полагает Р. Пшибыльский, желток, упоминаемый в стих. «Ленинград» (1930), маркирует апокалиптич. желтизну, к-рой отмечен Петербург Н.В. Гоголя и Д. (Przybylski. P. 145). Г.М. Фрейдин привлекает религ.-этич. модель Д. как релевантную для прочтения стих. «Ламарк» (1932) (Freidin. P. 227). Слово «жизняночка» из 8-стишия «О, бабочка, о, мусульманка...» (1933), возможно, имеет источником обращение «жизночек» в «Бедных людях» (1846) (Ч е р а ш н я я Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992. С. 120–21). В «Еще не умер ты, еще ты не один...» (1937) слова «спокоен и утешен» отсылают к «Братьям Карамазовым» (1879–80) (см.: Полн. собр. стих. С. 621). С.Ф. Кузьмина проводит параллель между стих. «Где связанный и пригвожденный стон?» (1937) и финалом «Братьев Карамазовых» (Ку з ь м и н а. С. 390–91). Воздействием Д. отмечены последние воронежские стихи (1937), обращенные к Н.Е. Штемпель: «Я к губам подношу эту зелень...» и «Клейкой клятвой пахнут почки...» варьируют мотив «клеяких листочков» из «Братьев Карамазовых» (а также из пушкинского «Еще дуют холодные ветры...», 1828) (см.: П е т р о в а. С. 194); в «<Стихах к Н. Штемпель>» мотив жен. хромоты, уподобление шага – рыданью и упоминание сырой земли идут от «рассказа старицы о тождественности Марии-Богородицы и “сырой земли”, к-рую надо напоить слезами, пересказанного Шатову Марией Лебядкиной в гл. “Хромоножка” “Бесов”» (М е ц А. Г. Комментарий // Полн. собр. стих. С. 635).

Но обилием подтекстов из Д. не исчерпывается его значение для О. М. Как считает Г.А. Левинтон, эти подтексты объединяет «проблема взаимоотношения православия и иудаизма, рус. и евр. начал и т. п.» (Л е в и н т о н. С. 30). Л.Я. Гинзбург делает еще более широкое обобщение, отмечая, что поэзию О. М. водила «по дорогам мировой культуры» «потребность исторически понять разные культуры и найти им место в объемлющем их рус. культурном сознании. Концепция эта, вероятно, сложилась в какой-то мере под воздействием идей Достоевского о всемирности, всечеловечности как неотъемлемом свойстве рус. нац. сознания <...>» (Камень. 1990. С. 273–74). В том же ракурсе рассматривает эстетич. стратегии О. М. и Г.М. Фрейдин; в его понимании О. М., сталкивающий далекие друг другу культурно-ист. пласты, является последователем утопич. мысли П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена и Д., к-рый в своей речи «Пушкин» (1880) определяет архетипич. рус. поэта

как гения метаморфозы, способного имитировать сущность всех культур, являя собой прообраз объединения человечества (Freidin. P. 141). Подтверждением такой программы может служить отражение «пушкинской речи» Д. в ст. «А. Блок (7 августа 21 г. – 7 августа 22 г.)» (1922), где О. М. вслед за Д. упоминает «Пир во время чумы» (1830) как пример способности поэта к тому, что Д. назвал «всемирной отзывчивостью». Одна из двух цитат, приводимых О. М. в этой связи, взята не из «Пира во время чумы», как полагает О. М., а из «Каменного гостя» (1830) (см. Собр. соч.-2. Т. 2. С. 254). Подобные неточности вообще характерны для О. М. и, в частности, нередки при его обращениях к творчеству Д. Так, в «Шуме времени» упоминается «желанье Неточки Незвановой у Достоевского услышать скрипичный концерт за красным полымем шелковых занавесок» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 364), хотя в «Неточке Незвановой» (1849) фигурируют портьеры из пунцового бархата (гл. IV); в очерке «Яхонтов» (1927) мелькает «Машенька из “Белых ночей”» (Там же. С. 460), тогда как героиню Д. зовут Настенька; в гл. V «Египетской марки» (1927) о самом Д. сказано: «бесенок скандала вселился в квартиру на Разъезжей» (Там же. С. 484), между тем Д. жил не на Разъезжей ул., а поблизости (см.: Нерлер П. М. Комментарий // Соч. Т. 2. С. 411); в гл. VIII «Египетской марки» герой возводит свою родословную к «капитану Голядкину» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 491), наделяя Голядкина из пов. «Двойник» (1846) чином др. персонажа Д. с похожей фамилией – капитана Лебядкина из «Идиота» (см. Кузьмина. С. 388); А.Е. Барзах рассматривает этот пример как частный случай мандельшт. «поэтики неточности» (Барзах. С. 386). «Египетская марка» не просто изобилует аллюзиями на произв. Д., но и подчеркнута воспроизводит сюжетную модель «петерб. текста» рус. лит-ры, ориентируясь, в частности, на «Медного всадника» (1833) Пушкина, «Нос» (1836) и «Шинель» (1842) Гоголя и ряд произв. Д., прежде всего на «Двойника» и «Идиота».

В очерке «Яхонтов», написанном одноврем. с «Египетской маркой», О. М. приветствует опыт подобного комбинирования на сцене: «<...> “Петербург” – лучшая работа Яхонтова, сплетенная из обрывков “Шинели”, “Белых ночей” Достоевского и “Медного всадника”» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 461) (см. также: Мандельштам Н. (2). С. 357). Как отметил Н.Я. Берковский, «фабульная ситуация “Египетской марки”. <...> повторяет ситуацию двух Голядкиных, из к-рых

второй, двойник-удачник, бредово присваивает все преимущества, дразнящие оригинала-неудачника, первого Голядкина» (Берковский Н. Я. Мир, создаваемый лит-рой. М., 1989. С. 301). Определяя стержневую коллизию «Египетской марки», М.Л. Гаспаров пишет, что в основе ее – «тема маленького человека XIX в., к-рый лишается самой дорогой вещи (как в «Шинели») и сталкивается с двойником-соперником, к-рый без всякого права перехватывает у него все самое нужное в жизни (как в «Носе» Гюголя и «Двойнике» Достоевского)» (Стих. Проза / Сост. М. Гаспаров. С. 684). Но мотивы произв. Д. проникают в «Египетскую марку», преломляясь в текстах старших современников О. М., именуемых Барзахом «вторичными» источниками, – в частности, в этюдах И.Ф. Анненского из «Книги отражений» (1906) (см. Тимечик Р. Д. Из комментариев к мандельшт. текстам: Артур Яковлевич Гофман // Поэтика и текстология. С. 67; Барзах. С. 398). В гл. V О. М. заводит речь о «скандале» как особой категории рус. менталитета, идущей от молодого Д. и его эпохи (в «Разговоре о Данте» (1933) О. М. указывает на *Данте Алигьери* как на далекого предшественника Д. в обл. поэтики скандала – см.: Собр. соч.-2. Т. 3. С. 223), и помещает на одном повествоват. уровне сотрудников «Современника» (антагонистов автора «Бедных людей») и персонажа ром. «Идиот» юного Ипполита, с к-рым О. М. отождествляет его создателя: «<...> Вечером на даче в Павловске эти господа литераторы отчехвостили бедного юнца – Ипполита. Так и не довелось ему прочесть свою клеенчатую тетрадку <...>» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 483) (подробнее см.: Толстая Е. Д. Мирпослеконца. М., 2002. С. 63–64). Как отметил Ронен, в подтексте фразы: «Пропала крупиночка: гомеопатическое драже, крошечная доза холодного белого вещества... В те отдаленные времена <...> эта крупиночка именовалась честью» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 483) – эпизод с Ипполитом, забывшим положить порох в пистолет («Идиот»), а фраза: «Рояль – это умный и добрый <...> зверь» (Там же. С. 481) отсылает к словам кн. Мышкина: «Осел добрый и полезный человек» («Идиот») (см.: Ронен. Р. 277, 307).

Д. постоянно присутствует в устных и письм. высказываниях О. М. в связи с волновавшей его темой ист. динамики лит. жанров. Уподобляя стихи Н.А. Заболоцкого сочинениям капитана Лебядкина из «Идиота» (см.: Мандельштам в письмах Рудакова к жене. С. 70), О. М. отказывает этим стихам в к.-л. достоинствах, но тем не менее подразумевает, что в ходе лит.

процесса пародия на лит-ру может занять место лит-ры как таковой. Лирика А.А. Ахматовой, по мысли О. М., наследует рус. психологич. роману, включая «всего Достоевского» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 239). Роман Д., в свой черед, выступает формой бытования трагического в эпоху, когда трагедия на сцене стала невозможна (это воззрение сформировалось под прямым влиянием работы В.И. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» – ср.: Барзах. С. 417–18). По свидетельству Н. М., О. М. «твердо знал, что всякий жанр непрерывно исчерпывает себя и тот, кто берется за него, начинает с полной перестройки. <...> Достоевский разворачивает действие наподобие трагедии. <...> Мандельштам часто говорил о трагедии, но не как о лит. жанре, а об ее сути. <...>» (Мандельштам Н. (2). С. 390). Применительно к своей эпохе О. М. сомневался в жизнеспособности жанра романа, и в этом контексте Д. наряду с Л.Н. Толстым предстал образцовым романистом (Мандельштам Н. (2). С. 387–88). В ст. «Лит. Москва. Рождение фабулы» (1922) О. М., критикуя писателя-современника (А. Белого) за неадекватность его прозы жизни. ритму реального читателя, в качестве позитивной альтернативы указывает, в частности, на Д.: «Достоевский – отличное застольное чтение, если не сейчас, то в очень недалеком будущем, когда вместо того, чтобы плакать и умиляться над ним <...>, будут воспринимать его чисто литературно и тогда в первый раз прочтут и поймут» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 261).

Лит.: Мандельштам Н. (2). 1972 (по им. указ.); Кузьмина С. Ф. Достоевский в восприятии Мандельштама // ЖИТМ. С. 382–93; Левинтон Г. Достоевский и «низкие» жанры фольклора // ЛО. 1991. № 11. С. 50; Он же. Мандельштам и Гумилев: Предварит. заметки // Столетие Мандельштама. С. 30; Фарыно Е. Археопэтика Мандельштама (На примере «Концерта на вокзале») // Там же. С. 200; Симонек С. Египетские марки О. Мандельштама и К. Чапека // «Отдай меня, Воронеж...». С. 65; Барзах А. ...Без фабулы (Вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама) // Барзах А. Обратный перевод. СПб., 1999. С. 366–418; Мусатов В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 108–09, 386; Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000; Он же. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Петрова Н. А. Семантика черемухи в поэзии О. Мандельштама // Смерть и бессмертие. С. 194; Brown C. The Prose of Mandelstam // The Prose of O. Mandelstam. Princeton, 1965. P. 3–65; Baines J.

Mandelstam: The Later Poetry. Camb., 1976. P. 44–45; Ronen O. An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983; Freidin G. A Coat of Many Colors: O. Mandelstam and His Mythologies of Self-presentation. Berkeley; Los Angeles; L., 1987; Przybylski R. An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. Ann Arbor, 1987; Crone A. L. Mandelstam's Rozanov // Столетие Мандельштама. С. 65; Isenberg Ch. Mandelstam's «Egipetskaia Marka» as a Work in Progress // Там же. С. 228–43; Gifford H. Mandelstam and Soviet Reality // Там же. С. 261.

Е.П. Сошкин

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич (24.4.1903, Казань – 14.10.1958, Москва), поэт, переводчик. Осенью 1928 выступил, наряду с Д.И. Хармсом, А.И. Введенским, К.К. Вагиновым, И.В. Бахтеревым, в качестве одного из организаторов лит. группы ОБЭРИУ (Объединение реального иск-ва), от участия в к-рой отошел к нач. 1929. 19.3.1938 по сфабриков. обвинению в «троцкистской» деятельности З. арестован органами НКВД и приговорен к 5 г. исправительно-трудовых лагерей (ст. 58-10 и 58-11), однако из-за нач. войны лишь через 8 лет, в янв. 1946, освобожден, вернулся к лит. деятельности и поселился в Москве.

В 1920-х гг. восторженно относился к поэзии и эстетич. позиции О. М., о чем свидетельствуют два упоминания в письмах из Петрограда в Уржум, адресованных другу и земляку М.И. Касьянову: «Здесь Мандельштам пишет замечательные стихи. Послушай-ка <...>» (11.11.1921; далее приводится стих. «Возьми на радость из моих ладоней...»; Заболоцкий Н. А. Собр. соч. Т. 3. С. 301). «Но чувствую непреодолимое влечение к поэзии О. Мандельштама (“Камень”) и пр. Так хочется принять на веру его слова: “Есть ценностей незыблемая скала...”, “И думал я: витийствовать не надо...” И я не витийствую» (7.11.1921; Там же. С. 303). Согласно воспоминаниям И.М. Синельникова, З. «с великим торжеством» показывал ему сборник стихотворений О. М., к-рого ставил в один ряд с Ф.И. Тютчевым и Е.А. Баратынским («Это большие поэты, но у них короткое дыхание»). (Воспоминания о Заболоцком. С. 112).

Полемика с символизмом у молодого З. разворачивалась в направлении «левого иск-ва», футуристич. и постфутуристич. «антиэстетизма» и «анализма» (В.В. Хлебников, П.Н. Филонов и его школа); из поэтов акмеистского круга

ему были ближе В.И. *Нарбут* и М.А. *Зенкевич*, нежели О. М. и А.А. *Ахматова*, к которой З. относился резко отрицательно. В 1933 З. отвергал уже и О. М.: «Это бормотание, утверждал он, в искусстве надо говорить определенные вещи» (Гинзбург. С. 137). О. М. не принял поэтику первого сб. стих. З. «Столбцы» (1929). По свидетельству, относящемуся к событиям 1931, О. М. «неожиданно стал нападать на “Столбцы” Заболоцкого» (Липкин. С. 377). «17.IV. [1935]: О Заболоцком молчит, а потом мрачно ругается» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 42) Поэзия З. 1930-х гг. привлекала внимание О. М. («Говорили о Заболоцком, Ходасевиче и Цветаевой, он (и я) очень хочет их перечесть» [Там же. С. 135]), но была ему чужда получившей впоследствии развитие тенденцией к дидактизму. 27.6.1935 О. М. услышал «Осенние приметы» З. (Известия. 1934. 18 нояб.; в позднейших изд. – «Осень») в исполнении С.Б. *Рудакова*: «Он и Н. охали и оживлялись. В конце... он стал многословно ругать. <...> Обращение к читателю, как к идиоту, поучение (“и мы должны понять”) – тоже, Тютчев нашелся... Многословие... Подробности... <...> Также, Гёте нашелся... Это капитан Лебядкин, а не стихи... В хвост и в гриву использован формалистич. прозаич. прием отстранения (я поправил: остранения)... Все на нездоровой основе» (Там же. С. 70). См. также в мемуарах Н.К. *Чуковского* о неприятии О. М. «Второй книги» З.: «Мандельштам, со свойственной ему прямоотой, сказал, что ему не нравятся ни прежние стихи Заболоцкого, ни новые» (Чуковский. С. 170). В ст. С. Розенталя «Тени старого Петербурга» (Правда. 1933. 30 авг. С. 4), направл. против «Путешествия в Армению» и названной О. М. «желтопрессной» (см. Мандельштам Н. (2). 1999. С. 426–27), имя З. венчает список «остатков старых классов и лит. школ»: «В. Шкловский, О. Мандельштам, Вагинов, Заболоцкий». Рудаков был склонен полагать, что неприятие З. связано с внеэстетич. причинами: «1.III. [1936] – ...жаль, что нового Заболоцкого не знаю еще наизусть. Его Осипу Эмильевичу не показывал, так как биографические психованья так глубоки, что переключиться он не в силах. Жалко комкать Заболоцкого» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 154). Возможно, имеются в виду обстоятельства работы над переложением кн. Дж. Свифта: 26.9. – «...хотя финансы налаживаются, он взялся делать передачу Гулливера у великанов (образы лилипутов сделаны Н. Заболоцким!). <...> О. ругается злобными словами: мерзость, пошлость, отвращение и все такое...» (Там же. С. 87). В 1937

«Гулливер у великанов» вышел в обработке З. (М.; Л.). Резко отрицат. было отношение О. М. к попыткам социальной микрии З. в 1930-х гг.: 4.4. [1936] на речь З. «Статьи “Правды” открывают нам глаза» (Лит. Ленинград. 1936. 1 апр.) «Последовала рецензия: “Врет. Написал памфлет на сухотку мозга, а объясняет как... Это вроде Зоценки, к-рый пишет *памфлеты* невероятной силы, а выдает их за душеспасительное чтение”». (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 117). Тем не менее есть все основания для сопоставления стих. З. «Горийская симфония» (1936) и стих. О. М. «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» (1937) об И.В. *Сталине*. Назв. включавшего 17 стих. сб. З. «Вторая книга» (1937) отсылает к одноим. сб. О. М. (М., 1923); оба поэта переводили груз. классиков, в частности Важа Пшавела (см.: Цыбулевский А. С. Рус. переводы поэм Важа Пшавела: Проблематика, практика, перспективы. Тбилиси, 1974; Он же. Высокие уроки: Поэмы Важа Пшавела в пер. рус. поэтов. Тбилиси, 1980). В лит-ре о З. распространены параллели между натурфилос. лирикой З. и стих. О. М. «Ламарк» (см.: Ростовцева И. И. Н. Заболоцкий: Лит. портрет. М., 1978. С. 171–72; Goldstein D. N. Zabolotskij: Play for Mortal Stakes. Cambridge, 1993. P. 284). О. М. (наряду с Б.Л. *Пастернаком*) – один из возможных адресатов стих. З. «Читая стихи», написанного в 1948, в разгар «борьбы с космополитизмом», и опубл. лишь в 1956.

Основания для такой параллели дают строки «Но возможно ли русское слово / Превратить в щебетанье щегла?», находящие соответствие в «щegliных стихах» О. М. из «Воронежских тетрадей» (1937). Это может свидетельствовать как о кризисе, наступившем в отношении З. к поэзии и личности О. М. после лет, проведенных в лагерях (см.: Шром С. 120–22), так и об усложнении стратегии поэта, пародирующего расхожие «истины» и газетные штампы в расчете на то, что идеол. инстанции примут пародию за «чистую монету» и прямую артикуляцию социальных и эстетич. установок автора. Согласно воспоминаниям Б.А. Слуцкого, даже в конце жизни З. «читил Мандельштама и с доброй улыбкой рассказывал, как тот разделявал под орех его стихи» (Слуцкий Б. А. О друзьях и о себе // ВЛ. 1989. № 10. С. 205).

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. / Сост. Е.В. Заболоцкая, Н.Н. Заболоцкий. М., 1983–84; Вешних дней лаборатория: Стих. (1926–37 гг.) / Сост., вступ. ст., и примеч. Н.Н. Заболоцкого. М., 1987.

Лит.: Райс Э. Новые издания О. Мандельштама и Н. Заболоцкого // Грани. Fr/M, 1966. № 60; Воспоминания о Заболоцком. 2-е изд., доп. // Сост. Е.В. Заболоцкая, А.В. Македонов и Н.Н. Заболоцкий. М., 1984; Гинзбург Л. Я. Лит-ра в поисках реальности. Л., 1987; Чуковский Н. К. Лит. воспоминания. М., 1989; Эткин Е. Два «Движения» – две эстетики // ЛУ. 1990. № 6. 155–57; Шром Н. И. «...Возможно ли русское слово превратить в щебетанье щегла» (К проблеме адресата стих. Н.А. Заболоцкого «Читая стихи») // Philologia: Риж. филол. сб. Вып. 1: Рус. лит-ра в ист.-культурном контексте. Рига, 1994; Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // Липкин С.И. Квадрига: Повесть, мемуары. М., 1997; Заболоцкий Н. Н. Жизнь Н.А. Заболоцкого. М., 1998; Кобринский А. А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте рус. лит. авангарда: В 2 ч. М., 2000 (по им. указ.); Muchnic H. Three Inner Emigres: A. Akmatova, O. Mandelshtam, N. Zabolotsky // Russian Review. Vol. 26. 1967. № 1.

И.Е. Лоцилов

ЗОЩЕНКО Михаил Михайлович (28.7.1894, С.-Петербург – 22.7.1958, Сестрорецк, Ленинградская обл.), писатель-сатирик, драматург. Автор небольших сатирич. рассказов и крупных пов.: «Возвращенная молодость» (1933), «Голубая книга» (1935), «Перед восходом солнца» (1943) и др. З. входил в лит. группу «Серапионовы братья» (образована в 1921). Познакомился с О. М., вероятно, в 1920–21 в «Доме искусств», где З. жил с 1919 (с небольшими перерывами) в течение неск. лет. Там же (в комнате М.Л. *Слонимского*) собирались «Серапионовы братья» (Лицо и маска М. Зощенко. С. 343–45). Сам О. М. не позднее 15.10.1920 получил комнату в общежитии «Дома искусств» и периодически принимал участие в разл. поэтич. вечерах (напр., 18.11.1920 – Собр. соч.-2. Т. 4. С. 442–43). О. М. достаточно тесно общался с «Серапионовыми братьями». Размышляя о свежих веяниях в совр. лит-ре, он упомянул группу в ст. «Лит. Москва: Рождение фабулы» (1922; Стих. Проза / Сост. М. Гаспаров. С. 535–36). Вероятно, О. М. воспринимал «Серапионовых братьев» не как кружок друзей-писателей, а как новую лит. школу с единым направлением. Из этого направления неск. выбивался З., поэтому О. М. пропустил его имя при перечислении участников об-ва, но зато включил в его ряды В.Г. *Лидина* и М.Я. *Козырева* (Там

же). В 1920-е гг. З. с О. М. связывала искренняя дружба. По свидетельству А.А. Ахматовой, О. М. «высоко ценил Бабеля и Зощенко. Михаил М<ихайлович> знал это и очень этим гордился» (Ахматова А. Листки из дневника. С. 135; см. также: Мандельштам Н. (2). 1999. С. 196, 312–13, 366–67, а также: Мандельштам Н. (1). 1999. С. 104, 334). Ср. слова З., приведенные в дневнике К.И. Чуковского (30.10.1927): «Знаете, Осип Мандельштам знает многие места из моих повестей наизусть – м. б. потому, что они как стихи. Он читал мне их в Госиздате» (Чуковский С. 491). Весной 1924 О. М. и З. вместе с И.Э. Бабелем, С.А. Есениным, В.П. Катаевым, А.Н. Толстым и др. подписали коллективное письмо в Отдел печати ЦК РКП(б) с протестом против «огульных нападков» на них критиков журнала «На посту» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 202). Хотя З. в своих произведениях ни разу не упоминал О. М., сам он дважды появился в прозе О. М. В рец. (1929) на к/ф «Кукла с миллионами» О. М. привел слова обобщенного героя З., к-рому «скучно жить в трудовой республике» и на непритязательный вкус к-рого и рассчитан рецензируемый фильм (Там же. Т. 2. С. 502). В «Четвертой прозе» (1930) О. М. так пишет о З.: «У нас есть библия труда, но мы ее не ценим. Это рассказы Зощенки. Единственного человека, к-рый нам показал трудящегося, мы втоптали в грязь. Я требую памятников для Зощенки по всем городам и местечкам...» (Там же. Т. 3. С. 178–79). О. М. привлекала, вероятно, современность писателя и его близость к простому, «трудящемуся» читателю. В мае–июне 1931 О. М. выразил свое стремление шагать в ногу с эпохой в следующих строках: «Пора вам знать: я тоже современник, / Я человек эпохи Москвошвея <...> Попробуйте меня от века оторвать, / Ручаюсь вам – себе свернете шею!» («Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...») (Стих. Проза / Сост. М. Гаспаров. С. 175).

На протяжении 1920-х гг. З. не только дружески общался с О. М., но и помогал ему в трудных ситуациях. Он был одним из 15 писателей, подписавших письмо в защиту О. М., несправедливо обвиненного А.Г. Горнфельдом в плагиате (ЛГ. 13.5.1929; подробно об этом: Лекманов, 2003. С. 127–36). Н. М. и О. М. в письме Ахматовой от 11.6.1929 описали тяжелое положение поэта и попросили ее сообщить «об этом безобразии Федину, и Козакову, и Зощенко» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 121). В 1930-е гг. О. М. и З. сохранили прежние теплые отношения: в янв. 1930 З. вместе с В.Э. Мейерхольдом,

Ю.К. Олешей и др. писателями побывал в гостях у О. М. (Лицо и маска М. Зощенко. С. 350), а в мае 1933 жена писателя (В.В. Зощенко) отдыхала в Коктебеле с Н. М. и О. М.: «...с последним я часто болтала, сидя за домом или у себя на крылечке, и по прощании он написал мне на память стихи в крошечной моей записной книжечке» (М. Зощенко: Мат-лы к творч. биографии. СПб., 2003. Кн. 3. С. 20). Последняя встреча З. с О. М. состоялась летом или ранней осенью 1937 – О. М. приезжал в Ленинград, и З. (вместе с Ю.Н. Тыняновым, В.О. Стеничем и К.И. Чуковским) оказывал ему материальную поддержку, пытаясь облегчить бедств. положение поэта (см. протокол допроса О. М. от 17.5.1938 в кн.: Шенгалинский В. А. Рабы свободы: В лит. архивах КГБ. М., 1995. С. 247).

Лит.: Старков А. Н. М. Зощенко: Судьба художника. М., 1990; Лицо и маска М. Зощенко. М., 1994; Жолковский А. К. М. Зощенко: Поэтика недоверия. М., 1999; Чудакова М. О. Поэтика М. Зощенко // Чудакова М.О. Избр. работы: В 2 т. 2-е изд. Т. 1: Лит-ра сов. прошлого. М., 2001; Чуковский К. И. Дневник: 1901–1969. 3-е изд. Т. 1: [Дневник. 1901–1929]. М., 2003.

М.А. Котова

ИВАСК Юрий Павлович (1.9. [по др. сведениям – 12.11.] 1907 [по др. сведениям – 1910], Москва – 13.2.1986, Амхерст, шт. Массачусетс, США) – рус. эмигр. поэт, эссеист и педагог. Отец – Павел Георгиевич Иваск – из эстонских немцев (дядя – известный книговед У.Г. Иваск; см. о нем: Удо Георгиевич Иваск (1878–1922): Библиография. 2-е изд., доп. / Сост. Е.У. Кульпа-Иваск. Таллинн, 2001), мать (урожд. Евгения Александровна Фролова, 1878–1965) – из моск. купцов (см.: НРС. 5.12.1965). В 1920 семья переехала в Эстонию, в Ревель (Таллин), а потом в Юрьев (Тарту), где И. в 1926 закончил гимназию, а в 1932 – юрид. ф-т Тартуского ун-та; работал налоговым инспектором в Печорском р-не. Состоял в таллинской «Гильдии поэтов»; вместе со С.Л. Шлифштейн основал лит. ж-л «Русский магазин», в единственном выпуске к-рого (1930) участвовали А.М. Ремизов и Б.Ю. Поплавский. В 1932 был арестован и впоследствии выслан из Таллина. Встречался в Эстонии с И. Северянином, в Латвии – с И.В. Чинновым, а в Париже (1938) – с М.И. Цветаевой, З.Н. Гиппиус и Д.С. Мерещковским. Переписывался со многими русскими

писателями. В очерке «Новь» (Совр. записки. 1923. Кн. 23) Гиппиус использовала письма И., не называя его имени (Богомолв Н. А. От Пушкина до Кибирова. М., 2004. С. 343; там же опубликованы 2 ее письма к И. 1924 и 1925). В 1938 в варшавском изд-ве «Священная лира» тиражом 100 экз. выпустил свою первую поэтическую книгу «Северный берег. Стихи 1933–1936». По одним сведениям, во время войны находился в Эстонии и был мобилизован в эстонскую дивизию СС (см.: То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева. Таллинн, [1986]. Т. II. С. 173), по другим – служил в эстонской полиции и сотрудничал в таллиннской газ. «Северное слово» (см.: Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944. М., 2004. С. 342). В конце войны, вместе с отступавшими немцами, попал в Германию; в лагере для перемещенных лиц работал помощником санитаря (сам И. утверждал, что был вывезен в Германию накануне войны). В 1943 женился на Тамаре Георгиевне Межак (1916–1982). В 1945 поступил на от-ние славистики Гамбургского ун-та, где проучился до 1949. В 1949 эмигрировал в США и начал свою академическую карьеру в Гарварде (дис. на тему «Вяземский как литературный критик», 1954). В 1955 получил гражданство США и степень PhD в Гарвардском ун-те. Преподавал рус. лит-ру в Калифорнийском, Беркли (1956), Канзасском (1956–60), штата Вашингтон, Сиэттл (1960–68) и Вандербилтском (1968–69) ун-тах, проф. и руководитель отделения славистики в Массачусетском ун-те, Амхерст (1969–77), летний семестр 1974 – гостящий проф. Фрайбургского ун-та (ФРГ). Автор поэтич. и литературоведческих книг, многочисл. статей, эссе и рец. на самые разные темы, редактор антологии эмигрантской поэзии «На Западе» (1953) и сочинений Г.П. Федотова (1952), К.Н. Леонтьева (1955) и В.В. Розанова (1956). Активно сотрудничал с изд-вом им. Чехова, в 1955–58 редактировал журн. «Опыты» (Нью Йорк); постоянный сотрудник НЖ, НРС, РМ, «Современник», SR, SEEJ, «Zeitschrift für Slavische Philologie», а также радиостанций «Свобода» и «Радио Ватикан». О. М. был любимым поэтом И., еще в кон. 1940-х гг. в Гамбурге он переписал для себя второе изд. «Камня». Им написана вступ. ст. «Дитя Европы» к т. 3 Собр. соч.-1 и ряд др. статей, посвященных О. М., а также рец. на издания его сочинений и литературу о нем. В неопубл. ст. «Триады в стихотворениях Б. Пастернака, М. Цветаевой и Мандельштама» вводит понятие «триад», понимая под ними тройные повторы

существительных (типа «туманом, ветром и дождем»). В 1959 И. задумал и, заручившись финансовой поддержкой Канзасского ун-та, в течение лета и осени 1960 осуществил уникальную для того времени экспедицию по сбору данных по устной истории – т. н. проект «Акмеизм», суть которого сводилась к магнитофонной записи и расшифровке интервью с писателями и др. видными представителями рус. эмиграции (сами интервью брались в Париже, Мюнхене, Базеле, Стокгольме и Ницце). О. М. был одной из главных тем переписки И., в частности, с такими корреспондентами, как Г.В. *Адамович*, А.В. Бахрах, Г.П. *Струве* и др. И. особенно дорожил и гордился единственным письмом, полученным им осенью 1976 от Н. М., а также копией ее более раннего письма к Н.А. *Струве*, где она называла И. в качестве одного из возможных хранителей *Архива О. М.* в США, куда, согласно ее воле, архив переправлялся из Франции (см. *Принстонский университет*).

Соч.: Рец. на: Мандельштам О. Собр. соч. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. 1955 // *Опыты* (Н.Й.). 1956. № 6. С. 89–92; То же: Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен. 1956. № 2/19; Rev.: То же // *Books Abroad*. Vol. XXX, № 3. С. 127–130, 294, 295; [Мандельштам]. Стихи // По Советскому Союзу. Еженедельный обзор Комитета Радио Свобода. 14.8.1964. С. 9 (Перепеч.: Содружество. Из современной поэзии русского зарубежья / Сост. Т. Фесенко. Вашингтон, 1966. С. 220; И в а с к Ю. Хвала. Стихи. Вашингтон, 1967. С. 53); Рец. на: Мандельштам О. Собр. соч. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. 1964. Т. 1 // НЖ. 1966. № 82. С. 287–290; Рец. на: Мандельштам О. Собр. соч. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. 1966. Т. 2 // Там же. 1967. № 88. С. 23–27; Дитя Европы. О поэзии Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Собр. соч. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. 1966. Т. 3. С. I – XXI; Rev.: Brown C. The Prose of Osip Mandelshtam // *The Slavonic and East European Journal*. Vol. X. 1966. P. 341–42; Эпоха Блока и Мандельштама (О новой русской поэзии) // Мосты. Мюнхен, 1968. Кн. 13/14. С. 109–227; Rev.: *Sobranie sochinenii*. By Osip Mandelstam / Ed. by G. P. Struve and B. A. Filippov. 2nd ed. Vol. 1 // *Washington Slavic Review*. 1970; Христианская поэзия Мандельштама // НЖ. 1971. №.103. С. 109–23; Антология петербургской поэзии эпохи акмеизма. München, 1973. 217 с. (совместно с W.H. Tjalsma); Рец. на: Koubourlis D. A Concordance to the Poems of O. Mandelstam // НЖ. 1975, 119. С. 287–88; Исповедь горячего сердца: О воспоминаниях Н.Я. Мандельштам // НЖ.

1973. № 111. С. 36–46; Венеция Мандельштама и Блока // Там же. 1976. № 122. С. 113–26; Воронежский Мандельштам (стихи) // Там же. 1978. № 132. С. 113; Mandelstam on Belyj // Гнозис/Gnosis. I. N. Y., 1978. P. 93–105; «Воронежские тетради» Осипа Мандельштама // НРС. 18.05.1980; Повесть о стихах. N. Y., 1987; Похвала российской поэзии: Эссе / Сост. У. Шульц; Предисл. Д. Бобышева. Tallinn, [2002]. С. 149–56; Письма, записи из дневника // Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции. 1950–80-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова. М., 2003. С. 602–28.

Лит.: Бобышев Д. Слово об Иваске; Блинов В. Памяти Ю.П. Иваска; Перелешин В. Юрий Иваск // НЖ. 1986. Кн. 163. С. 282–295; Богомолов Н. А. Проект «акмеизм» // НЛО. 2003. № 58. С. 140–80 (см. также: Бобышев Д. О ненормативной этике [открытое письмо Н.А. Богомолову]; Богомолов Н. А. В редакцию «Нового литературного обозрения» // НЛО. 2003. № 63. С. 437–39); Дукельский В. Ю. П. Иваски и его работы // НРС. 20.6.1965; Евдокимов В. Игра пера и подвиг вдохновения: «маньеризм» и трагизм «играющего человека» // ВРСХД. 1978. №. 127. С. 131–41; Из архива редактора «Опытов» / Публ. А.Н. Богословского, коммент. О. А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 182–227; Небольсин А. Юрий Павлович Иваск // НРС. 2.3.1986; Нерлер П. М. Материалы об О. Э. Мандельштаме в американских архивах // Россика в США. 50-летию Бахметьевского архива Колумбийского университета посвящается. Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. VII. М., 2001. С. 90–123; Письмо [Н. М.] Ю.П. Иваску // Мандельштам Н. (3) С. 332; Пономарева Г. Проблема национального самоопределения писателей-оптантов (случай Юрия Иваска) // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Материалы международного семинара. Tartu, [1997]. С. 339–53; Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Публ. Н.А. Богомоллова // Диаспора. Париж; СПб., 2003. [Т.] V. С. 402–557; Чиннов И. В. Памяти Иваска // НРС. 2.3.1986; Dienes L. On the poetry of Yurii Ivask // World Literature Today. 1979. Vol. 53. P. 234–37.

Арх.: Amherst College. Center for Russian culture. Jurii (George) P. Ivask papers; Beineke Rare Books and Manuscripts Library, Yale University, New Haven, USA. George Ivask Papers GEN MSS 93.

Н.А. Богомолов, П.М. Нерлер

КАНТ (Kant) Иммануил (22.4.1724, Кенигсберг, Германия – 12.2.1804, там же), нем. философ, родонач. классич. нем. филос. науки, внес существ. вклад в логику, математику, астрономию, естествознание, этику, эстетику. Основу филос. мировоззрения К., излож. в его гл. трактатах: «Критика чистого разума» (1781), «Критика практич. разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790), – составляет учение о явлениях и вещах как они существуют сами по себе, – «вещах в себе».

О. М. мог близко познакомиться с философией К. уже во время обучения в *Гейдельбергском университете* (1909–10), являвшемся одним из центров неокантианства. О. М. посещал лекции философов-неокантианцев фрайбургской (баденской) школы В. Виндельбанда и Э. Ласка, посв. истории философии и, в частности, учению К. Вероятно, в круг филос. знаний О. М. входили не столько воззрения самого К., сколько их развитие и преломление в нем. неокантианстве. Дальнейшее знакомство О. М. с философией К. могло происходить во время его обучения в *Санкт-Петербургском университете*, где преподавал один из наиболее изв. рос. философов-неокантианцев проф. А.И. Введенский; см. свидетельство Ю.Г. Оксмана о студенч. настроениях сер. 1910-х гг.: «Лекции и книги проф. А.И. Введенского проповедовали неокантианство, а потому почти все студенты-филологи были яростными противниками вульгарного материализма <...>. Историю новой философии мы знали по Виндельбанду» (цит. по: Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в восп. современника (Сообщение) // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения. Рига, 1985. С. 93). Эти же имена соединены О. М. в письме к матери из Коктебеля от 20.7.1916 в связи с предстоящей сдачей экзамена: «Обязательно осенью сдаю свои экзамены; узнай, пожалуйста, сроки и пришли древнюю философию Виндельбанда или Введенского» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 24). Возможно, учение К. каким-то образом входило в круг акмеистических тем сер. 1910-х гг. – см. более позднее свидетельство В.В. Гиппиуса: «Новой школы из акмеизма не родилось потому, что школы творятся только мировоззрениями <...>, акмеисты не знали, куда пристать (искренние старания Гумилева насадить нечто вроде нового кантианства не привели ни к чему)» (цит. по: Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // RL. 1974. № 7/8. С. 33). Говорить о безусловномприятии О. М. философии К., очевидно, нельзя, – см. относящееся к

нач. 1930-х гг. свидетельство Н. М.: «С германской философией явно не ладилось: однажды купил томик Канта, понюхал, сказал: “Наденька, это не для нас” и закинул за книги, чтобы не соблазняться» (Мандельштам Н. (1) 1989. С. 232).

Прямые текстуральные отражения учения К. у О. М. практически не встречаются, их присутствие представлено, как правило, в метафорич. форме. Так, в акмеистич. манифесте О. М. «Утро акмеизма» (1912; или 1913, или 1914) появляется образ «мировой клетки, к-рую с помощью своих категорий построил Кант» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 179). Свидетельство высокой оценки личности и философии К. – включение его имени в предельно значимый для О. М. ценностный ряд в ст. «Пшеница человеческая» (1922), где упоминается ист. (т. е. европ.) земля, «несущая Рим и собор святого Петра, носившая Канта и Гёте» (Там же. Т. 2. С. 251). Отражением влияния учения К. можно, вероятно, считать неоднократное соотнесение его имени с категорией *времени*, – см. во фрагментах ранней ст. «Скрябин и христианство» (1917): «христианская вечность – это кантовская категория, рассеченная мечом серафима»; ср. в «Разговоре о Данте» (1933) об одной из песен дантовской «Божественной комедии»: «...временные глагольные формы изготовлял для десятой песни в Кенигсберге сам Иммануил Кант» (Там же. Т. 1. С. 205; Т. 3. С. 402).

Возможно, в худож. мире О. М. зафиксированы следы знакомства с космологич. гипотезой К., излож. в соч. «Всеобщая естеств. история и теория неба» (1755) и ставшей одной из основ совр. науч. представления о пространстве. Согласно этой концепции, образование планетной системы происходило из рассеянной материи благодаря вращат. движению пылевого облака вокруг Солнца; см. в этой связи описание итал. городов в «Разговоре о Данте»: «Кольца ада не что иное, как сатурновы круги эмиграции. <...> Пиза, Флоренция, Лукка, Верона – эти милые гражданские планеты – вытянуты в чудовищные кольца, растянуты в пояса, возвращены в туманное, газообразное состояние»; как возможное перенесение этой концепции на атомарный уровень см. характеристику японской танки в ст. «Девятнадцатый век» (1922): «Она <...> есть сама мир и постоянное внутреннее вихревое движение внутри атома» (Там же. Т. 3. С. 250; Т. 2. С. 269).

С.Г. Шиндин

КЛЮЕВ Николай Алексеевич (10 (22.). 10. 1884, предполож. дер. Мокеево Кирилловского у. Новгородской губ. либо одна из деревень Коштутского у. Олонецкой губ. (ныне – Вологодская обл.) – между 23 и 25. 10. 1937, Томск; расстрелян), поэт. Первая публикация – в 1904, 1-й поэтич. сб. «Сосен перезвон» – в 1911 (на титул. листе – 1912; сб. посвящен А.А. Блоку, предисл. – В.Я. Брюсова). В 1900-е гг. жил преим. с родителями в дер. Желвачево Вытегорского у. Олонецкой губ. С осени 1911 регулярно наезжал в С.-Петербург и Москву. Знакомство – через Блока – с С.М. Городецким привело к сближению с журналом «Аполлон» и 1-м «Цехом поэтов». Тогда же К. познакомился с Н.С. Гумилевым и А.А. Ахматовой (Гумилев приветствовал в «Аполлоне» появление сб-ков «Сосен перезвон» и «Братские песни»). В нояб. 1911 вышел в свет «Лит. альманах книгоизд-ва “Аполлон”», в к-ром были опубликованы «Песни» К. («Девичья» и «Теремная») и 3 стих. О. М. Непосредственно соседствуют три стихотворения К. со стихами О. М. в 1-м вып. журнала «Гиперборей» (окт. 1912). Акмеисты выделяли К. среди совр. поэтов, видели в его поэзии «адамизм», первобытную «силу» и т. д. «К. хранит в себе народное отношение к слову как к незыблемой твердыне, как к Алмазу Непорочному» (Городецкий С. Нек-рые течения в совр. рус. поэзии // Аполлон. 1913. № 1. С. 47). Недолгая близость с акмеистами не прошла для К. бесследно: влияние акмеистич. эстетики явственно ощутимо в его творчестве 1910-х гг.

Что касается личных встреч, можно с большой долей уверенности предположить, что К. и О. М. встречались в кон. 1912 – нач. 1913 (К. находился тогда в С.-Петербурге) на заседаниях «Цеха поэтов» либо в кабаре «Бродячая собака» (возможно, 19.12.1912 – на докладе Городецкого «Символизм и акмеизм»). Присутствовал К. и на заседании Всерос. лит. об-ва 15.2.1913, где выступал О. М., наряду с др. акмеистами. О.А. Лекманов полагает, что нек-рые образы из предисл. Брюсова к сб. «Сосен перезвон» нашли отражение в стих. О. М. «Notre Dame», 1912 (Лекманов, 2000. С. 630). Позднее, в 1915–16, К. и О. М. могли встречаться в Деламотском флигеле Академии Художеств, где жили братья Лев и Николай Бруни. Перечисляя завсегдаев литературно-художественного кружка, собиравшегося в их квартире, мемуаристы, наряду с О. М., называют и К. (см.: Пунин Н.Н. Квартира № 5. Глава из воспоминаний // Панорама искусств. 12. М., 1989. С. 181; рассказ Н.К. Бальмонт-Бруни, записанный В.Д. Дуваки-

ным // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002. С. 68; и др.). Однако прямых подтверждений личного знакомства О. М. с К. в 1910-х гг. не обнаружено (о связях К. с акмеистами см. подробнее: Азадовский К. М. Клюев и «Цех поэтов» // ВЛ. 1987. № 4. С. 269–78; Он же. «Меня назвал “Китежанкой”»: А. Ахматова и Н. Клюев // ЛО. 1989. № 5. С. 66–71; Лекманов, 2000. С. 21–27).

В отношении О. М. к поэзии К. усматривается известная непоследовательность. С одной стороны, О. М. разделял весьма распространенный взгляд на К. как на поэта «из народа», олоонецкого сказителя, чье творчество носит «первозданный» характер. В ст. «Письмо о рус. поэзии» (1921) О. М. писал: «Клюев – пришелец с величавого Олонца, где рус. быт и рус. мужицкая речь покоится в эллинской простоте и важности. Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Боратынского с вещим напевом неграмотного олоонецкого сказителя» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 238, 239).

Тем не менее в ст. «Буря и натиск» (1923) О. М. отзывался о «фольклоризме» К., скорее, в критич. духе. Называя «народными» поэтами В.В. Маяковского и В. Хлебникова, О. М. подчеркивал, что их творчество противостоит «подслащенному фольклору», к-рый еще «продолжает существовать в поэзии Есенина и отчасти Клюева» (Там же. С. 297).

О встречах поэтов в 1920-е гг. в Ленинграде (К. окончательно перебрался из Вытегры в Петроград осенью 1923) известно немного. Писатель Л.И. Борисов вспоминал об одной из «пятниц» в квартире Н.В. Баршева летом 1924, где среди прочих гостей были О. М. и К.; оба читали свои стихи (см.: Борисов Л. За круглым столом прошлого. Л., 1971. С. 130–36).

Осенью 1930 и в 1931 К., наезжая в Москву, неоднократно навещал С.А. Клычкова и его жену В.Н. Горбачеву, проживавших в *Доме Герцена* на Тверском бул. «Рюрик Ивнев, Николай Клюев – одно время ежедневные гости», – отмечено в записях Горбачевой 13.4.1931, познакомившейся тогда с О. М. (см.: НМ. 1989. № 9. С. 209–10). Вероятно, именно весной 1931 состоялась длительная (4-часовая) встреча К. с О. М. у Клычковых, подробно описанная в воспоминаниях поэта С.И. Липкина (рассказывается о знакомстве поэтов разных поколений: Клычков представлял П.Н. Васильева, а О. М. – Липкина). Память мемуариста сохранила колоритные детали той встречи, говорящие, в частности, о близком знакомстве К.

с О. М.: «Клюев привстал, крепко обнял Мандельштама, они троекратно поцеловались...» (Липкин С. Квадрига: Повесть. Мемуары. М., 1997. С. 334). В беседе с автором данной статьи 10.1.1985 Липкин сделал ряд уточнений: «Мандельштам его спросил о каких-то ленинградских людях, и Клюев отвечал ему спокойно. У них были какие-то общие знакомые». Об отношении К. к О. М. свидетельствует приведенная мемуаристом деталь: комментируя сомнительную реплику Клычкова, к-рую можно было истолковать как антиеврейскую, К. произнес: «Проснись, Сергунька, рядом с тобой – Мандельштам (именно так, через о)» (Там же. С. 335). По сообщению Липкина, К. в тот вечер читал «Погорельщину» (1928; впервые опубл. в 1954; в СССР – в 1987). «Мандельштам отозвался восторженно» (запись беседы от 10.1.1985; в печатном варианте о реакции О. М. на «Погорельщину» не сообщается). О. М., безусловно, продолжал ценить талант К.: «Относился к Клюеву почтительно» (из беседы от 10.1.1985). Перечисляя поэтов, к-рых О. М. в его присутствии «хвалил всегда», Липкин называл и К. (Там же. С. 394). Ахматова вспоминала, что О. М. читал ей на память отрывки из стих. К. «Клеветникам искусства» (У Ахматовой – «Хулители искусства»), 1932 (Ахматова. Листки из дневника), в к-ром содержатся строки, посвященные ей («Ахматова – жасминный куст...» и т. д.).

О клюевских мотивах, реминисценциях и подтекстах в поэзии О. М. см.: Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002 (по им. указ.). О. Ронен усматривает, в частности, отзвук поэм «Деревня» (1927) и «Погорельщина» (1928) в стих. О. М. «о шестипалой неправде» («Я с дымящей лучиной вхожу...», 4.4.1931). Ряд параллелей между поздними стихами О. М. («Если б меня наши враги взяли...», 1937) и поэзией К. выявлен также в заметке Лекманова «О двух “гражданских” стихотворениях О. М.» (см.: Лекманов, 2000. С. 552–55).

В мае–июне 1931 К. навещал О. М. и Н. Я. в Старосадском пер. (см.: Герштейн С. 21), позднее – в Доме Герцена (Там же. С. 36). Общение К. с О. М. стало регулярным после окончат. переезда К. в Москву (1932). Э.Г. Герштейн сообщает, что О. М. навещал К. в его квартире в Гранатном пер., 12 (ныне – ул. Щусева; дом не сохр.) вместе с Л.Н. Гумилевым: «... Вернулись домой оживленные и возбужденные: только что заходили к К. О. М. цитировал его стихи и показывал, как гордо К. читал их» (Там же. С. 49). Положение К. и О. М. в ту пору во многом сходное: оба оказались вне офиц. лит-ры, стали объектами яростных нападок в печати.

2.2.1934 К. был арестован в своей моск. квартире. Дело К. вел следователь Н.Х. Шиваров, оперуполномоченный 4-го отделения Секретно-полит. отдела ОГПУ. Признав на допросе 15.2.1934, что он читал «Погорельщину» у Клычкова и др. своих знакомых, К., однако, не назвал среди них О. М. (см.: Огонек. 1989. № 43. С. 10). В мае 1934 тот же следователь допрашивал на Лубянке арестованного О. М. (см.: Нерлер, 1994 (2). С. 54–55, 79). В 1935 Шиваров занимался делом П.Н. Васильева (см.: Васильев П. Сочинения. Письма. М., 2002. С. 858).

Сосланный в г. Колпашев (Зап. Сибирь), К. в окт. 1934 был переведен в Томск. Там он получил известие о судьбе О. М. В письме к Горбачевой от 25.10.1935 он спрашивал: «Как поживает Осип Эмильевич? Я слышал, что будто он в Воронеже?» (НМ. 1988. № 8. С. 187). О. М., со своей стороны, знал о пребывании К. в Томске (Ахматова, навестившая О. М. в Воронеже в февр. 1936, наверняка сообщила ему обстоятельства ссылки К., поскольку постоянно виделась в то время с Клычковыми); однако о к.-л. возможных связях между Томском и Воронежем в 1935–37 сведений не выявлено. В июне 1937 К. вторично арестован, заключен в Томскую тюрьму, расстрелян по постановлению «тройки».

К.М. Азадовский

ЛАМАРК (Lamarck) Жан Батист Пьер Антуан де Моне (1.8.1744, Базантен, Пикардия, – 18.12.1829, Париж), франц. естествоиспытатель, создатель первой целостной эволюц. теории (ламаркизм), чл. Парижской АН (1783). В 1794 впервые разграничил животный мир на две группы – позвоночных и беспозвоночных; ему принадлежит и термин «беспозвоночные». Опред. признаком для разделения на 2 группы животных, по Л., является наличие или отсутствие позвоночного столба. Функция нервной системы у беспозвоночных определяется не позвоночником, а продольным мозгом, отсутствующим у позвоночных. Будучи в зоологии преемником К. Линнея, выделившего 2 класса беспозвоночных, Л. создал классификацию из 10 классов беспозвоночных: инфузории, полипы, лучистые, черви, насекомые, паукообразные, кольчецы, ракообразные, усоногие, моллюски. Нек-рые из классов беспозвоночных открыты впервые именно Л. Так произошло с кольчецами – классом животных, к-рый Л. отделил от класса собственно

червей. В своем гл. труде – «Философии зоологии» (1809) Л. впервые представил идею последовательности органич. форм, расположив позвоночных и беспозвоночных на «лестнице существ» по принципу деградации так, что живые существа от совершенных до простейших образовывали единый нисходящий ряд. Именно прием деградации дал возможность Л. продемонстрировать не столько мысль о статичном сосуществовании разл. биологич. ступеней, сколько идею развивающихся друг из друга животных форм, т. е. эволюц. теорию. В «Философии зоологии» Л. дважды последовательно рассмотрел «лестницу существ». Сначала сверху вниз, по вектору деградации, а затем снизу вверх, следуя эволюц. вектору развития организмов. Нисходящий ряд наиб. ярко демонстрировал путь, к-рым шла природа, последовательно создававшая животных разл. уровней организации. Т. о., прием деградации от противоположного работал на утверждение картины гдадации органич. форм, последовательно повышавших уровень биологич. организации. Восходящий ряд живых существ у Л. воспроизводил, с его т. зр., естеств. порядок творч. развития самой природы, к-рая «создав с помощью длительного времени всех животных и растения, действительно образовала в том и др. царстве подлинную лестницу в смысле непрерывного и возрастающего усложнения организации этих живых тел» (Л а м а р к. Т. 1. С. 260). Одним из важных факторов эволюции Л. считал влияние внеш. среды. Внеш. среда действует непосредственно на существа, лишённые дифференцир. нервной системы, вызывая у них приспособит. изменения. Животные, обладающие нервной системой, испытывают косв. влияние среды. Главным в их эволюц. развитии, по Л., остается не приспособление к внеш. среде, а внутр. потребность к саморазвитию.

О. М. познакомился с идеями Л. в нач. 1930-х гг. Путешествуя по Армении весной 1930, О. М. встретился с молодым биологом, неоламаркистом Б.С. Кузиным. Кузин заинтересовал О. М. личностью и эволюц. идеями Л. Интерес О. М. к Л. сформировался в контексте обширной полемики между «дарвинистами» и «неоламаркистами», развернувшейся в нач. XX в. Особую остроту она приобрела в СССР после 1925 в связи с публикацией на рус. яз. неоконч. кн. Ф. Энгельса «Диалектика природы» (см.: Га с п а р о в. С. 189–91).

Скорее всего, О. М. был знаком только с 1-й ч. «Философии зоологии» – либо по рус. изд. 1911 (ср.: Гер ш т е й н. С. 14, 30), либо по, видимо, наиб. доступному для О. М. франц.

изд. 1908 (до этого на франц. яз.: 1809, 1830, 1873), где излагалась эволюц. концепция Л. Не исключено, что с нек-рыми идеями франц. биолога, излож. им во 2-й и 3-й ч. этого труда, О. М. мог быть знаком со слов Кузина, т. к. следующее изд. «Философии зоологии» на рус. яз. (в 3 ч.) вышло только в 1935–37.

Оценка личности и науч. идей Л. представлена в прозаич. очерке О. М. «Путешествие в Армению» (1931–32, опубл. в 1933) в главе «Вокруг натуралистов» и в стих. «Ламарк» (1932). В письме к М.С. *Шагилян* поэт писал, что Л. стоит в ряду тех, кто данность превращает в действительность, воскрешая ее: «...для того, чтобы действовать, нужно бытие густое и тяжелое, как хорошие сливки, – бытие Аристотеля и Ламарка, бытие Гегеля, бытие Ленина» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 150). В естествознании Л. для О. М. – «единств. шекспировская фигура» (Там же. Т. 2. С. 122). В набросках к «Путешествию в Армению» О. М. признавался: «Ламарк, Бюффон и Линней окрасили мою зрелость» (Там же. С. 363).

Из комплекса идей ученого О. М. выделял, прежде всего, идею деградации: важной для него оказалась мысль Л. о взаимоотношении организма и внеш. среды, в к-рой на первый план О. М. выдвигал идею внутр. творч. потенциала организма: «Среда для организма – приглашающая сила. Не столько оболочка, сколько вызов» (Там же. С. 122).

Стих. «Ламарк» (7–9.5.1932, Москва; опубл.: НМ. 1932. кн. 6) – одно из первых стих. О. М. нач. 1930-х гг., в к-ром отразились новые, естественно-науч. интересы поэта. Как известно, О. М. импонировала неоламаркистская позиция Кузина, с к-рой он активно критиковал дарвиновскую теорию естеств. отбора. Беседы с Кузиным, так же как и чтение трудов Л., П.С. Палласа, Ч. Дарвина, подготовили почву для создания новой поэтич. концепции О. М., утвердившейся в его стихах 1930-х гг. «Ламарк» входит во второй раздел «Новых стихов» (1930–34), о к-ром Н. М. заметила, что по сравнению с первым моск. периодом: «...он гораздо глубже берет отношения с жизнью» (Мандельштам Н. Я. С. 216).

Центр. мысль стих. – сворачивающееся ист. движение, обратная эволюция. Для ее поэтич. выражения О. М. привлек принцип «деградации», лежащий в основе «Философии зоологии» Л. Образ жизни-«помарки», возникающий в начале стих., является худож. реализацией мысли о биологич. (в конечном итоге – историческом) развитии как тупиковом, пошедшем в какой-то момент по ошибочному пути. Условием преодоления

этой онтологич. ошибки в стих. становится нисхождение к источнику жизни: к той точке бытия, в к-рой скрыт жизнепорождающий импульс. Изображая добровольный спуск человека по ступеням «подвижной лестницы» эволюц. развития, О. М. достаточно точно воспроизвел «лестницу живых существ» Л. Нисхождение в стих. так же, как и в сочинении Л., совершается от позвоночных к беспозвоночным. Из позвоночных в стих. названы ящерицы и змеи, отнесенные Л. к классу рептилий, о деградации к-рых в «Философии зоологии» сказано: «Рептилии – последнее из животных, дышащее наст. легкими <...> У многих видов этот орган отсутствует в раннем возрасте и бывает тогда заменен жабрами – органом дыхания, никогда не встречающимся у животных предшествующих классов» (Л а м а р к. С. 289). Из беспозвоночных у О. М. названы моллюски, кольцецы, усонogie, протей (класс инфузорий) – существа, строение к-рых практически ничем не напоминает строение высокоорганиз. позвоночных животных. Герой стих., являющийся не столько наблюдателем, сколько добровольным участником процесса деградации, отказывающимся от органов и способностей высокоорганиз. существа, испытывает на себе свойства и состояние беспозвоночных: «Роговую мантию надену, / От горячей крови откажусь, / Обрасту присосками и в пену / Океана завитком вопьюсь».

Мантия, имеющаяся, по описанию Л., у усоногих и моллюсков, выстилает внутреннюю поверхность раковины и в очень упрощенном виде выполняет функцию, к-рая у позвоночных отдана мышцам. Моллюски, усонogie и кольцецы так же, как и беспозвоночные в целом, – холоднокровные животные. Отказ от горячей крови у О. М. – одна из существ. примет упрощения биологич. организации организма. Герой стих. испытывает на себе утрату зрения («Зренья нет – ты зришь в последний раз»), о характере деградации к-рого Л. заметил: «Ни у одного животного из классов, следующих за насекомыми, мы уже не встретим органа зрения» (Там же. С. 315); утрату слуха, о деградации к-рого автор «Философии зоологии» писал так: «У ракообразных были обнаружены последние следы органа слуха. Ни у одного животного нижестоящих классов они не найдены» (Там же. С. 306). По классификации Л. класс паукообразных находится непосредственно после ракообразных. Это означает, что пауки в схеме деградации – первые животные, у к-рых полностью отсутствует орган слуха. Поэтому у О. М. – «глухота паучья».

Переключка мотивов и образов с изложенным в «Философии зоологии» принципом деградации не исчерпывает поэтич. замысла стихотворения. Биологич. концепция деградации в своих осн. чертах отвечала историософ. представлениям О. М., отчетливо окрашенным в 1930-е гг. в финалистские тона. В результате этого смыслового преломления деградация в рамках стих. О. М. из естественно-науч. приема превращается в инволюцию, реальный (в рамках стих.) спуск по «лестнице существ», все драматич. перипетии к-рого герой «Ламарка» испытывает на себе.

В картине ламарковой деградации О. М. различал трагич. обертоны «Божественной комедии» Данте Алигьери, о чем он писал в «Путешествии в Армению»: «В обратном, нисходящем движении с Ламарком по лестнице живых существ есть величие Данта, низшие формы органич. бытия – ад для человека» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 122). По замечанию Вяч.Вс. Иванова, «этот пассаж можно считать ключом к стихотворению: Мандельштам вместе с Ламарком спускается в ад низших органич. форм. Тем самым предугадывается его самоотождествление с Данте, ставшее столь важным в воронежский период» (Иванов. С. 5). Драматич. окраску нисхождения усиливают такие детали, как «излоги», «упругие сходни», «разломы», «провал», имеющие ландшафтные коннотации с дантовым Адом.

Образ Протея из III строфы также строится на стыке культурных и биологич. значений. Существо, обладающее чудесной способностью превращаться в разных животных, каким Протей запечатлен в др.-греч. мифологии и эпосе, в классификации Л. оказывается животным из класса инфузорий, представляющим собой «лишь зачатки животной природы» (Ламарк. С. 371), у к-рого отсутствуют какие бы то ни было специальные органы, даже для пищеварения. И культурная, и биологич. интерпретации образа Протея в конечном итоге призваны к выражению идеи неорганизованности материи, бесформенности ее субстанции, и одновременно с этим проводится мысль о бесконечном многообразии будущих органич. форм, потенциально содержащихся в этой неорганизованной материи.

Эту мысль наиболее полно раскрывают две строфы, завершающие «Ламарка». Здесь герой стих., достигая последней, нижней ступени эволюц. лестницы, сталкивается с субстанцией жизни, к-рая находится за пределами морфологич. очерченности и выражена в образах «красного

дыханья» и «гибкого смеха». Жизнедеятельность проявляет себя здесь при отсутствии спец. органов, как чистая функция. Б.М. Гаспаров отметил, что «...изначальный мир природы, мир "последних", оставленных теперь за бортом, обитателей ее эволюц. лестницы наделен такими атрибутами, как гибкость и многокрасочность – эти типич. свойства "органического" <...> феномена» (Гаспаров. С. 198).

В финале стих. возникает образ природы, к-рая опоздала, забыла опустить подъемный мост для низшего звена жизни, не сотворив для нее соответствующих органов. По мысли О. М., за пределами жизни органич. форм находится жизнь, где природа еще не приступила к процессу формообразования. Поэтому в стих. возникает образ «отступившей природы», бросившей за ненадобностью тех, «У кого зеленая могила, / Красное дыханье, гибкий смех...». Она прячет свое оружие, «вкладывает в ножны» продольный мозг потому, что в мире «зеленых могил» продольного мозга не только не существует, но и не предполагается природным планом существования. Но если по примеру Л. проследить лестницу живых существ по восходящей линии, то о той же ситуации можно сказать, что природа не отступила, а еще не вооружилась шпагой-оружием эволюции – не только головным или спинным, но и продольным мозгом.

В низшей точке жизни О. М. стремился отыскать все будущее содержание жизни в целом, еще не реализованное в конкретных материальных формах, поэтому именно здесь он провидел ее высшую ступень, не повторяющую при этом однажды уже пройденный путь. Здесь, в последнем круге бытия для героя «Ламарка» содержится иная, не тупиковая ветвь развития жизни. Поэтому в нижней точке деградиационного спуска, за пределами всякой оформленности, рождается жажда нового витка жизненного развития.

Природа, отступившая от материала, не вовлеченного в эволюц. процесс, становится в оценке О. М. бесчестной. В «Путешествии в Армению» О. М. бросил призыв вооружаться против нее: «Вперед! Aux armes! Смоем с себя бесчестие эволюции» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 121). Образ вооруженного Л. открывает стихотворение О. М.: «Кто за честь природы фехтовальщик? / Ну, конечно, пламенный Ламарк». Авторский комментарий к этому образу содержится в «Путешествии в Армению»: «Ламарк боролся за честь живой природы со шпагой в руках. <...> стыд за природу ожег смуглые щеки Ламарка. Он

не прощал природе пустячка, к-рый называется изменчивостью видов» (Там же. С. 121). Становится ясным, что мандельшт. Л. является фехтовальщиком за честь природы в «дуэли» с самой природой, «шпага» к-рой – продольный мозг.

Бесчестие эволюции заключалось для О. М. в «изменчивости видов», поскольку за этой формулировкой «вставала мысль о приспособляемости как универсальной основе поведения любого живого существа, в т. ч. и человека» (Мусатов. С. 392). Процесс приспособляемости оставался за рамками творч. эволюции, к-рую вслед за А. Бергсоном О. М. хотел увидеть не только в природе, но и в соц.-ист. действительности (см.: Серман).

Н. М. писала: «Кузин стихами возмущался, но на О. М. это уже не действовало. <...> В сущности, стихов не поняли именно биологи, считая, что О. М. вторгся в их область» (Мандельштам Н. Я. С. 219).

В 1930-е гг. творч. начало, к-рому О. М. отводил значит. место в своей поэтич. концепции, стремительно исчезало из действительности. Н. М. определяла нач. 1930-х гг. как время, когда «все рушилось и гибло» (Там же. С. 228). Гл. фигура эпохи – фигура И.В. Сталина – виделась О. М. как «воплощение нетворческого начала» (Герштейн. С. 26). Стих. «Ламарк» в биологич. образах и мотивах реализовывало чувство катастрофичности судьбы художника-творца в жизни, лишенной «творч. эволюции», где окружающей средой поэту предлагается единств. выход – приспособления к данности. В «Ламарке» О. М. поэтически разрабатывает два др., оппозиц. «ролевых образца»: фехтовальщика, противостоящего логике изменчивости и приспособления, и поэта, заявляющего о своем спуске, в описании к-рого слышатся мотивы жертвенного искупления (ср.: Мусатов. С. 395–97). Тема биологич. эволюции, разрабатывавшаяся в «Ламарке», получила продолжение в стих. «Шестого чувства крошечный придаток...» из «Восьмистиший», к-рое Н. М. определяла как «остаток от «Ламарка»» (Мандельштам Н. Я. С. 236).

Одним из первых на стих. «Ламарк» отозвался, назвав его «гениальным», Ю.Н. Тынянов. По его словам, «там предсказано, как человек перестает быть человеком. Движение обратно» (Герштейн Э. Г. Новое о Мандельштаме: Главы из восп. О.Э. Мандельштам в Воронежской ссылке. Paris, 1986. С. 62). Н.А. Оцуп назвал «Ламарка» «самым характерным» стих. О. М. В нем Оцуп увидел подтверждение завороченности

О. М. «первоначальным хаосом», «этой тяги назад от культуры в праисторию» (О цуп Н. А. О поэзии и поэтах в СССР // Числа. 1933. Кн. 7–8. С. 239; подробнее об откликах на «Ламарка» в рус. эмиграции см.: Собр. соч.-2. Т. 1. С. 499–501).

В кон. 1960-х гг., определяя смысл стихотворения, Н. М. писала: «По сравнению с первым периодом (тетрадь) моск. стихов здесь уже не отщепенство и изоляция от реальной жизни, а страшное падение живых существ, к-рые забыли Моцарта и отказались от всего (мозг, зрение, слух) в этом царстве паучьей глухоты. Все страшно, как обратный биологич. процесс» (Мандельштам Н. Я. С. 219). В 1-й пол. 1990-х гг. исследователи, обращавшиеся к интерпретации «Ламарка», такие как Вяч.Вс. Иванов, Б.М. Гаспаров, И.З. Серман, Л.Ф. Кацис, И.В. Корецкая, помимо прямого аллегорич. соотнесения мотива деградации с соц.-ист. обстановкой сталинской эпохи, направили усилия на изучение интеллектуального контекста мандельшт. стихотворения. Помимо «Философии зоологии» Л. стих. рассматривалось в свете идей Дарвина, Н.Я. Марфа, И.В. Гёте, Данте, Шеллинга (см.: Гаспаров). Слой идей, связывающих «Ламарка» с «Творческой эволюцией» Бергсона, был актуализирован в работах В.В. Мусатова и Т.В. Игошевой (см.: Мусатов. С. 392–97; Игошева. С. 38–45).

Проблему интертекстуальных связей стих. «Ламарк» в своих работах решали такие исследователи, как Б.М. Гаспаров, обозначивший переключки с мотивами и образами А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Л.Н. Толстого, О.А. Лекманов, соотносивший нек-рые образы «Ламарка» с образами биографии и творчества В.В. Хлебникова и, в частности, предложивший трактовку образа «зеленой могилы» как отсылающего к могиле Хлебникова (Лекманов. С. 542–45; ср.: Шиндин. С. 258), Н.А. Богомоллов, обнаруживший образно-мотивные переключки «Ламарка» со стих. Д.С. Мережковского «Кораллы» (см.: Богомоллов. С. 311–18).

Соч.: Избр. произведения: В 2 т. М., 1955. Т. 1: Философия зоологии.

Лит.: Завадская Е. В. Поэзия и природа. О.Э. Мандельштам о значении естеств. наук для поэзии // Простор. 1990. № 4; Мандельштам Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // ЖиТМ; Черашняя Д. И. О двух нисхождениих по лестнице Ламарка в стихотворении О. Мандельштама // Проблема автора в худож. литературе: Тез. докладов ре-

гиональной межвуз. науч. конф., посвященной памяти проф. Б.О. Кормана (Ижевск, 14–16 нояб. 1990). Ижевск, 1990. С. 56–58; Иванов Вяч. Вс. Мандельштам и биология // Поэтика и текстология; Кацис Л. Ф. О. Мандельштам и биологич. теории его времени // *Натура и культура*. М., 1993; Он же. «Ламарк» О. Мандельштама // *Натура и культура*. Славянский мир. М., 1997; Гаспаров Б.М. Ламарк, Шеллинг, Марр (Стихотворение «Ламарк» в контексте «переломной» эпохи) // Гаспаров Б.М. *Лит. лейтмотивы: Очерки рус. литературы XX в.* М., 1994; Серман И. З. О. Мандельштам в начале 1930-х годов. (Биология и поэзия) // *Столетие Мандельштама*; Рейфилд Д. Мандельштам и звезды // Там же; Герштейн; Игошева Т. В. О «Ламарке» О. Мандельштама // *Изв. АН. Сер. лит-ры и яз.* 2000. Т. 59. № 5; Лекманов О. А. У кого зеленая могила... // Лекманов, 2000. С. 542–45; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 392–97; Шиндин С. Г. Фрагмент поэтич. диалога Мандельштама и Хлебникова // *Смерть и бессмертие поэта*; Богомолов Н.А. Еще раз о мандельштамовском «Ламарке» (Заметки о рус. модернизме, 18) // Богомолов Н.А. *От Пушкина до Кибирова: Статьи о рус. лит-ре, преимущественно о поэзии*. М., 2004. С. 311–18; Slott W. Zur Funktion antiker Gottermymen in der Lyrik Osip Mandelstams. Fr/M; B., 1981; Rayfield D. 'Lamark and 'Mandel'shtam' // *Scottish Slavonic Review*. 9. 1987.

Т.В. Игошева

МАЛЛАРМЕ (Mallarmé) Стефан (18.3.1842, Париж – 9.9.1898, Вальвен, Франция), франц. поэт, в 1896 признанный главой франц. символистской школы. Оказал существ. влияние на рус. символистов (см. *Символизм*), прежде всего – на И.Ф. Анненского, В.И. Иванова, Ф. Сологуба и В.Я. Брюсова. В юности О. М. высоко оценивал творчество М. и признавал его «великим поэтом» (см. О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // *Камень*. 1990. С. 241). По совету Анненского, О. М. пробовал переводить стих М. «Brise marine» («Морской ветер», 1865), но «из этого ничего не вышло, <...> и он со смехом об этом рассказывал» (Мандельштам Н. (2). 1999. С. 88; Ахматова. *Листки из дневника*. С. 122).

Со временем отношение О. М. к поэтике М., с т. зр. ее влияния на Анненского, меняется, и он старается не ак-

центрировать его связи с франц. корнями: «Неспособность Анненского служить каким бы то ни было влияниям, быть посредником, переводчиком, прямо поразительна. < ... > И орел его поэзии, когтивший Еврипида, Малларме, Леконта де Лиля, ничего не приносил нам в своих лапах, кроме горстки сухих трав» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 225). Если имя М. и ставилось О. М. рядом с близкими ему по духу поэтами – Ш. Бодлером, Э. По, А. Суинборном, как, напр., в ст. «Буря и натиск» (1923), то, скорее, оно вызывает отторжение (см.: Там же. Т. 2. С. 289). Однако признаки влияния тем М. на стихи сб. «Камень» (1916) О. М. отмечались уже его современниками. Хотя Г. О. Гершенкройн и подчеркивал «исчерпывающее “искусство аналогии”», свойств. стихам О. М., к-рое отличается от темной манеры М. («Одесские новости». 1916. 20 марта. С. 2; цит. по: Камень. 1990. С. 223), Б. М. Эйхенбаум решительно указывал на близость символизма О. М. символизму М. и Анненского. А Г. В. Адамович считал О. М. единств. поэтом среди современников, по-настоящему уловившим «сущность техники Маллармэ» (Адамович. С. 3; ср.: Дубровкин. С. 470).

Между стихами О. М. нач. 1910-х гг. и творчеством М. просматривается опред. тематич. и стилистич. сходство. Четверостишие О. М. «О, небо, небо, ты мне будешь сниться!..» (1911) затрагивает сразу неск. центр. тем творчества франц. символиста. Это и одиночество поэта, и его сложные отношения с Богом, и столь мучавшая М. проблема поэтич. бессилия, выражавшаяся постоянно через символ чистой белой страницы. «Спокойная ирония вечной лазури» из поэмы М. «Лазурь» («L'Azur», 1864) перекликается с мотивом лазури «ледяной» из стих. О. М. «Медленно урна пустая...» (1911). И в том и в др. случае небо остается равнодушным и безучастным к судьбе и страданиям поэта («небо обманет»; «простор безучастен» у О. М. – «небо умерло» у М.; ср. также «И неживого небосвода / Всегда смеющийся хрусталь» из стих. «Сусальным золотом горят...», 1908).

Сходным образом вслед за М. ранний О. М. использовал в своих стихах прием отсутствия и символику пустоты.

В поэзии М. предметы чаще всего присутствуют лишь гипотетически, в виде предположения, соответственно, происходит отдаление от материальной реальности предметов, их описание сводится исключительно к Идее. Напр., в программном «Sonnet en x» («Сонете на “икс”», 1868, 1887) М. представил царство предметов, а лирич. герой отсутствует.

Все построено на безличном отражении звезд, к-рые созерцают себя в глубине зеркала, висящего в комнате. Сходная ситуация наблюдается в стих. О. М. «Медлительнее снежный улей...» (1910), где резкий контраст между холодной белизной застывшей вечности за окном и озаренной светом тканью, напоминающей легкое движение синеглазых стрекоз, создает впечатление эфемерности и хрупкости бытия. Образ брошенной вуали сближает это стих. О. М. с еще одним сонетом М. «Une dentelle s'abolit» («Кружево исчезает», 1887), где возникает мотив колебания кружевной занавески, обрамленной окном, сквозь к-рое проникает свет зарождающегося утра.

Используемое в «Медлительнее снежный улей...» сочетание цветов также было излюблено М. Так, Иродиада, героиня одноим. поэмы М., сравнивает прозрачную поверхность зеркала с глубиной воды, скованной льдом. И если она и вспоминает о теплой летней лазури, то это воспоминание быстро отступает перед неотвратимостью холодной вечности: «И все вокруг меня живет в идолопоклонничестве перед зеркалом, в сонном спокойствии которого отражается Иродиада со сверкающими как алмазы глазами».

Символика пустоты в поэзии М. многозначна и переживает неск. этапов. Первое значение – это символ внутр. пустоты поэта, осознающего свое творч. бессилие: «моя пустая душа», «мой пустой ум» («Лазурь», «L'Azur»), «пустой лист бумаги» («Морской ветер», «Brise marine»). Постепенно из причины переживания пустота становится объектом желания поэта, разочаровавшегося в возможности обретения идеала. Ср. у О. М. в стих. «Слух чуткий парус напрягает...» (1910): «Твой мир, болезненный и странный / Я принимаю, пустота!»

В своем постоянном преклонении перед тишиной и молчанием ранний О. М. также следует за М.

II строфа стих. О. М. «Silentium» (1910) перекликается со стих. М. «Salut» («Привет», 1893), где возникает мотив морской пены и сравнение волн с женской грудью. Отождествление музыки с тишиной было очевидным и для М., как, напр., в стих. «Sainte» («Святая», 1865), где поэт воспевает музыку тишины, совершенную, с его т. зр., поскольку несет в себе чистую красоту Небытия. «Объективную параллель» между «Silentium» (1910) О. М. и «творч. поисками Стефана Малларме, для к-рого лежащая в основе всех вещей надличная Идея полнее всего может быть выражена лишь молчанием», усматривает В.В. Мусатов (Мусатов. С. 65).

Иногда стихотворения обоих поэтов, абсолютно разные по тематике, объединяет общий мотив. В стих. «На бледно-голубой эмали...» (1909) вид чернеющих на фоне вечернего апрельского неба веток напоминает О. М. тонкий рисунок на фарфоре. В момент его создания художник забывает о мимолетности своего бытия. У М. постоянные поиски новых поэтич. форм чистого иск-ва вызывают желание подражать китайцу, к-рый, творя свой кружевной рисунок, соприкасается с вечностью («Las de l'amer repos...», «Устав от горького отдыха», 1864).

Первонач. вариант последней строфы стих. О. М. «Адмиралтейство» (1913), согласно гипотезе совр. исследователей, был забракован на заседании «Цеха поэтов» «предположительно из-за слишком явных символистских обертонов (брюсовский перевод «Лебедя» Малларме)» (Амелин, Мордерер. С. 146; А. Февр-Дюпегр находит сходство с сонетом М. «Лебедь» в тематике всего стих. О. М. – см. Faivre-Dupaigre. P. 33).

Мн. зап. исследователи творчества О. М. иногда называют его рус. М.: «Стремление к магии слов, к их колдовской силе, к проникновению в их внутреннюю жизнь, к тем возможностям, к-рые открывает их свободное сочетание, их взаимное влияние вот что основательно соединяет русского и француза» (Dutli. P. 103). М. пытался «передать инициативу словам», чтобы выявить это взаимное влияние и достичь, т. о., последовательного изменения в смысле и звучании слов, тогда как ранний О. М. самый смысл склонен был считать формой слова, «такой же прекрасной, как и музыка для символистов» (Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Собр. соч.-2. Т. 2. С. 142).

Тем не менее, согласно концепции Ж-К. Ланна, О. М. всецело принадлежит «к течению новой европейской поэзии, отмеченной именами Рембо и Маллармэ», продолжая «богатую традицию поэзии “замкнутой манеры”, зашифрованную поэзию трубадуров и новейших “заумных” поэтов, великих колебателей и разрушителей смысла, Рембо и Маллармэ» (Ланн. С. 217, 223).

Лит.: Эйхенбаум Б. М. А. Ахматова: Опыт анализа. СПб., 1923; Адамович Г. В. Лирич. беспорядок // ПН. 1937. 28 янв.; Ланн Ж.-К. Мандельштам и футуризм: Вопрос о зауми в поэтич. системе Мандельштама // Столетие Мандельштама; Террас В. Классич. мотивы в поэзии О. Мандельштама // Мандельштам и античность; Дубров-

кин Р. М. С. Малларме и Россия. Lang, 1998; Мандельштам Н. (2). 1999 (по им. указ.); Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновения О. Мандельштама. М.; СПб., 2001; Freidin G. M. A Coat of Many Colors. O. Mandelstam and His Mythologies of Self-Presentation. Berkely; Los Angeles; L., 1987 (по им. указ.); Dutli R. O. Mandelstam «Als riefte man mich bei meinem Namen»: Dialog mit Frankreich: Ein Essay über Dichtung und Kultur. Fr/M, 1990; Crone A. L. Echoes of Nietzsche and Mallarmé in Mandelstam's Metapoetic «Peterburg» // RL. 1991. Vol. XXX-IV. № 15. P. 405-534; Faivre-Dupaigre A. Génèse d'un poète. O. Mandelstam au seuil du XX siècle. Presses Universitaires de Valenciennes, 1995.

Я. С. Линкова

МАНДЕЛЬШТАМ (Хазина) Надежда Яковлевна (18 (30).10.1899, Саратов – 29.1.1980, Москва), жена О. М., художница, филолог, преподаватель англ. яз., к. филол. н., доцент («Автобиографию», сведения о работе см.: О. и Н. Мандельштамы. С. 409–415); хранительница основной части творческого архива О. М., автор мемуарных книг, заметок, эссе. Отец – Яков Аркадьевич Хазин, присяжный поверенный (адвокат), из семьи кантониста, ум. в 1930. Мать Вера Яковлевна, по образованию врач, ум. в 1943. Старшие братья: Александр, пропал без вести в 20-е гг.; Евгений, литератор (1893–1974); сестра Анна, ум. в 1939. (краткие сведения о семье – «Отец», «Семья» // Мандельштам Н. (3). С. 79–89). Росла в Киеве, окончила гимназию, занималась живописью (некоторое время в мастерской А.А. Экстер), с перерывами продолжала рисовать до 1937.

Познакомилась с О. М. 1 мая 1919 (Мандельштам Н. (2). 1999. С. 21). Знакомство и завязавшиеся отношения отразились в стихотворениях «На каменных отрогах Пиэрии...» (1919) и «Вернись в смесительное лоно...» (1920). Расстались осенью 1919 в связи с отъездом О. М. из Киева в Крым. В обстановке гражд. войны переписка прервалась после выселения Н. М. с родителями в др. квартиру, адрес к-рой О. М. узнал от Л.М. Козинцевой, подруги Н. М., жены И.Г. Эрнбурга. В апр. 1921 О. М. приехал за Н. М. в Киев (см. Собр. соч. Т. 4. С. 25–28: письма к Н.Я. Хазиной и В.Я. Хазиной 1919–1921 гг.). С этого времени надолго не разлучались. В нач.

1922 в силу формальной необходимости зарегистрировали брак, в загс с ними «ходил Бенедикт Лившиц» (Мандельштам Н. (2). 1999. С. 85). Сб. стихотворений «Вторая книга» (1923), сданный в печать в нояб. 1922, посвящен «Н. Х.» – Наде Хазиной. Позднее Н. М. стала носить фамилию мужа. Брачное свидетельство не сохранилось, и в сер. 1950-х гг. Н. М. «через суд была оформлена в законные жены» (Мандельштам Н. (2). 1999. С. 86). Это позволило ей в 1957 в качестве вдовы закрепить свои права на лит. наследие О. М.

С самой Н. М., с касающимися ее деталями, с эпизодами, пережитыми совместно, целиком или строчками связаны также стихотворения «С розовой пеной усталости у мягких губ...» (1922), «Вы, с квадратными окошками, невысокие дома...» (1924), «Куда как страшно нам с тобой...» (1930), «Мы с тобой на кухне посидим...» (1931), «Я скажу тебе с последней...» (1931), «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» (1931), «– Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» (1931), «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (1931), «На высоком перевале...» (1931), «Как на Каме-реке глазу темно, когда...» (1935), «Пластинкой тоненькой жиллета...» (1936), «Твой зрачок в небесной корке...» (1937), «Еще не умер ты, еще ты не один...» (1937), «На доске малиновой, червонной...» (1937), «Может быть, это точка безумия...» (1937), «О, как же я хочу...» (1937), «На меня нацелилась груша да черемуха...» (1937), «Чарли Чаплин» (1937).

А.А. Ахматова в «Листках из дневника» (С. 132) подытоживает: «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно <...> не отпускал <...> от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене подтверждают это мое впечатление». Ок. 1922 Н. М. начинает записывать под диктовку О. М. стихи и прозу, переписывать его произведения. Подробно вникает в лит., издательские, обществ. дела. С 1925 помогает поддерживать дружеские отношения с А.А. Ахматовой, в 1929–30 гг. активно участвует в организационных и административных хлопотах в период затяжного конфликта вокруг выполненного О. М. переложения романа Ш. де Костера «Легенда об Уленшпигеле» (Мандельштам в архиве П.Н. Лукницкого. С. 117–23, 128, 137–41). Следит за хранением рукописи «Четвертой прозы» (1930), в к-рой отразилась эта скандальная лит.-обществ. ситуация, заучивает текст

наизусть и время от времени по просьбе О. М. читает в кругу друзей. Весной 1934, когда О. М. широко читал антисталинское стих., Н. М., боясь грядущего ареста и обыска, составила первый из многочисл. в дальнейшем списков стихов О. М., спрятала часть автографов в домашних тайниках («Архив»; комментарий к стихам 1930–37 гг. // Мандельштам Н. (3). С. 100, 141), они там остались нетронутыми. После первого обыска и ареста О. М. (май 1934) с помощью друзей вынесла из дома, сохранив тем самым от повторной выемки, еще часть рукописей (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 22, 27).

Отправляется под конвоем вместе с мужем в ссылку в *Чердынь*, затем, после замены места ссылки, в *Воронеж*. Наездами из Воронежа бывает в Москве, тщетно пытается в руководящих писательских и партийных органах облегчить участь ссыльного О. М., добиться большей свободы передвижения за пределами Воронежа и области, относит в редакции журналов новые стихи, получает помощь для проживания в Воронеже от родных и близких.

Помогает в работе над радиокомпозициями («Молодость Гёте» и др., лето 1935). Участвует с С.Б. Рудаковым в его трудах по текстологии и комментированию произведений О.М. Едет вместе с О. М. в командировку по колхозам Воронежской обл. (июль 1935). По ее инициативе создаются два авторизованных списка: стихотворений 1930-х гг. и стихов, написанных в Воронеже, один из них дарится Н.Е. Штемпель (см.: Штемпель). Стихи 1937 в значительной части записаны Н. Я. под диктовку О. М. В нач. 1937 показывает воронежские стихи Б.Л. Пастернаку, конспектирует для передачи О. М. его отзыв (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. С. 97).

В мае 1937, по окончании трехлетнего срока ссылки, вместе с О. М. возвращается в Москву, где выясняется, что О. М., как пораженный в правах после ссылки, не имеет права жить в столице, а Н. М. во внесудебном порядке лишают московской прописки (восстановить ее удастся с большим трудом в 1964). Живут в *Савелове* Московской обл., в Калининe, неофициально наездами бывают в Москве, дважды навещают в Ленинграде А.А. Ахматову. В марте 1938 по направлению Союза писателей едут в подмосковный дом отдыха «Саматиха», где 2 мая происходит последний арест О. М. Из Саматихи Н. М. заезжает в Калинин, где они поселились с О. М. до отъезда в дом отдыха, чтобы забрать оставшиеся у хозяев вещи; позднее она узнала, что в ту же ночь за ней приходили с арестом, но,

к счастью, уже не застали («Архив» // Мандельштам Н. (3). С. 109). Угрозу ареста она ощутила и позднее, в Струнине, где начала было работать на ткацкой фабрике и где ее вызвали в отдел кадров для углубленного расспроса – процедура, для простой ткачихи чрезвычайно подозрительная (там же. С. 110), и отсюда ей пришлось срочно уехать. Больше попыток ее арестовать не предпринималось, хотя атмосферу сыска и надзора вокруг себя она ощущала вплоть до смерти *Сталина*, и это побуждало предпринимать дополнительные усилия по сохранению текстов О. М. (см., напр., Мандельштам Н. (1). 1999. С. 432; Мандельштам Н. (3). С. 113–117). В Москве Н. М. пыталась узнать о судьбе арестованного О. М., передала для него деньги в тюрьму.

В дек. 1938 А.Э. Мандельштаму приходит единственное письмо из лагеря. В конце письма О. М., считая, что Н. М. тоже арестована, все же обращается к ней: «Родная Наденька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши мне о Наде сейчас же». В ответ Н. М. посылает телеграфом деньги по указанному в письме адресу. В янв. 1939 обращается с резким заявлением на имя нового наркома НКВД Л.П. Берия, настаивая на пересмотре дела О. М. и привлечении ее самой «в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы» (Шенталинский В. Улица Мандельштама. Досье Осипа Мандельштама // Шенталинский В. Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 249–250). В февр. 1939 денежный перевод вернулся с пометой «за смертью адресата». Н. М. обращается в управление лагерей с просьбой проверить это сообщение и выдать ей свидетельство о смерти О. М. В июне 1940 А.Э. Мандельштаму вручают для передачи Н. М. официальное свидетельство о смерти О. М. с указанием даты – 27 дек. 1938. Сведения о факте гибели О. М. и о дате смерти, распространившиеся в узком кругу современников (см., напр., «Посвящение» ахматовской «Поэмы без героя» с датой над ним «27 декабря 1940» // Ахматова А. Стихотворения и поэмы. 2-е изд. Л., 1976. (Библиотека поэта. Большая серия.) С. 353), исходили от Н. М.

С этого времени сохранение творческого наследия О. М. становится главной жизненной задачей Н. М. В трудных условиях предвоенных лет и эвакуации она возит с собой чемодан с рукописями произведений О. М., заучивает наизусть тексты неизданных стихов и прозы, мелким убористым почерком переписывает стихи по памяти, создавая т. н. альбомы.

Благодаря усилиям А.А. Ахматовой попадает в Ташкент, где живет и работает до 1949, изредка приезжая в Москву. Переписывает стихи О. М. по прижизненным рукописям, отдает списки на хранение немногим доверенным лицам – Ахматовой, Э.Г. Бабаеву. Книги Н. М. и восп. младших современников (Э.Г. Бабаева, В.Д. Берестова, С.И. Богатыревой и др.) передают атмосферу постоянного страха за сохранность архива О. М. и заботы о его спасении от исчезновения или уничтожения, в к-рой живет Н. М. в военные и послевоенные годы. Поддерживает переписку с друзьями и знакомыми, помнящими О. М., – вернувшейся в Ленинград Ахматовой, Э.Г. Герштейн, В.М. Жирмунским, Б.С. Кузиным, Б.Л. Пастернаком, Н.И. Харджиевым, В.Г. Шкловской-Корди, Н.Е. Штемпель, И.Г. Эренбургом. В 1946 передает рукописи ранних стихов О. М. на хранение С.И. Бернштейну и его брату И.И. Бернштейну, во время приездов в Москву с их помощью выверяет копии стихов 30-х гг. (Богатырева. 361–63, 365). Заканчивает экстерном Среднеазиатский гос. ун-т, преподает англ. яз. в этом университете, а в 50–60-е гг. в педагогических институтах Ульяновска, Читы, Чебоксар, Пскова. В 1955 при поддержке В.М. Жирмунского защищает канд. дис.

В 1956, на общей реабилитационной волне, подает заявление в Прокуратуру СССР о реабилитации О. М. и добивается ее, но только по делу 1938 (характеристики, реабилитирующие О. М., направили в Прокуратуру А.А. Сурков, К.И. Чуковский, И.Г. Эренбург). С этого времени начинается борьба за восстановление места О. М. и его творчества в поэзии и литературе XX в., борьба, за исход к-рой Н. М. все в большей степени осознает свою личную ответственность. Показательно в этом плане ее письмо в СП с протестом против публ. в журнале «Знамя» мемуарной заметки А. Коваленкова, в к-рой автор «позволил себе непристойный выпад против покойного О. Мандельштама» (Мандельштам Н. (3). С. 299). Н. М. участвует в организации комиссии СП по лит. наследию О. М., что сделало возможным заключение договора о плановом издании однотомника стихотворений О. М. в Большой серии «Библиотеки поэта» (1957). По предложению Н. М. составление книги было доверено Н.И. Харджиеву, к-му она предоставила необходимую для этой работы часть сохраненного ею архива.

С помощью А.А. Ахматовой распространяет в «самиздате», а затем и в «тамиздате» машинописные копии стихов

О. М. 30-х гг., которые к нач. 60-х гг. попадают в зарубежные альманахи и журналы (ВП. Вып. II–IV, 1961–1965 гг.; ВРСХД. № 64, 72–73, 75–76, 1962–1965 гг.), в издаваемое Г.П. Струве и Б.А. Филипповым Собр. соч.-1. Постепенно Н. М. становится центром расширяющегося с годами круга людей, интересующихся творчеством О. М., а также рус. поэзией, лит-рой, историей в тех аспектах, к-рые десятилетиями находились под спудом, официально не освещались или замалчивались (Панченко. С. 386). Работала над кн. «Воспоминания», по-видимому, в Тарусе, в 1958–61, когда оставила кафедру в Чувашском пединституте (Чебоксары) и еще не приступила к преподаванию в Псковском пединституте. Стремясь глубже осмыслить творчество О. М., истоки его мирозерцания, идейные и нравственные причины краха рус. интеллигенции на фоне всего трагического опыта нашей страны, читала книги из круга чтения О. М., а также труды рус. религ. философов – Н. Бердяева, Н. Лосского, В. Соловьева, П. Флоренского, С. Франка, П. Чаадаева и др. (см.: Мень). В 60-е гг. стала активно исповедовать православие; вопреки распространенному мнению (см., напр., Бычков), это не было обращением: внучка кантониста, Н. М. крещена была в младенческом возрасте.

Все это отразилось на внутр. концепции мемуаров Н. М., на ее оценке О. М. как иудео-христианского поэта, основывающейся на широком круге стихотворений разных лет и на статьях «Скрябин и христианство», «Чаадаев», «Пшеница человеческая», «Гуманизм и современность» и др.

Противостояние и столкновение европейских гуманистических ценностей и О. М. как их активного носителя и хранителя – с лишенной реального внутр. гуманистического содержания, социалистической утопией и абсолютно бесчеловечными методами ее осуществления – главный трагический сюжет книги Н. М., позволяющий совершенно по-новому, не так, как это делалось раньше, взглянуть на образ поэта, увидеть тесную связь между его творчеством, взглядами, убеждениями и душевным обликом. Отсутствие такой связи, как правило, подчеркивалось разными поколениями современников О. М. и мемуаристов (З. Гиппиус, С. Маковским, Г. Ивановым, И. Одоевцевой, Э. Миндлиным и мн. др.), предпочитавших, даже признавая дарование поэта, выделять и усиливать контраст между высоким строем стихов и прозы О. М. и смешными, а порой и нелепыми сторонами его поведения. Н. М. удалось, не скрывая и даже не затушевывая этих особенностей, пока-

зять внутр. накал, объединявший высокий поэтич. дар и его носителя.

Кн., начинающаяся описанием ареста О. М. за антисталинскую эпиграмму и кончающаяся сопоставлением разных версий его лагерной гибели, закономерно спрямляет достаточно сложный и неустойчивый характер собственно полит. взглядов поэта в ту эпоху, когда выбор полит. воззрений был жестоко ограничен реалиями жизни (см., напр.: Гаспаров; Лекманов, 2004). Но и эта сложность не проходит мимо внимания Н. М. и ее читателей.

Воспоминания Н. М., помимо др. достоинств, стали первой содержательной биографией О. М., что заслуженно сделало их необходимым источником сведений для неск. поколений мандельштамоведов.

Сформулированный ею принцип цельности творчества О. М., последовательной мотивированности даже наиболее сложных и темных его произведений – провиденциально оказался соответствующим тому направлению изучения его творчества, к-рое начало складываться в 60–70-е гг. в работах К.Ф. Тарановского и его последователей и до сих пор является доминирующим.

«Воспоминания» Н. М. закончила к 1962 (Поливанов. С. 4), с большими предосторожностями давала читать близким друзьям (см. в воспоминаниях Т.А. Осмеркиной // О. и Н. Мандельштамы. С. 394). Донесенный до нас мл. современником не слишком одобрительный устный отклик А.А. Ахматовой (Найман А.Г. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1989. С. 81–83), возможно, в дальнейшем дошел до Н. М. и стал одним из стимулов для постепенного переосмысления образа «поздней» Ахматовой как в посвященном ей мемуарном некрологе ([Об Ахматовой]), так и, в еще большей мере, во «Второй книге».

Неустойчивая полит. и идеологич. обстановка, с подспудным партийно-бюрократическим и низовым недовольством развенчания роли Сталина и периодическими попытками вновь возвеличить его образ, в немалой степени отражалась на посмертной офиц. судьбе О. М. и его произведений в нашей стране. Так, в 1957 в реабилитации О. М. по делу 1934 было отказано, как считала Н. М., в связи с недавними венгерскими событиями. Дело Ю. Даниэля и А. Синявского 1965–66 гг., часто упоминаемое Н. М. в ее очерке об Ахматовой, и последовавшие вскоре события в Чехословакии, возможно,

воспрепятствовало изданию однотомника О. М. с предисл. Л.Я. Гинзбург в «Библиотеке поэта», хотя макет кн. в 1967 был уже полностью подготовлен. То обстоятельство, что дирекция изд-ва сама не в силах решить связанные с этим идеологические вопросы, косвенно отметил А.Т. Твардовский в письме к Н. М. от 9.2.1968 (См.: Твардовский. С. 187–88); нечто аналогичное писал Н.И. Харджиеву В.Н. Орлов в нач. 70-х, уже после того, как был снят с поста гл. ред. «Библиотеки поэта».

Тем не менее произведения О. М. постепенно прорывались и к достаточно широкой аудитории отеч. читателей.

Значительную роль тут сыграли мемуары И. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» 14-я гл. 2-й кн. этих воспоминаний, опубл. в журн. «Новый мир» (1961. № 1), содержала сочувственный рассказ о поэте с обширными цитатами из его стихов и не опубл. при жизни «Разговора о Данте». Сама Н. М. считала, что мемуары Эренбурга стали важным этапом подготовки нового поколения читателей О. М., а также тех, кому оказались интересны ее собственные книги.

Положительная трактовка Эренбургом творч. наследия О. М. и его роли для рус. поэзии была подвергнута идеол. критике, повторявшей демагогические обвинения, звучавшие в адрес поэта в 20-е и 30-е гг. Это не помешало публикации в «Краткой лит. энциклопедии» (Т. 4. 1967. Стб. 568–570) ст. А. Морозова об О. М., написанной с совершенно иных позиций.

Примерно в эти же годы начались публикации не изданных при жизни произведений О. М. сначала за рубежом (ВП. Альм. 2. 1961; ВРСХД, вып. 60–70-х гг.; издаваемое Междунар. лит. содружеством в Нью-Йорке под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова Собр. соч. в 2-х, 3-х, а затем и в 4-х т., с исправленными и дополненными переизданиями 1 и 2 т.; 1964–81 гг.), а затем, значит. медленней, и в нашей стране (ДП. 1962; журн. «Москва». 1964. № 8; «Простор». 1965. № 4; «Подъем». 1966. № 1; ЛГруз. 1967. № 1 и др.). Эти публ. основывались на сохранных Н. М. текстах и распространявшихся в ее окружении списках стихов 30-х гг.

13 мая 1965 в аудитории механико-математического ф-та МГУ состоялся единственный за 30 с лишним предыдущих и более чем за 20 последующих лет публичный вечер поэзии О. М., в к-ром приняли участие Н. Чуковский (чтение опубл. в журн. «Москва» воспоминаний), В. Шаламов (чтение посв. памяти О. М. рассказа «Шерри-бренди» из так и

не изданной при сов. цензуре кн. «Колымских рассказов»), В. Борисов (чтение стихов О. М.) и др. Когда председательствующий – И.Г. Эренбург объявил, что в зале присутствует вдова поэта, присутствующие встали и устроили ей овацию, а Н. М. негромко напоявила им, как в стих. «Батюшков» О. М. писал: «Я к величаниям еще не привык...», и сказала, что относит эту овацию к тому, кому посвящен вечер.

В 1965 Н. М. передала амер. слависту Кларенсу Брауну рукопись для публ. за рубежом (см.: Браун; Браун), после чего стала свободней относиться к распространению «Воспоминаний» в самиздате, где кн. была встречена с большим интересом.

Получив – спустя три бездомных десятилетия – отдельную квартиру, Н. М. активней общается, обсуждает с новыми и старыми друзьями и знакомыми проблемы поэтики и текстологии О. М. Вокруг нее формируется круг людей, участвующих в зарождении современного мадельштамоведения (Г.А. Левинтон, Р.Д. Тименчик и др.). Лично и в письмах ей задают вопросы о биографии и творчестве О. М., обсуждают свои готовящиеся и будущие публ., статьи, комментарии и монографии С. Аверинцев, В. Борисов, К. Браун, Дж. Бэйнс (Смит), Л. Гинзбург, А. Жолковский, Ю. Левин, А. Македонов, А. Мец, А. Морозов, Н. Нильссен, Р. Пшибыльский, Д. Сегал, И. Семенко, Н. Струве, К. Ферхейль, В. Швейцер и мн. др.

В 1966, после смерти Ахматовой Н. М. пишет посвященный ей большой мемуарный некролог – первый вариант следующей кн. своих воспоминаний.

В 1967 в изд-ве «Искусство» вышел «Разговор о Данте», подготовл. к публикации А. Морозовым по рукописи, сохраненной Н. М.

Тогда же состоялись две отечественные публ. самой Н. М. – послесл. к републ. «Путешествия в Армению» (ЛАрм. 1967. № 3) и коротенькая заметка к подборке стихов О. М. для детей («Дет. лит-ра». 1967. № 6).

Недовольная тем, что Н.И. Харджиев затягивает, по ее мнению, подготовку одногомника стихов, не намерен готовить текстологически выверенных текстов для неподцензурных заруб. изд., недостаточно советуется с нею по вопросам текстологии, состава, композиции и комментария своего издания, Н. М. требует возвращения временно предоставленных ему для работы рукописей и в 1967, с трудом добившись этого, порывает связывавшие их многолетние дружеские отноше-

ния. История разрыва изложена ею летом 1967 в заметках «Архив» и «Конец Харджиева», не предназначавшихся для публикации и опубликованных посмертно в составе «Книги третьей». Обрываются давние дружеские отношения и с рядом лиц, принявших в этом разрыве сторону Харджиева (Э.Г. Герштейн, Л.Я. Гинзбург и др.).

Разрыв с Харджиевым побуждает Н. М. пересмотреть концепцию мемуарного некролога, посвященного Ахматовой, где значит. место было отведено описанию дружеских отношений между нею, Н. М., Харджиевым и др. людьми их круга, существовавших при жизни Ахматовой, т. е. до второй пол. 60-х гг.

По-видимому, прежде чем завершить переработку этого некролога во «Вторую книгу», Н. М. создает новое для нее по жанру произведение – эссе «Моцарт и Сальери», в котором стремится проанализировать и систематизировать свои впечатления о процессе стихотворчества у О. М. и Ахматовой, определить роль спонтанного, интуитивного («вдохновенного», «моцартианского») – и рационального («ремесленного», «сальерианского») в этом процессе, опираясь на статьи О. М. «Слово и культура», «О собеседнике», «О природе слова» и на «Разговор о Данте».

По ходу работы над «Второй книгой» (ее название напоминает о «Второй книге» стихотворений О. М., посв. в 1922 «Н. Х.» – Наде Хазиной – Надежде Яковлевне Мандельштам) Н. М. составляет «биографическую канву» О. М. – первую в своем роде, используя материал «Воспоминаний» и конспектируя др. запомнившиеся ей, но не отраженные в первой кн. эпизоды. Пишет также не предназначенный для публ. («для будущих мандельштамоведов») коммент. к стихам 30-х гг., отчасти полемический по отношению к харджиевскому (с ним Н. М. познакомилась в полном объеме, получив из др. источников макет подготовленного издания), отчасти отражающий беседы о стихах О. М., которые она вела с И. Семенко, А. Морозовым и др. В коммент., гл. обр., реконструируются реально-биографические, ист., а иногда и идейно-лит. «подтексты» стихотворений 1930–37 гг. Обсуждаются и текстологические вопросы, преимущественно полемически по отношению к текстологическим решениям, предлагавшимся Харджиевым, причем выводы Н. М., нередко основанные на воспоминаниях о вариантах чтения и бытования стихов, в ряде случаев корректируются последующими работами текс-

тологов (И.М. Семенко и др.). Характерно, что сама Н. М. на своей текстологии этих лет не слишком настаивала, полагая, что решение всех текстологических вопросов станет задачей будущих изданий. Тем не менее, как отмечалось позднее (С.И. Богатырева), некие из отмеченных Н. М. разночтений могут отражать не сохранившиеся в текстологических источниках, но запомнившиеся ей авторские варианты.

Заруб. русс-яз. изд. «Воспоминаний» в 1970 сопровождалось одноврем. выходом перевода кн. на осн. европ. яз., что сразу принесло Н. М. широкую известность за рубежом (см.: Holmgren В. Remembering Nadezhda Iakovlevna Mandel'shtam). Кн. получила чрезвычайно сочувственный отклик и вызвала волну интереса к творчеству О. М., к-рое, по свидетельству О. Ронена, именно в 70-е гг. стало активно изучаться заруб. славистами (Р о н е н . С. 103). Мн. произведения О. М. именно в эти годы были переведены на европ. яз.

К этому времени Н. М. заканчивает работу над «Второй книгой», к-рая выходит в свет в рус. изд. и в переводах в 1973. Атмосфера «застоя», как принято сейчас характеризовать эту эпоху, отразилась в мрачной, безнадежной интонации Н. М. в этой книге, а также в резких оценках, даваемых ею собственной молодости, всем поколениям своих современников. Реакция одних не заставила себя ждать (см.: Ка в е р и н . С. 189–91), реакция др. стала известна лишь годы спустя (см.: Герш т е й н ; Чуковская).

В 1973 Н. М. при посредстве С.Н. Татищева переправляет архив О. М. за рубеж, предназначая ему место в *Пристонском университете* (США), где проф. К. Браун изучает творчество О. М., работает над переводом его прозы. На некоторое время архив задерживается во Франции у Н.А. Струве, к-рый на основе материалов архива готовит 4-й т. заруб. «Собр. соч.» О. М. (вышел в свет в 1981). После размещения в Принстоне архив стал предметом изучения для заруб. славистов (Е.В. Алексеевой, К. Брауна, Г. Фрейдина, В. Швейцер), а с 90-х гг. и для отеч. исследователей (С.В. Василенко, М.Л. Гаспарова, Ю.Л. Фрейдина).

После выхода «Второй книги», трехтомного варианта заруб. собр. соч. О. М. и передачи архива за рубеж Н. М. считает свою жизненную задачу выполненной. Теперь она пишет лишь отдельные очерки (главы) для того, что называет своей «Третьей книгой», неск. заметок, обращается к администра-

ции Принстонского ун-та с письмом, отражающим ее планы касательно дальнейшей судьбы переданного ею архива.

Последние годы Н. Я. живет в ожидании ареста за неподцензурные зарубежные издания своих произведений и в надежде, что ее преклонный возраст и громкая известность удержит власть от этого шага. Сердце ее слабело, и она скончалась во сне через 2 дня после даты, к-рая 40 лет была известна как офиц. дата смерти О. М. (в этой офиц. версии она всегда сомневалась). На следующий день ее тело было насильственно вывезено из квартиры, где собрались друзья почтить ее память, и под милицейским конвоем отправлено в морг (см.: Мури на). Похороны Н. М. вылились в последнюю при «развитом социализме» не разогнанную властями демонстрацию оппозиционной интеллигенции.

Согласно воле Н. М., скульптор Д.М. Шаховской установил над ее могилой на Старо-Кунцевском кладб. деревянный крест, а рядом гранитный кенотаф – памятный знак поэту Осипу Мандельштаму.

В статье-некрологе, посв. Н. М., И. Бродский говорит: воспоминания Н. М. являются не только мемуарами и комментариями к биографиям двух великих поэтов (он подразумевает Ахматову и О. М.); как ни превосходны они в этом качестве, они все-таки и прежде всего растолковали сознание рус. народа. По крайней мере той его части, к-рой удавалось раздобыть экз. Нечего удивляться в таком случае, что это растолкование обернулось осуждением режима. Эти два тома Н. М. действительно могут быть приравнены к Судному дню на земле для ее века и для лит-ры ее века, особенно если учесть, что этот век провозгласил строительство на земле рая. Еще менее удивительно, что эти воспоминания, особенно второй том, вызвали негодование по обе стороны кремлевской стены. Бродский подчеркивает, что реакция властей была честнее, чем реакция интеллигенции: власти просто объявили хранение и распространение этих книг преступлением против закона. В интеллигентских же кругах, особенно в Москве, поднялся страшный шум по поводу выдвинутых Н. М. обвинений против выдающихся и не столь выдающихся представителей этих кругов в фактическом пособничестве режиму (см.: Бродский).

В 1987, почти к 50-й годовщине гибели О. М., Н.А. Струве выпускает все дошедшие до него и «не собранные

в книги» главы статьи, заметки, и письма Н. М. под удачным заголовком «Книга третья», не-авторским и в то же время явно напоминающим авторский.

Отеч. издания и переиздания произв. и писем Н. М. стали возможны лишь с кон. 80-х гг., после отмены идеологич. цензуры.

В 1988, 1998 и 1999 друзья Н. М. собирали небольшие публичные конференции, посвященные ее памяти (см. *Конференции мандельштамовские*).

В окт. 2002 Принстонским ун-том была организована междунар. конф., посв. памяти Н. М., приуроченная к 25-летней годовщине размещения в стенах ун-та архива О. М. (см.: *Remembering Nadezhda Iakovlevna Mandel'shtam*).

Соч.: Мандельштам Н. (1). 1999; Мандельштам Н. (2). 1999; Мандельштам Н. (3); [«Мое завещание» и другие эссе] / Сост. Г. Поляк. Предисл. И. Бродского. Н.-Й., 1982 (Серебряный век); [Об Ахматовой] / Подгот. текста, публ. и коммент. П.М. Нерлера // ЛУ. 1989. № 3. С. 134–51; [Комментарий к стихам 1930–1937 гг.] / Публ. С.В. Василенко и Ю.Л. Фрейдина. Послесл. Ю. Фрейдина // ЖиТМ; «В этой жизни меня удержала только вера в Вас и в Осю...»: Письма Н.Я. Мандельштам А.А. Ахматовой / Публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. Крайневой // ЛО. 1991. № 1; Моцарт и Сальери / Публ., вступ. ст., коммент. Ю. Фрейдина // Знамя. 1993. № 9; Письма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург / Подгот. текста Н.К. Цендровской (при участии А.Г. Меца); Коммент. Л.Я. Гинзбург // Звезда. 1998. № 10; Кузин – Н. Мандельштам.

Лит.: Каверин В. А. – Письмо В. Каверина к Н.Я. Мандельштам [от 20. III.73] // ВРСХД. 1973. № 108/110. С. 189–91; Струве Н. А. – По поводу письма В.А. Каверина // Там же. С. 192 (подпись: Н.С.); Твардовский А. Т. Письмо к Н.Я. Мандельштам от 9 февр. 1968 // Там же. С. 187–88; Бродский И. Надежда Мандельштам (1899–1980) // Надежда Мандельштам. «Мое завещание» и другие эссе / Сост. Г. Поляк; Предис. И. Бродского. 2-е изд., доп. Н.-Й., 1982. С. 7–18; Ахматова. Листки из дневника; Протоиерей Александр Мень. Н.Я. Мандельштам. Воспоминания // ЛО. 1990. № 5. С. 67–68; Панченко Н. В. «Какой свободой мы располагали...» // Мандельштам Н. (1). 1989. С. 378–96; Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирического пространства

ва // ЛО. 1990. № 3; Поливанов М. К. Предисловие // Мандельштам Н. (2). 1990. С. 3–9; Мандельштам в архиве П.Н. Лукницкого / Публ. В.К. Лукницкой; Предисл. и примеч. П.М. Нерлера // Слово и судьба. С. 111–48; Штемпель; Бабаев Э. Г. Диотима. [Воспоминания о Н. М.] // ВЛ. 1993. № 6; Мандельштам в письмах Рудакова; Браун К. От собеседника. // «Сохрани мою речь...»-2. С. 3–9; Берестов В. Д. Мандельштамовские чтения в Ташкенте во время войны // «Отдай меня, Воронеж...»; Богатырева С. И. Воля поэта и своеволие его вдовы: проблема текстологии позднего Мандельштама // Там же; Гаспаров; Герштейн; Морозов А. А. «Без покрова, без слюды...»: Вместо предисловия // Мандельштам Н. (2). 1999. С. I–XVI; Бабаев, 2000; Левинтон Г. А., Тименчик Р. Д. Книга К.Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама: Вместо послесловия // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000; О. и Н. Мандельштамы; Мургина Е. О том, что помню про Н.Я. Мандельштам // Мир искусств: Альманах. Вып. 4. СПб., 2001. С. 133–73; Чуковская Л. Дом поэта (Из архива. Незавершенное) // Чуковская Л. Соч.: В 2 т. Т. 2: Публицистика; отрывки из дневника; открытые письма и др. / Сост. Е.Ц. Чуковская. М., 2001; Дадашидзе И. Ю. Надежда Яковлевна // Дадашидзе И.Ю. Всего лишь гость... М., 2003. С. 209–24 (В программе Ильи Дадашидзе от 28.12.2000 г. «Надежда Яковлевна». К 100-летию со дня рождения Надежды Мандельштам. О Надежде Мандельштам вспоминают Серена Витале, Белла Ахмадулина, Эмма Герштейн, Андрей Синявский, Сергей Аверинцев, Никита Струве, Андрей Битов, Борис Мессерер, Юрий Фрейдин.); Бычков С. Отмывание жемчужин. Из кн. воспоминаний // Истина и жизнь. 2004. № 6. С. 17–19; Лекманов, 2004; Он же. «Досадное недоразумение» или нечто другое? // Лекманов О.А. Русская литература XX века: журнальные и газетные «ключи». Этюды. М., 2005. С. 45–48; Гладков А. К. Встречи с Пастернаком. М., 2005; Ронен О. Из города Энн: Сб. эссе. СПб., 2005. С. 103;

Holmgren B. Women's Works in Stalin's Time: On Lidiia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam. Bloomington, 1993; *Idem*. Remembering Nadezhda Iakovlevna Mandel'shtam (1899–1980) // The Russian Review. Vol. 61. № 4. October 2002; Brown C. Memories of Nadezhda // The Russian Review. Vol. 61. № 4. October 2002.

Ю.Л. Фрейдин

МЕЙЕРХОЛЬД Всеволод Эмильевич (наст. имя и фам. – Карл-Казимир-Теодор Мейергольд) (28.1.1874, Пенза – 2.2.1940, Москва, расстрелян), актер, театр. режиссер, педагог, теоретик театра, нар. арт. Республики (1923). В сезон 1906/07 О. М. видел в режиссуре М. спектакль «Гедда Габлер» по драме Г. Ибсена в Театре В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге (вероятно, также спектакли по драмам М. Метерлинка с участием Комиссаржевской и «Балаганчик» А.А. Блока; декорации Н.Н. Сапунова к этим спектаклям О. М., возможно, подразумевал, создавая свое стих. «Казино» (1912) – см.: Лекманов, 2000. С. 470–71). Позже в главе «Комиссаржевская» «Шума времени» (1923), описывая игру актрисы, О. М. не упоминает имени режиссера, приписывая Комиссаржевской идущую от М. идею театра-храма, атмосферу «исключительно сектантской приверженности», ожидание «театрального чуда». (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 385). 31.3.1914 в кабаре «Бродячая собака» в Петербурге после лекции В.А. Пяста «Театр слова и театр движения» О. М. принимал участие в диспуте, на котором, по предположению Р.Д. Тименчика, председательствовал М. (Тименчик. С. 358). 7.4.1914 О. М. присутствовал на премьере блоковского «Балаганчика» в зале *Тенгшевского училища* (реж. спектакля М.) (воспоминания Г.В. Адамовича. См.: Блок в неизданной переписке. С. 431). По наблюдению А.Г. Меца, неодобрит. характеристика О. М. совр. ему театра как театра «полуслова / И полумаск» в стих. «Есть ценностей незыблемая скала...» (1914) создает аллюзию на возрождавшуюся В.Э. Мейерхольдом *Commedia del'arte* (Камень. 1990. С. 304). Тем не менее в дневниковой записи 30.11.1915 актрисы-студийки В.В. Алперс зафиксирован интерес О. М. к петерб. студии М.: О. М. «очень хочется опять попасть к нам, слушать музыку, читать свои стихи». (Алперс. С. 303).

Стих. О. М. «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920) было пронизано «музыкальными ассоциациями, навеянными оперой Глюка “Орфей и Эвридика” (постановка В.Э. Мейерхольда 1911 г., возобновленная на сцене Мариинского театра в 1919–1920 гг.)» (Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000. С. 206). В 1-й пол. 1920-х гг., по восп. Н. М., О. М. в Москве бывал на спектаклях М. (вероятно, О. М. видел их на разных сценах – Театра РСФСР-1, Вольных мастерских Мейерхольда при Гос. высших театр. мастерских, Театра им. Мейерхольда – Гостим, Театра Революции): «...ходили и на постановки Мейерхольда, иногда с отвращением, иногда с

интересом смотря одну за другой невероятно разные постановки. <...> И театр был внутренне пуст и страшен, несмотря на внешний блеск. Все твердили одно слово: “биомеханика”. Это было модно и пышно» (Мандельштам Н. (2). 1999. С. 128). 26.1.1923 в Театре Революции, к-рый возглавлял в это время М., состоялась премьера спектакля «Человек-масса» по пьесе Э. Толлера в пер. О. М. и переработке М. и А.Б. Велижева (реж. спектакля А.Б. Велижев, реж. корректура постановки – М.). Постановка (в ее реж. части) была признана неудачной и довольно быстро исчезла из репертуара. В спектакле М. «Ревизор» (1926), по свидетельству Н. М., О. М. «понравился длинный стол и немая сцена» (Там же. С. 326; подразумевается эпизод «Господин Финансов» и финал спектакля). ГостИМ, возглавляемый М., упоминается в очерке О. М. «Киев» (1926) в связи с киевскими гастролями театра (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 436). Влияние режиссуры М. на спектакли харьковского театра «Березиль» (худ. рук. Л. Курбас) О. М. отмечал в ст. «Березиль» (1926) (Там же. С. 440). Имя М. как одного из учителей актера В.Н. Яхонтова О. М. называл в ст. «Яхонтов» (1927). Между 8.1.1938 (закрытием ГостИМа) и нач. февр. О. М. ночевал в доме М. (свидетельство М.Я. Шагинян; см.: Нерлер. С. 67; Видгоф Л. С. 246). М. узнал о смерти О. М. в кон. 1938 от Б.Л. Пастернака (Есенина. С. 136).

Лит.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) // А. Блок: Новые материалы и иссл. // ЛН. Т. 92. Кн. 3 М., 1982. С. 431; Нерлер П. М. 1994 (2). С. 67; Тименчик Р. Д. Комментарии // Пяст В.А. Встречи. М., 1997. С. 358; Мандельштам Н. (2). 1999 (по им. ук.); Алперс В. В. Из дневников. 1912–1916 // Мейерхольд и другие: Мейерхольдовский сб. М., 2000. Вып. II. С. 303; Видгоф Л. М. Москва: Мат-лы к мандельшт. энциклопедии // Параллели: Рус.-евр. ист.-лит. и библ. альм. М., 2003. Вып. 2/3. С. 246; Т.С. Есенина о Вс. Мейерхольде и Зинаиде Райх. Письма К.Л. Рудницкому. М., 2003. С. 136.

О.Н. Куцова

НАПОЛЕОН I (Napoléon) (Наполеон Бонапарт) (15.8.1769, г. Аяччо, Корсика – 5.5.1821, о. Св. Елены), франц. полководец, полит. деятель, император Франции 1804–14 и в марте–июне 1815. В «Шуме времени» (1923) в главе «Бунты и француженки» О. М., вспоминая о постоянно меняющихся

гouvernantках-француженках, писал, что у них «в центре мировоззрения» «стояла фигура великого императора Наполеона и война двенадцатого года». «Эти бедные девушки были проникнуты культом великих людей: Гюго, Ламартина, Наполеона и Мольера» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 353).

В стих. О. М. «В изголовье чернос распятые...» (1910) присутствует, раскрытая самим автором в подстрочном примеч., реминисценция из стих. Ф.И. Тютчева «Наполеон». В 1914 О. М. написал стих. «Европа», в к-ром затронута сразу неск. ист. пластов. Здесь имя Н. связано с воен. темой, причем он предстает «отрицательным» героем, противостоящим Священному Союзу, вдохновленному К. Меттернихом (Сегал. С. 196–97).

В стих. этого же года «Polacy!» название и I строфа связаны с изв. ист. фактом – призывом ген. Я.Г. Домбровского, обращенным к польским легионерам, прикрывавшим неудачный переход Н. через Березину, в результате к-рого погибло множество народа, но Польша так и не обрела независимость (Там же. С. 257). В стихотв. наброске О. М. «Какая вещь Кассандра...» (1915) упоминается «Рукопожатье роковое / На шатком неманском плоту». Подразумевается встреча императоров Александра I и Наполеона 25.6.1807 на специально сооруженном устойчивом плоту посредине Немана, к-рая закончилась мирным соглашением, а после тильзитских переговоров – союзом России с Францией. Один из вариантов IV строфы стих. О. М. «Собирались эллины войною...» (1916) читался: «На священной памяти народа / Англичанин другом не слывет, / Развенчать хотела их свобода / Бонапарта за великий год». «...В этих стихах могут подразумеваться военные столкновения с англичанами во время египетского похода Бонапарта» (Мец. С. 314). Реалии антинаполеоновского европ. похода рус. армии 1812 воссоздает «Декабрист» (1917) О. М.

В ст. «Конец романа» (1922) О. М. указывает на значение фигуры Н. для его современников и потомков. «Расцвет романа в XIX веке следует поставить в прямую зависимость от наполеоновской эпопеи, чрезвычайно повысившей акции личности в истории <...> Типическая биография захватчика и удачника Бонапарта расплылась у Бальзака в десятки так называемых “романов удачи (roman de réussite)”» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 273).

Летом 1923 О. М. сделал несколько переводов стихов О. Барбье. Их публикации предшествовала ст. «Огюст Барбье

(Поэт Парижской революции 1830 г.)», в черновиках к к-рой О. М. писал: «В ненависти своей к Наполеону Барбье одинок во всей романтической школе. Для Наполеона приберегает он самые сокрушительные дантовские образы. Для него Наполеон еще жив. Яд наполеоновского культа, разлагающий демократию того времени, яд, приготовленный в лабораториях лучших поэтов и художников, он рассматривает как опаснейший токсин» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 557). В.В. Мусатов отмечает, что проблематика переводов из Барбье была крайне злободневной в связи с «революцией, завершившейся дележом власти» (Мусатов. С. 281). Обращение О. М. к Барбье было мотивировано острой потребностью осознать сущность ист. перехода, случившегося в России. О. М. видел «после-наполеоновские» черты в «после-революционной» столице. По мнению Д.М. Сегала, В.И. Ленин для О. М. мог являться рус. «неудавшимся» Н. (Сегал. С. 742). Перевод из 3-й главы сатиры Барбье «L'Idole», направл. против Н. (сб. «Ямбы»), у О. М. звучит как «Кобыла» (1923). Здесь изображена картина гибели Франции по вине «революционного тирана» Наполеона.

Глубже всего наполеоновская тематика раскрыта в итоговых «Стихах о неизвестном солдате» (1937) О. М., где она отчасти перекликается с разработкой этой же тематики в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. Посвященное Первой мировой войне стих. О. М. густо насыщено реалиями из XIX в. Как подметил О. Ронен, наполеоновские битвы перечислены в обратном порядке: Ватерлоо, «Битва народов» (Лейпцигское сражение), Аустерлиц, Египет. (Ронен. С. 100). Ронен предполагает, что объяснительным подтекстом сюжета может служить книга франц. астронома К. Фламариона «Рассказы о бесконечном» (1872), к-рая сочетала метафизику и этику Платона, представления о физике и астрономии XIX в., а также была резко пацифистски направлена и горячо осуждала Н. В лит-ре об О. М. принято считать, что строка «Аравийское месиво, крошево» относится к египетским походам Н. В черновиках упоминается также «чумный Египта песок». По мысли О. М., именно в Египте Н. заразился идеей абсолютной власти, совершенно чуждой для европ. сознания (Мусатов. С. 531). Наполеоновская тема была заострена в редакции от 3.3.1937. С образом Н. связана и «черномраморная устрица» – гробница Н. в Доме Инвалидов в Париже действительно напоминает устрицу, но сделана она из красного порфира (Левин). Ронен предполагает, что здесь «черномраморная

устрица» есть метафора ночи, ее «космическая раковина» (Ронен. С. 107). Но Мусатов, возражая ему, говорит, что О. М. мог не знать цвета гробницы, но ему был важен черный цвет как символ ночи и смерти (Мусатов. С. 532). Античеловеч. суть войны уравнивает и войны Н., и Первую мировую, но О. М. видел между ними большую разницу. «Перед безликим светопреставлением будущего наполеоновские войны кажутся едва ли не культурной ценностью» (Гаспаров. С. 364).

Лит.: Сегал; Левин Ю. И. Заметки о поэзии О. Мандельштама 30-х гг. II: «Стихи о неизвестном солдате» // Slavica Hierosolymitana. 1979. Vol. 4; Мец А. Г. Комментарий // Камень. 1990; Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995; Мусатов В. В. Лирика О. Мандельштама. К., 2000; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002.

А.И. Бузылева

НЕДОБРОВО Николай Владимирович (1.9.1882, Раздольное Харьковской губ. – 3.12.1919, Ялта), поэт, прозаик, филолог, критик, в 1911–16 активный участник Об-ва ревнителей худож. слова, один из основателей Об-ва поэтов (1913–15). О личном отношении Н. к О. М. можно говорить лишь предположительно. По мнению Р.Д. Тименчика, оно «было вряд ли уважительным». Так, в письме к А.Д. Скалдину от 23.12.1916 «он писал по поводу издателя “Альманаха муз” К.Ю. Ляндау: “Вы знаете, с чьей рекомендацией Л<яндау> пришел к В.И. <Иванову>? <Мандельштама> (sic!)”» (см.: Тименчик Р. Д. Из поздней переписки Н.В. Недоброво: Биография и филологич. деятельность Н.В. Недоброво // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992. С. 151). Тот же исследователь приводит письмо А.А. Кондратьева к Б.В. Никольскому от 4.4.1914: «Недоброво очень интересно выступал по поводу доклада Йоссея Мандельштама “О гражданской поэзии”. <...> С помощью блестящих парадоксов и с большой эрудицией Недоброво доказывал, что гражданская поэзия лишь тогда хороша, если она – консервативного направления» (Там же. С. 83). Доклад О. М. «Несколько слов о гражданской поэзии» состоялся 30.3.1914 на заседании Об-ва поэтов, созданного в 1913 в С.-Петербурге при самом активном участии Н. (он стал товарищем пред. об-ва Е.Г. Лисенкова). Отношение же Н. к *акмеизму* в 1913–14 претерпевает нек-рую эволюцию: от иронич. оценки его как «вероисповедания “гладеньких пус-

тячков»» (см. его письмо к Э.К. Метнеру в: Орлова. С. 127) к обсуждению доклада Лисенкова об акмеизме в Об-ве поэтов 14.4.1914. Об интересе к акмеизму Н. как участника лит. жизни 1910-х гг. говорит и его намерение присутствовать на докладе Н.С. Гумилева и С.М. Городецкого 14.2.1914 во Всерос. лит. об-ве (см. его письмо к А.Г. Горнфельду: Там же). Все же отношение Н. к акмеизму в целом оставалось сдержанным.

С именем Н. связана эпиграмма О. М. (1913–14?): «Что здесь скрипением несносным / Коснулось слуха моего? / Сюда пришел Недоброво – / Несдобровать мохнатым соснам» (Собр. соч-2. Т. 1. С. 159). Н. приводит стих А.А. Фета «Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень ручьями» («Истрепалися сосен мохнатые ветки от бури...») в своей ст. «Ритм, метр и их взаимоотношение» (Труды и дни. 1912. № 2) в доказательство того, что понятия метра и ритма не совпадают и что возможны совершенные в худож. отношении стихи с нарушениями метра. Участвовавший в дискуссиях 1910-х гг. о теории стиха, Н. мог цитировать Фета и в своих устных выступлениях, в основном в 1911–16. Особая манера Н. читать стихи запомнилась многим мемуаристам, однако она оценивалась слушателями неоднозначно. О. М. в «Шуме времени» (1923–24) вспоминал о «домочадце литературы и чтеце стихов, чья личность с необычайной силой сказывалась в особенностях произношения, – о В. Недоброво. Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символических салонов, непроницаемый, как молодой чиновник, хранящий государственную тайну, Недоброво появлялся всюду читать Тютчева, как бы предстательствовать за него. Речь его, и без того чрезмерно ясная, с широко открытыми глазами, как бы записанная на серебряных пластинках, прояснялась на удивленье, когда доходило до Тютчева...» (Собр. соч-2. Т. 2. С. 390). Суждение О. М. о связи личности Н. с особенностями чтения им стихов соотносится с записью А.А. Ахматовой о том же Н.: «Трудно писать о нем и не впасть в его тон, трудно думать о нем и не слышать его интонации» (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.; Torino, 1996. С. 204).

О. М. был первым, кто разыскал в 1920 могилу Н. на старом Аугском кладб. в Ялте (до наших дней не сохранилась) и сообщил об этом Ахматовой.

Соч.: Недоброво Н. Милый голос / Сост., примеч. и послесл. М. Кралина. Томск, 2001.

Лит.: Биография и филологич. деятельность Н.В. Недоброво // Шестые Тыняновские чтения. Рига; М., 1992; Орлова Е. Лит. судьба Н.В. Недоброво. Томск; М., 2004.

Е.И. Орлова

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович (29.1.1890, Москва – 30.5.1960, Переделкино), поэт, прозаик, переводчик. По неподтвержд. версии, первая встреча П. и О. М. состоялась в 1915 в Петрограде (Вильям-Вильмонт. С. 19–20). По словам Н. М., поэты познакомились весной 1922, в год выхода в свет кн. П. «Сестра моя жизнь» и кн. О. М. «Tristia» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства. № 2. С. 47). Между П. и О. М. установились отношения как между младшим и старшим, хотя они были почти ровесниками и их лит. дебюты совпадали по времени, но О. М. был уже общепризн. мастером, а П. чувствовал себя начинающим поэтом. Однако О. М. читал П. задолго до этого. Г.В. Адамович утверждал, что в юности О. М. «бредил» стих. П. «В посаде, куда ни одна нога...» (опубл. в сб. «Весеннее контрагентство муз», 1915; Адамович Г. В. «Лейтенант Шмидт Б. Пастернака // Адамович Г.В., 1996. С. 111). Еще до первой личной встречи П. и О. М. связало событие, оказавшее сильное влияние на обоих поэтов, – смерть А.Н. Скрыбина (1915). И для П., и для О. М., по рождению и воспитанию особенно тесно связанных с муз. средой, «музыка Скрыбина была больше, чем музыкой – заклинанием и предсказанием судьбы поколения» (Кац Б. А., Тименчик Р. Д. А. Ахматова и музыка: Иссл. очерки. Л., 1989. С. 54). В незаконч. ст. «Скрыбин и христианство» О. М. сравнивал Пушкина и Скрыбина: «...их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 201). «Скрыбин не только композитор, но повод для вечных поздравлений, олицетворенное торжество и праздник рус. культуры», – писал П. (Люди и положения // Пастернак Б.Л. Т. 4. С. 308).

Не существует никаких достоверных свидетельств интереса П. к творчеству О. М. до 1922. Н.Н. Вильям-Вильмонт упоминал ранний (1920) пренебрежит. отзыв П. о поэзии О. М. (Вильям-Вильмонт. С. 19), однако это событие маловероятно.

По мнению К.Ф. *Тарановского*, в нач. 1920-х гг. в поэзии О. М. («Я не знаю, с каких пор...», 1922; «Я по лесенке приставной...», 1922) появились образы, заимств. из кн. П. «Сестра моя жизнь» (*Тарановский К.*, 1971. Р. 43–48). В стих. О. М. «Париж» (1923) строка «И клятвой на песке, как яблоком, играли...» тематически (Франц. рев-ция) и образно связана с «Драматич. отрывками» П. (1918): «И в голову твою, как в мяч, играют...» (*Ропен Р.* 314). Тогда же, в 1922–23, О. М. написал ряд статей о поэзии («Лит. Москва», «Буря и натиск», «Заметки о поэзии», «Б. Пастернак»), в к-рых высоко оценил достижения П.: «Величественная домашняя рус. поэзия Пастернака уже старомодна. Она безвкусна потому, что бессмертна...» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 301). «Со времен Батюшкова в рус. поэзии не звучало столь новой и зрелой гармонии» (Там же. С. 298). Вероятно, именно к этому времени относятся изв. высказывание О. М. о П.: «Я так много думал о нем, что даже устал» (цит. по: *Ахматова. Листки из дневника. С. 122*). Похвалы О. М. казались П. незаслуженными, в нояб. 1924 он писал М.: «Милый мой, я ничего не понимаю! Что хорошего Вы нашли во мне! <...> Да ведь мне в жизнь не написать книжки, подобной «Камню»!» (*Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 159*).

Читатели 1920-х гг. воспринимали П. и О. М. как поэтов близких и родственных, несмотря на разницу их поэтич. пути (футуристич. истоки П. и символистские О. М.). В творчестве П. и О. М. родилась «безоговорочно новая логика стиха», отрицающая старый принцип рац. связи мотивов (*Гинзбург Г. С. 216*). Имена П. и О. М. воспринимались в паре и рус. эмигрантами, продолжавшими интересоваться новейшей поэзией Сов. России. По восп. *Адамовича*, на лит. вечерах за границей чтение стихов О. М. часто продолжалось чтением стихов П. (*Адамович Г. В. Несколько слов о Мандельштаме // Мандельштам и его время. С. 188–89*). Парадокс о «видимой близости» О. М. и П. (*Тынянов Ю. Н. Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История лит-ры. Кино. М., 1977. С. 187*) вошел в обиход: «Матери обоих были проф. пианистками. Жены обоих занимались живописью <...> Обоих поэтов упрекали во внешней технич. изощренности, маскирующей внутр. пустоту» (*Лекманов, 2003. С. 106*). Даже во враждебном отзыве (1938) *П.А. Павленко* на воронежские стихи О. М. содержалось характерное сопоставление: «Язык стихов сложен, темен и пахнет Пастернаком» (*Павленко П. А. О стихах О. Мандельштама // «Сохрани мою речь»-1. С. 59*). Возможно,

именно обилие параллелей заставило П. «отнестись и к О. М., и к его стихам чрезвычайно доброжелательно, но и с опред. долей настороженности» (Лекманов, 2003. С. 107).

Летом и осенью 1924 П. и О. М. виделись в Ленинграде (семья П. жила на даче в Тайцах, а О. М. занимал квартиру на Морской ул.; о визите сюда П. см.: Мандельштам Н. (2). С. 166). В стих. М. «1 января 1924 г.» строка «Присягу чудную четвертому сословью» восходит к «1 Мая» П. (1923): «О том, что не быть за сословьем четвертым / Ни к пятому спуска, ни отступа вспять» (Ронен. Р. 315–16). После отъезда П. регулярно переписывался с О. М. и обращался с просьбами о помощи в публикации своих работ, плохо представляя себе ситуацию и надеясь на несуществующее влияние О. М. в издат. кругах. О. М. безуспешно пытался содействовать изданию переводов П. из Г. Гервега («Стихи живого человека») в антологии «Рев. поэзия Запада» (вышла в 1930).

Зимой 1924 О. М. и П. встретились на похоронах В.И. Ленина, о чем вспоминала Н. М. (Мандельштам Н. (2). С. 213). В нач. 1925 П. сообщал О. М. о своей работе над ром. в стихах «Спекторский» и послал ему рукопись 1-й гл. (письмо от 31.1.1925), весной–летом 1924 П. подарил О. М. сб. своей прозы «Рассказы». В том же году вышел в свет «Шум времени» О. М., о к-ром П. отозвался: «“Шум времени” доставил мне редкое, давно не испытанное наслаждение» (письмо от 16.8.1925: Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 171). В стих. О. М. «Я буду метаться по табору улицы темной...» (1925) К. Тарановский видит пастернаковскую параллель: образ «ветки черемухи», по его мнению, восходит к стих. П. из кн. «Сестра моя жизнь»: «Девочка» и «Ты в ветре, веткой пробующем...» (Тарановский К., 1976. Р. 80).

Тогда же П. и О. М. высказывают противоположные мнения о совр. романе. П. удивлялся: «Отчего Вы не пишете большого романа? Он Вам уже удался. Надо его только написать» (письмо от 16.8.1925: Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 172). Сам П. уже давно делал подступы к роману, считая его своим жизн. призванием («Детство Люверс», 1922). В т. ч. и жанр «Спекторского» П. определял как «роман в стихах». О. М., напротив, видел в романе исчерпавшую себя форму: «Человек без биографии не может быть тематич. стержнем романа» («Конец романа», 1922: Собр. соч.-2. Т. 2. С. 274). По его мнению, роман гибнет из-за «распыления биографии как формы личного существования» (Там же. С. 273). Гл. темой ром. «Док-

тор Живаго» П. стали через 30 лет именно сломанные судьбы и неудавшиеся биографии его современников.

В течение следующих неск. лет О. М. виделся с П. эпизодически, поездками бывая в Москве. В 1928 П. восторженно отозвался о кн. О. М. «Стихотворения» (1928), стараясь одновр. отвлечь поэта от недоброжелат. оценок критики (письмо от 24.9.1928: Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 249); упоминал об «устыжающем наслаждении» от чтения стихов О. М., объяснявшемся характерным для П. недовольством собой: в это время он готовил для переизд. стихи 1912–16 («Близнец в тучах», «Поверх барьеров»), к-рые вызывали у него раздражение темными и избыточными фрагментами. В ответ О. М. послал ему кн. своих «Стихотворений» с надписью: «Дорогому Борису Леонидовичу с крепкой дружбой, удивленьем и гордостью за него» (Цит. по: Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства. № 2. С. 51).

Отношения двух поэтов изменились в течение рокового для О. М. 1929, отмеч. «делом А.Г. Горнфельда». 14.6.1929 П. писал Н.С. Тихонову: «...Мандельштам превратится для меня в совершенную загадку, если не почерпнет ничего высокого из того, что с ним стряслось в последнее время» (Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 277). И хотя П. официально встал на сторону О. М. (подписал петицию в его защиту: ЛГ., 13 мая), но действий О. М. не одобрял и на заседании Конфликтной комиссии (11.6.1929) «признал его виновным» (письмо Тихонову от 14.6.1929: Пастернак Б. Л. Там же), т. е. высказался о необходимости подтверждения О. М. моральной ответственности перед Горнфельдом. О. М. чувствовал себя оскорбленным. Эти обстоятельства способствовали охлаждению, произошедшему между О. М. и П.

Во время своей поездки в Армению летом 1930 О. М. в беседе с Б.С. Кузиным говорил о точности детали в стихах П. (Кузин Б. С. Об О.Э. Мандельштаме // Мандельштам и его время. С. 285). Огромное впечатление произвела на обоих поэтов гибель В.В. Маяковского. П. откликнулся на нее в автобиогр. прозе «Охранная грамота», М. – в «Путешествии в Армению».

Однако фрагмент о Маяковском, первонач. входивший в гл. «Севан», О. М. впоследствии исключил, возможно, стараясь избежать переключек с «Охранной грамотой». Тем не менее и в окончат. тексте «Путешествия в Армению»

некоторые исследователи находят отзвуки диалога с П. (См.: Кацис Л. Ф. Маяковско-Пастернаковские эпизоды в «Путешествии в Армению» и «Разговоре о Данте» О. Мандельштама (К проблеме «Вторая проза» «первых поэтов») // *RL. Vol. XLI. (1997). P. 465–82*).

В нач. 1930-х гг. П. и О. М. разошлись относительно понимания задач творчества. После кризиса, связанного с делом Горнфельда, О. М. вновь начал писать стихи в 1930 – сознат. отщепенство стало гл. тенденцией его поэзии. П. в это время, тоже переживший творч. и личный кризис в нач. 1930-х гг., пытался преодолеть его иным способом: трудом «со всеми сообща и заодно с правопорядком» («Столетье с лишним – не вчера...», 1931). По-видимому, именно к 1931 относятся 2 заметки о П. в «Записных книжках» О. М., в к-рых возникает тиганич. образ П. – поэта, обреченного на молчание: «Набрал в рот вселенную и молчит» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 371). По мнению Э. Рейнолдса, в стих. М. «Волк» (1931) содержатся отсылки к строкам П. из стих. «О, знал бы я, что так бывает...» (1931): Reynolds A. W. «Кому не надоели любовь и кровь»: The uses of intertextuality in Mandelstam's «Za gremuchuiu doblest' griadushchikh vekov» // *Столетие Мандельштама. С. 136–54*. В 1931 О. М. получил комнату в писательском жил. флигеле *Дома Герцена*. В 1932 в Дом Герцена переехала первая семья П., к-рую он часто навещал. В том же году вышла кн. стихов П. «Второе рождение», гл. настроением к-рой стала попытка ощутить в современности «вкус больших начал» («Когда я устаю от пустозвонства...»). П. говорил в ней о своем открытии – простоте отношения к миру. О. М. не принял новые стихи П. По словам Э.Г. Герштейн, он характеризовал их как «советское барокко». Однако в др. месте своих восп. Герштейн приводит восторж. отзыв О. М. – «гениальные стихи!» – о стих. П. «Лето» (1931) (Герштейн С. 37, 39). О влиянии этого текста П. на стих. О. М. «Сохрани мою речь навсегда...» (1931) см.: Видгоф Л. М. О. Мандельштам в нач. 1930-х гг.: выбор позиции // *Изв. АН: Сер. лит-ры и языка. 2003. Т. 62. № 5. С. 21–32*). Резкий по тону текст О. М. «Ночь на дворе. Барская лжа!..» (1932) был реакцией на далекие от политики рассуждения П. из стих. «Красавица моя, вся статья...» (Мандельштам Н. (1). С. 177). Это стих., как и большинство текстов «Второго рождения», посвящено обстоятельствам семейной драмы П. и попытке оправдать ее поэзией бессмертия («загробный гул корней и лон»). В это время П. активно занимался переводами, стремясь

т. обр. обеспечить две семьи. О. М., сам много переводивший для заработка, был идеологич. противником лит. переводов. Ахматова вспоминает, как он говорил П.: «Ваше полное собрание сочинений будет состоять из двенадцати томов переводов и одного тома Ваших собственных сочинений» (Ахматова. Листки из дневника. С. 136).

Однако, несмотря на все несовпадения, поэзия П. была по-прежнему актуальна для О. М. Так, в «Разговоре о Данте» (1933) содержится реминисценция из раннего стих. П. «Весна»-I (1914): образ поэзии – «влажной губки» восходит к стиху П. «Поэзия! Греческой губкой в присосках / Будь ты...» (R о n e n. P. 162).

10.11.1932 П. посетил закрытый творч. вечер О. М. в ред. «Лит. газеты». «Зрелище было величественное. Мандельштам, седобородый патриарх, шаманил в продолжение двух с пол<овиной> часов. Он прочел все свои стихи (последних двух лет) – в хронологич. порядке! Это были такие страшные заклинания, что многие испугались. Испугался даже Пастернак, пролепетавший: “Я завидую вашей свободе. Для меня вы новый Хлебников. И такой же чужой. Мне нужна несвобода”» (Харджиев Н. И. Письмо Б.М. Эйхенбауму // Цит. по: Эйхенбаум. С. 532). Сопоставление с В.В. Хлебниковым переводит это высказывание П. из сферы политической в область поэзии. П. имел в виду собств. стремление к классич. ясности «неслыханной простоты». Гениальная «заумь» была ему чужда (ср. характеристику Хлебникова в восп. К.Г. Локса: «его словесное шаманство привело “заумь” к “безумию”»: Локс К. Г. Повесть об одном десятилетии // Воспоминания о Б. Пастернаке. М., 1993. С. 46).

О. М. несколько раз бывал у П. на Волхонке, где вместе с П. поселилась З.Н. Нейгауз (Пастернак) с детьми. По ее словам: «Он [О. М.] был как избалованная красавица – самолюбив и ревнив к чужим успехам. Дружба наша не состоялась, и он почти перестал у нас бывать» (Пастернак З. Н. Воспоминания. М., 1993. С. 290). С.И. Липкин вспоминает, что застал однажды О. М. в плохом настроении: «...то был день рождения П., но Мандельштамы не были приглашены» (Липкин С. «Угль, пылающий огнем...» // Мандельштам и его время. С. 308). Н. М. подчеркивала холодность П.: «Возможно, что Пастернак не искал отношений с равными и даже не подозревал, что существует равенство. Он всегда чувствовал себя отдельным и особенным» (Мандельштам Н. (2).

С. 238–39). «...Они не были близки», – характеризует отношения двух поэтов Е.С. Петровых (О. и Н. Мандельштамы. С. 165). С.С. *Аверинцев* говорил о «страстной, неразделенной, драматич. влюбленности О. М. в П.» (Аверинцев С. С. Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления // «Быть знаменитым некрасиво...». С. 5).

Однако, по восп. Е.Я. *Хазина*, в нач. 1930-х гг. П. часто вступал с О. М. в «бесконечные взволнованно-отчужденные разговоры» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства. № 3. С. 94). «...Обсуждались новые стихи Николая Асеева <...> Помню, с какой великолепной язвительностью разругались в тот вечер Мандельштам с Пастернаком и как рассердился на них Асеев, когда оказалось, что спорят они уже не о его стихах, а о чем-то своем, о чем разговор у них был начат давным-давно» (Мунблит Г. Н. Рассказы о писателях. С. 52). Очевидно, П. пытался вытащить О. М. из отщепенства – О. М. яростно сопротивлялся.

В 1934 О. М. рассердила реплика П. при посещении последним полученной, наконец, О. М. квартиры на ул. Фурманова (Нащокинский пер.): «Ну, вот, теперь и квартира есть – можно писать стихи» (Мандельштам Н. (1). С. 176). О. М. пришел в бешенство: «Я не могу иметь ничего общего с Борисом Леонидовичем – у него профбилет в кармане» (Гинзбург Л. Я. Из записей 20–30-х гг. // Нева. 1988. № 12. С. 153–54). Состояние «приемлющего интеллигента» (Там же. С. 154) было чуждо О. М. Отчасти как ответ на реплику П. писалось стих. «Квартира тиха, как бумага...» (1934). Поэт проклинал полученную квартиру, потому что опасался неминуемой платы, к-рую за нее придется отдать. В этом тексте Ронен отмечал пастернаковский подтекст: «В квартире прохлада усадьбы» («Кругом семящейся ватой...», 1931; Ронен С. 41).

В это же время О. М. написал стихи о И.В. *Сталине* и в числе прочих прочитал их П., к-рый не одобрил услышанного: «Это не лит. факт, но акт самоубийства...» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Из истории отношений О. Мандельштама и Б. Пастернака // *Knjizevna storma*. 1985. № 57 / 58. С. 111). После ареста О. М. в ночь с 13 на 14.5.1934. П. обратился за помощью к Д. *Бедному*, а получив от него отказ, – к Н.И. *Бухарину*. К своей записке Сталину об О. М. Бухарин сделал постскриптум: «Б. Пастернак в полном умопомрачении от ареста Мандельштама» (цит. по: ВЛ. 2003. Июль–Авг. С. 239). На письмо Бухарина Сталин наложил резолюцию: «Кто дал

им право арестовывать Мандельштама? Безобразие...» (Там же. С. 240).

Очевидно, благодаря ходатайству П. и А.А. Ахматовой, в следствии по делу О. М. наступил перелом, появилось предписание «изолировать, но сохранить». Вскоре после этого состоялся звонок Сталина П. Существует неск. версий разговора П. со Сталиным, их приводят в своих восп. З.Н. Пастернак, О.В. Ивинская, З.А. Масленникова, Н.Н. Вильям-Вильмонт, Г.Н. фон Мекк [Фон Мекк Г. Н. Такими я их помню // «Сохрани мою речь»-3(2)], Э.Г. Герштейн. Чтобы избежать кривотолков в связи с клеветой, пущенной Э. Триоле (См.: Триоле Э. Пастернак и Маяковский // *Lettres Françaises*. 1958. 3–9 июля; ср. Ахматова. Листки из дневника. С. 138), П. в 1958 сам передал содержание своего разговора Р.О. Якобсону, В.В. Иванову, М. Окутюрье, З.А. Масленниковой и Е.Б. Пастернаку. По свежим следам разговор был записан Ахматовой и Н. М. В нач. разговора Сталин сообщил, что дело О. М. пересматривается и с ним все будет хорошо, а также спросил, почему П. не обратился с ходатайством за О. М. в писат. орг-ции. П. ответил: «Писательские организации не занимаются такими делами с 27-го г., а если бы я не хлопотал, вы бы ничего не узнали». «Но ведь он ваш друг?» – спросил Сталин. П. ответил, что поэты, как женщины, ревнуют друг к другу. «Но ведь он же мастер, мастер!» – продолжал Сталин. П. ответил: «Не в этом дело». П. боялся, что Сталин попытается выяснить, известны ли ему крамольные стихи О. М. и насколько широко они разошлись. «Да что мы все о Мандельштаме, да о Мандельштаме, я давно хотел с вами встретиться и поговорить серьезно». – «О чем же?» – «О жизни и смерти». Сталин повесил трубку (изложено по: Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства. № 3. С. 95). П. пробовал вновь соединиться со Сталиным, но попал на секретаря. Сталин трубку больше не взял (о разговоре со Сталиным см.: Кацис Л. Ф. К поэтич. взаимоотношениям Б. Пастернака и О. Мандельштама // Пастернаковские чтения. С. 267–87). Хотя, по словам П., ему никогда не хотелось ни слова изменить в этом разговоре, его задел открыто лицемерный упрек Сталина в том, что он плохо защищал своего друга. «Однажды Вы упрекнули меня в безразличии к судьбе товарища», – писал он 1.11.1935 в письме в защиту Н.Н. Пунина и Л.Н. Гумилева (Источник. 1999. № 9. С. 77–78). Исследователи датируют разговор П. со Сталиным 13 июня, днем получения

известия о пересмотре дела, однако в письме к Е.В. Пастернак 11.6.1934 П. намекал на загадочное обстоятельство, задержавшее его в Москве и помешавшее приезду на дачу. Вероятно, речь шла о разговоре со Сталиным, к-рый состоялся на несколько дней раньше и послужил одним из обстоятельств, способств. пересмотру («Существованья ткань сквозная»: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак... С. 389).

По восп. Н. М., О. М. на следствии не назвал П. среди людей, слышавших стихи о Сталине. Уже в ссылке узнав о разговоре П. со Сталиным, О. М. заволновался: «Зачем запутали Пастернака? Я сам должен выпутываться – он здесь ни при чем...» (Мандельштам Н. (1). С. 175). Ответы П. во время разговора со Сталиным понравились О. М., особенно его отказ говорить о мастерстве («дело не в мастерстве»: Там же). Смысл разговора О. М. видел в том, что Сталин хотел распространения сведений о милости, проявл. к нему. Со своей стороны, П. широкой огласки разговора избегал, понимая, как «легко поддается этот факт эксплуатации, даже помимо воли заинтересованного, то есть в такую линию искусств. легкости можно попасть, этого не скрыв» (Б. Пастернак: Письма к родителям и сестрам. С. 98).

О. М. упоминается в письме П. к О.Г. Петровской-Силловой (22.2.1935) в связи с Хлебниковым и давним разговором о поэтич. свободе: «Мандельштамам кланяйтесь. Они замечательные люди. Он художник неизмеримо больший, чем я. Но, как и Хлебников, того недостижимо отвлеченного совершенства, к к-рому я никогда не стремился. Я никогда не был ребенком, – и в детстве, кажется мне. А они... Впрочем, верно, я несправедлив» (Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 355). В февр. 1936 П. участвовал в работе III пленума правления СП в Минске. На заключит. банкете П. в частной беседе предложил тост за О. М.: «Выпьем за прекрасного поэта!» [Гыдов В. Н. О. Мандельштам и воронежские писатели: (По восп. М.Я. Булавина) // «Сохрани мою речь»-2. С. 35].

Вскоре после этого П. вместе с Ахматовой предприняли попытку облегчить участь О. М., решившись на разговор с прокурором Р.П. Катаньяном. Они просили о «переводе в какой-нибудь др. город» (Мандельштам Н. (1). С. 169). П. сказал, в частности: «Как можно арестовывать такого прекрасного поэта, такого далекого от политики. Тогда и нас всех надо арестовать» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства. № 3. С. 96). «Но тогда уже

начался террор, и все было напрасно» (Ахматова. Листки из дневника. С. 140). Сложившись, П. и Ахматова послали О. М. 1000 р., что позволило ему уехать из Воронежа, снять дачу и провести лето в Задонске. В ответном письме 28.4.1936 О. М. высказал опасение, что больше никогда не увидит П., и предлагал навестить его в ссылке (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 171). В апр. 1936 в журнале «Знамя» напечатано стих. П. «Все наклоненья и залогои...», 2-я ч. к-рого (изначально – самостоят. текст) может читаться как диалог с О. М. В стихотворении утверждалась необходимость просто и открыто говорить с миром, не уходя в сложную область запутанных ассоциаций и вокализма (см.: Левин Ю. И. Заметки к стих. Б. Пастернака «Все наклоненья и залогои» // «Быть знаменитым некрасиво...». С. 67–76; Кацис Л. Ф. Эсхатологизм и байронизм позднего Мандельштама // Столетие Мандельштама. С. 128–30). На публикацию в «Знамени» О. М. отозвался восторженно. С.Б. Рудаков, не принимавший поэзию П., писал жене: «Как и ждал, у Мандельштама судороги от восторга (“Гениально! Как хорошо!”) <...> Стихи у Пастернака глубочайшие, о языке особенно... Сколько мыслей...» (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 178). Стихи П. словно вернули О. М. творч. силы, после 8-мес. перерыва он снова начал писать. «Из своих современников Мандельштам больше всех ценил Пастернака, к-рого постоянно вспоминал», – свидетельствовала Н.Е. Штемпель (Штемпель. С. 32). Поздравляя П. с Новым годом, М. писал ему: «Когда вспоминаешь весь великий объем вашей жизненной работы, весь ее несравненный жизненный охват – для благодарности не найдешь слов» (письмо от 2.01.1937: Собр. соч.-2. Т. 4. С. 174). Судя по всему, в это время О. М. читал все выходявшее из-под пера П. – не только оригинал. произв., но и переводы. Так, в финале «Оды» (1937) О. М. использовал конечную рифму из перевода П. стих. Н. Мицшвили «Сталин» (1934): «Будь гордостью еще особой нам / И нашей славой, человек из стали» (Гаспаров М. Л. Метрич. соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама. С. 108).

В 1937 Н. М. привезла из Воронежа на чтение и отзыв П. стихи 2-й воронежской тетради. В разговоре с ней П. подтвердил собств. определение иск-ва как «дерзости глазомера»: «Я хотел принести в поэзию мастерство почти слесаря. У меня рабочие руки» (Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства. № 3. С. 97). П. вместе с Н. М. подробно разобрал тексты О. М., восхищаясь «чудом становления книги» стихов (Мандельштам Н. (1).

С. 210) и слышавшимся в них голосом прозы («главное в поэзии – это проза»: Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства. № 3. С. 97). Тогда же П. послал О. М. в Воронеж записку со своим отзывом о стихах: «В самых счастливых вещах (а их немало) внутр. мелодия предельно матерьялизована в словаре и метафорике, и редкой чистоты и благородства» (весна 1937; Там же. С. 97).

Весной 1937, после окончания срока ссылки, О. М., лишенный моск. прописки, поселился в Савелове под Москвой, часто приезжал в столицу и неск. раз посещал П. в Переделкине (Мандельштам Н. (1). С. 356).

После гибели О. М. между П. и Н. М. сохранились теплые отношения. П. навещал Н. М. в Лаврушинском пер., где она подолгу жила у В.Г. Шкловской-Корди. Он был «единств. человек, к-рый пришел ко мне, узнав о смерти О. М.» (Там же. С. 155). При переводе «Гамлета» У. Шекспира в кон. 1930-х гг., П., возможно, вспомнил несколько мандельшт. образов: 1-я сцена 5-го акта – «Стоило ли давать этим костям воспитание, чтобы потом играть ими в бабки?» («А в Угличе играют дети в бабки» – «На розвальнях, уложенных соломой...», 1916, указано: *Р о п е н*. P. 155; «Дети играют в бабки позвонками умерших животных» – «Нашедший подкову», 1923: устное наблюдение Ю.Л. Фрейдина); очевидно, аллюзия на О. М. содержится и в 5-й сцене 1-го акта: «Век вывихнул сустав. Будь проклят год, / Когда пришел я вправить вывих тот» («Век», 1922).

В нач. 1946, когда рухнули надежды на послевоен. облегчение внутр. полит. ситуации в СССР, П. вспоминал об О. М. в письме к Н. М. в связи с переменой собств. мировоззрения: «...Теперь мне больше нельзя оставаться и тем, что я есть, и как недостает мне сейчас Осипа Эмильевича, он слишком хорошо понимал эти вещи, он, именно и сгоревший на этом огне!» (Пастернак Б. Л. Т. 5. С. 448).

Через 20 лет после смерти О. М. в автобиогр. очерке П. причислил его к тем поэтам, к-рые умели писать без «побрякушек» и «выкрутасов» и к-рых, в силу приверженности новому стилю, он сам недооценил (Там же. Т. 4. С. 339).

Соч.: Собр. соч.: В 5 т. М., 1992; Письма к родителям и сестрам. Stanford, 1998. Vol. 18, 19.

Лит.: Видгоф; Герштейн; Материалы о Мандельштаме; О. и Н. Мандельштамы; Мандельштам и его время; «Сохрани мою речь»-1; «Сохрани мою речь»-2; «Сохрани мою речь»-3(2); Столетие Мандельштама; Штемпель; Ман-

дельштам Н. (1). 1970; Она же. (2). 1990; Эйхенбаум Б. Олитре: Работы разных лет. М., 1987; Вильям-Вильмонт Н. Н. О Б. Пастернаке: Восп. и мысли. М., 1989; Мунблит Г. Н. Рассказы о писателях. М., 1989; Пастернак Е. Б. Б. Пастернак: Мат-лы для биографии. М., 1989; Пастернак Е. В., Пастернак Е. Б. Координаты лирич. пространства // ЛО. 1990. № 2, 3; Гинзбург Л. Я. Претворение опыта. Рига; Л., 1991; «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. М., 1992. Вып. I; Ивинская О. В. Годы с Б. Пастернаком: В плену времени. М., 1992; Восп. о Б. Пастернаке. М., 1993; Пастернак З. Н. Воспоминания. М., 1993; Поляновский Э. Гибель О. Мандельштама. СПб., 1993; Адамович Г. В. С того берега. М., 1996; Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. II; «Существованья ткань сквозная»: Б. Пастернак: Переписка с Е. Пастернак, доп. письмами к Е. Б. Пастернаку и его восп. М., 1998; Масленникова З. А. Б. Пастернак: Встречи. М., 2001; Амелин Г. Г., Мордерер В. Я. Миры и столкновенья О. Мандельштама. М.; СПб., 2001; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002; Лекманов, 2003; Флейшман Л. С. Б. Пастернак в двадцатые годы. СПб., 2003; Taganovsky K. Mandel'stam's Monument Not Wrought by Hands // California Slavic Studies. Vol. 6. 1971; I d e m . Essays on Mandel'stam. Camb.; Mass.; L., 1976; R o n e n O. An approach to Mandel'shtam. Jerusalem, 1983.

А.Ю. Сергеева-Клятис

ПУШКИН Александр Сергеевич (26.51799, Москва – 29.1.1837, С.-Петербург), поэт, занимал центр. место в системе культурно-эстетич. ценностей О. М., играл исключит. роль в его личном самосознании. Пушкинское слово, прочно вошедшее в генетич. память О. М., живет в его стихах, прозе, статьях на всем протяжении творчества.

Любовно описав в «Шуме времени» (1923) старое «исаковское» издание П. из материнского «книжного шкапа», О. М. определил особое место П. в составе принимаемого им по материнской линии наследства рус. культуры (в противовес отторгнутому наследству иудаизма): «...Духовная затрапезная красота, почти физич. прелесть моего материнского Пушкина так явственно мною ощущается» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 356). В дальнейшем темы матери и П. оказались связаны общей фигурой умолчания: О. М. «скупно высказывался о самых дорогих

для него вещах и людях, о матери, напр., и о Пушкине... Иначе говоря, у него была область, касаться к-рой ему казалось почти святотатством...» (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 78). В поэзии О. М., изобилующей пушкинскими реминисценциями, умолчание имени П. приобретало подчеркнутый характер («Дайте Тютчеву стрекозу...», «Стихи о русской поэзии», 1932); ср. суждение А.А. Ахматовой: «К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение – в нем мне чудился какой-то венец сверхчеловеч. целомудрия. Всякий пушкинизм был ему противен. О том, что “Вчерашнее солнце на черных носилках несут...” – Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков (50-е гг.) <...> “Сияло солнце Александра / Сто лет тому назад сияло всем” (дек. 1917), – конечно, тоже Пушкин (Так он передает мои слова.)» (Ахматова А. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 209–10).

Первый изв. факт обращения О. М. к П. – гимназич. сочинение «Преступление и наказание в “Борисе Юдунове”» (1906), в к-ром юный О. М. возражал против «теологического взгляда» на жесткую причинную связь между преступлением и наказанием в пушкинской трагедии (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 166). В университетские годы О. М. нек-рое время посещал Пушкинский семинарий С.А. Венгеровова (участниками к-рого были выдающиеся пушкинисты С.М. Бонди, Ю.Н. Тынянов, В.М. Жирмунский, Ю.Г. Оксман, Б.М. Эйхенбаум).

Живая личная связь и опред. самоидентификация О. М. с П., в юности носившая характер биогр. игры (педальирование внешнего сходства отмечено в мемуарах Г.В. Иванова, Н.К. Чуковского), получили развитие в жизни и поэзии О. М.: в совпадении поворотов судьбы (дуэльные ситуации, кавк. путешествие, сложные персональные отношения с верховной властью, ссылка, насильств. смерть), в полноте присутствия П. в его худож. мире.

Концептуальное осмысление фигуры П. в контексте большой культурной истории содержится в частично сохр. тексте доклада «<Скрябин и христианство>» (1917): на фоне развернутой апологии христ. иск-ва как «радостного богообщения» художника – П. предстает выразителем «рус. эллинства», ступенью в «раскрытии эллинистич. природы рус. духа» («Эллинство, оплодотворенное смертью, и есть христианство» – Там же. Т. 1. С. 202, 205). Себя О. М. считал «последним христианско-эллинистич. поэтом в России» (Мандельштам Н. (1). С. 300, со слов Н.И. Харджиева), а значит,

завершителем пушкинского пути в рус. поэзии. В тексте доклада сопоставлены смерти А.Н. *Скрябина* и П.: «Они явили пример соборной рус. кончины, умерли *полной* смертью, как живут *полной* жизнью, их личность, умирая, расширилась до символа целого народа, и солнце-сердце умирающего остановилось навеки в зените страдания и славы» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 201). Из картины ночных похорон Пушкина («Ночью положили солнце в гроб...» – Там же.) вырастает индивид. ист.-культурный миф, воплощенный в поэзии О. М. 1916–21 и объединяющий своей образностью («ночное солнце», «черное солнце», похороны солнца) судьбу П. и распятие Христа.

Между стих. на смерть матери «Эта ночь непоправима...» (1916) и стих. «Люблю под сводами седья тишины...» (1921–22) заключены метаморфозы уникального лирич. мета-сюжета похорон солнца («Кассандре», 1917; «Когда в теплой ночи замирает...», 1918; «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», 1920; «В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920), в к-ром скрыто присутствует тема смерти П. как центр. события не только рос. истории, но и большой мистерии духа. Тема приобретает эсхатологич. звучание, при этом худож. моделью для восприятия ист. катастрофы и описания отношений иск-ва и современности оказывается пушкинский «Пир во время чумы». Его универсальная метафора входит в подтекст стих. «От легкой жизни мы сошли с ума...» (1913), «Когда в теплой ночи замирает...», «Сумерки свободы» (1918), «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Я скажу тебе с последней прямокой...» (1931), «Фаэтонщик» (1931), «К немецкой речи» (1932), «В игольчатых чумных бокалах...» (1933, 1935); та же метафора развернута в финале «Шума времени», в описании лит-ры XIX в.

Прощание с пушкинской культурной эпохой зафиксировано в стих. «Концерт на вокзале» (1921), написанном под впечатлением траурных пушкинских вечеров в февр. 1921 в Петрограде и содержащем отсылки к П. («пенье Аонид») и к пушкинской речи А.А. *Блока* (темы музыки и удушья). Организованная О. М. 14.2.1921 панихида по П. в Исаакиевском соборе (см. об этом восп. Н.А. Павлович в кн.: О. и Н. Мандельштамы. С. 122–23) стала знаковым поступком, к-рым он осуществил несостоявшееся там отпевание 1837 и одновр. закрыл сюжет похорон пушкинского солнца (с этого момента «ночное солнце», «черное солнце» больше в его творчестве не появляется).

Не наследуя пушкинский стиховой канон, О. М. свободно включал пушкинские мотивы и образы в поэтич. ткань стихов. По преимуществу «пушкинскими» оказываются у него темы Петербурга, поэзии, осени, моря. Петерб. тема в «Камне» и «Tristia» сопровождается плотно спрессованными цитатами и реминисценциями из П. – на пространстве одного стих. пересекаются множеств. пушкинские контексты. В «Петербургских строфах» («Над желтизной правительственных зданий...», 1913) одновременно есть отсылки к «Евгению Онегину» («И правовед опять садится в сани», «Онегина старинная тоска»), к «Бесам» и «Метели» («Кружилась долго мутная метель»), к «Медному всаднику» – гл. смыслообразующему пратексту петерб. стихов О. М. – и «Пиру Петра Первого» («А над Невой – посольства полумира» – Там же) и снова к «Медному всаднику» («Чудак Евгений – бедности стыдится»). В стих. «Дев полуночных отвага...» (1913) подобным образом совмещаются контексты «Медного всадника», «Пира Петра Первого» и стих. «Город пышный, город бедный...» («Петра создание, / Медный всадник и гранит», «Слышу с крепости сигналы»), что подчеркнуто ритмич. зависимостью от названных пушкинских стихов (4-стопный хорей). Пушкинский Петербург проступает сквозь совр. О. М. реалии, для его описания используются элементы пушкинского поэтич. языка, герои совр. города оказываются тенью пушкинских героев. И пушкинский Петр живет в мандельшт. Петербурге – в стих. «Адмиралтейство» (1913) его образ воскрешается реминисценциями из пушкинских «Стансов» («А хищный глазомер простого столяра») и «Медного всадника» («И открываются всемирные моря»). Пушкинская тема петерб. наводнения всплывает в стих. «Дворцовая площадь» (1915), пушкинское имя города – «Петрополь» – фигурирует в стих. «На страшной высоте блуждающий огонь!» (1918), как и в более раннем «Мне холодно. Прозрачная весна...» (1916), где оно соединяется с реминисценциями из «Евгения Онегина» («зеленый пух») и пушкинского «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» («И каждый час нам смертная година») и с отсылкой к пушкинскому стих. «Прозерпина» («Где властвует над нами Прозерпина»). Мандельшт. тема умирания города-призрака благодаря пушкинским контекстам расширяется до темы гибели пушкинской культурной эпохи, пушкинская петерб. история продолжается и завершается в петерб. стихах «Камня» и «Tristia».

С П. связана и державно-патриотич. тема, например – стих. «Polaci!» (1914), обращенное к польским легионерам, воевавшим против рос. армии. В идейном и интонац.-синтаксич. плане стих. напрямую ориентировано на пушкинские «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину» – «единственный у Мандельштама случай столь простых и демонстративных отношений с пушкинским материалом» (Тодес. С. 93); к «Клеветникам России» восходит и фраза из ст. «Пшеница человеческая» (1922): «Ни один мессианствующий и витийствующий народ никогда не был услышан другим» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 248). Имперская тема облекается в пушкинские мотивы и в стих. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931): «Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных...» – отзвук пушкинских «Стансов» (на фоне более глухих аллюзий пушкинских стих. «К морю» и «Нереида» в той же строфе).

В моск. стихах цветаевского цикла проступает допетровский пласт рус. истории – в реминисценциях из пушкинского «Бориса Годунова»: «А в Угличе играют дети в бабки» (здесь же – отсылка к пушкинскому «На статую играющего в бабки»), «Царевича везут, немеет страшно тело». Лирич. герой стих. «На розвальнях, уложенных соломой...» отчасти совмещается с пушкинским ист. героем и т. о. берет на себя груз истории. Одноврем. через пушкинские реминисценции мерцает и любовная тема стих., остающаяся при этом в глубоком подтексте. Самоидентификация поэта с царевичем, возможно, находит продолжение в стих. «Куда мне деться в этом январе?» (1937; при одноврем. и более явной самоидентификации с П. в дни столетия его смерти) – настойчивое созвучие в стихах «И прячутся поспешно в уголки, / И выбегают из углов угланы...» с ист. и пушкинским Угличем, местом убийства царевича Дмитрия, обнажает тему насильств. смерти, к-рой страшится герой стих.

О. М. воспринял от П. тему высшего призвания и жертв. служения поэта, мотивы пушкинского «Пророка» варьируются в его стихах от декларативно-витийств. «Как облаком сердце одето...» (1910) до стих. «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...» (1930) из цикла «Армения» и «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...» (1931). Кульминация темы – отрывок «Я больше не ребенок! Ты, могила...», подписанный «6 июня 1931», днем рождения П.: в нем личное душевное пространство поэта раздвигается до размеров вселенной, как в пушкинском «Пророке», поэт

говорит за всех как имущий власть и знающий истину, и слово его обжигает, как солнце обжигает глину. У пушкинского пророка «сердце трепетное» заменяется на «уголь, пылающий огнем», у О. М. этому соответствуют обожженные губы поэта, постоянный у него атрибут поэтич. творчества.

Традиционно-поэтич. тему «Памятника» О. М. унаследовал в пушкинской интерпретации; вариации этой темы появляются у него, с предчувствием смерти, в стихах 1935–37: «Это какая улица?..» (1935), «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» (1935), «Не мучнистою бабочкой белой...» (1935, 1936), «Я нынче в паутине световой...» (1937), «<Ода>» (1937), «Заблудился я в небе – что делать?..» (1937). Тему могилы поэта, скрытую в пушкинском «Памятнике», О. М. развертывает в контрастных вариантах; поэтич. пространство его надгробного монумента колеблется между «ямой» «имени Мандельштама» и царств. могилой в центре земли, на Красной площади, где поэт оказывается похороненным заживо – «Да, я лежу в земле, губами шевеля...». Посмертная судьба поэтич. слова увязана в этом стих. с социальной геополитикой («Покуда на земле последний жив невольник»), тогда как в пушкинском «Памятнике» судьба слова сливается с посмертной судьбой души. О. М. продолжил и тему «поэт и царь», пережив ее по-своему: в противоположность пушкинскому «Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа» поэт в оде И.В. *Сталину* воспеваает властителя и уходит с царской площади в небытие, отдавая тезке-«близнецу» свою посмертную славу. Последняя реминисценция из «Памятника» появляется в черновиках «Стихов о неизвестном солдате» (1937) – «Всяк живущий меня назовет» – но не попадает в окончат. текст, т. к. вступает в противоречие с гл. темой – гибели поэта как неизв. солдата, «с гурьбой и гуртом».

Из ряда лирич. пушкинских тем у О. М. выделяется тема моря. В стих. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» (1915) «море черное», к-рое «шумит», связано с темой всевластия любви и восходит непосредств. к финалу «Путешествия Онегина», но одноврем. и к морю романтич. пушкинской лирики («Погасло дневное светило...», «К морю»); в стих. «С миром державным я был лишь ребячески связан...» «Черное море» как стихия свободы и любви также восходит к П. – к антологич. элегии «Нереида» и к стих. «К морю», в к-ром поэт предпочитает море земле как миру насилия и тирании. Позже романтич. Черное море вытесняется в поэзии О. М. морем другим – сказочным

и тоже пушкинским: в стих. «День стоял о пяти головах...» (1935) «синее море» пушкинских сказок символизирует отнятую свободу, П., поэзию вообще и собственно море, ставшее сказочной мечтой.

Образы пушкинской сказочной поэзии присутствуют и в др. произв. О. М.: «комариный князь» («Я не знаю, с каких пор...», 1922; то же – в «Египетской марке») и Черномор («И по-зверину воет людь...», 1930) из «Сказки о царе Салтане» (впрочем, смешанный с Черномором из «Руслана и Людмилы»), «черноморье» как вариант «лукоморья» и пушкинская сказочная концовка в «Ариосте» (1933) («...И мы бывали там. И мы там пили мед...»). К этому ряду примыкает и сравнение из «Четвертой прозы»: «Здесь, как в пушкинской сказке, жида с лягушкой венчают...»; на самом деле, это цитата из пушкинской баллады «Гусар». Пример восприятия фолькл. образов через посредство пушкинского текста – стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933), в к-ром просматривается эпизод сна Татьяны из «Евгения Онегина» (пир «хозяина» с нечистой в лесной избушке).

Жизнь пушкинского слова принимает разные формы в стихах О. М.: от единичного и, м. б., бессознат. использования до прорастания пушкинских образов в цельные лирич. сюжеты – это истории таких образов, как «прозрачный лес», «зеленый пух», «пунша пламень голубой», «птичка», пушкинского выражения «печаль моя светла» и др. В ряде произв. О. М. пушкинские реминисценции плотно сгущаются, перекрывая друг друга, как в стих. «В разноголосице девического хора...» (1916) – реминисценции из «Ты вынешь и молчишь; печаль тебя снедает...», «Зимнего утра», «Зима. Что делать нам в деревне?...», «Вертоград моей сестры...», или в стих. «10 января 1834» – отсылки к «Моцарту и Сальери», «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», «Медному всаднику», «Евгению Онегину».

Античность и антич. традиционно-поэтич. пантеон у О. М. отчасти опосредованы П., в ряде стихов антич. тема и антич. образы сопровождаются у него отголосками пушкинской южной и конкретно крымской поэзии, с «традиционным для рус. интеллигента восприятием Крыма как субститута Греции» (Аверинцев. С. 18) – «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...», «С миром державным я был лишь ребячески связан...». В стих. «С веселым ржанием пасутся табуны...» (1915) О. М. вслед П. отождествляет себя с Овидием и при этом вводит в стихи,

написанные от лица Овидия, реминисценции из пушкинских стих. «Осень» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», а также подхватывает пушкинский каламбур с именем рим. императора – «И – месяц Цезаря – мне август улыбнулся». Пушкинское посредничество обнаруживается в истории с Аонидами: они дважды появляются в стихах О. М. («Ласточка», 1920, «Концерт на вокзале»), и при этом он, согласно мемуарам И.В. *Одоевцевой* и Павлович, помнил этих муз не по антич. мифологии, а по поэзии П., и даже предполагал, что «их просто-напросто гениально выдумал Пушкин» (Одоевцева. С. 354).

В переломном для О. М. 1935 П. помогал ему определиться в отношениях с современностью. По впечатлениям от пути под конвоем в *Чердынъ* написано стих. «День стоял о пяти головах...» – здесь П., прямо названный (редчайший в поэзии О. М. случай), возникает как высшая ценность, к-рой поэт и хочет, и до конца не может поделиться с новым сов. «племенем пушкиноведов», с «молодыми любителями белозубых стишков», отбирающими у него свободу. «Стансы» (1935), в к-рых выразилось стремление О. М. найти свое место в сов. строю, «жить, дыша и большевеея», ориентированы на пушкинские «Стансы» как ист. и поэтич. прецедент лояльности к власти («О. М. говорил, что “стансы” всегда примирительно настроены», – свидетельствовала Н. М. (Мандельштам Н. (3). С. 204). Пушкинский подтекст в этих стихах возникает также за счет ряда реминисценций и отдаленных, как будто не мотивир. общим смыслом аллюзий: «И ты, Москва, сестра моя, легка...»; ср.: «Мне грустно и легко; печаль моя светла...»), «Я слышу в Арктике машин советских стук...» (ср.: «И внял я неба содроганье / И горний ангелов полет...»), «Клевещущих козлов не досмотрел я драки...» (ср.: «Перед окном возникшей дракой / Козла с дворовою собакой...»). Нек-рая парадоксальность пушкинских реминисценций связана с общим характером мандельшт. цитатной поэтики – чужое слово, в т. ч. и пушкинское, как правило, полностью им присваивается, отрывается от «родного» контекста, органично растворяется в поэтич. ткани его стихов.

В 1937 О. М. остро переживает столетие смерти П. как момент завершения послепушкинского века – отсюда сгущение пушкинских мотивов в стихах зимы 1937: «Люблю морозное дыханье...» (реминисценция из «Евгения Онегина»), «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...» (отзвуки «Осени» и

«Поэта»), «Если б меня наши враги взяли...» (аллюзия на «Не дай мне Бог сойти с ума...»); в стих. «Куда мне деться в этом январе?...» страх смерти сопровождается мотивами пушкинских похорон («какой-то мерзлый деревянный короб») (см.: Рейнольдс. С. 200–14). Так обнажаются биогр. параллели, к-рые на протяжении всей жизни ощущал О. М., – параллели между судьбой П. и его собств. судьбой.

Те же параллели ложатся в подтекст мандельшт. «Путешествия в Армению» (1931–32): О. М. воспринимал свою поездку 1930 по Армении как последование пушкинскому кавказскому путешествию, совершенному на сто лет раньше, и, соответственно, пушкинское «Путешествие в Арзрум» стало жанровой матрицей его «Путешествия в Армению». Сочетание путевых заметок с публицистикой, лаконичность, свободные отступления, личная интонация – таков стилиобразующий пушкинский субстрат «Путешествия в Армению», поддержанный упоминаниями П. («Уже сейчас молодые люди читают Пушкина на эсперанто» – Собр. соч.-2. Т. 3. С. 195) и пушкинских героев («рыцарственный Мазепа, одними губами ласкающий Марию» – Там же. С. 182). Виртуальное присутствие П. в арм. поездке О. М. сказалось и в стихах арм. цикла; «Чудный чиновник без подорожной, / Командированный к тачке острожной...» («И по-звериному вост людье...») и «Эрзерумская кисть винограда...» как метафора поэзии («Дикая кошка – армянская речь...», 1930) – знаки этого присутствия.

В худож. прозе О. М., как и в поэзии, пушкинское слово полностью интегрируется в текст, в его муз.-метафорич. ткань; так, в «Шуме времени» растворяются мотивы «Медного всадника» (глава «Бунты и француженки»), «Пира во время чумы» (глава «В не по чину барственной шубе»), «Евгения Онегина» (глава «Эрфуртская программа»: «В тот год в Зегевольде, на курляндской реке Аа стояла ясная осень с паутинкой на ячменных полях» – Там же. Т. 2. С. 376, ср. пушкинское: «В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе...»). В статьях О. М. П. никогда не является непосредств. предметом речи, но всегда – точкой отсчета, центром системы координат, камертоном, по к-рому настраиваются мысли и оценки явлений. Пушкинская поэзия (и только поэзия) цитируется в статьях много и по б. ч. открыто, в кавычках, с указанием источника, без такого присвоения, как в стихах. О. М. прибегает к авторитету П. при анализе отношений поэта с читателем («О собеседнике», 1913), в докладе о смерти Скрябина и о сути

христ. иск-ва («<Скрябин и христианство>»), в «Заметках о Шенье» [1914 (?)], в характеристике поэзии Ахматовой («О современной поэзии», 1916), В. Хлебникова («Буря и натиск», 1923) и груз. иск-ва («Кое-что о грузинском искусстве», 1922), в мыслях о цикличности культуры («Слово и культура», 1921), о «гениальном чтении» (Там же. Т. 1. С. 230; «О природе слова», 1921–22), об источниках и влияниях в поэзии Блока («А. Блок», 1921–22). Принципиально важной для О. М. оказалась пушкинская парадигма двух типов художника – Моцарта и Сальери – из к-рых О. М. выбирает как более продуктивный, актуальный и более близкий ему тип Сальери: «На место романтика, идеалиста, аристократич. мечтателя о чистом символе, об отвлеченной эстетике слова, на место символизма, футуризма и имажинизма пришла живая поэзия слова-предмета, и ее творец не идеалист-мечтатель Моцарт, а суровый и строгий ремесленник мастер Сальери, протягивающий руку мастеру вещей и материальных ценностей, строителю и производителю вещественного мира» (Там же. Т. 1. С. 231; «О природе слова»); ср. «Заметки о поэзии» (1923, 1927) и стих. «Адмиралтейство»: «...красота – не прихоть полубога, / А хищный глазомер простого столяра»; ср. также высказывание О. М. в передаче Н. М.: «В каждом поэте есть и Моцарт и Сальери» (Мандельштам Н. (3). С. 24).

В ст. «Выпад» (1923) О. М. резко высказался по поводу произвольного чтения и искаж. восприятия П.: «...легче провести в России электрификацию, чем научить всех грамотных читателей читать Пушкина так, как он был написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют их умственные способности» (Собр. соч.-2. Т. 2. Р. 411). Сам он своим творчеством явил случай «гениального чтения» П., глубокого родства и творч. восприятия одного поэта другим поверх времени и традиций.

Лит.: Аверинцев С. С. «Золотистого меда струя из бутылки стекла...» // Столетие Мандельштама; Рейнольдс Э. Смерть автора или смерть поэта? Интертекстуальность в стих. «Куда мне деться в этом январе?» // «Отдай меня, Воронеж...»; Таборисская Е. М. Петербург в лирике Мандельштама // ЖИТМ; Нерлер П. О. Мандельштам – читатель Пушкина // Лит. учеба. 1987. № 3; Черашняя Д. И. Этюды о Мандельштаме. Ижевск, 1992; Балашова И. А. Творчество А. С. Пушкина в восприятии О.Э. Мандельштама // Филология. 1993. № 2; Гаспаров Б. М. Лит. лейтмотивы // Очерки рус. лит-ры XX в.

М., 1994; Тоддес Е. А. К теме: Мандельштам и Пушкин // *Philologia: Рижский филол. сб.* Рига, 1994. Вып. 1; Шарапова А. В. «На языке цикад пленительная смесь...»: О пушкинском подтексте в стихах Мандельштама // *Мандельшт. дни в Воронеже.* Воронеж, 1994; Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 327–70; Мусатов В. В. Пушкинская традиция в рус. поэзии первой пол. XX в. М., 1998. С. 241–320; Одоевцева И. Избранное. М., 1998; Сегал; Мандельштам Н. (1). 1999; Мандельштам Н. (3); Месс-Бейер И. Мандельштам и Пушкин: Уроки свободы // *Russian Language Journal. Michigan*, 1999. Vol. 53. № 174–176; Лекманов, 2000. С. 508–10; Кузьмина С. Ф. В поисках традиции: Пушкин – Мандельштам – Набоков. Минск, 2000. С. 92–121; Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 13–209; Ронен О. Поэтика О. Мандельштама. СПб., 2002 (по им. указ.); Алленов М. М. Тексты о текстах. М., 2003. С. 238–70; Капинос Е. В. О «Рождественской звезде» у Мандельштама // *Пушкин в XXI в.: Вопросы поэтики, онтологии, историцизма.* Новосибирск, 2003. С. 67–79. Сурат И. Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин // *НМ.* 2003. № 3; Она же. Мандельштам и Пушкин: Статья вторая: Лирич. сюжеты // Там же. 2003. № 11; Ронен О. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983 (по им. указ.); Dutly R. «Wunderbarer Stoff»: O. Mandelstam und A. Puschkin // *Zeitschrift für Kulturaustausch.* 1987. № 1; Freidin G. A coat of many colors: O. Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkeley, 1987.

И.З. Сурат

ТИХОНОВ Николай Семенович (22.11.1896, С.-Петербург – 8.2.1979, Москва), поэт, прозаик, лит. и обществ. деятель. Участник лит. группы «Серрапионовы братья» (с 1921). В двух дебютных книгах Т. «Орда: Стихи. 1920–21» и «Брага: Вторая книга стихов. 1921–22», вышедших в 1922, критики и позднейшие исследователи обнаруживали влияние *акмеизма*: «Ясность, скупую четкость, обдуманную полновесность сурового и мужественного стиха Гумилева он на первых порах синтезирует с торжественной плавностью Мандельштама» (Горбачев Г. Е. *Совр. рус. лит-ра.* Л., 1929. С. 270; ср.: Оксенов И. А. *Николай Тихонов* // *Звезда.* 1925. № 5. С. 262–263; Друзин В. П. *О поэзии Николая Тихонова* //

Там же. 1928. № 10. С. 164; Поступальский И. С. По прямой дороге // На лит. посту. 1929. № 23. С. 68). В «Орде» весьма многочисленны реминисценции из стихов О. М., чередующиеся со скрытыми цитатами из стихов др. акмеистов. Так, фрагмент строки «...качаясь, мир плывет» из стих. Т. «Наследие» восходит к фрагменту строки («Земля плывет») из стих. О. М. «Прославим, братья, сумерки свободы...» (1918); в стих. Т. «Свифт» целый ряд образов («подбитый глаз», «дерзостный старик», «слепая голытьба») перекликается с соответствующими мотивами «Старика» (1913) О. М.; строка «Хочет кожаный шкипер, румяный, манит» из «Северной идиллии» Т. представляет собой перифраз строки «Румяный шкипер бросил мяч тяжелый» из «Спорта» [1914 (?)] О. М. Приблизительно в это же время Т. написал, посвятил О. М., но не печатал стих. «Почти на взморье дом Цирцеи...», густо насыщенное ключевыми образами из стихов О. М. нач. 1920-х гг. (Тихонов Н. С. Перекресток утопий. Стих. Эссе. 1913–29. М., 2002. С. 192). В свою очередь, в стих. О. М. «1 января 1921» строка «И губы оловом зальют» восходит к строкам «А в горле бьется горячее олово / Остановившихся слов» из «Медиума» Т. (Ронен. Р. 254).

В дек. 1922 Т. впервые посетил О. М. и читал ему свои стихи (см.: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 586–587). О. М., по свидетельству Н. М., «попал под очарование Коли Тихонова, но это длилось недолго» (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 280). Уже «Орду» в сер. 1920-х гг. О. М. в разговоре охарактеризовал, прибегнув к иронич. формуле: «Здравия желаю акмеизм» (Берберова. С. 166). 6.4.1924 О. М. участвовал в обсуждении поэмы Т. «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в ин-те совр. лит-ры Гос. ин-та иск-в (см. отчет И. А. Груздева – РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 36). 9.5.1924, в числе группы писателей-попутчиков, О. М. и Т. обратились в отдел печати ЦК РКП(б) с коллективным письмом-заявлением об их лояльности советской власти (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 202–203). В 1926, в телефонном разговоре с Б. М. Эйхенбаумом, О. М. отдал решит. предпочтение стихам К. В. Вагинова перед стихами Т. (Гинзбург. С. 16). Публ. дискуссия О. М. и Т. о допустимости описательности в поэзии состоялась 8.3.1926 после чтения Т. своих стихов на семинаре в ленингр. Гос. ин-те иск-в (см.: Собр. соч.-2. Т. 4. С. 76; Гинзбург. С. 14–15; Каверин. С. 301–03).

В 1928 Т. преподнес О. М. сб. своих стихов «Поиски героя» (1927) с дарств. надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму – с любовью. Н. Тихонов. 1928» (Фрейдина. С. 235; по предположению Ю.Л. Фрейдина, этот подарок мог быть сделан в ответ на «Стихотворения» (1928) О. М.). 28.5.1929 Т. участвовал в собрании писателей в редакции «Звезды» и наряду с двадцатью др. литераторами подписал коллективное обращение, направленное в ред. газ. «Известия», «Комсомольская правда» и протестующее против шельмования О. М. Д.И. Заславским в «Лит. газете» (Слово и судьба. С. 137–138; тем не менее именно в письме к Т. от 14.6.1929 Б.Л. Пастернак счел возможным негативно высказаться о поведении О. М. во всей этой истории; см.: Пастернак Б. Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 5. С. 217). 24.8.1929 О. М. как сотр. газ. «Московский комсомолец» просил В.М. Саянова в письме: «...переговорите с Тихоновым. Ваши стихи и его нам необходимы, кроме того, необходима проза Тихонова» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 123; в своей книге «От классиков к современности» (1929) Саянов сближал стихи Т. с поэзией акмеистов).

Хотя Т. в качестве офиц. лица в янв. 1931, после приезда О. М. и Н. М. из Армении, неожиданно воспротивился проживанию О. М. в Ленинграде (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 280–281), это кардинально не ухудшило отношений между поэтами. В февр. 1933 Т. после вечера О. М. в ленингр. Академич. капелле прилюдно провозгласил позднее творчество О. М. «настоящими стихами» (Басалаев. С. 108). При поддержке Т. (как члена редколлегии) в «Звезде» было напечатано «Путешествие в Армению» (1933. № 5). Это не помешало Т. вступить в заочную полемику со ст. О. М. «Слово и культура» (1921) в своем выступлении на 1-м съезде сов. писателей в 1934 (см.: Первый Всес. съезд сов. писателей: Стеногр. отчет. М., 1934. Репринт – М., 1990. С. 504–05; О. М. здесь не назван по имени, он фигурировал как «один старый поэт»).

В 1935, пребывая в воронежской ссылке, в рецензии на поэтическую книгу Г.А. Санникова, О. М. назвал ранние стихи Т. «романтическими выпадами» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 269). В дек. 1936–апр. 1937 О. М. послал Т. (лично или в редакцию «Звезды», которую Т. тогда возглавлял) как минимум 5 писем с новыми стихами и просьбами о содействии в их опубликовании и оказании материальной помощи (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 173–74, 176–77, 181, 186). На первое из этих писем «Тихонов немедленно ответил телеграммой, что сделает для О. М.

все, что сможет» (Мандельштам Н. (1). С. 282). Выполняя свое обещание, 20.1.1937 Т. переслал отчаянное письмо О. М. от 31.12.1936 заведомо худож. лит-ры ЦК КПСС В.Я. Кироптину с просьбой принять решение о целесообразности или нецелесообразности публикации стихов О. М. (Слово и судьба. С. 30). Однако ни к какому практич. результату это не привело.

Вместе с тем в нач. 1960-х гг. Т. «наотрез отказался» стать автором предисловия к изданию стихов О. М. в сер. «Б-ка поэта», несмотря на то, что его авторство могло бы многократно ускорить выход книги (Мандельштам Н. (1). С. 282).

Соч.: Устная книга: Двадцатые годы // Тихонов Н.С. Собр. соч. М., 1986. Т. 6. С. 18.

Лит.: Слово и судьба; Берберова Н.Н. Из петерб. восп.: Три дружбы // Опыты. [Н.-Й.]. 1953. Кн. I; Басалаев И. М. Записки для себя // ЛО. 1989. № 8; Каверин В.А. Счастье таланта. Восп. и встречи, портреты и размышления. М., 1989; Фрейдин Ю.Л. «Остаток книг»: Б-ка О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. С. 235; Мандельштам Н. (1). 1999 (по им. указ.); Гинзбург Л.Я. Записные книжки. Восп. Эссе. СПб., 2002; Ronen O. An approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983.

О.А. Лекманов

УСОВ Дмитрий Сергеевич (18.7.1896, Москва – 29.4.1943, Ташкент), поэт, переводчик, лит-вед. Отозвавшийся одним из первых лит. критиков на сб. А.А. Ахматовой «Четки», У. намеревался написать рец. и на 2-е изд. «Камня» (1915) О. М., о чем сообщал ред.-издателю журнала «Млечный путь» А.М. Чернышеву: «О Мандельштаме (“Камень”, книга стихов) напишу с удовольствием» (ОР ГЛМ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 21. Л. 1). Неизвестно, было ли осуществлено это намерение, но в печати статья не появлялась. Творчество О. М. интересовало У., всегда следившего за поэтич. новинками. В письмах У. к его другу, поэту и библиографу Е.Я. Архиппову он отзывается о кн. переводов О. М. из М. *Бартеля* «Завоюем мир» как об «очень интересной <...> Это, собственно, новая книга стихов Мандельштама» (письмо от 2.6.1925. РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 80 об.). В июне 1926 «В Петербурге видел <...> О. Мандельштама, который больше совсем не пишет, а только переводит разные случайные книги и мечтает открыть ларек»

(письмо от 18.06.1926. Там же. Л. 103); тогда же У. общался с О. М. с целью написания статьи о нем в биобиблиографический словарь «Писатели совр. эпохи» (Т. I. М., 1928. С. 178), к-рый У. готовил вместе с др. сотрудниками Гос. академии худож. наук (ГАХН). Статья У., согласованная с О. М., воспринималась такими осведомленными в биографии и творчестве О. М. людьми, как Ахматова, в качестве безусловно достоверного источника. Вероятно, имя О. М. звучало или подразумевалось в прочитанном в ГАХНе 19.2.1927 докладе У. «Ленингр. поэты-попутчики» (сохранившаяся конспективная запись тез. доклада формальна и не содержит указаний на конкретные имена: РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 106). В письме У. к Архиппову 15.7.1927 пересказываются как «новость» слова В.А. Рождественского об О. М., «который живет в Царскосельском флигеле и пишет повесть, так странно перекликающуюся с Гоголем “Портрета”» (Там же. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 118 об.).

Отвечая на лит. анкету Е.Я. Архиппова, 4.3.1932, У. называл О. М. в числе своих любимых поэтов, замечая: «Нельзя не любить того, у кого учился и учишься. Он – “контрапункт строгого письма”, и в то же время он живет многих живых» (Там же. Ед. хр. 46. Л. 35 об.). В том же году У. пишет Архиппову: «“Tristia” Мандельштама – хороши. Многие из них (но не все хорошее) вошло во 2-ю книгу (изд. «Круг»), где совершенно изумительна “Грифельная ода” и еще многое, многое» (Там же. Ед. хр. 78. Л. 168). Можно почти наверняка утверждать, что новости об О. М. У. узнавал, в частности, от своих друзей и хороших знакомых О. М. Л.В. Горнунга и А.В. Звенигородского. О «беспредельной» любви У. к О. М. и своеобразном «культе» О. М. в семье У. вспоминает Н. М., подружившаяся с У. и его женой, А.Г. Усовой («Гуговной»), во время эвакуации в Ташкенте, где У. оказался после 5 лет, проведенных на строительстве Беломорканала, и разделенной с женой ссылки в Киргизию: «Любимую кружку они... прозвали “щеглом” и позволяли пить из нее только тем, кто знал наизусть мандельштамовские стихи» (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 430; см. также рассказы о Н. М. в письмах А.Г. Усовой к Л.В. Горнунгу – РГАЛИ. Ф. 2813. Оп. 1. Ед. хр. 18). Ко времени знакомства с Н. М., У. был «как О. М., тоже ничего не боящийся и всем напуганный» (Мандельштам Н. (1). 1999. С. 429).

У.-поэт предпочитал для выражения своих мыслей и чувств изящество классич. форм. Его стихотворения 1920-х гг.,

опубликованные лишь частично, в значит. мере опираются на достижения акмеистич. линии рус. поэзии. Тематич. пересечений с творчеством О. М. в сохранившихся стихотворениях У. (гл. обр. 1910–20-х гг.) немного. Имена Г.Р. *Державина*, Е.А. *Баратынского* и *Данте Алигьери* как эталоны, ориентиры, точки отталкивания значимы и для О. М., и для У. Стих. «Дант» (последняя ред. – 1926) из венка сонетов «Любимые поэты» (1921) свидетельствует, что диалог с итал. поэтом для У., как и для О. М. и др. акмеистов – одна из важнейших составляющих поэтич. сознания: «Наставник строгий, Данте Алигьери, / Твоих терцин безжалостный рассказ / Понятен будет в самой полной мере / Не юности, не знающей потери, / А в напоенный жизнью поздний час» (Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 522; др. сонеты в этом венке посвящены Г.Х. Андерсену, Ф. Рабле, Л. Стерну, В.С. Соловьеву, Э. Мерику, И.Ф. Анненскому, Черубине Де Габриак, У. Шекспиру, Э. По, Э.Т.А. Гофману, Ф. Вийону, Р.М. Рильке, А. Ренье – Список произв. У. 1921–22, сост. Е.Я. Архипповым // РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 78 об.).

Две заключит. строки стих. О. М. «Декабрист» («Все перепуталось, и сладко повторять: / Россия, Лета, Лоре-ля») взяты У. в качестве эпиграфа к стих., посвященному Н.В. Волькену «Стрела вонзилась в дивную мишень...» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Ед. хр. 695. Л. 5). Возникающий в этом стихотворении царскосельский топос, совершенно иначе обозначенный в поэзии молодого О. М., – отзвук серьезного увлечения У. поэзией Анненского. Также и др. тематич. переклички в творчестве О. М. и У. при ближайшем рассмотрении оказываются чисто номинальными и, скорее, говорят о пересечении интересов в области культуры, чем о влиянии старшего поэта на младшего. Это относится к вниманию обоих поэтов к старофранц., классицистич. и новейшей франц. поэзии, творчеству Анненского, В. Хлебникова (сведения о котором У. собирал в разговорах с отцом поэта в 1922, а позже, 2.01.1928, сочувственно цитировал характеристику Хлебникова, данную О. М. в ст. «О внутреннем эллинизме в русской литературе» в письме к Архиппову – Там же. Л. 129), жизни П.Я. Чаадаева (стих. У. «Из семейного архива» – Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 78), фигуре А.Н. Скрябина (стих. У. «Памяти А.Н. Скрябина» – газ. «Утро России». 1915. № 1031. 6 апр.), петерб. теме (стих. У. «Петербург»). Возникший было в создаваемых почти одноврем. «московских» стихах У. и О. М. (1924–26) общий ра-

курс: взгляд ощутившего ход времени человека, память к-рого соотносит реалии старой и новой Москвы, – подчеркивает различие позиций: отчуждение, уход от новой эпохи в воспоминания о прежнем у У. («И этот Май не станет нашим» – «Московская весна», <1924>) – и трагич. готовность О. М. «своею кровью склеить двух столетий позвонки» («Век», 1922). «Школа» О. М. «учтена» У., в частности, при отборе эпитетов в стих. «Московский март» (1926): «Оттаявшая, постная Москва... / Доколе воробьи, как распуск школы / Черкнут, что месяц мартовский щербат, / И что под шапкой-гречником Николы / Ореховый счищается Арбат». Т. о., увлечение У.-читателя поэзией О. М. в его собств. творчестве проявилось не столько в тематич. или стилистич. влияниях, сколько в оттачивании общей культуры стиха.

Лит.: Писатели совр. эпохи. М., 1928. Т. I. С. 178; 1991. С. 251 и др. по им. указ.); Усов Д. С. Стихотворения / Вступ. заметка и подготовка текста Н. Алексеева [Н.А. Богомолова] // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 75–83; Мандельштам Н. (1). 1999. С. 430; Кузин – Н. Мандельштам (по им. указ.); Степанова Л. Г., Левинтон Г. А. Из истории дантоведения: статья Д.С. Усова о переводе «Новой жизни» в «Гермесе» // Тыняновский сб. Вып. 10. М., 1998. С. 514–47; Горнунг Б. В. Поход времени: В 2 т. М., 2001 (по им. указ.); Ефрон Г. С. Дневники. М., 2004 Т. 2. С. 203, 248; Горнунг Л. В. Дмитрий Сергеевич Усов // ОР ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 57; Сб. стихотворений и переводов Д. Усова, сост. Е. Я. Архиповым // РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 9.

Т.Ф. Нешумова

ШЕНГЕЛИ Георгий Аркадьевич (20.4.1894, г. Темрюк Кубанской обл. – 15.11.1956, Москва), поэт, переводчик, литвед, действит чл. Гос. академии худож. наук (с 1923), пред. Всерос. союза поэтов (1925–27). С О. М. познакомился летом 1917 в Феодосии (см.: Купченко Вл. Георгий Шенгели (Киммерийская антология) // Победа. Феодосия, 1981. № 99. 21 июня). В 1-м изд. сб. Ш. «Раковина» (Керчь, 1918) О. М. посвящено стих. «Carmen aeternum» (во 2-м изд.: М.; Пг., 1922 – посвящение отсутствует).

На рубеже 1920-х гг. О. М. и Ш. нередко печатались в одних и тех же лит. изданиях, напр.: Камена. Кн. 1. Харьков,

1918; Пути творчества. № 4. Харьков, 1919; Ковчег: Альм. поэтов. Феодосия, 1920 (об участии Ш. и О. М. в этих изд. см.: Миндлин. С. 11–13, 89, 93); Страницы лирики: Избр. стихотворения совр. рус. поэтов. Симферополь, 1920; Пьяные вишни [Севастополь, 1920] (Ш. был участником 1-го изд. этого альманаха, а О. М. – 2-го; см. об этом: Купченко В. П. Лит. Феодосия в 1920 году // De Visu. 1994. № 3/4. С. 88; Минувшее: Ист. альм. СПб., 1998. Вып. 23. С. 352, 355, 362, 368); Посев: Лит.-критич. и науч.-худож. альм. Одесса, 1921; Кольцо: Альм. М., 1922; Новые стихи. М., 1926. Сб. 1.

В 1919 О. М. и Ш. встречались в Харькове (Лекманов, 2003. С. 86) и в Киеве, откуда вместе предприняли поездку в Крым под предлогом проведения «культурной работы в освобожденном Крыму» (Ивнев. С. 250–51). Воспоминания об аресте О. М. в Феодосии летом 1920 и участии М.А. Волошина в освобождении поэта отразились в стих. Ш. «Макс» (1936). В числе написанных Ш. «Стихов из тетради шуточных поздравлений М.А. Волошину к его юбилею в 1925 году» – пародия на О. М., где иронически обыгрывается, в частности, увлечение О. М. античностью и образы мандельшт. стих. «Обиженно уходят на холмы...» (1915). В 1922–24 О. М. и Ш. встречались в Москве, в *Доме Герцена*, на собраниях лит. объединения «Литературный особняк» (Миндлин. С. 105). К О. М. обращено стих. Ш. «Прожект» (1926), в котором оба поэта характеризуются как «непогрешимые» парнасцы, наследники Леконта де Лиля. В кон. 1920-х гг. О. М. посвятил Ш. эпиграмму «Кто Маяковского гонитель...», где упоминается не только о лит. полемике между В.В. Маяковским и Ш., издавшим в 1927 памфлет «Маяковский во весь рост», но и о переводческой деятельности Ш. («полномочный представитель Персидского ... Лахути») и его трудах по стиховедению («Российских ямбов керченский смотритель») (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 87).

По свидетельству С.И. Липкина, О. М. однажды заметил: «Каким прекрасным поэтом был бы Георгий Аркадьевич, если бы он умел слушать ритм» (Липкин. С. 14). Как вспоминает Н. М., Ш. «так и не примирился с поздними стихами <О. М.>, сохранив верность ранним. В зрелых стихах его особенно отвращал словарь – слова не поэтического языка» (Мандельштам Н. (1). 1989. С. 236). Однако сам Ш. называл О. М. в числе своих любимых поэтов ([Шенгели Г. Письмо от 12 марта 1942] // Таллинн. 1987. № 3. С. 91). В обращенном к О. М. стих. «Ответ» (1948) (эпиграфом к к-рому стали пер-

вые слова стих. О. М. «Я пью за военные астры...», 1931) Ш. заметил, что их отношения всегда сочетали «поэтов извечную распрю с высокою дружбой мужчин».

О том, что творч. разногласия не мешали О. М. и Ш. оставаться «на дружеской ноге», свидетельствует и Липкин (Липкин. С. 22–23). Так, Ш. был одним из тех, кому О. М. читал стих. «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933) (Мандельштам Н. (1). С. 105; Липкин. С. 14) и давал читать «Четвертую прозу» (1930), к-рую Ш. назвал «одной из самых мрачных исповедей, какие появлялись в литературе», и упоминал Жан-Жака Руссо» (Герштейн. С. 37).

С 1933 Ш. – ред. в отд. «Творчество народов СССР» и одновременно в «секторе западных классиков» *Государственного издательства художественной литературы* (с 1934 Гослитиздат). Об этом О. М. упоминал в шуточных стихах, обращенных к М.С. Петровых («Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...», <1933–34>). По-видимому, именно благодаря Ш. появилась последняя прижизн. публикация О. М.: в кн. Важа Пшавела. Поэмы (М.: Гослитиздат, 1935) был перепечатан выполненный О. М. еще в 1921 перевод поэмы «Гоготур и Апшина» (перевод подписан инициалами).

По свидетельству С.Б. Рудакова, в воронежской ссылке О. М. вспоминал о стихотв. сб-ках Ш. «Норд» (1927) и «Планер» (1935) [книга «Планер» была куплена Рудаковым в Воронеже в янв. 1936 (Мандельштам в письмах Рудакова. С. 123): «На коробке папирос “Норд” О. написал “Шенгели” (по имени его книги), вспомнили, что “Планер” и Шенгелевы стихи, и папиросы» (Герштейн. С. 227)].

В стихах Ш. можно обнаружить переключки с произведениями О. М.: в стих. «Анне Ахматовой» (1943) говорится о «той знаменитой шали, / Что изваял строкою Мандельштам» – ср. стих. О. М. «Ахматова» (1914); в стих. «Птичка» (1945) – аллюзии на стих. О. М. «Мой щегол, я голову закину...» и «Когда щегол в воздушной сдобе...» (оба – 1936; См.: Перельмутер В. Г. Полет щегла // «Отдай меня, Воронеж...». С. 193–99); имя О. М. упоминается в стих. «Он знал их всех и видел всех почти...» (1955). В 1940-х гг. Ш. задумал кн. воспоминаний «Элизиум теней», куда должен был войти в т. ч. и очерк об О. М., к-рый так и не был написан (Перельмутер В. Г. Комментарии // Шенгели Г. Иноходец. М., 1997. С. 524).

Со ч.: Иноходец: Собр. стихов. Повар Базилевса. Византийская повесть. Статьи. Лит. восп. М., 1997.

Лит.: Миндлин Э. Л. Необыкновенные собеседники. М., 1979; Коркина Е. Г. Шенгели об И. Северянине // Таллинн. 1987. № 3. С. 90–91; Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» М., 1991; Ивнев Р. О. Мандельштам // Мандельштам и его время; Перельмутер В. Г. Живущий на маяке // Шенгели Г. Иноходец. М., 1997.

С.В. Дуговейко-Должанская

ШЕРШЕНЕВИЧ Вадим Габриэлевич (25.1.1893, Казань – 18.5.1942, Барнаул), поэт, прозаик, переводчик, лит. критик. Начав как поэт-символист, Ш. последовательно прошел этапы развития – через футуризм к имажинизму, одним из создателей к-рого в России он стал в 1918. О. М. ценил творчество Ш. Известна его дарств. надпись, обращенная к Ш. на экз. «Камня» (1913): «Вадиму Шершеневичу от ценителя его поэзии – автора. 10 окт. 1913» (Камень. 1990. С. 351). В февр. номере журнала «Новая жизнь» за 1916 (С. 188) Ш. опубликовал под псевд. «В. Гальский» рец. на «Камень» (1916), в к-рой, в частности, назвал О. М. «самым талантливым учеником Гумилева» (Там же. С. 219); «...из певучего, льющегося русского языка, он сделал “медь торжественной латыни”» (Там же).

Можно говорить о влиянии Ш. на поэтику О. М. Прежде всего это относится к кн. Ш. «Carmina» (1913). Так, напр., стих. Ш. «Н. Гумилеву посвящается», помещенное в раздел «Чужие песни» (ср.: «чужую песню» скальда в написанном через год после «Carmina» стих. О. М. «Я не слышал рассказов Оссиана...»), интонационно-ритмически предшествует стих. О. М. «На площадь выбежав, свободен...», в к-ром поэт также развил воплощенную Ш. тему творца, осуществляющего иноземную «прививку» к нац. культуре. В свою очередь, стих. Ш. актуализировало важную для О. М. метафору «садовник – поэт, плод – стихотворение», восходящую к стих. О. М. «Дано мне тело – что мне делать с ним...» (1909). Мотив «гниющих парников» в «Концерте на вокзале» (1921) О. М. пересекается с мотивом «теплиц», в к-рых зреет творч. плод поэта из стих. Ш. «Посвящение Н. Гумилеву».

Поэтика «Камня» (1916) также повлияла на Ш. Одно из важнейших свидетельств серьезности этого влияния – заимствование базовой метафоры О. М. «слово – камень», что нашло отражение в сб. Ш. «Итак итог» (1923). (Ср. в

стих. Ш. «Головокружение душ»: «Любимая, кидай слова, как камни».)

4.4.1921 между Ш. и О. М. произошел инцидент в моск. Камерном театре. Подробности приведены в составленном протоколе: «В понедельник 4 апр. с. г. Осип Эмильевич Мандельштам явился в 12 ч. ночи в клуб Союза Поэтов и в присутствии Р. Ивнева, И. Грузинова и В. Ковалевского сообщил, что он сегодня в фойе Камерного театра обменялся пощечинами с Шершеневичем при следующих обстоятельствах. Во время беседы О. Мандельштама, Шершеневича и бывших около них дам Шершеневич все время шокировал О. Мандельштама наглыми остротами по его адресу. Кто-то из присутствующих указал Шершеневичу на то, что он ставит О. Мандельштама в неловкое положение, на что Шершеневич ответил, что ставить других в неловкое положение – его специальность. Такое поведение Шершеневича вызвало со стороны О. Мандельштама справедливые и резкие замечания вроде: “Все искусство т. Шершеневича ставить других в неловкое положение основано на трудности ударить его по лицу, но, в крайнем случае, трудность эту можно преодолеть”. Минуты две спустя Шершеневич нагнал уходившего О. Мандельштама и в присутствии гардеробных женщин ударил его по лицу. О. Мандельштам ответил ему тем же, после чего Шершеневич повалил его на землю. Поднявшись наверх, в буфет, О. Мандельштам, несмотря на протесты Таирова, заявил присутствовавшей публике о только что случившемся, прибавив, что настоящее оглашение он делает вследствие убежденности в подлости Шершеневича, благодаря к-рой он может скрыть возвращенную ему пощечину». (Оригинал протокола в ОР ИМЛИ утрачен, цит. по копии С.В. Василенко. Частично опубликован в: Нерлер П. М. Мандельштам и Шершеневич // Михаил Кузмин и рус. культура XX века: Тез. и мат-лы конф. 15–17 мая 1990 г. Л., 1990. С. 98–99.)

О. М. после инцидента неоднократно предпринимал попытки с помощью своих секундантов В.А. Ковалевского и Рюрика Рока добиться от Ш. удовлетворения, однако все эти попытки остались безуспешными из-за демонстративных отказов Ш. и его секундантов давать ход продолжению дела. В своих мемуарах (1934–36) Ш. покаянно писал, возможно, рассчитывая на прощение со стороны О. М.: «Я всегда очень любил и до сих пор люблю поэта Мандельштама. Я люблю его “вкуснопахнувшие” слова и редкое мастерство. Не знаю почему,

но из-за какой-то легкой ссоры с Мандельштамом на вечеринке Камерного театра я разгорячился и дал ему пощечину <...>. С Мандельштамом мы не кланяемся до сих пор, хотя я прекрасно сознаю вину. [Но смешно через десять лет подойти и извиниться перед человеком за глупость и грубость, которую допустил когда-то]» (Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец: Поэтич. восп. 1910–1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Восп. Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 638–39).

А.А. Кобринский

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич (14.1.1891, Киев – 31.8.1967, Москва), поэт, переводчик, прозаик, публицист, обществ. деятель. В 1906–07, будучи гимназистом, участвовал в рев. движении, чл. с.-д. Союза учащихся Москвы, вскоре, под влиянием старших товарищей – Н.И. Бухарина и Г.Я. Брильянта (Сокольников), примкнул к большевикам. В янв. 1908 арестован, в дек. отпущен под залог за границу; поселился в Париже, где, отойдя от парт. деятельности, начал писать стихи. В это же время в Париже находился и О. М., но сведений об их возможном знакомстве нет. В 1910 в Париже вышла 1-я кн. Э. – «Стихи», отмеченная в статьях В.Я. Брюсова, М.А. Волошина, Н.С. Гумилева и др. Имея в виду эту книгу, М.А. Кузмин заметил: «Среди совсем молодых поэтов, разумеется, есть и другие, стремящиеся к тонкой и, мы бы сказали, хрупкой поэзии», – и следом назвал «других»: Э., О. М., М.И. Цветаеву (Кузмин М. А. [Предисл.] // Ахматова А.А. Вечер. Стихи. СПб., 1912. С. 9–10). В 1912 два стихотворения Э. напечатаны в журн. «Гиперборей», № 3, там же – рецензия О. М. на 3-ю кн. стихов Э. «Одуванчики» (Париж, 1912), к-рую О. М. предпочел «сказкам» 1-й книги Э. Отметив, что Э. «очень простыми ср-вами достигает подчас высокого впечатления беспомощности и покинутости», О. М. писал: «Приятно читать книгу поэта, взволнованного своей судьбой, и осознать небольшие, но крепкие корни неслучайных лирич. настроений... Один из немногих, г. Эренбург понял, что от поэта не требуется исключительных переживаний» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 181). Сам Э. впоследствии признавал, что в «Одуванчиках» он «не вылез из стилизации, только вместо картонных лат взял напрокат в костюмерной гимназич. форму» (Эренбург И.

Собр. соч. Т. 6. С. 418). Начав в Париже издавать поэтич. журнал «Вечера», Э. декларировал в № 1 (май 1914): «Потребность издания журнала стихов давно назрела. Лишь прекрасное начинание петерб. Цеха Поэтов “Гиперборей” отчасти заполнило этот пробел»; в № 2 «Вечеров» были напечатаны стихи акмеиста М.А. *Зенкевича*; начавшаяся Первая мир. война остановила издание журнала. О «Цехе поэтов» Э. сочувственно писал в ст. «Заметки о рус. поэзии» (Гелиос. Париж, 1913. № 1. С. 14–17). В эту пору Э. воспринимался столич. критиками как поэт, близкий акмеистам. В частности, К.И. *Чуковский* в ст. «Цветущий посох» (Журнал журналов. 1915. № 1. С. 8), утверждая, что акмеисты не музыканты, но каменщики, запоздало отметил: «У акмеистов Эренбурга и Мандельштама много таких каменных стихов», – именно в 1915 поэтич. дороги и внешние глобальные обстоятельства далеко увели Э. от стихов 1912. В отличие от О. М., последовательно выстраивавшего свою поэтику, Э. долго искал себя, легко бросая одну поэтич. систему ради другой. Заочное знакомство Э. с О. М. продолжилось с выходом «Камня» (1913).

В 1913–15 перекличка интересов с О. М. обнаруживается в работе Э. над переводами франц. поэтов Ф. *Жамма* и Ф. *Вийона*. Знакомство Э. с Жаммом состоялось в 1911 (см. автобиографию Э., 1922: «Жамм, католицизм. Предполагал принять католичество и отправиться в бенедиктинский монастырь. Говорить об этом трудно. Не свершилось». – Новая рус. книга. Берлин, 1922. № 4. С. 44). Влияние Жамма на поэзию и взгляды Э. было недолгим, но сильным: личные встречи, ст. Э. «У Франсиса Жамма» (Новь, 26.2.1914), кн. «Детское» (Париж, 1914), посвященная Жамму, наконец, переводы его стихов, включенные как в антологию Э. «Поэты Франции» (Париж, 1914), так и в первую в России книгу Жамма «Стихи и проза» (М., 1913). Свидетельством тогдашнего интереса О. М. к Жамму является вариант стих. «Аббат» («И самый скромный современник, / Как жаворонок, Жамм поет»). Вийоном О. М. увлекся раньше Э., к-рый, приступая в 1915 к переводам, уже был знаком со ст. О. М. «Франсуа Виллон» в журнале «Аполлон» и напечатанными там переводами (Гумилева), а также и с основными франц. книгами о Вийоне. В 1916 кн. переводов Э. из Вийона вышла в Москве; ее экземпляр Э. отправил О. М. с надписью «Поэту Мандельштаму. И. Эренбург. 1916» (Книги и рукописи в собр. М.С. Лесмана. М., 1989. № 2629). Во вступ. ст. к сборнику Вийона при упоминании разночтений в рус.

написании имени поэта (Вильон у Пушкина и Виллон у «новых авторов») имелся в виду, прежде всего, несомненно О. М., т. к. Брюсов в 1913 писал «Вийон». В текстах О. М. и Э. обнаруживаются расхождения в описании убийства, совершенного Вийоном в драке, и совпадение в оценке сходства жизненных и поэтич. путей Вийона и П. Верлена («Бедный Лелиан» у Э.). Интерес к Вийону Э. и О. М. сохраняли всю жизнь (в 1956 Э. заново перевел любимые стихи Вийона).

Начавшаяся в 1914 Первая мир. война привела к расхождению поэтич. путей Э. и О. М., что было полемично декларировано Э. при упоминании петерб. поэтов: «Во всех этих безукоризненных ямбах и хорях сколько величайшей неправды! Вот “оранжевые” и “синие” книги, и вот скуластые пермяки, к-рые прямо и честно ходят в штыки... А на Парнасе бряцают звонкими рифмами и размахивают хоругвями наспех придуманных лозунгов» (ст. «Стилистическая ошибка», 1918; подробнее см.: Фрезинский Б. Я. Из слов остались самые простые: Жизнь и поэзия Ильи Эренбурга // Эренбург И. Г. Стихи и поэмы. СПб., 2000. (Новая библиотека поэта.) С. 21–33). Став в 1915 корреспондентом рус. газет на франко-герм. фронте, Э. увидел войну из окопов: картины варварства нем. войск во Франции, сцены бессмысленности и скуки тыла, тоска солдатских госпиталей, фразы рус. крестьян, пригнанных помогать франц. армии, наполнили его статьи, репортажи и многословные стихи («прозаизмы и истерика» – по оценке Э. в «Книге для взрослых», 1936). То, что О. М. на др. уровне осознания войны насыщал стихи погружением в контекст европ. истории, увеличивая плотность и смысловую насыщенность стиха, порождало тогда у Э. поверхностное ощущение парнасского эстетизма, ухода от реалий мирового катаклизма. В свою очередь, О. М., видимо, считал тогдашние стихи Э. попросту слабыми. Так же высказался о них позднее и сам Э. (Эренбург И. Собр. соч. Т. 7. С. 93).

По возвращении в Россию в июле 1917 Э. писал публицистич. статьи и стихи; его личное знакомство с О. М. произошло летом 1918 в Москве на выступлении О. М. в «неком небезызвестном салоне», где «безукоризненный эстет из “Аполлона” с жаром излагал свои большевистские идеи» (Эренбург И. Г. Стилистич. ошибка // Возрождение. М., 1918. 5 июня). Настроенный антибольшевистски, Э., услышав «Сумерки свободы» О. М., воспринял их как смену политич. позиции О. М. после осени 1917, т. е. после стих. «Когда ок-

тябрьский нам готовил временщик...»: «Мандельштам, изведав прелесть службы в каком-то комиссариате, гордо возглашает: как сладостно стоять ныне у государственного руля!» – слово «руль» в этом и многих иных высказываниях Э. неизменно отсылало к «Сумеркам свободы»; столь же воспаленно Э. воспринимал тогда позицию А.А. *Блока*, *Андрея Белого*, С.А. *Есенина*, Н.А. *Клюева*, В.В. *Маяковского*, *Кузмина*. Впоследствии Э., отдавая должное мудрости О. М., неоднократно цитировал «Сумерки свободы» в контекстах, позволявших судить об эволюции его собств. взглядов (подробнее см.: Парнис).

Дальнейшие, уже дружеские, встречи Э. и О. М. в 1919–20 происходили в Киеве, Коктебеле, Тифлисе, Москве. В окт. 1918 Э. бежал от ареста из большевистской Москвы в Киев, где (уже при большевиках, в марте–апр. 1919) встретился с О. М. Апр.–авг. 1919 – время их пост. встреч: в киевском клубе «ХЛАМ», на мероприятиях лит. секции подотдела иск-в культ.-просвет. отделения Киевского отдела народного образования, в Мастерской худож. слова, где Э. (ее организатор) наряду с Б.К. *Лившицем* и В.Н. *Маккавейским* вел пост. занятия, а О. М. выступил с неск. докладами (см.: *Фрезинский Б. Я. И. Эренбург в Киеве (1918–1919) // Минувшее. 1997. № 22. С. 248–335*). Две встречи датируются по газете левых эсеров «Борьба»: 24.4.1919 (участие в диспуте о совр. иск-ве в зале быв. Купеч. собрания – см. отчет в вып. за 27.4.1919) и 28.4.1919 (участие в «Вечере иск-в» в быв. Театре Соловцова – см. отчет в вып. за 30.4.1919). Встречи в киевских кафе (обычно – на Софиевской ул.), куда случалось заходить О. М. и где Э. был завсегдаем и читал молодым спутницам свои и чужие стихи (из стихов О. М.: «Я не слышал рассказов Оссиана...», «Декабрист» и чаще всего – «Я изучил науку расставанья...»), упоминаются мемуаристами: самим Э., Я.И. *Соммер*, Б.А. *Букиник* и др. Среди спутниц Э. были *Соммер*, Е.Д. *Молдавская*, Л.М. *Козинцева* (его двоюродная племянница по матери, ставшая вскоре его женой), а также ее подруга Н.Я. *Хазина* (будущая жена О. М., см. Н.Я. *Мандельштам*), с к-рой Э. познакомился в 1918. Нек-рые эпизоды этих встреч содержатся в книгах восп. Н. М. [см.: *Мандельштам Н. (1). 1999; Она же. (2). 1999 (по им. ук.)*]. А.Б. *Гатов* вспоминал, как О. М. познакомил его в Киеве с Э. и как он посещал с ними кафе вблизи Думской пл. (РГАЛИ. Ф.1204. Оп. 2. Ед. хр. 1413. Л. 1). Э. и О. М. (последний – накануне своего отъезда из Киева) приняли участие в лит. еженед. «Жизнь» (см. их публикации в № 1 за 1–7 сент. 1919).

Весной 1920 Э. встречался с О. М. в Коктебеле (в доме М.А. *Волошина*) и в Феодосии. В 13-й гл. 2-й кн. мемуаров и отчасти в 14-й гл., посвященной О. М., говорится о нелегкой зиме 1920 и тягостных раздумьях над будущим («У меня позади были и стихи, и вера, и безверье, мне нужно было связать розовый отсвет Флоренции, неистовые проповеди Леона Блуа, пророчества Модильяни со всем, что я увидел». – Эренбург И. Собр. соч. Т. 7. С. 93). Катализатором этих раздумий стали стихи О. М., особенно – коробившие Э. в 1918 «Сумерки свободы»; строка «Ну что ж, попробуем...» стала его девизом в 1920. Прямые переключки с «Сумерками свободы» есть в стихах Э.: «Бунтом не зовите годы высокой работы...» и «Боролись с ветрами, ослабли...» (финал цикла «Ночи в Крыму», написанного в Коктебеле в янв.–марте 1920 – см.: Эренбург И. Г. Стихотворения и поэмы. С. 409, 410). Итогом раздумий стало решение Э. о возвращении в Москву через независимую Грузию. Единственная в 1920 публикация крымских стихов Э. и О. М. появилась в феодосийском поэтич. сб. «Ковчег» (вышел 6.4.1920). 7.8.1920 О. М. отправил Э. копию своего оскорбит. ответа Волошину, с к-рым О. М. к этому времени рассорился (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 26). Узнав об аресте О. М. в Феодосии, Э., несмотря на собств. бытовую ссору с Волошиным, уговорил его отправиться на выручку О. М. (см. Миндлин. С. 26–29). Э., вслед за О. М., баржей доплыл из Феодосии в Грузию и в сер. сент. 1920 встретился с ним в Тифлисе, где 26.9.1920 в Консерватории состоялся вечер их поэзии [программа: вступ. слово Г. Робакидзе о новой рус. поэзии; доклад Э. «Иск-во и новая эра» и стихи из книг «Огонь» (Гомель, 1919) и «Новая Зоря» (не издана; стихи вошли в кн. «Раздумья» – Рига, 1921); «Камень» и стихи О. М. последнего времени; стихи Э. и О. М. в исполнении актера Н.И. Ходотова – см. объявление в газ. «Грузия» за 24.9.1920]. Выхлопотав в Тифлисе сов. паспорта для себя, Козинцевой, Соммер, О. М. и А. Э. *Мандельштама* и получив пропуска, Э., О. М. и их спутники отправились в окт. 1920 в качестве дипкурьеров поездом из Владикавказа в Москву. Поездка описана в мемуарах Э. и упомянута в его письме к М.М. Шкапской в кон. 1920 (Эренбург И. Г. Дай оглянуться. № 73). Вскоре после приезда в Москву Э. стал свидетелем очередного столкновения Я.Г. *Блюмкина* с О. М.

Разыскав для О. М. новый киевский адрес Н. М., Э. и Козинцева помогли будущим супругам восстановить связь,

что стало цементом последующих взаимоотношений Мандельштамов и Эренбургов (см.: М а н д е л ь ш т а м Н. (2). 1999. С. 22, 28).

В кон. окт. 1920 Э. был арестован ВЧК, затем освобожден, благодаря вмешательству Бухарина, в марте 1921 отбыл за границу с сов. паспортом; обосновался в Бельгии. В ст. «Рус. поэзия и рев-ция» Э. писал: «Осип Мандельштам, поэт камня и величия, соборов и Баха, не поддался вялому лиризму слез и отчаяния. Потрясенный пафосом событий, он воскликнул: “Ну что ж, попробуем...”» – далее широко цитировались «Сумерки свободы» (Signaux de France et de Belgique. № 4. Авг. 1921. С. 184–185; на франц. яз.). Возможно, это было первое упоминание о поэзии Мандельштама по-французски. В нояб. 1921 Э. поселился в Берлине, выпустил ок. 2 десятков книг, сотрудничал в журн. «Новая рус. книга», пропагандируя совр. рус. поэзию, вместе с Л.М. Лисицким издавал конструктивистский журн. «Вещь».

Стихи О. М., опубл. в феодосийском сб. «Ковчег», Э. включил в антологию «Поэзия рев. Москвы» (Берлин, 1921), а в программной ст. «О нек-рых признаках расцвета рос. поэзии» (Рус. книга. 1921. № 9), отметив мужественность как один из ее признаков в эпоху катастроф, назвал в качестве высших достижений рус. поэзии, в частности, и то, что осуждал еще в 1918 – «Двенадцать» Блока и «Сумерки свободы» О. М. В ст. Э., стилизованной под обзор новой рус. поэзии вымышленного франц. критика Жана Сало (Вещь. 1922. № 1–2. С. 9), стихи О. М. рассматривались в контексте устойчивого противопоставления поэзии тогдашних Москвы и Петрограда («европейскость» и «мертвечину» Петрограда подчеркивают, по мысли Э., сб-ки изд-ва «Петрополис», создающие впечатление, что войны и рев-ции не было): «Если Мандельштам жил бы во Франции, он был бы комичным эпигоном (romprier), вся эта мифология, географич. звукопись и пр. нам (т. е. французам) давно ничего не говорят. Но к его работе в России я отношусь с величайшим уважением. Ваш поэтич. язык еще настолько девственен, несделан (как я вам завидую!), рыхл, что упругая, конструктивная поэзия Мандельштама (при всей ее археологичности) – явление положительное». В ст. Э. «Рус. литература в 1922 г.» содержится то же противопоставление поэзии Москвы и Петрограда; среди питерских стихотворцев, писал Э., «всего лишь два настоящих поэта – Анна Ахматова (Anno Domini, 1921) и Мандельштам (Tristia)» (Le disque vert.

Париж; Брюссель. 1922. № 3. С. 66; на франц. яз.). В рец. на «Tristia» (Берлин, 1922) Э. отметил своеврем. мужественность стихов О. М. в эпоху рев-ции и их неизменную патетичность («Мандельштам патетичен всегда, везде, это не ходули, но рост, но манера, но голос» // Новая рус. книга. 1922. № 2. С. 19). Именно в устах Э. было важно, что он осознал О. М. «одним из немногих строителей», углядев в «великих “Сумерках свободы”» столь ценимую «современность», но вне «юродствующих восторгов и кликушеских причитаний», на к-рые еще недавно он сам был так падок, полагая их знаком нового иск-ва: «Пусть это не постройки заново, а лишь ремонт старых ямбов (наивное и постепенно уходящее предпочтение внешне новых форм), но никто лучше его не знает тайны цемента, скрепляющего неповоротливые стопы» (Там же). Э. связывал переход от «Камня» к новой книге со всем пережитым О. М.: «Блуждая по темной России – от Киева до Тифлиса, от Петербурга до Феодосии, испытав десятки мобилизаций и расстрелов, ожидая смерти в закроме контрразведки – он заболел человеческой любовью, причастился очищающей и освобождающей потери» (Там же). Рассуждая в др. статье о конструктивизме в совр. иск-ве, Э. замечал, что часто он выявляется в творчестве поэтов, внешне, якобы, стоящих в стороне от т. н. «“нового иск-ва”», но ж и в ы х и поэтому не могущих отойти от современных орудий поэтич. производства, как, напр., Мандельштам и Цветаева» (Там же. № 9. С. 2).

В кн. Э. «Портреты рус. поэтов» вошел написанный им в 1920 «портрет» О. М., «в к-ром все цельно и гармонично», но построено на последовательном контрасте «незыблемости» стихов «Камня», давящих грузом германского ума, и суетливости, даже легкомысленности их автора (Э р е н б у р г И. Портреты рус. поэтов. Берлин, 1922. С. 102; О н ж е. Портреты совр. поэтов. СПб., 1998. С. 28). Говоря о рев-ции, Э. отмечал прозрение О. М.: «...бедный Мандельштам, к-рый никогда не пьет сырой воды, и, проходя мимо участка комиссариата, переходит на другую сторону, – один понял пафос событий. Мужи голосили, а маленький хлопотун петербургских и других кофеен, постигнув масштаб происходящего, величие истории, творимой после Баха готики, прославил безумие современности: “Ну что ж, попробуем огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля”» (Э р е н б у р г И. Портреты сов. поэтов. СПб., 1998. С. 29). Этот прием, связанный и с чувством стиха, и со склонностью подмечать смешное, неизменно

присутствовал в устных рассказах Э. об О. М. (как говорил Б.Г. Чухновский, Э. в 1930 настолько точно описал внешность, поведение, повадки О. М., что случайно увидев в Сухуми незнакомого ему прежде поэта, Чухновский его сразу опознал. – См.: О. и Н. Мандельштамы. С. 83). Эти, подчас смешные, рассказы не были ироничными; как вспоминала Соммер: «Эренбург мог говорить и даже писать о долгах Мандельштама, но при этом он горячо любил О. Э.» (Минувшее. № 17. С. 125). Такова и глава об О. М. в мемуарах «Люди, годы, жизнь», породившая впоследствии клише «эренбургский Мандельштам» (см.: О. и Н. Мандельштамы. С. 80).

С 1920 символика «Сумерек свободы» остается для Э. знаковой (она употребляется в его текстах в диапазоне от провокативного в 1921 – до едва ли не демагогического в 1965). В ром. «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1921) образы «сумерек свободы», «поворота руля», «корабля, идущего на дно» существенны в трех главах (в 23-й – когда герои оказываются в Петрограде, на лекции в *Тенишевском училище*, где слышны лозунги «Уберите свободу, она тяжелее всякого ярма!», и в последующем утверждении Хуренито: «Наступают как будто полные сумерки свободы»; в 25-й гл., с подзаголовком «Спор о свободе в ВЧК», – где великий провокатор, обсуждая лозунг «РСФСР – подлинное царство свободы» и признав, что за год рев-ции большевики «вышибли из голов... само понятие свободы», заметил: «Но мне очень обидно видеть, что в безумном повороте корабля повинен не руль, а волны»; в 27-й гл., где герой по имени Эренбург в кабинете В.И. *Ленина* представляет себе всю угрюмую Россию «диким кораблем, отчалившим в ночь» (Эренбург И. Г. Собр. соч. Т. 1. С. 378, 394, 403).

В главе ром. «Рвач» (1924), изображающей Киев в 1919, появляется образ «первейшего поэта», в к-ром угадываются черты О. М.: «Это был вымирающий ныне тип традиционно-го поэта, всю свою жизнь нищенствующего и бескорыстно влюбленного в былую помпезность, веселое дитя, надоедливая птица, словом, чудак, не раз описанный нашими предшественниками <...> Его стихи были формулами звукового блаженства» (Там же. Т. 2. С. 246, 247). Образ поэта дан через восприятие молодого ловкача, овладевшего версификацией, чтобы достичь обществ. положения; при личной встрече с ним поэт, раздосадованный формальными ухищрениями пустой души, останавливает его жестким вопросом: «Скажите, зачем вы

это делаете?» (Там же. С. 248). Именно о ром. «Рвач» О. М. в февр. 1926 сообщал Н. М. из Ленинграда (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 65): в ГИЗе К.А. *Федин* и И.А. *Груздев* «стараятся протащить “Рвача” Эренбурга» – как оказалось, безуспешно.

Отсылки к стихам О. М. в текстах Э. 1920-х гг.: эпиграф к книге «Белый уголь, или Слезы Вертера», куда вошли очерки 1922–27 (Л., 1928), – «В ком сердце есть, тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет»; в предисловии к ней: «Обманчивым дневным формулам я предпочитаю несвязный бред. В стихах Осипа Мандельштама старый маниак бессмысленно повторял: “Россия, Лета, Лорелея”, соединяя в одно – время и пространство, образ своей эпохи, уютный как любовь мечтательного бурша, и холод исконного бытия» (С. 9); в очерке «Глазами проезжего» (1926; вошел в кн.: «Виза времени», 1933): «Я не осмеливаюсь прославить купол Айя-София – о нем уже написаны немецкие монографии и стихи Осипа Мандельштама» (Там же. С. 210); в очерке «Грузия» (1926): «“Горбатуму Тифлису” посвящает стихи Мандельштам» (Там же. С. 113). О поддержании эпистолярных связей О. М. с Э. свидетельствует письмо О.М. Зенкевичу (1929) о проблемах с переводами Майн-Рида, где О. М. берется раздобыть необходимые франц. издания «частью в Киеве, частью через Эренбурга» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 104); 3.3.1927 в Париже Э. послал адрес О. М. («Лицей кв. 7. Детское Село») П.П. Сувчинскому в ответ на его запрос (Ксерокопия; собр. Б.Я. Фрезинского).

Возможно, что еще одна личная встреча Э. и О. М. произошла в Москве в янв. 1924 (они оба были на похоронах *Ленина* 27 янв. 1924, о чем отчитались в прессе; хотя в однодневной газ. «Ленин», к-рую Э. редактировал вместе с В.М. Инбер, материалов О. М. нет). По-видимому, к 1924 относится встреча с О. М., назначенная Э. в ресторане «Прага», о к-рой упоминает Миндлин (см. Миндлин. С. 94).

Следующую встречу (после приезда Э. в Москву 20.8.1932) упоминает Э.Г. *Герштейн*: «Эренбург пришел к Мандельштаму со Святополк-Мирским» (Герштейн. С. 37), характеризуя состоявшийся разговор как «острый». Решение – оставаясь в Париже, присягнуть сов. режиму – казалось Э. тогда выходом из безнадежного положения; принятая самоцензура не лишила его понимания многого из происходящего в СССР, а порожденные новой ситуацией иллюзии в 1938 в значительной мере развеялись. Именно в 1932, когда Э. совершил большую поездку по стройкам Сибири и Урала, результатом к-рой стал

написанный в Париже его первый сов. ром. «День второй», в кругу О. М. появились недоброжелатели Э., будущие авторы мемуаров, нуждающихся в точных комментариях, напр. Б.С. Кузин (См. Кузин) и Герштейн.

Приехав в СССР в июне 1934, Э. узнал об аресте О. М. и говорил об этом с Бухариным; тогда, по свидетельству Н. М., Бухарин сообщил Э., что Г.Г. Ягода прочел ему текст стихов О. М. о Сталине, после чего Бухарин, редактор газ. «Известия», «отступился» (Мандельштам Н. (1). С. 30). Незапланированная поездка Э. в Воронеж (16–18.7.1934), предпринятая для маскировки совм. с начальником стр-ва магистрали Москва–Донбасс (между двумя заранее запланированными ознакомит. поездками на Волгу и на Север для сбора материалов к ром. «Не переводя дыхания»), внутренне мотивировалась стремлением повидать О. М. («Летом 1934 года я искал его в Воронеже». – Эренбург И. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 96), но, не рискнув из осторожности спрашивать адрес ссыльного у незнакомых ему местных сов. писателей, Э. разыскать О. М. не смог. Герштейн упоминает о тогдашней пылкой реакции на это Н. М. (Герштейн. С. 61); однако Н. М. допускала, что встреча была, причем О. М. надиктовал Э. свои стихи весной 1936 (Мандельштам Н. (2). С. 486), хотя в 1936 Э. в СССР не приезжал. Противоречива информация об Э. и в связи со звонком И.В. Сталина Б.Л. Пастернаку. По свидетельству Н. М., в день разговора со Сталиным Пастернак зашел к Э. и сообщил ему о разговоре с вождем (Мандельштам Н. (1). С. 136); Л.С. Флейшман также подчеркивал роль Э. в распространении слуха о звонке и (с помощью А. Мальро) использовании его в предсъездовской ситуации (Флейшман Л. С. Пастернак и Бухарин в тридцатые годы // ДН. 1990. № 2. С. 252–54). Звонки Сталина относят обычно к 13 июня, а Э. приехал в Москву 17 июня. В авг. 1934 Э. выступил на 1-м съезде сов. писателей, был избран в Президиум ССП; в 1936–39 Э. – воен. корр. газ. «Известия» в Испании; приехав на 2 нед. в Москву в дек. 1937, он был лишен заруб. паспорта и направлен 2.3.1938 на процесс Бухарина, но писать о процессе Э. отказался; после двукратного обращения к Сталину Э. в кон. апр. 1938 был отпущен в Испанию (Эренбург И. Г. На цоколе историй. 2004. № 206).

В янв. 1938 Фадеев показал Э. верстку стихов О. М. в журнале «Новый мир» (см.: Простор. Алма-Ата, 1965. № 4. С. 58). Последняя встреча Э. с О. М. состоялась в Москве,

видимо, в февр. 1938 [утверждение Э.: «В последний раз я видел его весной 1938 года в Москве» (Эренбург И. Собр. соч. Т. 7. С. 96), – неточно]. В подаренном Э. желтом кожаном пальто О. М. был арестован и отправлен в лагерь. Его последняя, тюремная, фотография (май 1938) сделана в этом пальто (Нерлер. 1994 (2). С. 17). Э. узнал о смерти О. М. уже вернувшись в Москву летом 1940 (м. б., от Шкапской, знавшей об этом еще в февр. 1939). В записную книжку 1940–41 Э. записал стих. О. М. «Мне на шею кидается век-волкодав...» с пометой «ОЭ мертв» (РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Ед. хр. 388); имя О. М. трижды встречается в записях Э. 1941–42 (см.: Эренбург И. Собр. соч. Т. 7. С. 767, коммент.); в нач. дек. 1940 с Э. встретилась в Москве Н. М. (в ее «Второй книге» приведены слова Э.: «Есть только стихи: “Осы” и все, что Ося написал», – и ее комментарий: «Единственное, что осталось от того отчаяния, это отношение к Мандельштаму, к-рый стал для него поэзией и жизнью на фоне общего безумия и гибели». – Мандельштам Н. (2). С. 487).

С тех пор друж. связи Н. М. с Э. не прерывались до его смерти [значительны в т. ч. их встреча зимой 1953 (Мандельштам Н. (1). С. 137) и письмо Н. М. к Э. от 1956 в связи с портретом Э. работы П. Пикассо: «Это то, что понимал Ося в тебе, а следовательно и я. Доказательство у тебя было – если б не это представление, он не назвал бы тебя перед смертью» (Собр. Фрезинского)].

О том, что происходило с О. М. в лагере, Э. узнал в нач. 1952, когда к нему пришел солагерник О. М., биолог В.Л. Меркулов (Эренбург И. Собр. соч. Т. 7. С. 100–01); письмо Меркулова к Э. с текстом стих. О. М. «Меня преследуют две-три случайных фразы...» отложилось в Архиве О. М. в *Принстонском университете*. В 1971 были записаны слова О. М., обращенные к Меркулову: «Вы человек сильный. Вы выживете. Разыщите Илюшу Эренбурга... Я умираю с мыслью об Илюше. У него золотое сердце», – и суждения О. М. о писателях, в частности об Э.: «Эренбурга считал талантливым очеркистом, но слабым поэтом» (Нерлер, 1994 (2). С. 37, 38). Н. М. прокомментировала предсмертные слова О. М.: «Он правильно указал биологу на Эренбурга, <...> потому что никто из советских писателей, исключая Шкловского, не принял бы в те годы такого посланца» (Мандельштам Н. (1). С. 363). Др. солагерник О. М. – Ю.И. Моисеенко (Э.Л. Поляновский беседовал с ним через 53 г. после событий), подвергая сом-

нению рассказ Меркулова, привел др. слова О. М.: «Мне бы Илью Григорьевича разыскать. Если бы он знал, что я здесь, он бы меня отсюда вытянул» (Поляновский Э. Л. Гибель О. Мандельштама. СПб.; Париж, 1993. С. 183).

В 1955, начав борьбу за реабилитацию О. М. письмом в Ген. Прокуратуру, Н. М. назвала трех писателей, к-рые могут дать убедительно-положительную для сов. власти характеристику О. М.: А.А. Сурков, К.И. Чуковский и Э. 28.2.1957 после реабилитации О. М. по последнему делу была создана комиссия ССП по его наследию, куда вошел и Э. В 1959–65 Э. работал над подценз. мемуарами «Люди, годы, жизнь»; 14-я гл. 2-й кн. (НМ. 1961. № 1), посв. О. М., для большинства сов. читателей оказалась первой открытой информацией о запрещенном и уничтоженном поэте (среди девяти рус. поэтов XX в., к-рым Э. посвятил портретные главы, лишь Маяковский, Есенин и Брюсов были тогда широко известны). В главе об О. М. полностью или фрагментарно впервые публиковались его стихи, широко цитировался «Разговор о Данте»; автор открыто признавался читателям, что многое в поэзии О. М. оценил не сразу (процитировав «Tristia», Э. написал об О. М.: «В первые годы революции его словарь, классич. стих воспринимался как нечто архаическое. Мне эти строки теперь кажутся вполне современными, а стихи Бурлюка – данью сгнувшей моде... Стих Мандельштама потом раскрепостился, стал легче, прозрачнее». – Эренбург И. Собр. соч. Т. 7. С. 97). Задача Э. – поведать молодым читателям о неизвестном им поэте – корректировалась необходимостью не вызывать созданным в книге образом поэта сильное раздражение властей, с тем чтобы помочь выходу в СССР стихов О. М. Отсюда акцентированная ремарка: «Никогда он не отворачивался от своего века, даже когда волкодав принимал его за другого» (Там же. С. 100), или существенное по идеологич. обстоятельствам времени признание, что осенью 1917 «не только я, но и многие писатели старшего поколения, да и мои сверстники не понимали масштаба событий. Но именно тогда молодой петроградский поэт, к-рого считали салонным, ложноклассическим, далеким от жизни, щедушный и мнительный Осип Эмильевич Мандельштам написал замечательные строки: “Ну, что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, / скрипучий поворот руля...”» (Там же. С. 31). Ортодоксальная критика встретила главу об О. М. враждебно; пиком афронта стали статьи В.А. Назаренко (Звезда. 1961. № 6) о «буржуазной поэ-

зии» О. М. и А.Л. Дымшица (Лит-ра и жизнь. 1961. 19 окт.; Октябрь. 1961. № 6), где главы мемуаров Э. об О. М., Волошине, Цветаевой, Пастернаке были названы «реставрацией модернистских представлений» (Лит-ра и жизнь. 1961. 19 мая). Положит. отклики о работе Э. тогда не публиковались: Ахматова: «Удался портрет Мандельштама... В Москве это наделало шуму, потому что впервые о нем по-человечески» (см.: Фрезинский Б. Я. Эренбург и Ахматова. // ВЛ. 2002. № 2. С. 277–78); Н. М.: «Среди советских писателей он был и остался белой вороной. С ним единственным я поддерживала отношения все годы. Беспомощный, как все, он все же пытался что-то делать для людей. “Люди, годы, жизнь”, в сущности, единственная его книга, которая сыграла положительную роль в нашей стране. Его читатели, главным образом мелкая технич. интеллигенция, по этой книге впервые узнали десятки имен. Прочтя ее, они быстро двигались дальше и со свойственной людям неблагодарностью тут же отказывались от того, кто открыл им глаза» [Мандельштам Н (2). С. 22; ср., впрочем, ее же суждение мимоходом о мемуарах Э. в письме к Н.А. Струве: «...журналистская мура» (Мандельштам Н. (3). С. 314)]. Е.Г. Лундберг в письме к Э. от 9.3.1961: «Я вдруг остро ощутил, что когда-то проглядел Осипа Мандельштама. Я ценил его поэзию, безотказно, по убеждению, печатал его стихи в “Знамени труда”. Он меня за что-то ненавидел, я это чувствовал, он не скрывал. В памяти остался “фантом”, а не человек, писавший эти прекрасные, оттоенные, неожиданные строки» (см.: Эренбург И. Г. На цоколе историй. № 467). О критич. замечаниях максималистов сказано в дневнике А.К. Гладкова: «Нашелся в стране один человек, к-рый пишет о Цветаевой, Мандельштаме и других, и сразу на него напустились, что “не так”» (In memoriam: Ист. сб. памяти А.И. Добкина. СПб., 2000. С. 549). Именно широкий резонанс мемуаров Э. в СССР вызвал поток информативных писем к Э. от солагерников О. М (Д.И. Злотинского, С.Я. Хазина и др.). В 1963 Э. по просьбе редакции «Краткой лит. энциклопедии» написал статью об О. М, к-рая не была опубликована. Э. использовал ее в 1965 для предисловия к публикации стихов О. М в журнале «Простор»; в этом предисловии «Воронежские тетради» рассматривались как вершина поэзии О. М.: «Стих окончательно раскрепощен, ощущение современности обостряется, слово всеильно» (Простор. Алма-Ата. 1965. № 4. С. 58). Эту публикацию 9.9.1965 осудила «Лит. газета» – из-за «трагических стихов», создающих

«одностороннее представление о поэте», особо подчеркнув, что «не исправляет, а усугубляет такое представление предисловие к подборке, написанное И. Эренбургом». В 1963 было сорвано издание стихов О. М. в «Б-ке поэта»; 6.2.1965 Э. написал в Секретариат ССП о необходимости «вынести решение об издании книги стихов Мандельштама и предельном сроке ее выхода в свет» (Эренбург И. Г. На цоколе историй. № 552). В 1963 Э. поддержал советами франц. писателя А. Лану, готовившего передачу об О. М. для франц. радио (Там же. № 505). 24.4.1965 на мех.-матем. ф-те МГУ состоялся первый в СССР вечер, посвященный О. М., на к-ром председательствовал и выступал Э. (см. *Вечера*). По свидетельству Б.А. Слуцкого, «всего лишь за день до смерти» Э. «назвал Цветаеву и Мандельштама как самых близких, самых личных, самых пережитых им поэтов» (Тень деревьев: Стихи заруб. поэтов в пер. И. Эренбурга. М., 1969. С. 12).

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. М., 1991–2000; Стихотворения и поэмы. СПб., 2000 (Новая библиотека поэта); Даю оглянуться: Письма 1908–1930. М., 2004; На цоколе историй. Письма 1931–1967. М., 2004.

Лит.: Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. М., 1968; Парнис А. Е. Мандельштам: «...Весь корабль сколочен из чужих досок...»: (О хлебниковском подтексте стих. «Сумерки свободы») // Поэтика и текстология. М., 1991; Попов В. В., Фрезинский Б. Я. И. Эренбург в 1891–1923 годах. СПб., 1993; Они же. И. Эренбург в 1924–1931 годах. СПб., 2000; Они же. И. Эренбург в 1932–1935 годах. СПб., 2001; Фрезинский Б. Эренбург и Мандельштам // ВЛ. 2005. № 2.

Б.Я. Фрезинский

Географические названия

ГЕЙДЕЛЬБЕРГ, Х а й д е л ь б е р г (Heidelberg), город на юго-западе Германии, земля Баден-Вюртемберг, на р. Неккар у подножья Оденвальдских гор. Известен с кон. XII в. В ср. века резиденция князей и курфюрстов Рейнского Пфальца, живописный замок которых (XIII–XVII вв.) стал символом города. В нач. XIX в. здесь существовал кружок т. н. гейдельбергских романтиков (Л. Ф. фон Арним, К. Brentano, бр. Гримм, Й. фон Эйхендорф и др.), оказавший серьезное влияние на нем. лит-ру. Местонахождение старейшего в Германии *Гейдельбергского университета*, осн. в 1386 при курфюрсте Рупрехте I. С 1803 в составе герцогства Баденского. Рус. колония в Г. существовала с сер. XIX в. В 1862 рус. студенты рев. направления основали Рус. читальню [находилась по адресу: Плёк (Plöck), 52, в 1909 – Мерцштрассе (Merzstraße), 4], с 1881 – им. Н.И. Пирогова. В 1914, ко времени своего закрытия, читальня насчитывала св. 3 тыс. томов и многочисл. подшивки рус. периодики, в т. ч. и запрещенной в России.

Одним из ее читателей, в бытность свою студентом Гейдельбергского ун-та, был О. М. Приехав предположительно в сер. сент. 1909, он прожил в Г. до сер. марта 1910, поселившись в семейном пансионе «Континенталь» г-жи Харри Джонсон, капитанской вдовы [Леопольдштрассе (Leopoldstrasse), 30; у улицы имелось и др. назв., к-рое хоть и указывалось в справочниках в скобках, но было употребительнее основного: Anlage (Anlage) – по-русски: «бульвар», «аллея»; О. М. в письмах из Г. обычно писал свой адрес так: Anlage, 30]. Местоположение пансиона было одноврем. центральным и окраинным. С одной стороны из здания открывался вид на небольшой бульвар, с другой – на подножье поросшей корабельным лесом горы Гайсберга, с третьей – на соседний дом и с четвертой – на Старый город, точнее, на небольшую рыночную площадь Врельплатц [Wrehl-Platz, ныне – Фридрих-Эберт-платц (Friedrich-Ebert-

Platz)]]. До вокзала, реки, ратушной площади или ун-та – всего лишь неск. сотен метров пешком. Столовался О. М., скорее всего, в этом же пансионе: ресторанчик г-жи Джонсон был популярен у рус. студентов. Его соседями по пансиону были 7 нем. студентов (в основном медики). Жизнь О. М. в Г. была хотя и замкнутой, но не сводилась единственно к учебному процессу в ун-те. В сер. сент. 1909 О. М. мельком виделся с Д.С. *Мережковским*; той же осенью, по дороге из *Монтрё* в Россию, его посетили мать и мл. брат. Немногим более интенсивной была переписка О. М. (сохранились письма к М.А. *Волошину* и В.И. *Иванову* – см.: Собр. соч.-2. Т. 4. С. 16–18), но адресаты, судя по всему, не отвечали ему. К письмам, как правило, прилагались стихи. Сохранилось, по меньшей мере, 15 стих. О. М., о к-рых можно с определенностью сказать, что они написаны в Г.: «В холодных переливах лир...», «Твоя веселая нежность...», «Не говорите мне о вечности...», «На влажный камень возведенный...», «В безветрии моих садов...», «Озарены луной ночевья...», «Бесшумное веретено...», «Если утро зимнее темно...», «Пустует место. Вечер длится...», «В смиренномудрых высотах...», «Дыханье вещее в стихах моих...», «Нету иного пути...», «Что музыка нежных...» и «Ни о чем не нужно говорить...» (из них только последнее включалось О. М. в поэтич. книги). Еще о 9 стих., написанных в 1909–10, место рождения их в Г. можно предполагать: «Нежнее нежного...», «Есть целомудренные чары...», «Дано мне тело – что мне делать с ним...», «В морозном воздухе растаял легкий дым...», «Сквозь восковую занавесь...», «Здесь отвратительные жабы...», «Музыка твоих шагов...», «Пилигрим» и «Когда мозаик никнут травы...». В любом случае поэт пережил в Г. период интенсивного творч. подъема. Содержание нек-рых из стихов наводит на мысль о сильном и неразделенном лирич. чувстве. О. М. посещал Пироговскую читальню и однажды принял участие в дискуссии после доклада А.З. Штейнберга «Искусство и критика», состоявшегося 10.2 (29.1 ст. ст.) 1910. О. М. отстаивал тогда право критики на принадлежность к иск-ву. 27.2.1910 О. М. записался и на летний семестр 1910, оставив за собой ту же комнату. Однако, уехав на каникулы (т. е. вскоре после 15.3.1910) в Италию, он возвратился в С.-Петербург (возможно, с заездом в Г.) и более в Г. не приезжал.

16.1.1993 на фасаде здания, в к-ром О. М. снимал комнату в Г., обер-бургомистр города Б. Вебер открыла мед-ную мем. доску с текстом на нем. яз. На ней за цитатой из ст.

О. М. «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время», – следует: «Во время учебы в Гейдельбергском университете в 1909–1910 в этом доме жил русский поэт Осип Мандельштам. Родился 15 января 1891 в Варшаве, умер 1938–39? в неизвестном лагере в СССР». Установка доски иницирована проф. В. Биркенмайером (Г.), г-жой Калов (Кёльн) и Мандельштамовским обществом. Г. – один из пяти нем. городов, ставший в 1993–94 местом проведения Мандельшт. выставки, причем в Г. – под назв.: «Осип Мандельштам: от Гейдельберга до ГУЛАГа». Выставка экспонировалась в фойе гор. б-ки 14.12.1993 – 15.1.1994. На ее открытии выступили обер-бург-мистр Вебер и Р. Дутли.

Лит.: Нерлер П. О. Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994; Kasack W. Heidelberger russische Periodika: Alphabetisches Verzeichnis der 154 russischen Periodika des Slavischen Instituts und der Universitätsbibliothek Heidelberg. Heid., 1952. S. 17; Brown Cl. Mandelstam. L.; N.-Y., 1973. P. 46; Buselmeier M. Literarische Führungen durch Heidelberg: Eine Kulturgeschichte im Gehen. Heid., 1991. S. 29; Nerler P. O. Mandelstam in Heidelberg // Mandelstam und sein Heidelberger Umfeld. Russica Palatina: Skripten der Russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg. Heid., 1992. Nr. 21. S. 3–69; Birkenmaier W. Das russische Heidelberg: Zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen im 19. Jahrhundert. Heid., 1995.

П. М. Нерлер

СУДАК, пос. в Крыму Таврической губ. на берегу Черного м., в 55 км от Феодосии; приморский климатич. курорт. В IV в. до н. э. на его терр. возникло поселение тавров, затем (III – нач. XIII в.) находился греч. г. Сугдея (изв. вост. славянам как Сурож) – крупный центр междунар. торговли, в XIII в. разрушенный монголо-татарами. С нач. XIII в. С. принадлежал Венецианской республике, а с 1365 – Генуэзской, входил в провинцию Газария под назв. Солдайя. В 1475 разрушен турками, в XVI–XVIII вв. окружной город Крымского ханства, в 1771 захвачен рус. войсками, в 1783 присоединен к Рос. империи под назв. Кирилловской крепости. Гл. достопримечательность С. – остатки Генуэзской крепости XIV–XV вв.

По восп. современницы, в 1915 или 1916 О. М. участвовал в колл. поездке в С. в группе обитателей *Коктебеля*

(см.: Тараховская Е. О.Э. Мандельштам // «Сохрани мою речь...»-2. С. 24); возможно, он бывал в С. на даче у сестер Герцык (см. в ст. Е.К. *Герцык*). По свидетельству др. мемуариста, находясь в сер. 1910-х гг. в Алуште, О. М. «любил смотреть на далекие судакские горы, на туманный мыс Меганом» (Мочульский К. О.Э. Мандельштам // Восп. о серебряном веке. М., 1993. С. 270). Этот мыс, расположенный между С. и Коктебелем, упомянут в мандельшт. стих. «Меганом» («Еще далеко асфodelей...», 1917): «Туда душа моя стремится, / За мыс туманный Меганом» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 129), – связанном с рядом актуальных для *акмеизма* мотивов и образов (см.: Шиндин С. Г. О нек-рых смысловых составляющих мотива полета в худож. мире Мандельштама // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 366–67).

Впечатления от развалин Генуэзской крепости, возможно, отразились в стих. О. М. «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...» (1935): «через воздух сумрачно-хлопчатый / Неначатой стены мерещатся зубцы»; косвенно это подтверждается появляющимся далее образом солдат: «с пенных лестниц падают солдаты» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 98), – сопоставимым с генуэзским именованием С. и крепости – Солдайя. Этот же образ метафорически использован в хронологически близком стих. «Исполню дымчатый обряд...» (1935), причем оба текста навеяны коктебельскими реалиями (см.: Мандельштам Н. Я. Комментар. к стихам 1930–37 гг. // *ЖИТМ*. С. 259).

С.Г. Шиндин

Организации и учреждения

«ВРЕМЯ» (офиц. назв.: Кооперативное т-во «Изд-во “Время”»), кооперативное изд-во «Издательской артели работников науки, лит-ры, книжной графики и издат. дела». Организовано в Москве в 1922, в 1923–34 работало в Петрограде – Ленинграде (см.: Шомракова И. А. Изд-во «Время» (1922–1934 гг.) // Книга: Иссл. и мат-лы. Т. XVII. М., 1968. С. 199–214; Книговедение: Энци. словарь. М., 1981. С. 118–19). Учредители: осн. пайщик и первый пред. правления И.В. Вольфсон (1882–1950) и Г.П. Блок (1888–1962), двоюродный брат А.А. Блока, писатель и лит-вед, гл. ред. «В.» (1923–24). Члены-пайщики: ученые А.Е. Ферсман, С.Ф. Ольденбург, Г.А. Дюперрон, Я.И. Перельман, А.А. Смирнов, Ю.П. Скалдин, поэты и переводчики М.Л. Лозинский, В.А. Зоргенфрей, М.А. Кузмин, Б.К. Лившиц (большинство учредителей ранее сотрудничали с изд-вом «Всемирная литература»); многие из них участвовали в редакторской и редакц. работе, привлекались также В.А. Десницкий, Б.Н. Эйхенбаум, А.А. Франковский и др.

Деятельность изд-ва энергично поддерживал М. Горький; см.: М. Горький и сов. печать. Кн. 1. М., 1964. С. 22–59 (Архив А.М. Горького. Т. 10). Конторы «В.» находились в Москве и в Петрограде – Ленинграде (на Литейном просп. За и 7-й Рождественской ул., 7).

«В.» специализировалось на издании науч.-популярной и худож. лит-ры, в осн. – западной. Среди зап. авторов, к-рых публиковало «В.», – С. Цвейг и Р. Роллан, чье творчество стало широко известным в СССР благодаря осуществленным «В.» собр. сочинений этих писателей (см.: Цвейг С. Письма в издательство «Время» / Публ. К.М. Азадовского // Ежегод. РО ПД на 1975 год. Л., 1977. С. 217–55).

О. М. был связан с «В.» уже в год его создания. Его стихи были помещены в 1-м (1922) и 2-м (1923) вып. «Возрождения» – «лит.-худож. и науч.-популярного иллюстрир. альманаха»,

изданного «В.». Более тесные отношения с изд-вом завязались в 1924, когда О. М. и Н. М. переехали в Ленинград. Наиболее крупная публикация О. М. в изд-ве «В.» – книга автобиогр. прозы «Шум времени» (1925). Вдова поэта вспоминала, что именно гл. ред. Блок «заинтересовался» судьбой этой книги и способствовал ее изданию (см.: Мандельштам Н. (2). С. 346). Помимо «Шума времени», О. М. в том же году удалось издать кн. дет. стихов «Примус» с рис. М.В. Добужинского, а также принять участие в работе над двумя переводными книгами: *Лефевр Сент-Оган*. Тудиш / Пер. под ред. О. Мандельштама и Г.П. Федотова; *Истрати Панаит*. Дядя Ангел: Рассказы Адриана Зограффи / Пер. И. Шерешевской под ред. О. Мандельштама и Г.П. Федотова. К роману «Тудиш» О. М. написал также предисл., напечатанное под псевд. «О. Колобов». [Г.П. Федотов (1886–1951), известный впоследствии мыслитель, историософ, культуролог и публицист, покинул Россию в сент. 1925; его личное знакомство и лит. сотрудничество с О. М. до наст. времени документально не подтверждено.]

Для изд-ва «В.» О. М. писал и «внутр. рецензии». В фонде изд-ва (ИРЛИ. Ф. 42) обнаружены две рец. такого рода – на франц. издание ист. романа Ж. Лефевра Сент-Огана «Тудиш» и на нем. издание фантастич. романа австр. писателя К.Г. Штробля «Призраки на болоте» (рус. пер. не состоялся); отзыв на книгу Штробля сохранился в 2 экз. Подобно прочим «внутр. рецензиям» О. М., эти тексты «сохраняют все особенности авт. стиля» (см.: Рецензии О.Э. Мандельштама для ленингр. изд-в / Подг. текстов, примеч. и предисл. А.Г. Меца и В.Н. Сажина // Книга: Иссл. и мат-лы. Сб. 56. М., 1988. С. 69–75). Др. рецензентом обеих книг для изд-ва «В.» был Н.Н. Шульговский; представленные им отзывы датированы 28.10.1924, что позволяет уточнить датировку рецензий, написанных О. М.: окт.–нояб. 1924 (см. подробно: Мандельштам О. Э. Внутр. рецензии и предисл. для изд-ва «Время» / Публ., предисл. и примеч. К.М. Азадовского и А.Г. Меца // Слово и судьба. С. 7–19; там же – атрибуция и обоснование псевдонима «О. Колобов»).

В составе фонда изд-ва «В.» сохранился, кроме того, план дет. книги О. М. под загл. «Трамвай» вместе с машинописью 3 стихотворений (два из них, ранее не известные, опубликованы Е.О. Путиловой в кн.: День поэзии – 1984. М., 1985. С. 152). О сотрудничестве О. М. с изд-вом «В.» после 1925 сведений не обнаружено.

К.М. Азадовский

ВСЕУКРАИНСКОЕ ФОТОКИНОУПРАВЛЕНИЕ (ВУФКУ), респ. орг-ция в 1922–30 в Киеве, ведавшая производом и прокатом фильмов на Украине. Организовано 13.3.1922 путем преобразования Всеукр. кинокт-та (создан 27.1. 1919 в отд. иск-в Наркомпроса Украины). В ведении В. ф. в разное время находились Киевская, Одесская и Ялтинская кинофабрики. Живя в Киеве в кон. дек. 1928 – нач. апр. (?) 1929, О. М. рассчитывал по рекомендации И.Э. *Бабеля* стать сотрудником В. ф. В письме отцу (сер. февр. 1929) он сообщал: «Бабель свел меня с громадной укр. кинофабрикой Вуфку. <...> Бабель, очень влиятельный в Кино человек, вызвался определить меня туда редактором-консультантом. <...> Это будет очень легкая и чистая работа: <...> что-то писать, кажется, отзывы о сценариях» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 112). Видимо, О. М. сознательно преувеличил в письме степень влияния Бабеля на руководство В. ф.: в сер. марта 1929 последний сам покинул город из-за бесперспективности пребывания в нем. Вспоминая данный эпизод, Н. М. вообще не упоминает имени Бабеля: «Однажды в Киеве работники кинофабрики попробовали втиснуть в нее Мандельштама в качестве консультанта или редактора» (Мандельштам Н. (2). 1990. С. 280). Планы О. М. о работе на В. ф. не осуществились (возможно, из-за происходившей в это время существенной реорганизации укр. киноиндустрии и, в частности, создания на базе Киевской кинофабрики к/ст «Украинфильм»), их результатом стало только написание и публикация рецензий <«Магазин дешевых кукол»> (1929; на ф. «Кукла с миллионами», к/ст «Межрабпомфильм», 1928) и «Шпигун» (1929; на ф. «Знакомое лицо»; др. назв. – «Шкурник», «Цыбала», «История одного обывателя», «Приключения Шмыгуева»; ВУФКУ, Киев, 1929).

Лит.: Корниенко И. Киноиск-во Сов. Украины: Страницы истории. М., 1974. С. 30–96.

С.Г. Шиндин

ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ, лит.-просвет. орг-ция, существовавшая в Петрограде 1.12.1918 – нояб. 1922 (ликвидирована по решению гор. руководства). Д. л. возник на основе кооператива (кассы взаимопомощи) при Союзе журналистов и «лит. столовой», получив в свое распоряжение отд. помещение (особняк на Бассейной ул., 11); с лета 1920, сохранив

самоуправление, перешел в ведение Наркомпроса. Гл. роль в создании Д. л. сыграли литераторы Н.М. Волковыцкий и Б.О. Харитон. Руководство осуществляло общее собр. чл. Д. л., в промежутках – ежегодно переизбираемый к-т: акад. Н.А. Котляревский (бессменный пред.), А.В. Амфитеатов, А.А. Ахматова, А.А. Блок, Н.С. Гумилев, В.Я. Ирецкий, А.М. Ремизов, Ф. Сологуб, В.Ф. Ходасевич.

Первонач. Д. л. занимался преимущ. проблемами материальной поддержки и помощи литераторам (орг-ция столовой и отапливаемых комнат для работы; выдача пайков и т. п.); этим имели возможность пользоваться д. ч. Д. л. (в янв. 1922 их было св. 600). Именно в связи с проходившей там выдачей продуктов появилось шуточное стих. постоянно посещавшего Д. л. О. М. «Умеревший офицер» (1920), к-рое получило широкую известность (см.: Чуковский. С. 79; Рождественский Вс. Н.С. Гумилев (Из запасов памяти) // Николай Гумилев: Иссл. Мат-лы. Библ. Л., 1994. С. 423; Соч. Т. 1. С. 597. Комментар. П.М. Нерлера). Постепенно сфера деятельности Д. л. расширялась, и уже с 1920 в нем проходили лит. собрания, лекции, муз. вечера, действовали лит. студия для начинающих писателей, б-ка-читальня (важный аспект деятельности Д. л., особенно актуальный в период реквизиции гос-вом частных б-к, – формирование книжного собр.: к нач. 1922 св. 70 тыс. т.); в городе было открыто 3 книжных магазина. При Д. л. в 1921–22 издавался лит.-исследоват. и критико-библиогр. журнал «Летопись Дома литераторов» (вышло 9 номеров), в 1922 – журнал «Лит. записки» (3 номера).

Д. л., явно ориентир. на пассивное неприятие нового строя, в изв. смысле противопоставлял себя орг-циям, созданным при участии М. Горького, – «Дому искусств», Дому ученых, изд-ву «Всемирная литература». В свою очередь, обитатели «Дома искусств», по мемуарному свидетельству современника, «презирали Дом литераторов. Презирали дружно, но по разным причинам. Сторонники Горького и Блока презирали их по мотивам политическим, как пособников саботажа и союзников эмигрантов. Сторонники “Цеха поэтов” <...> презирали их, как всегда эстеты презирают газетчиков. Студисты унаследовали это презрение от старших» (Чуковский. С. 78). Подобные сложности во взаимоотношениях не исключали одноврем. членства представителей лит. среды в этих орг-циях – как в форме получения материальных преимуществ, так и в форме участия в культурной жизни.

Деятельность Д. л. была по-своему более «академична» и систематизирована, чем работа «Дома искусств», а мн. проходившие в нем мероприятия оставили заметный след в истории послереволюционной культурной жизни и Петрограда, и России. Так, 21.11.1920 в Д. л. состоялся вечер Леконта де Лиля, на котором выступали Гумилев, М.Л. Лозинский и В.А. Рождественский (см. фрагмент дневника М.Н. Рыжкиной в: Оношкович-Яцына. С. 388), а 11.2.1921 – вечер, приуроч. к 84-й годовщине смерти А.С. Пушкина, на котором, в частности, Блок произнес речь «О назначении поэта». 24.10.1920 в Д. л. с докладом «О новых путях в акмеизме» выступил О. М.

Лит. Мартынов И. Ф., Клейн Т. П. К истории лит. объединений первых лет Сов. власти (Петроград. Дом литераторов. 1918–1922) // РЛ. 1971. № 1; Чуковский Н. Дом искусств. Клуб Дома искусств. Лит. студия Дома искусств // Чуковский Н. Лит. воспоминания. М., 1989; Мандельштам в архиве Э.Ф. Голлербаха / Публ. и предисл. Е.А. Голлербаха [Переписка из двух миров (Фрагмент)] // Слово и судьба; Оношкович-Яцына А. И. Дневник 1919–27 // Минувшее: Ист. альм. Вып. 13. М.; СПб., 1993; Иванов Г. Китайские тени // Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3: Мемуары. Лит. критика. С. 257–63; Амфитеатров А. В. Дом Литераторов в Петрограде 1919–1921 гг. // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996.

Указ.: Вестник литературы (1919–22); Летопись Дома литераторов (1921–22); Лит. записки (1922): Аннотир. указ. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 1996.

С.Г. Шиндин

Произведения

«АЙЯ-СОФИЯ» (1912), стихотворение. Впервые: «Аполлон». 1913. № 3. С. 37–38; затем: Камень. 1913. С. 29–30; Камень. 1916. С. 41–42; Камень. 1916 (Ав.) (везде с разночтениями в стихе 5: «И всем пример – года Юстиниана» и стихе 9: «Куда ж стремился твой строитель щедрый»); Камень 1923. С. 35; Стих. 1928 С. 40–41; Собр. соч.-2. Т. 1. № 99 (дается по: Камень. 1916). Вместе со стих. «Реймс и Кельн» стих. было прочитано автором на вечере «Писатели – воинам» в Александровском зале Петрогр. думы (25.1.1915) в пользу Лазарета деятелей иск-в (с участием А.А. Блока, Ф. Сологуба, А.А. Ахматовой и др.).

Айя-София – собор св. Софии в Константинополе (VI в.), с XV в. – мечеть, первоначальный вид известен по описаниям; источниками О. М., видимо, были книги: Die hl Ch. Justinien et la civilization byzantine au VI-me s. Paris, 1901 и Айналов Д. В. Эллинистич. основы визант. иск-ва. СПб., 1900. Айналова О. М. слушал в Петерб. ун-те (восп. М. Карповича); от него – понятие разреза времени (ср.: ст. «Скрябин и христианство»), где застывает история, останавливаются «народы и цари» (стих 2). Стих. построено почти как пересказ учебника (Кантор. С. 65).

Тематич. композиция по строфам: (I) взгляд вверх: святое место, над ним Господь и осеняющий купол; (II) взгляд вдаль: святое время, перед Юстинианом склоняются чужие боги, под купол становятся колонны; (III) взгляд по сторонам: его бросает щедрый строитель, намечая в колоннаде апсиды и экседры, ориентирующие храм в пространстве; (IV) снова взгляд вверх (купол, окна, паруса): его бросает посетитель храма и видит храм как средоточие всего светлого мирового пространства («купающийся в мире»); (V) взгляд во время: мудрость, законченность (пространство свернуто в сферу), вечность и оттеняющее рыдание серафимов над временной

судьбой храма во власти ислама. Начало и конец перекликаются образами «народов и царей», «всех веков», «народов и веков». Последовательность времен: (I–III) перфект, (IV) настоящее, (V) будущее; композиция – 3+1+1. Образная и идейная кульминация – в I строфе. Начальный образ, м. б., намекает на прошлое, основание города Константином (Тарановский. С. 172); а концевочный образ – на будущее, на освобождение Россией Константинополя и утешение серафимов.

Как и в «Notre Dame», О. М. подчеркивает мирную преемственность эпох, накапливающих культурные ценности: колонны Дианы в храме Софии были актом последнего гонения на язычество, а у О. М. они – свободный дар язычества христианству (Фэвр, 1995. С. 229), «Айя-София увидена как бы в стилизованной языческой перспективе – [только] с т. зр. Артемиды Эфесской или ее поклонников Юстиниан строит “для чужих богов”» (Аверинцев. С. 292; ср.: «чужой народ» в «Notre Dame», «чужая речь» в «Лютеранине»). Она объединяет мир – «запад и восток» (стих 12) как зап. и вост. христианство. Впоследствии («Заметки о поэзии». 1923) «Византия» была для О. М. символом «монашески-интеллигентской» ограниченности, но юстиниановскую империю VI в. он явно отделял от этой Византии (ср. Мандельштам Н. Я. 1972. С. 550).

Стиль, как и в «Notre Dame», основывается на контрасте науч. прозаизмов («по слову очевидца», «апсиды и экседры» – лексич. кульминация) и приподнятой торжественности. Она достигается гл. обр. интонац. ср-вами: риторич. восклицанием отмечено начало, вопросом – середина, обращением – начало и середина. Уровень тропеичности – средний (в переносном значении – около трети словоупотреблений), в концовке чуть повышен. Преобладают метафоры (с олицетворением: «указав» апсидам и экседрам, как живым). Начало отмечено не совсем ясной и поэтому многозначит. метафорой «остановиться народам и царям» [= конец истории (?)] и единств. сравнением «как на цепи» (стилистич. кульминация подчеркивает образную); конец – метонимией «мудрое» зданье (= принадлежащее св. Софии, Премудрости Божьей), гиперболой «сферическое» и грамматич. аномалией «позолот» (мн. число).

Синтаксис: расположение предложений и фраз по строфам – 2+2, 4, 4, 2+2 и (2+2) стиха. В строфах II–III, кроме того, параллелизм «когда...»; в III строфе – три висячие (не-

договоренные) строки, синтаксич. кульминация. Наиболее заметный анжамбман – в стихах 15–16.

Стихотв. размер – 5-стопный ямб с рифмовкой *AbAb*, бесцезурный. Ритм восходящий, «французский», с сильной 3 стопой; более традиционный – только в концовке (стихи 16–18). Сред. ударность понижается к концу строф и к концу всего стих. Метрич. кульминация – нач. стих со сдвигом ударения на 1-й слог. Открытые жен. рифмы противопоставлены закрытым мужским (исключение – IV строфа); рифмич. кульминация – в III строфе, йотированная рифма на экзотич. слово «экседры».

Фоника не обнаруживает выделенных мест. Преобладающие ударные гласные – «А» и «О»; аллитерации заметны в стихах 11–13 (переключка «купающийся... купол»). Концовочные слова «сферическое» и «серафимов» анаграммируют нач. ключевое слово «София» (*Grown*). В словосочетании «купающийся в мире» созвучие подсказывает подтекст метафоры «...в море».

Среди подтекстов отмечались «Искусство» Т. Готье (в концовке), стих. об Айя-Софии В.Я. Брюсова (1907) и И.А. Бунина (1908), ст. Н.Н. Пунина «К проблеме визант. иск-ва» (в том же «Аполлоне», 1913, с. 3) (Сегал); особо в концовке – «Искусство» Готье (а плач серафимов – м. б., от «Девушка пела...» А.А. Блока) (Nilsson. С. 20–21).

Лит.: Мандельштам Н. Я. Вторая книга. Париж, 1972; Аверинцев С. Поэтика ранней византийской литературы. М., 1991; Кантор Е. В теплокрылатом воздухе картин. Искусство и архитектура в творчестве О.Э. Мандельштама // ЛО. 1991. № 1; Сегал Д. Осип Мандельштам: История и поэтика. Jerusalem; Berkeley, 1998 (*Slavica Hierosolymitana*, 8–9). С. 161–63; Тарановский К. Ф. Почва и судьба (Третий Рим. Молчание. Поэт в могиле) – Очерки о поэзии О. Мандельштама, VI // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000; Brown C. Mandelstam. Cambridge, 1973. С. 185–88; Nilsson N. E. Osip Mandelstam: Five poems. Stockholm, 1974; Przybylski R. An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. Ann Arbor, Ardis, 1987. С. 107–12.

М.Л. Гаспаров, П.М. Нерлер

«NOTRE DAME» (1912), стихотворение. Впервые: «Аполлон». 1913. № 3. С. 38; затем: Камень. 1913. С. 31; Избр. стихи. С. 246; Камень. 1916. С. 43; Камень. 1916 (Ав.); Камень. 1923. С. 36, без загл. (отсутствует в оглавлении); Стих. 1928. С. 42. В Архиве О. М. – автограф с датой «1912»; к нему на отд. листке приложен вариант строфы 1: «Ажурных галерей заманчивый пролет – / И, жилы вытянув и напрягая нервы, / Как некогда Адам, таинственный и первый, / Играет мышцами крестовый легкий свод». Собр. соч.-2. Т. 1. № 100 (дается по автографу).

Тема стихотв. – знаменитый готич. собор в Париже (XII–XIII вв.). На его месте был рим. храм, а не «базилика», здание судилища, но О. М. важно было подчеркнуть в соборе преемственность трех культур: кельтской («чужой народ», стих 1), римской и христианской (Steiner). В описании перечислены приметы готич. стиля: пересечение «базилик»-неффов (стих 2), над ним крестовый купол (стих 4) с каменными швами-«нервюрами» в стих. – «нервами» (стих 3); на них давит распирающая тяжесть купола (стихи 7–8: «таран» направлен вниз и в стороны), ей противодействуют пристроенные к стенам снаружи «подпружные арки» (стих 6), со стороны похожие на ребра скелета (стих 14): О. М. видел это, когда жил в Париже в 1907. Он дал «хрестоматийное разъяснение действия этой системы» контрфорсов (Кантор. С. 63).

Содержание стих. по строфам: (I, экспозиция) собор на месте рим. судилища красив и легок, (II, самая «технич.» строфа), но эта легкость – результат динамич. равновесия противоборствующих сил, (III, самая патетич. строфа), в нем все поражает контрастами, – (IV, вывод) вот так и я хотел бы создать прекрасное из противящегося материала. «Но» в начале II и IV строф выделяет их как главные, тематически опорные. Иначе: (I) взгляд изнутри, живая естественность «легкого свода»; (II) взгляд «снаружи», расчет и разум стоят за нею; (III) опять изнутри, достигнутое равновесие естественности и исхва, организма и организации; (IV) опять снаружи, каменная постройка и словесная постройка (ср.: Steiner, Harris). Подчеркнуто прямолинейная мораль в стихах 13–16 впервые называет Notre Dame по имени, и после этого стихи о соборе превращаются в стихи о стихах (метапоэтич. концовка).

«Адам» (стих 3) связывается с «адамизмом», а «свод» (стих 4, через ассоциацию со «шпилем») – м. б., и прямо с акмеизмом (асме – «острие»; Steiner). «Лес» – полемика с «лесом символов» Ш. Бодлера: у символистов природа бы-

ла нерукотворным храмом (см. *Символизм*), у О. М. рукотворный храм становится природой. «С тростинкой рядом дуб» – через басню Ж. Лафонтена и И.А. Крылова «Дуб и трость» (и пушкинский «Аквилон») и паскалевский образ «мыслящего тростника» (преломленного в «Певучесть есть в морских волнах...» Ф.И. Тютчева) отсылающая к «Из омута злого и вязкого...» самого О. М. (Тагановский. С. 52). «Царь-отвес» – инструмент строителя и масонский знак связи между небом и землей (ср. масонские мотивы в «Пятистопных ямбах» Н. С. Гумилева в той же подборке «Аполлона»).

Идейная основа стих. – ст. «Утро акмеизма». Акмеизм утверждал независимость поэзии от религии; поэтому об отношении собора к Богу нет речи, не культура вписывается в религию, а религия в культуру (так – уже в письме О. М. Вяч. Иванову 13.8.1909). Образ Адама символизирует сотворение новой действительности, «в к-рой произошло освобождение не только от физич. тяжести, но и от тяжести грехопадения» (Мусатов. С. 100). Эта самостоятельность поэзии осмыслялась через две метафоры: как организм и как организация. («Любовь к организму и организации акмеисты разделяют с <...> средневековьем». – «Утро акмеизма».) Как организация сопротивляющегося материала поэзия уподоблялась архитектуре (а не музыке, как у символистов): отсюда культ рациональности, к-рая своими ср-вами создает иррациональность (стих 10). Архитектура, в свою очередь, уподоблялась строению общества (упоминание о судии и базилике), это – устойчивое у О. М. понятие «социальной архитектуры». Как саморазвивающийся организм слово акмеистов противопоставлялось бесплотному слову символистов и вещному слову футуристов: отсюда биол. образы в архитектурном стих. (стихи 3, 4, 9, 14). Организм, по А. Бергсону, живет диалектич. напряжением, поэтому из архитектуры образцом берется именно контрфорсная готика. Потом это равновесие организации и органичности у О. М. нарушится в пользу органичности и разовьется представление о контекстуальной многозначности слова (в ст. «Слово и культура», 1921).

Стиль, в соответствии с темой, построен на антитезах. Общий уровень тропеичности повышенный: ок. половины знаменательных слов – в переносных значениях. Чередуются нечетные строфы, гуще насыщенные тропами, и четные, намеренно прозаизированные (архитектурная терминология в стихах 4–7, «изучал...» с прямолинейной

моралью в стихах 13–16). Некоторые термины оживлены образными значениями и наоборот [в стихе 14 «ребра», а в стихе 3 «нервы» напоминают о нервюрах; «лес» в соседстве с «ответом» – о строит. лесах – см.: Przybylski; в стихе 4 «крестовый свод» – о гюйсмансовском (см. Ш. Гюйсманс) сравнении с крестовиком-пауком, как в «На площадь выбежав...»]. Половина метафор – олицетворения, представляющие собор живым существом. Начальная строфа отмечена единств. лексич. архаизмом (в этимологии «судия судил») и единств. сравнением. Там же редкое переосмысление числительного в качеств. прилагательное «радостный и первый» (стилистич. кульминация). III строфа – безглагольная, это как бы достигнутое равновесие сплошных антитез (образная кульминация). Концовка с выводом (идейная кульминация) отмечена гиперболой «чудовищные» и сочетанием метонимии с метафорой «из тяжести недоброй» (= из неподатливых слов).

Синтаксис необычно сложен: в крайних I и IV строфах – сложноподчиненные предложения с синтаксич. швами в сер. строки; во II строфе асимметрич. расположение фраз по 1+(2+1) строке, так что предложение необычно перекидывается через границу полустрофий; на этом фоне III строфа с симметрич. фразами, укладывающимися в стих или полустушие, со сложной системой параллелизмов выделяется простотой и четкостью (синтаксич. кульминация подчеркивает образную).

Стихотв. размер – 6-стопный ямб с рифмовкой *aBBA*. Дактилич. цезура в 7 строках из 16. Ритм 2-го полустушия традиционный двучленный, ритм 1-го полустушия нисходящий, со слабой 3-й стопой. На этом фоне контрастный ритм имеет III строфа (метрич. кульминация подчеркивает образную): двучленный ритм в 1-м полустушии и восходящий ритм во 2-м. Сверхсхемное ударение в стихе 6. Рифма в стихах 10–12 неточная, это тоже содействует выделению кульминац. III строфы.

Фоника гласных в строфах I–II ровная, III строфа ассонирована на ударное «и», IV, контрастно, – на ударное «а». Фоника согласных ощутима лишь в четных строфах. Заглавие анаграмматически перекликается со словом «Адам» (см.: Brown).

Лит.: Кантор Е. В теплокрылатом воздухе картин. Искусство и архитектура в творчестве О.Э Мандельштама // ЛО. 1991. № 1; Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. К., 2000. С. 100–02; Brown; Taranovsky K. Essays on

Mandelstam. Cambridge, 1977; Steiner P. Poems as manifesto: Mandelstam's «Notre Dame» // RL. 1977. T. 5. Vol. 3; Ронен, 1983. С. 120–23; Dutly R. Ossip Mandelstam. «Als riefе man mich bei meinern Namen»: Dialog mit Frankreich. Zürich, 1985; Przybylski R. An Essay on the Poetry of Osip Mandelstam: God's Grateful Guest. Ann Arbor, Ardis, 1987. С. 113–18; Harris J.G. Osip Mandelstam. Boston, 1988. P. 23–24.

М.Л. Гаспаров, П.М. Нерлер

«ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТРОФЫ» (1913), стихотворение. Впервые: «Гиперборей». 1913. № 5 (февр.). С. 21–22 [1-е в цикле со стих. «В душном баре иностранец...» (см.: «...Дев полуночных отвага...») и «Лютеранин»; без посвящения]; затем: Камень. 1913. С. 23–24; Избр. стихи. С. 246; Камень. 1916. С. 46–47; Камень. 1916 (Ав.); Камень. 1923. С. 39–40; Петербург в стихотворениях рус. поэтов. Берлин, 1923. С. 47 (езде с разночтением в стихе 11: «крепкая порфира»). Стих. 1928. С. 45 (без посвящения). Автограф первонач. редакции, без посвящения – Архив Лозинского. То же, с датой «янв. 1913» и разночтением в стихе 5: «Оснежены, зимуют мачты, блоки...» – Архив Ивича-Бернштейна. Автограф I строфы – собр. Лесмана. Собр. соч.-2, № 104 (дается по Корр.-28, с восстановлением посвящения Н.С. Гумилеву, снятого редактором).

Стих. представляет собой синтетич. картину, сложно совмещающую приметы Петербурга пушкинского времени и современности. Желтые казенные здания характерны для обоих, правовед (элитарное Уч-ще правоведения открыто в 1835) – скорее, из современности, костер и часовой со штыком – тоже (ср.: «Шум времени». Собр. соч. Т. 2. С. 349), Сенатская площадь уже вызывает память о декабристах, а тоска сноба-правоведа – об Онегине. Дальше (отбивка точками в «Камне», 1916) настоящее время меняется на прошлое, зима – на лето, центр. площади – на гавань, а мужики-сбитенщики названы оперными, принадлежащими старине. (Тарановский. С. 169: в гаванском пригороде мужики были в крест. одежде, а в городе это не одобрялось полицией; о том, что в Летний сад не пускали «...в русских сапогах, (...) в картузах и в мещанском платье» см.: «Шум времени», Собр. соч.-2. Т. 2. С. 350). Наконец, последняя строфа сводит оба временных плана воедино, но разводит социальные планы: Евгений – на совр. улице (автомобили появляются в нач.

1910-х гг.), но это уже не Евгений Онегин, а бедный чиновник Евгений из «Медного всадника. В отступлении о Неве и России (с их пушкинскими подтекстами) образ «власяницы грубой» (стих 12) вводит неожиданный мотив покаяния; он переключается со стих. «Заснула чернь...» (в частности, «броненосец в доке», стих 7 – с «железной карой»; ср.: в «Шуме времени» о спуске «чудовищного» броненосца, погибшего при Цусиме [Собр. соч.-2. Т. 2. С. 352] – см.: Мусатов. С. 114).

Т. о., в поле зрения попадают: (I) площадь с правит. зданиями (несколькими), санями и правоведом; (II, взгляд в сторону) река с замерзшими пароходами; (III, взгляд выше) посольская набережная над рекою; (IV) взгляд возвращается на Сенатскую площадь со «снобом»; (V) резко переносится на гавань с яликами у берега и пеньковым складом на берегу; (VI) опять резко перескакивает: улица с автомобилями и «бедным Евгением». Композиция пространства – 4+1+1: первые 4 строфы образуют замкнутый круг (м. б., подчеркнутый в образах I строфы «кружилась метель» и «опять садится»). В I строфе – кружащееся движение, во II–IV движения нет, в V – вновь медленное движение на одном месте («бродят»), в VI – убыстренное и направленное («летят в туман»). Композиция движения – 2+2+2: в среднем двустрофий совсем нет глаголов. Композиция времени – 4+1+1: в I строфе – имперфект и настоящее повторяющиеся; во II–IV – настоящее долгопротяженное (зима) с одним мимолетным перфектом («зажглось»), в V – опять имперфект и настоящее, в VI – настоящее краткопротяженное. В V строфе происходит странный сбой времени: «где бродят» (вместо ожидаемого «где бродили»): настоящее историческое или настоящее реальное (?). Это усложнение можно считать образной кульминацией стих.

Каждый переход от строфы к строфе подчеркивает одну или неск. оппозиций внутри синтетич. образа Петербурга (ср.: Сегал; Мусатов): суша – река, Россия – мир (а внутри II и III строф: конкретное – абстрактное, пароходы – Россия, дома – гос-во), настоящее – прошлое, центр – окраина, снобы – мужики. На последнем переходе, V/VII, почти все эти оппозиции собраны вместе, и к этому добавляется: площадь – улица, правовед – Онегин – Евгений, гос-во – маленький человек. Современники склонны были также видеть внутри VI строфы отношение «автор – герой», отождествляя чувства Евгения с чувствами О. М., против чего Н. М. решительно возражала. Еще один композиц. вариант:

3+3 строфы, «Петербург зримый – Петербург ист.-культурный» (Сегал).

Стиль: тропеичность понижена, в переносном значении – чуть больше 1/4 знаменат. слов: минимум – в I и V строфах, максимум – в III строфе (вокруг «порфиры»). Повышена доля метонимий (лишь в 1,5 раза меньше, чем метафор). Метафорой-олицетворением сноба-правоведа является «Онегин» в стихе 14, это побуждает и «чудака Евгения» в стихе 23 считать не реальным образом, а метафорой-олицетворением скромного пешехода. Полустертые перифразы в стихах 9, 15. Два сравнения в стихах 7, 12 отмечают социально-ист. тему.

Синтаксис, как обычно, делит строфы на полустрофы в 2+2 стиха; единств. асимметрич. строфа – VI, с анжамбманом на имени пешехода-Евгения (синтаксич. кульминация). Начала II и V строф выделены в «сверхсхемные фразы» с последующими сильными анжамбманами. Восклицат. предложения – в серединной III строфе (о государстве) и в последней VI строфе (о маленьком человеке): в конце это порождает неожиданную интонацию скорее удивления, чем пафоса, смягчающую мотив проклятия судьбе.

Стихотв. размер – 5-стопный ямб с рифмовкой *AbAb*, бесцезурный. Ритм сглаженный (1-я и 2-я стопы одинаково ударны), «восходящим» ритмом выделена только III строфа, о гос-ве (метрич. кульминация). Все рифмы точные (в I строфе – йотированная).

В фонике гласных выделяется II строфа, сильно ассонированная на ударные «О» (о России: фонич. кульминация), и отчасти – противопоставл. ей IV и V строфы, ассонированные (но слабее) на ударные «А». Аллитерации согласных рассеяны по стих. ровно.

Лит.: Сегал; Мусатов В. Лирика Осипа Мандельштама. К., 2000; Тарановский К. Почва и судьба (Третий Рим. Молчание. Поэт в могиле): Очерки о поэзии О. Мандельштама, VI // Тарановский К. О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М., 2000.

М.Л. Гаспаров, П.М. Нерлер

О.Э. Мандельштам и мировая культура

БУДДИЗМ, одна из мировых религий, оказавших определенное влияние на О. М. Первое прямое упоминание Б. появляется у О. М. в ст. «Скрябин и христианство» (1917). Буддийские образы и мотивы присутствуют в его творчестве до 1931 – как в прозе [«Слово и культура», «Пшеница человеческая», «Литературная Москва», «Девятнадцатый век», «Заметки о Шенье», «Vulgata. (Заметки о поэзии)», рецензия на «Записки чудака» А. Белого, «Прибой у гроба», «Татарские ковбои», «Жак родился и умер!», «Четвертая проза»], так и в стихах («Дано мне тело...», 1909; «Я изучил науку расставанья...», 1918; «В Петербурге мы сойдемся снова...», 1920; «Грифельная ода», 1923, и др.). В разл. стихотворениях встречаются лексич. сигналы, к-рые, не зачеркивая и др. аллюзий, прямо указывают на свои буддийские корни: пустота, колесо, раковина, острова-сферы, вневременность узнавания, камень, веретено, цветы и т. д. С 1931 буддийские образы становятся доминантой мн. стихов О. М., а сам Б. является важной составляющей худож. концепции поэта.

Б., возникший в Азии в кон. VI – нач. IV в. до н. э., был заново открыт пораженной кризисом сознания Европой 2-й пол XIX в. и воспринят в качестве религ.-филос. доктрины, способной объяснить, если не разрешить, противоречия традиц. христ. философии и науки Нового времени. Европ. интеллектуалам особенно импонировала предлагаемая Б. филос. концепция нелинейности, цикличности развития общества и нравств. самоусовершенствования человека – гаранта такого развития – как альтернатива идее линейного прогресса, доминировавшей в Европе XVIII–XIX вв. Разл. идеологемами Б. оперировали представители новых филос. школ – позитивизма, интуитивизма, неокантианства и т. д., а также теоретики «экстранауч.» познания (в частности – теософии). Такие направления европ. иск-ва, как модернизм,

импрессионизм, символизм и др., также испытывали на опред. этапах серьезное влияние Б., причем не только декоративное или формально-стилистическое, но и идеологическое.

К нач. XX в. весомый вклад в мировую буддологию внесли рус. ученые. В стенах *Санкт-Петербургского университета*, где О. М. учился в 1911–17, сложилась новаторская науч. школа Ф.И. Щербатского, заложившая основы объективно-ист. метода изучения Б. Основат. работы по Б., а также переводы классич. поэзии Востока и нек-рых памятников буддийской лит-ры выходили в России как до, так и после 1917. По-видимому, О. М. обратил внимание на появление в 1913 выполненного К.Д. *Бальмонтом* стихотв. перевода поэмы «Жизнь Будды» («Буддачарита») инд. поэта Ашвагхоши (I в. н. э.). Косв. свидетельством знакомства О. М. с мировой буддологией можно считать его заметки о дорожном дневнике П.С. Палласа (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 387–90), известность к-рому принесли работы по антропологии народов Евразии. Обрядовую сторону Б. О. М., очевидно, наблюдал в дацане («ламаистском» храме), действовавшем в Петербурге – Петрограде – Ленинграде в 1913–37; он находился в Старой Деревне, на сев. оконечности Каменноостровского просп.; современников поражала его цветовая гамма: все оттенки красного и желтого спектров (см.: Андреев А. И. Буддийская святыня Петрограда. Улан-Удэ, 1992). По свидетельству С.И. *Липкина*, О. М. питал уважение к личности будды Сакьямуни – поэта и философа, и, по-видимому, был знаком с приписываемыми ему традицией сутрами – канонич. текстами Б. (см.: Липкин С. 10).

На открытых заседаниях Имп. Рус. геогр. об-ва с популяризаторскими лекциями регулярно выступали как ученые-буддологи, так и выдающиеся путешественники – исследователи Азии. Размышления и дискуссии на животрепещущую тогда тему Востока, и в ее рамках – Б., были неотъемлемой чертой жизни культурной элиты России нач. XX в. В ближайших к О. М. кругах жгучий интерес к Востоку и его религ.-филос. учениям испытывали Н.С. *Гумилев*, В.К. *Шилейко*, М.А. *Волошин* и др. Кроме того, в среде интеллигенции существовали ярко выраженное «оккультно-мистическое» отношение к Б. и увлечение тибетской медициной (см. упоминание лечебных порошков лейб-медика П.А. Бадмаева в кн. воспоминаний Б.К. *Лившица* «Полутораглазый стрелец» (М., 1991. С. 127, 226)).

По-видимому, опред. влияние на буддийские образы О. М. 1930-х гг. оказал приезд в Москву в 1926 Н.К. и

Е.И. Рериков, неутомимых исследователей буддийского Востока, с миссией передачи сов. пр-ву послания, основанного на принципах Учения живой этики (см.: Собр. соч.-2. Т. 2. С. 432; Т. 3. С. 105). Вплоть до сер. 1930-х гг. Рерихи видели в Окт. рев-ции символ зарождения долгожданной Мировой общины – легендарной Шамбалы, а в ее вождях – В.И. *Ленине* и И.В. *Сталине* – эманации бодхисатв, пророков новой эпохи.

Вместе с тем влияние сугубо церк. т. з. на Б. во мн. определяло обществ. мнение России 1-й пол. ХХ в. В противовес гуманистич. учению Христа Б. нередко характеризовался как религия пессимизма и демонопоклонства. Так, и к сер. ХХ в. Н. М. сохраняла сформировавшееся в его начале мнение о Б.: «В христианстве есть призыв к активности – хотя бы в притче о талантах – в отличие от буддизма и теософских течений, завоевавших умы в начале века, как и пантеистические течения. Символисты подверглись сильному влиянию Востока...» (Мандельштам Н. Сальери двадцатых годов // Мое завещание и другие эссе. Н.-Й., 1982. С. 72–73).

Первые буддийские аллюзии в поэзии О. М. относятся еще к петерб. поре его биографии. Тогда же у О. М.-публициста складывается сложное отношение собственно к Б. и негативное – к теософии как яркому образцу его европ. «разновидности». В ст. «Скрябин и христианство» он писал: «Время может идти обратно: весь ход новейшей истории, к-рая со страшной силой повернула от христианства к буддизму и теософии, свидетельствует об этом... Единства нет! “Миров много, они располагаются в сферах, бог царит над богом!” Что это: бред или конец христианства? Личности нет! “Я” – это переходное состояние – у тебя много душ и много жизней! Что это – бред или конец христианства? Времени нет! Христианское летоисчисление в опасности, хрупкий счет годов нашей эры потерян – время мчится обратно с шумом и свистом, как прегражденный поток, – и новый Орфей бросает свою лиру в клокочущую пену: искусства больше нет...» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 201–202). Это программное заявление с его импровизированными «цитатами» отражает отношение О. М. к Б. в 1-й четв. ХХ в. и указывает на знакомство поэта не только с теософскими трудами, но и с нек-рыми из христиански-ориентированных рус. работ по Б. (вероятней всего: Кожевников В. А. Буддизм в сравнении с христианством: В 2 т. Пг., 1916).

Характерно, что статья, написанная О. М. в 1917, посвящена памяти А.Н. *Скрябина*, разделявшего мн. из теософ.

идей. Ее пафос – в противопоставлении идеи христ. Спасения, как творч. акта, нравств. «всеядности» теософии и тех явлений современности, к-рые О. М. объединял культурологич. термином «Б.». Суждения поэта нач. 1920-х гг. о Б. и теософии исполнены полемич. резкости: «Дурная бесконечность, ...отсутствие позвоночника в учении о перевоплощении – “карма”, грубый и наивный материализм в вульгарном понимании сверхчувственного мира, ...интерес ко всему, граничащий с равнодушием, – всепонимание, граничащее с ничегонепониманием» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 218). В статьях О. М. Б. характеризуется как основа либо позитивистского, либо релятивистского, либо марксистского, либо дарвинистского, либо теософ. миропонимания – этот список можно продолжить. В поисках ответов на жгучие вопросы современности, и до времени не находя их во множестве новых «буддийских» теорий, объясняющих и дробящих мир, поэт нередко обращается к объединяющей идее Творца-Логоса. Признавая «холодную» правду достижений науки и культуры Нового времени, О. М. 1920-х гг., вслед за «колонизатором» и «конквистадором» Н. Гумилевым, ратует за сохранение в сознании человечества «телеологической», «нежной» морали Старого Света («Пшеница человеческая», 1922). В целом мандельшт. концепция Б. до 1924 – бездействие, противопоставленное плодотворности и внутр. свободе иудео-христ. морали и культуры – неотъемлемой части цельного, европ. по своей сути, сознания.

Отказ от устойчивого мировоззренч. комплекса (см.: «ребяческий империализм» – Там же. Т. 2. С. 349) был сопряжен для О. М. с мучительными раздумьями и страхом (см.: Аверинцев. С. 17–23), что нашло выражение и в образе могуществ., но «чужого бога» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 271). Грандиозные изменения в привычном О. М. «классич.» мироустройстве, происходившие на рубеже XIX–XX вв., не совпадали с ожиданиями поэта и его современников. Больше всего он чувствовал, по-видимому, разрушение нравств. основ совр. ему общества, определив это разрушение как отсутствие позвоночника эпохи. Радикально меняющаяся науч. картина мира (радиоактивный распад, теория относительности, превращение материи в энергию, корпускулярно-волновой дуализм и т. д.), новаторские «странности» европ. иск-ва (импрессионизм, авангардизм, атональность и т. д.), – и соц. катаклизмы, – требовали «гносеологич.» объяснения.

Первая мир. война разрушила эфемерное единство Европы. В 1917 пришел конец (на какое-то время) рус. гос-ву из учебников классич. гимназии, «оперным мужикам» и нац.-правосл. идее. Гражд. война завершила крах соц. устоев многонац. империи. На улицы обеих столиц с окраин России хлынула этнически и социально пестрая толпа. «Желтая угроза», о к-рой так много рассуждали теософы и правые, кажется, осуществлялась не только в сфере политико-идеологической, но и в практике повседневной жизни. Так, в Москве китайцы и др. «нацмены» стали повседневностью, подчас приветствуемой («китайские прачечные», «татарские спины» рабочих и т. д.). Мн. представители рус. интеллигенции впервые открывали тогда для себя неизвестную им Россию «скифов» – «без креста», угаданную А.А. Блоком.

Однако, чтобы объяснить катастрофич. бытие начавшегося XX в., одной Гамлетовой метафоры «вывихнутого времени» уже было недостаточно. В поисках такого объяснения О. М. 1920-х гг. вновь и вновь возвращался к Б., возобновив дискуссию *акмеизма* с символизмом, но уже как «основой» большевистского иск-ва. Поэтому в его статьях в ходу дискуссионные приемы и лексика «буддийских» оппонентов – символизма, теософии, марксизма, сов. газеты. Пользуясь приемами худож. контаминации и деструкции их основных идеологем и филос. концепций, О. М. вынес нелицеприятный приговор Б. «аптекаря Го́ме» (Там же. Т. 2. С. 269). С наиб. ясностью о своей интерпретации формирования совр. сознания О. М. заявил в ст. «Девятнадцатый век» (1922): «Девятнадцатый век был проводником буддийского влияния в европ. культуре. <...> Он был колыбелью Нирваны, не пропускавшей ни одного луча активного познания... <...> Век не исповедовал буддизма, но носил его в себе как внутреннюю ночь, как слепоту крови, как тайный страх и головокружительную слабость» (Там же).

Буддийское мироздание О. М. альтернативно экуменически-классическому: старый мир умирает, уступая место очередному буддийскому «колесу», и поэт, «осколок» этого мира, оказывается «лишним человеком», несмотря на упорные попытки принять новое, не-«векторное» мироустройство. В несовместимости этих традиций, возможно, и выражались гл. мировоззренч. противоречия О. М., мучившие его на протяжении двух десятилетий, отразившиеся в его отношении к Б. и разрешившиеся, в опред. степени, в его филос. поэзии 1930-х гг.

Зарождение «большевизации» нового европ. сознания и общества он возводит к XVIII в., «буддийский» девиз к-рого, в изложении О. М. (Там же. Т. 2. С. 268. С. 276), предвосхищал механистич. лозунг 1-й сов. пятилетки «Техника в период реконструкции решает все!»: «...Из мечты о всемирном блаженстве, воплощаемом как перманентное фойе с буфетом...», как зал ожидания на циклопич. вокзале, на глазах поэта вырастает новое общество и новое сознание, отказавшееся от свободы нравств. выбора во имя мифич. торжества мнимого «духа», на деле оборачивающегося «буддийской» пустотой и «непрерывной конторой» (Там же. Т. 3. С. 170).

Важным связующим звеном между концепцией Б. раннего О. М. и ее последующим развитием представляется образ буддийской мельницы (в 1910-е гг. это – веретено, прялка и т. п.) – ритуального предмета, состоящего из полого цилиндра и пропущенного сквозь него стержня, соединенных таким образом, чтобы цилиндр вращался вокруг оси, производя негромкий ритмичный шум (каждый поворот «мельницы» соответствует прочитанной молитве): «...По линии наименьшего сопротивления: туда, где дают. Застрекотали пишущие машинки, заскрипели перья в розовых и подагрических пальцах. ...Вертелись буддийские мельницы, листы подсчитывала бухгалтерия» (Там же. Т. 2. С. 444). Марксистское (т. е. вульгарно-материалистическое, по О. М) манипулирование содержанием и лексикой свободы уподобляется буддийской мантре. Незаинтересованность монументальной «пролетарской идеи» в конкретном человеке порождает новое иск-во и новый язык, превращенные его создателями в «китайщину» (Там же. Т. 3. С. 169), или в «волапук газеты» (Там же. Т. 2. С. 299). Рус. яз. – «позвоночник», критерий единства культуры, в своей гибкости и изменчивости был для О. М. наследием эллинской культуры, «звучащей и говорящей плотью», разрешающейся в событие: теперь и он тоже – «огромная тяжелая жвачка, рассчитанная на тысячи желудков» (Там же. Т. 1. С. 220, 218). Со временем поэт находит новые грани понимания Б., сохранив стержень, заложенный статьей о Скрябине в основу «буддийской идеи». Мужество поэта и его героя заключалось в преодолении нетерпимости к кардинальным изменениям сознания, раздвоенности этич. и эстетич. позиции, неустанном поиске синтеза старого и нового.

В 1908–20 творчество О. М. испытывало опред. влияние дальневост. (в частности – классич. японской) поэзии (см.:

«Дано мне тело...», «Бесшумное веретено...», 1909). Тантрич. принцип дзен-Б. – прорыв из плена обыденного сознания к вечному, т. е. природе Будды, путем медитации парадокса и шока, – присутствует во мн. стихах этого времени наряду с соответствующими формально-стилистич. характеристиками (присутствие опорных слов, импрессионизм, «бессюжетность» и т. д. – о нек-рых особенностях яп. аллюзий см.: Померанц. С. 195–202).

Безусловно, значительно повлияли на мандельшт. восприятие Б. этого периода и нек-рые идеи европ. философии Нового времени: бергсонизма, экзистенциализма, неокантианства и др. (см.: Нерлер. С. 28–38), а также – антропософии Р. Штейнера (ср.: «Государство и ритм», 1918).

В 1908–10 образы и мотивы Б. у О. М. еще не обладают конкретной, аутентич. семантикой, что, очевидно, определялось тем, что знание идеологем и реалий Б. было воспринято юным поэтом, по-видимому, «из третьих рук» (ср.: образы веретена и окна-занавеси) – популярных изданий, устных пересказов, текстов на иностр. яз. К тому же подавляющее большинство опубл. до 1917 переводов дальневост. поэзии на русский было сделано с европ. яз. (см., напр., следующие антологии: Китай и Япония в их поэзии. СПб., 1896; Песни ста поэтов: Яп. антология (XIII в.). СПб., 1905; Душа Японии. СПб., 1905; Японская лирика. СПб., 1912). Буддийские аллюзии О. М. до 1920 активно проецируются сквозь призму европ. декаданса – в частности, П. Верлена, С. Малларме, Т. Готье (см.: «В морозном воздухе растаял легкий дым...», 1909; «Когда удар с ударами встречается...», 1910). С 1910–11, формально и содержательно изменившись в соответствии с программой акмеизма, стихи поэта отражают значит. концептуальные изменения в образе Б. («Соломинка», 1916), но одноврем. свидетельствуют и о лучшей фактографич. осведомленности О. М. («В Петербурге мы сойдемся снова...»). Однако концепция «буддийской» истории О. М. часто ограничена перевоплощениями «бездушных» существ, жертв верленовского рока-«кармы», стремящихся к нирване («Душу от внешних условий...», 1911), сохраняя «тайные слияния» Б. и с рус. поэтич. аллюзиями («Я в хоровод теней...», 1920).

Б. в статьях 1920-х гг. – закрытая идеологич. система, удовлетворенная отсутствием времени в европ. понимании истории, нирвана же – это «дурная бесконечность» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 218) без масштаба и горизонта, предел, небытие.

Большевистская мечта о создании гос-ва всеобщего счастья на развалинах старого мира дала О. М. толчок к прямой аналогии между сов. устройством общества и тибетским гос-вом, управляемым ламами. Закреплению «ламаистского» образа способствовала и логика мир. истории, как она представлена в статьях О. М. нач. 1920-х гг. В них Б. генеалогически связан, во-первых, с дохрист. цивилизациями – Египтом, Вавилоном и Ассирией. Затем мир не-свободы – включив в себя Византию (христ. традиционализм также почти равен Б.: образ монашеской Византии у О. М. близок образу теократич. Тибета) и старые, но совр. поэту цивилизации Азии – Японию и Китай, достигнув границ Тибета, «свертывается». Тут, у самого основания «азиатской» ист. дуги О. М. – обрыв, обозначенный хтоническими, заимствованными у А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, образами бесовской свадьбы и Вия. Но в таком «фольклорном» безвременьи и «бескультурье» заключена возможность поступательного развития человек. истории и культуры. В этот первичный хаос-океан и должна была отправиться снаряженная поэтом «египетская» ладья.

Парадоксальным образом в статьях О. М. 1920-х гг., с их протестом против влияния Б., создается стройный образ «волновой» цикличности Земли как части буддийского макрокосма и мега-истории. Интересно, что Индия – родина Б., в произведениях О. М. долгое время не упоминается, оставаясь в контексте (по-видимому, типологически роль Индии в Азии во многом совпадала для поэта с ролью древних эллинов в европ. культуре – ср. с «индийской радугой» в стих. «Внутри горы бездействует кумир...», 1936). Зато загадочная и утонченная Япония тождественна Зап. Европе Нового времени (Там же. Т. 2. С. 270). Важен для буддийской темы О. М. и образ Китая – Поднебесной империи. Срединное царство изображалось на др.-кит. картах центром мироздания. Целью кровавого Боксерского восстания 1899–1901, приведшего к длит. гражд. войне, было устранение растущего влияния Запада и, в перспективе, правящей династии. Пекинская резиденция императоров, Запретный Город, была недоступна простым смертным. Эти и др. факты позволили О. М. увидеть ассоциативную связь между Срединным царством и созданием коммунистич. гос-ва. Сов. Москва, по О. М., – это закрытый (или добровольно закрывшийся) для европ. традиции город (Там же. С. 256).

В стихах 1930-х гг., отгалкиваясь от осн. характеристик господствующей идеологии, О. М. как бы проверяет верность

ранее найденного типологич. «сходства» большевизма и Б. Но к 1931, после крушения последних надежд, связанных с построением нового общества, мировидение О. М. претерпевает колоссальные изменения. Они коснулись и образов Б., в частности – танки, с такой любовью перенесенной им в рус. поэтич. мир в 1910-х гг. и с таким негодованием отвергнутой в 1922. Так, в стихах об Армении появляется цепочка хокку – яп. стихотв. жанра, выросшего из жанра танки (хокку состоит из 17 слогов, заключенных в трех строках: соответственно по 5, 7, 5 слогов в каждой). «Снежный конус излюбленной горы, покровительницы японских граверов» (Там же. С. 269) вновь был переложен О. М. в «рус. размер». О. М. сам указывает на происхождение стих. «Холодно розе в снегу...» в его развязке: «Снега, снега, снега на рисовой бумаге, / Гора плывет к губам. / Мне холодно. Я рад...» (Там же. Т. 3. С. 38).

Специфич. характеристики яп. поэзии – «зашифрованность» и контаминация текста, обилие образных ассоциаций, обслуживающих каждое слово, и раньше были отличит. чертой его творчества. Но 1930-е гг. привнесли в стихи О. М. качественно новый уровень подтекста: каждый «буддийский» стихотв. текст поэта несет ярко выраженное содержание рус. гражд. поэзии. Напр., завершилось формирование «буддийской» концепции единства мир. сознания и преемственности – «вспоминаемости» – «перерождаемости» его гл. носителей – поэтов («Не мучнистой бабочкою белой...», 1935; «Стихи о неизвестном солдате», 1937).

Характерно, что к 1931 осн. символы сов. государственности и идеологии стали для О. М. неотделимы от символов «ламаизма». Новая поэтич. «сверхзадача» привела О. М. к поэтич. образу Москвы и Красной пл. как центра «европ.» Б.: «На Красной площади всего круглей земля / И скат ее твердеет добровольный» («Да, я лежу в земле, губами шевеля...» Там же. С. 91).

Для 1930-х гг. символом Красной пл. уже не были снесенные ранее Иверские ворота и знаменитая часовня, символом стал мавзолей Ленина.

В 1930 состоялся перенос тела Ленина из врем. дер. мавзолея в пост. кам. здание, что завершило архит. ансамбль площади – гл. «идеологич.» кладбища страны. Темно-красный гранит, использовавшийся и для здания дацана в Петербурге, и для мавзолея в Москве, а также близость архит. форм последнего и тибетских ступ, несомненно, были связующими

звеньями в процессе создания буддийских метафор О. М. Помещенный в гору кумир вызывает в памяти не только образы гигантских статуй, высеченных в горах Азии, но также гору Сумеру – центр земного мироздания в Б., и буддийско-хтонические сооружения – «обо», или кумирни.

О. М. в стихах 1930-х гг. воссоздал на Красной пл. идеальное «буддийское» сооружение: «молиться» со своими «глиняными» обидами люди шли к Ленину, а поклонялись Сталину – бывшему послушнику, к-рый стал «настоятелем» и главой нового теократич. гос-ва. Образ Ленина как порождения новой эпохи, сына времени, не оставлявший поэзию О. М. с 1917, в нач. 1930-х гг. приобретает откровенно «буддийское» качество.

В СССР не было принято обсуждать этнич. происхождение Ленина. Но раскосые глаза (о возможности знания О. М. калмыцких корней Ленина см.: Гаспаров М. Л. Метрич. соседство «Оды» Сталину // Столетие Мандельштама. С. 101–02) были неотъемлемой частью как изобразит., так и словесных его портретов. Поэтому современникам О. М. довольно просто было увидеть соответствие между кумиром, лежащим в храме-пещере, и мавзолеем с его содержимым. Образ захороненного и бездетного мертвеца-Ленина, продолжающего жить в кумирне на площади, в творчестве О. М. получает свое развитие сначала в образе Вия («Четвертая проза», 1930), затем становится «сморщенным зверьком» в тибетском храме («Полночь в Москве...», 1931), а к середине 1930-х гг. «находит» свои «автохтонные» корни в усыпленном кумире («Внутри горы бездействует кумир...», 1936).

В последнем стихотворении покой нирваны, где не должно быть места страданию, житейской суете, ощущению времени и *пространства*, не принес успокоения тому, кто прежде был человеком. Его сны наполнены всеми признаками чувств. бытия и неизбывным желанием прервать оберегаемый некими силами сон, вернуть утраченное. Функцию хранителей сна поэт отдает «жирным ожерельям», т. е. богатству, перенасыщенности жертвоприношений. Завязанные узлом кости (знаменитая поза лотоса) и просветленное лицо кумира закрепляют «буддийскую» скульптурность стихотворения. Одноврем. поэт находит черты, связывающие «истукана» с недавним существованием в человеч. облике – непрекращающиеся, упорные попытки мыслит. и эмоц. деятельности: «...Он мыслит костию и чувствует челом / И вспомнить силится

свой облик человеческий» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 38). Функции мозга и сердца кумира отданы традиционно несоответствующим «органам», т. к. нужные отсутствуют, причем не по воле самого кумира. Он – обожествленный человек, жертва мумификации, насильственно «сотворенный» кумир.

В 1930-е гг. получают дальнейшее развитие «буддийские» константы-спутники образа Ленина, найденные О. М. в сер. 1920-х гг. – «женственные» образы преходящести, флюидности, потери (уголь, грифель, смола, вода, равнинность и др.), противопоставленные «мужским» и твердым (кремень, железо, гора и т. д.). Семантика «Красной площади» 1930-х гг. закрепляет и ранее сложившуюся у поэта палитру Б., к-рая включает 3 цвета: черный, золотой (рыжий и желтый, как его варианты) и гл. цвет – красный (или малиновый). Преобладание красного спектра на фоне др. глубоких цветов характерно для буддийской иконографии. Кроме того, осн. цвета одежды буддийских монахов – желтый и красный.

Однако к кон. 1930-х гг. «буддийская» палитра О. М. расширяется, отразив изменения в поэтич. пространстве. Если в 1917 противостояние смерти и бессмертия разрешается для поэта и его лирич. героя победой христ. Спасения (Там же. Т. 1. С. 201), то 1930-е гг. приносят мучит. сомнения – «буддийские» стихи содержат немало «если», «может быть» и т. п. («Заблудился я в небе – что делать?..», 1937, и др.). В то же время мн. стихи О. М. с аллюзиями Б. уже лишены подтекста, связанного с сомнениями или страхом («Я скажу это начерно, шепотом...», «Стихи к Н. Штемпель», 1937, и др.).

Лирич. герой О. М. переосмысливает мироздание Б., к-рое из альтернативного, параллельного европейскому, становится не только его неотъемлемой частью, но расширяет горизонт мандельшт. Европы 1910-х гг. до размеров земного шара. Стихи кон. 1930-х гг. несут в себе многослойно инкорпорированные образы: напр., можно отметить интенсивную взаимозаменяемость «буддийских» сфер с традиц. для 1920-х гг. эсхатологич. образами О. М. – библейскими («Тайная вечеря», 1937, и др.), зороастрийскими («Если б меня наши враги взяли...», 1937, и др.), эллинистическими («Гончарами велик остров синий...», 1937, и др.), русскими («На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», 1937, и др.) и германскими («К немецкой речи», 1932, и др.).

В связи с приятием мн. аспектов «буддийского» космоса (включая концепцию социализма ленинского образца)

и целостности нового мира к герою О. М. постепенно возвращается уверенность не только в победе юношеского идеала Земли – золотого шара, равноправного остальным «звездам», но и идеала «золотого сечения», имеющего силу «очеловечивать» холодные «буддийские» сферы, вливая в них горячую кровь: «...Чтобы белые звезды обратно / Чуть-чуть красные мчались в свой дом» («Стихи о неизвестном солдате», 1937). Соответственно усложняются образы Б. – напр., центр. образ нирваны, теряя прямолинейную символику пустого злого неба 1920-х гг., приобретает универсальные черты мир. океана как первозданного хаоса-мироздания (океан без окна, вещество, водяная гора, отвесное озеро и т. д.).

Возможно, что слова поэта, сказанные им в 1934 А.А. Ахматовой: «Я к смерти готов», и были связаны с новым отношением лирич. героя О. М. к небу – непобедимой ранее нирване, наполненной теперь дантовыми сообщающимися сосудами.

Концепция любви-сострадания ко всему живущему постоянно присутствует в стихах 1930-х гг. О. М. по-прежнему нужна любовь созидаящая, любовь-строительство: «...счастливое небохранилище – / Раздвижной и прижизненный дом» («Я скажу это начерно, шепотом...», 1937). Жить (подобно человеку-Будде) и умирать (подобно человеку-Христу) следует только ради маленького земного Человека: именно такое единство и составит «Чистых линий пучки благодарные» («Может быть, это точка безумия...», 1937). Так в 1937 к О. М. возвращаются в измененном, но не изменившемся, виде «чисто русская жажда спасения» из статьи о Скрябине и эллинское безумие, с к-рым он выразил эту жажду: «Торжествует память – пусть ценою смерти... Вспомнить во что бы то ни стало!» (Там же. Т. 1. С. 204).

Лит.: Щербатской Ф. И. Филос. учение буддизма. Пг., 1919; Померанц Г. С. Басе и Мандельштам // Теоретич. проблемы изучения лит-р Д. Востока. М., 1970; Он же. Слово-Психея // Слово и судьба. С. 395; Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977; Григорьева Т. П. Яп. худож. традиция. М., 1979; Агни-Йога. Кемерово, 1990; Маргвелашвили Г. Г. «Не различать меня с жизнью...» (об О. Мандельштаме) // Маргвелашвили Г. Г. «Когда на нас глядит поэт...». М., 1990. С. 45; Мец А. Г., Василенко С. В., Фрейдин Ю. Л., Никитин В. А. Примечания: О. Мандельштам. «Скрябин и христианство» // РЛ. 1991. № 1.

С. 75–76; Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...» // Собр. соч.-2. Т. 3; Нерлер П. О. Мандельштам в Гейдельберге. М., 1994; Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами рос. исследователей XIX – первой трети XX в. СПб., 1998; Черашняя Д. И. Тема мавзолея в творчестве О. Мандельштама // Изв. АН. Сер. лит-ры и яз. 2000. Т. 59, № 4. С. 36–48; Аверинцев С. С. Страх как инициация: Одна тематич. константа поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта. С. 17–23.

Э. Мачерет

ИУДАИЗМ И ЕВРЕЙСТВО. Иудаизм – религия евреев, древнейшая авраамическая религия, оказавшая существенное влияние на *христианство* и *ислам*. Еврейство – историко-этнокультурное понятие, выражающее отношение евреев к своему происхождению и иудейской религии в самом широком смысле.

Поиск и комментирование евр. и иудейских образов и мотивов – очевидных и неявных, частично отмечавшихся ранее, но без необходимой опоры на единый биограф., лит. и культурно-ист. контекст, что во многом было связано с недостаточным вниманием исследователей к отдельным обстоятельствам биографии О. М., а также с медленным общим осмыслением трагических событий и катаклизмов XX в., – становится на рубеже XX–XXI вв. одним из важных компонентов адекватного восприятия как поэтики, так и идеологии О. М. Но даже оставаясь не признанными, иудейские и еврейские образы, преломленные худож. сознанием поэта, задали ту глубину и необычность поэтич. мира О. М., к-рая определила его место в истории русской лит-ры и к-рая не может не ощущаться читателем и исследователем.

Иудейским мотивам в биографии и творчестве О. М., не скрываемым им, а порой и демонстративно обнаруживаемым, уделяла внимание уже Н.Я. Мандельштам (напр., в комментариях к «Канцоне» в «Книге третьей» и др.), вслед за ней – Н.А. Струве (Ср. напр.: Струве. С. 123) и др. Ими была выработана дефиниция, которую можно выразить как: «О. М. – иудео-христ. поэт».

Иудео-христ. проблематика творчества О. М. входит в широкий контекст осмысления иудаизма рус. христ. мыслью кон. XIX – нач. XX в. (В. Соловьев, В. Розанов, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Мейер и др.). Этот процесс параллелен

вхождению первых поколений в различной степени ассимилированных рус. евреев (М. Гершензона, Б. Пастернака, И. Эренбурга, А. Штейнберга, Л. Шестова, М. Шагала и др.) в рус. культуру и непосредственно связан с жизнью и творчеством О. М. Взаимное осмысление соотношений иудаизма и христианства в самых разл. формах и с разл. религ.-филос. позиций в переломные и ощущавшиеся как апокалиптические десятилетия определило важнейшие доминанты рус. культуры рубежа веков и первой пол. XX в.

Переход О. М. из еврейской среды в др., вполне освоенную им и принявшую его культуру имел как общие для евреев начала XX в., так и специфические черты, с разной степенью прямоты отразившиеся в его творчестве. Это было очевидно для тех его современников, к-рые пережили аналогичную эволюцию, но впоследствии выпало из поля зрения осн. круга исследователей. Попытки анализа указанной проблематики предпринимались в ряде работ по истории и культуре вост.-европ. еврейства, однако подавляющее большинство этих работ (см. пополняемую электронную библ. RAMBI Еврейского университета в Иерусалиме) традиционно не учитывалось мандельштамоведением. В последние годы XX в. ситуация начала существенно меняться, как в связи с развитием исследований по рус.-евр. культуре, так и в связи с включением творчества О. М. в контекст худож. достижений европ. евреев – классиков лит-ры и науки 1-й пол. XX в.: А. Бергсона, Г. Когена, Ф. Кафки, А. и С. Цвейгов, Э. Толлера, Я. Вассермана и др. Эта новая ситуация в литературоведении нашла свое отражение, в частности, в работах о выдающемся поэте и переводчике О. М. на немецкий язык П. Целане. Тем не менее еще и сегодня говорить о завершении процесса постижения «родимого омота» О. М. и его отражения в творчестве поэта не приходится.

Многие аспекты отношения О. М. к евр. проблематике, выявляемые в рамках исследований по иудаике, практически не отражены в осмыслении эволюции творчества О. М. традиц. филологией. Они высветляют и подчеркивают те свойства худож. мира и мировоззрения О. М., к-рые до последних лет принадлежали истории и не всегда находили свое место в совр. рус. культуре, неотъемлемой частью к-рой стало творчество поэта и отчасти само мандельштамоведение.

Изучение евр. проблематики, по-разному проявляемой, образно преломленной, нередко амбивалентно окрашенной

(но никогда не приобретавшей черт самоненависти), выраженной часто очень опосредованно, вынуждает исследователей, не связанных с изучением иудаики, избегать прямых трактовок и параллелей, очевидно евр. терминов и понятий, а порой и вовсе не учитывать евр. проблематики. Однако без ее учета невозможно понять и оценить нюансированное, сложное образное, интертекстуальное и идеологическое преломление проблем еврейства и иудаизма в творчестве О. М. и, по-видимому, в его «творческом сознании». Понимание культурно-ист. и лит. преломления евр. проблематики создает возможность углубления знаний о поэтике О. М. и его мировоззрении вообще.

Интерес к собственному происхождению, родословной, взаимоотношениям между иудаизмом и христианством, пропущенный сквозь призму «мировой культуры», прослеживается на протяжении всего жизненного и творческого пути О. М. Иудео-христ. проблематика занимает серьезное место в мемуарной лит-ре о поэте, в частности, из книг Н. М. мы узнаем об интересе О. М. не только к родителям, бабушке и дедушке, но и к «родословной». Интонация, с к-рой Н. М. рассказывает об этом интересе, и тот эмоциональный тон, к-рым, в ее передаче, окрашен данный интерес у самого О. М., представляются весьма существенными. Хотя отношение Н. М. к этим проблемам, повлиявшее на исследователей жизни и творчества поэта, сильно отличается от позиции О. М. Н. М. встретила с О. М. тогда (1919, 1921), когда осн. вопросы, связ. с нац. самоопределением, были поэтом уже разрешены, когда он стал включать в переиздания своих ранних книг все больше текстов, связанных с начальными этапами этих процессов. А первый период совм. жизни О. М. и Н. М. совпадает со временем нач. работы над «Шумом времени» (1923).

Книги Н. М. многие годы являются осн. источником как для рассуждений на эту тему, так и для анализа произв. О. М. Однако из-за христ. происхождения своей семьи она была мало связана с евр. миром и культурой (М а н д е л ь ш т а м Н. (3). Гл. «Отец», «Семья»). Нек-рые мемуаристы указывают, что христ. доминанта в описании жизни и творчества О. М. нарастала у Н. М. с нач. 1960-х гг. по мере усиления христ. настроений самой Н. М. (см.: Г л у с к и н а С. Вдова поэта // Пульс. Хадера (Израиль). 04.06.1998. С. 13).

В исследовательской и критич. лит-ре обсуждение этого аспекта жизни и творчества О. М. началось еще при жизни

поэта и продолжается вплоть до наших дней (см.: Кацис С. С обширной библиографией по теме).

Семейно-родовой и рус.-евр. лит. смысловые слои творчества О. М. уже привлекали внимание и современников поэта (Л. Бруни, А. Горнфельд и др.), и нек-рых мандельштамоведов (М. Каганская, А. Львов, Э. Зихер, Р. Тименчик, Г. Фрейдин и др.). А Д. Сегал прямо писал, что на фоне повременной поэзии, драмы и журналистики оригинальный стиль Б. Пастернака и О. М. «не мог не восприниматься как еврейский» (Сегал Д. Довид Кнут: поэтика и эпоха // Кнут Д. Собр. соч.: В 2 т. Иерусалим, 1997. Т. 1. С. 9).

В последние годы наметились пути системного изучения этого аспекта жизни и творчества О. М. как в традиц. рамках мандельштамоведения, так и в рамках науки о еврействе (иудаики).

Род Мандельштамов, по семейной легенде, берет свое нач. от одного из потомков крупнейшего комментатора Талмуда XI в. РАШИ (Рав Шломо Ицхак). Его родословная, в соответствии с евр. традицией, в свою очередь, возводится к библ. царю Давиду (см.: Кацис Л. Из еврейских комментариев к биографии и творчеству О. Мандельштама // Еврейский книгоноша. 2003. № 4). Начиная с XVII в. корни рода Мандельштамов документально прослеживаются в материалах литовских, а затем и российских архивов уже вплоть до самого О. М. (См.: Баранова, Беляускене), включая первого рус. еврея-студента и переводчика Библии Лейбу-Иегуду Мандельштама, видного сиониста и врача-офтальмолога М.Е. Мандельштама и др.

Предки О. М., как с отцовской, так и с материнской стороны, принадлежали к разл. направлениям иудаизма и еврейства.

Отец принадлежал к выходцам из традиционного иудаизма, примкнувшим к реформистскому движению немецкого типа. Мать поэта относилась к ассимилированным виленским евреям.

Ряд аналитических сведений о роде и происхождении О. М., отличающихся от сообщений Н. М. («Вторая книга», гл.: «Родословная») и подтверждающих сведения Е.Э. Мандельштама, возможно, располагавшего семейными документами, содержатся в работе амер. историка рус. еврейства М. Станиславского (См.: Stanislawski). Амер. исследователь включает «Шум времени» в разряд типичных автобиографий

вост.-европ. евреев, отмечая одновременно сниженный, иронический характер этой прозы О. М.

Род матери Мандельштама – Ф.О. *Вербловской* также известен в совр. рус. и евр. культурах. Его представителями были Паолина Венгерова, автор неоднократно изданных на нем. яз. мемуаров «Воспоминания бабушки» (в пер. на рус. яз. см.: Венгерова), ее дочь, критик и публицист Зинаида *Венгерова*, Семен *Венгеров*.

Отголоски памяти о родовом гнезде О. М. – местечке Жагоры Шавлийского уезда (Шауляй) – присутствуют в «Шуме времени» (1923–24; гл. «Хаос иудейский»), где упоминается некая родственница из этого местечка, «совершенно чужая особа», гостившая нек-рое время в доме Мандельштамов (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 360).

О. М. окончил частное петерб. *Тенишевское училище*, в к-ром не было процентной нормы для евреев, поэтому их доля среди учащихся доходила до 35% (см.: Завалялов-Левинг). В училище функционировали даже неск. сионистских орг-ций разл. толка.

Рожденный в иудейском вероисповедании, О. М. в мае 1911 принял христианство в методистской церкви в Выборге. Об особенностях этого конфессионального выбора пишет М. Станиславский (Stanislavski. P. 85–88), отмечая, что ни в одном своем сочинении О. М. не упоминал и не обсуждал факт своего крещения. Оно было связано с необходимостью преодоления процентной нормы для евреев, установленной при поступлении в ун-т. Крещение в методизм было, наряду с крещением в лютеранство, одним из наиб. нейтральных способов приобретения евреями гражд. прав в императорской России.

Многочисл. попытки С. *Каблукова*, отраженные в его Дневнике, обратить О. М. в православие успеха не имели. И этот, частный, на первый взгляд, факт характеризует этноконфессиональную позицию О. М.

О. М. принадлежал к тем германоориентированным русскоязычным евреям, к-рые ради «входного билета в европ. культуру» были готовы на протестантское крещение, однако сохраняли память о своем еврействе. Эта позиция, восходящая к кругу Г. Гейне, характеризуется представлением, что крещенные в протестантизм евреи в последние времена встретят Машиаха (евр. Мессия) евреями. Евреи, крещенные в протестантизм, не поклонялись иконам и статуям, категори-

чески запрещенным в иудаизме, однако принятым в основн. христианских конфессиях, кроме протестантских, и потому, в соответствии с ортодоксальными представлениями своих родителей, остававшихся в рамках иудаизма, не окончательно отпали от еврейства. Поэтому протестантское крещение являлось во многом знаком сохранения связей с еврейством в той или иной форме, а при разочаровании в своем шаге (как в случае Г. Гейне) позволяло пережить кризис относительно безболезненно. Судьба Гейне была важнейшим и наиб. известным примером такого рода, вызвавшим многочисл. подражания. Наиб. активным пропагандистом «еврейского Гейне» в России был А. Горнфельд (См.: Горнфельд А. Гейне Генрих // Еврейская энциклопедия. Т. VI. Стб. 270–77).

Иудео-христ. двойственность, отмеченная и теми, кто считает О. М. «иудео-христ. поэтом», приводила к яркой эсхатологической окраске его произведений, равно как и произведений литераторов, выбравших для себя описанный путь вхождения в иную европейскую (в случае О. М. – в рус.) культуру. В сочинениях этих литераторов наличествует важный и разветвленный иудейский и евр. слой, к-рый часто не улавливается неподготовленным читателем [Veit Filipp F. Heine: The Marrano Prose // Monatshefte. LXVI (1974)].

Обычно отношение О. М. к культуре и религии характеризуют фразой самого О. М. («Слово и культура»): «Сегодня всякий культурный человек христианин» (Собр. соч.-2 Т. 1. С. 212). Исходя из этого, подавляющее большинство исследователей творчества О. М. рассматривает его тексты, даже откровенно связанные с евр. проблематикой, только с христ. точки зрения. Однако позиция О. М. имеет свою нем.-евр. параллель. Это слова сына лидера нем.-евр. просвещения (Гаскала) Моисея Мендельсона (мл.), к-рый в письме дочери по поводу ее крещения объяснял выбор для нее христ. воспитания в евр. семье тем, что «сегодня все культурные народы христиане».

Многие высказывания О. М. как о предках, так и о евр. быте своей семьи имеют лит. или мемуарные параллели и аналогии, восходящие либо к текстам тех или иных представителей рода Мандельштамов или Венгеровых, либо к произведениям рус.-евр. лит-ры XIX–XX вв., широко использованным О. М.

А. Горнфельд прямо писал в «Еврейском альманахе» в полемической рец. на кн. В. Львова-Рогачевского «Русс-

ко-еврейская литература» (Горнфельд А. Русское слово и еврейское творчество // Еврейский альманах. Худож. и литературно-критический сб. Пг.; М., 1923), что О. М., наряду с нек. др. рус. литераторами евр. происхождения, пришел в рус. лит-ру «с русских (больше с полурусских) окраин, из чужого культурного мира, в их семьях говорили еще на жаргоне, они принесли свои воспоминания, свои навыки, свои языковые неправильности и особенности своего мировоззрения, свои образы» (Там же. С. 193–194). Это писалось в 1923 уже об авторе «Камня» (1913) и «Tristia» (1922), однако до появления «Шума времени» и «Египетской марки» (1927) с их откровенными евр. мотивами и отголосками рус.-евр. культуры. Притом О. М., по его словам в «Шуме времени», «в детстве» не слышал «певучей» идишистской речи (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 361) (иную т. зр. совр. исследователя см.: Городецки й).

Этому высказыванию О. М., однако, противоречат и многие сведения, сообщенные им самим в «Шуме времени», и мемуары о семье поэта, в частности Г. *Иванова* («Петербургские зимы»), вспоминавшего о бабушке О. М. с материнской стороны, вычислявшей время пришествия Мессии. Кроме того, О. М. отмечал, что только его мать первая из всего рода вырвалась на просторы рус. речи. Поэтому речь матери была несколько искусственной (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 361).

Дедушка и бабушка с отцовской стороны, жившие в Риге, были вполне традиц. вост.-европ. по происхождению евреями. Невозможно предположить, что бабушка О. М., знавшая, по его словам, только одно рус. слово «покушали» (Там же. С. 363), и дедушка поэта никогда не говорили при нем на идиш или, напр., на нем. яз.

Речь отца О. М. описывал еще сложнее: как «косноязычие и безъязычие», смесь речи нем. еврея с рус. речью еврея польского, называя его яз. отвлеченным, а синтаксис талмудическим (Там же. С. 361–362). Между тем упоминания евр. яз. отца среди других у О. М. нет. Это впечатление от отцовской речи в «Шуме времени» очень близко к описанию яз. евр. философа Соломона Маймона из его «Жизнеописания» (1792. Рус. пер.: Еврейская библиотека. Т. 2. 2-е изд. СПб., 1890). Яз. и образ мыслей Э.В. Мандельштама возвращал его сына к Гамбургскому гетто XVIII в., где как раз в то время жил Маймон, к-рого называли «еврейским Руссо» (см.: Еврейская энциклопедия. Т. X. Стб. 529). О. М., по-видимому, был знаком с биографией, а возможно, и с кн. Маймона. С этим

может быть внутренне связано внешне не мотивированное упоминание имени франц. энциклопедиста в гл. «Хаос иудейский» «Шума времени» и ряд др. деталей описания мировоззрения Э.В. Мандельштама в «Шуме времени».

Евр.-нем. культурно-религ. ориентация отца поэта объясняет особенности «книжного шкапа» («Шум времени»), «спутника человека на всю жизнь». Первая полка с рус. книгами матери, за к-рыми следовали нем. «кубышки» классиков и под к-рыми находились «руины» иудейских книг, – все это соответствует описаниям кн. шкафов и ящиков рос. евреев-просветителей, список к-рых находим в кн. В.Л. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература». Аналогичные «книжные полки» – нем. и евр. – упоминаются и в кн. мемуаров Э. Толлера.

Евр. детство О. М. описывается им, начиная с посещения С.-Петербургской синагоги, запомнившегося ему неким чадом, долгими сборами, как в концерт, и покупкой билетов чуть ли не у барышников. Будущего поэта, по его словам, оскорбило и показалось пошлым (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 361) упоминание Государя Императора в речи раввина. Мальчику также якобы запомнились «почетные и самые главные» действия евр. филантропов, произведенные «за всех, по доверенности, по поручению всех» (Там же). Явное несоответствие этих сведений происходившему в годы детства О. М. в С.-Петербургской синагоге приводит к выводу, что эта картина вряд ли является отчетливым личным воспоминанием ребенка, хотя традиционно рассматривается именно в таком качестве. Сомнения эти подтверждаются и документально, если принять, что описанные события соответствуют дню открытия синагоги в дек. 1893 (О. М. было тогда около 3 лет), когда участникам события было предписано явиться во фраках, белых рубашках, цилиндрах и белых шарфах. В своей речи раввин почтил память либерального имп. Александра II, при к-ром начались работы по строительству синагоги, и провозгласил здравицу действующему имп.-антисемиту Александру III, к-рый приказал уменьшить здание, по сравнению с проектом, примерно в полтора раза. Это, наряду с закрытием ряда евр. молелен, привело к существенному недостатку мест в синагоге. И даже купцу I гильдии Э.В. Мандельштаму, лишь незадолго до того переехавшему из Варшавы в Павловск, было нелегко получить билет на открытие, если он вообще в нем участвовал. А упомянутые О. М. филантропы внесли, в соответствии с традицией, первый свиток Торы в новую синагогу, что подтверж-

дается документами (Гессен В. К истории С.-Петербургской еврейской религиозной общины. От первых евреев до 20 в. СПб., 2000). По-видимому, эпизод в синагоге является худож. переработкой, контаминацией, быть может, более поздних собственных реминисценций автора и сведений, почерпнутых им из разл. источников.

С.-Петербургская синагога была сооружена в мавританском стиле, характерном для реформистских синагог Западной Европы. Иудеи этого направления рассматривали расцвет евр.-мавританской культуры в Средние века как своего рода Золотой век. Отсюда впечатление «иудейского хаоса» евр. квартала С.-Петербурга, возникшее у О. М., когда тот увидел среди евреев в котелках и фраках и традиционных местечковых хасидов в лапсердаках, и их жен в париках, идущих в ту же самую реформистскую синагогу. Неомавританское происхождение ее архитектурного стиля отразилось в сравнении синагоги в «Шуме времени» с южной смоковницей.

Этот и многие другие эпизоды «Шума времени» являются плодом сложной лит. обработки собственных впечатлений О. М. и многочисл. евр. источников.

То же относится и к описанию ряда эпизодов детства поэта, мн. из к-рых легли впоследствии в основу исследовательских оценок отношения О. М. к еврейству и иудаизму.

В частности, слова о том, что домашний евр. учитель был в доме крайне недолгое время, а евр. азбука очень быстро упала в «иудейский хаос» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 355), стоит рассматривать в рамках противоречивой структуры авторского «Я» прозы О. М., полной не только гипербол, но и литот.

Наиб. часто упоминаемым евр. эпизодом «Шума времени» является сцена, когда дед поэта накрывает его «черно-желтым платком», а внук вырывается и сводит на нет попытки деда заставить маленького мальчика молиться. Этот платок большинство исследователей уверенно называет евр. ритуальным покрывалом (талес, талит). Однако желтый цвет, цвет знака обитателя евр. гетто, запрещен в иудаизме со времен изгнания евреев из Испании (1492). Традиц. цвет талеса – бело-голубой или бело-черный. Кроме того, талес надевают лишь женатые мужчины. Существует также малый талес (талит катан), однако он представляет собой не платок, а накидку с прорезью для головы. Наконец, «родина непонятной отцовской философии» (Там же. С. 362), как называет О. М. дом рижских дедушки и бабушки, никак не могла интересовать

мальчика, способного показать лишь пальцами свое желание уйти за мамой. Данный эпизод является достаточно сложно построенной сценой авангардной прозы. Это относится и к тексту «Шума времени» в целом, и именно знание евр. реалий позволяет увидеть всю его стереоскопичность.

Важной параллелью к эпизоду с «черно-желтым платком» является стих. С. *Парнок* «Мои предки», где сочетание черного и желтого цветов напоминает автору об испанском происхождении предков ее семьи.

Гл. «Шума времени» «Хаос иудейский» заканчивается рассказом о музыке Рижского взморья. Слова О. М. о том, что эта музыка звучала в «грязной еврейской клоаке» (Там же. С. 364), вызвали ряд статей с предположением о т.н. евр. самоненависти О. М.

Однако, как и в подавляющем большинстве случаев, эта фраза имеет свой источник в повременной евр. публицистике. Она восходит к суждению видного философа и сиониста М. Нордау, к-рый оценивал состояние совр. ему евр. общин как «мифетическое болото» (так переводил его слова М.Е. Мандельштам: Мандельштам М.Е. Письмо редактору // Сионистский альманах. 1902-1903. Киев. 1903), а рус.-евр. писатель Бен Ами презрительно говорил о тех, кто называет евр. мир «еврейская клоака» (Сальмон Л. Глас из пустыни. Жизнь и творчество Бен-Ами. М.; СПб.; Иерусалим, 2002).

В этом контексте особое значение приобретает происхождение термина «хаос иудейский». Он восходит к выражению «еврейство хаос» из цикла ранних сионистских статей М. Бубера «Ренессанс современного еврейства» (рус. пер.: Бубер М. Ренессанс совр. еврейства. М., 1919), где таким термином автор характеризует современное состояние своего народа, утверждая, что именно поэтому хаотическое еврейство стремится к синтезу, естественно, мессианскому. С др. стороны, источником «хаоса иудейского» у О. М. послужили, вероятно, тютчевские строки: «...про древний хаос, про родимый... <. . .> под ними хаос шевелится» («О чем ты воешь, ветер ночной?..», 1836). Этот случай является одним из ярких примеров евр.-рус. двойственности поэтики О. М.

Основой многочисл. рассуждений об отказе О. М. от своих корней стала фраза из «Шума времени» о том, что поэт из евр. мира «бежал, всегда бежал» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 345). Однако сама глагольная конструкция с ее незавершенностью и бесконечной повторяемостью указывает, что однозначный

вывод об отношении О. М. к миру его детства и юности на основании одной лишь этой фразы сделан быть не может.

Аналог указанной фразы обнаруживается в кн. Л.О. Пастернака «Рембрандт и еврейство в его творчестве» (1922). Правда, отец Б. Пастернака с улицы нем. курорта, где гуляли традиционные хасиды, евр. купцы и совр. нем. евреи, как позже в «хаосе иудейском», «бежал» в евр. и библ. картины героя своей книги.

Следующая за «Хаосом иудейским» гл. «Концерты Гофмана и Кубелика», помимо своего непосредственного фактического содержания, имеет и специфический евр. подтекст. Имя пианиста И. Гофмана стало символом т.н. «еврейской» манеры фортепьянной игры, отличавшейся особой формальной точностью. Фигуре Гофмана посвящал свои статьи из серии «Эстрада» Э. Метнер. Музыкальная гл. «Шума времени» пронизана образами и терминами полемики в журн. «Золотое руно» и в аналогичных изданиях об эстрадном исполнении нем. музыки евр. виртуозами на рус. концертной эстраде. Polemika о виртуозах-евреях велась в терминах классич. антисемитского трактата Р. Вагнера «Еврейство в музыке». Именно Вагнеру оппонировали многие публицистические и философские соч. М. Нордау («Вырождение» и др.) и работы М. Бубера о евр. искусстве, отголоски и терминологию к-рых О. М. использовал в «Шуме времени».

Гл. «Шума времени» «Музыка в Павловске», равно как и стих. «Концерт на вокзале» (1921), содержат явственные отголоски «Еврейства в музыке».

Т. о., к 1924 сам О. М. построил свое предшествующее творчество в своеобразную «рамку», очерченную «Шумом времени».

Такому подходу соответствует и поэтич. практика О. М., напр. стих. «Из омута злого и вязкого...» (1910, 1927) и «От вторника и до субботы одна пустыня пролегла...» (1915).

В первом стих. образ «злого и вязкого» омута соотносится, начиная с первых работ об О. М. и иудаизме (см.: Р о п е н), с евр. религией, средой, из к-рой поэт «вышел, тростинкой шурша», и предлагаемым, но отвергнутым, вариантом судьбы. Такое толкование, основанное на отрицательных коннотациях «омута» в рус. лит-ре, не учитывает библ. значение «пучины» и «бездны», связанной с изгнанием народа Израиля за его грехи (напр. в: Иезекииль 26, 18), употребляющееся в иудейской среде. В этом случае «выход из омута» оказывается метафо-

рой возвращения в Землю Обетованную из «злого и вязкого омута» изгнания. Такое значение слова встречается, напр., в цикле сионид Зори Бермана, соученика О. М. по Тенишевскому училищу и автора первых статей об *акмеизме* (Берман З., Пергамент М. Пепел. СПб.: Тенишевское училище. 1912). Правомерность приведенной выше интерпретации образа «омута» подтверждается словами из парного стих. «В огромном омуте прозрачно и темно...» (1910), где речь идет о «милом иле», – и строками стих. «Неумолимые слова...» (1910), где уже Христос «никнет в родимый омут», к-рым может быть только иудаизм. В этом омуте «глубина» «торжествовала свой закон». Последнее слово наиб. часто соотносится с иудаизмом, при его противопоставлении христ. благодати.

Еще более явственны иудейские образы в сочетании с образностью сионид в стих. «От вторника и до субботы...». Временной интервал, указанный в стих., точно соответствует определенному в Талмуде кратчайшему сроку чтения недельной гл. Торы иудеями. Эти стихи, как полагает А. Морозов, символически связаны с поездкой О. М. в Варшаву в нач. Первой мировой войны (Морозов. С. 83). Как раз тогда, в янв. 1915, когда нарастали ложные обвинения против евреев в предательстве рос. интересов в прифронтовой полосе, и проводилось их выселение из пограничных районов. Этой ситуации соответствует содерж. недельных глав Торы, к-рые читались в это время в соответствии с иудейским календарем. С них начинается в Пятикнижии история Исхода («...когда случится война, соединится и он [народ сынов Израилевых] с нашими неприятелями...», Исх. 1, 10). Кроме того, строка стих. о ласточках, летящих в Египет, восходит к сиониде И. Бен-Галеви (см.: Mauegs). А сами сиониды являлись специфическим жанром евр. литератур на многих яз., связанным с идеей возвращения евреев в Сион.

Исследователи указывали на возможную связь с определенными талмудическими познаниями О. М. стих. из сб. «Tristia»: «Я изучил науку расставанья...» (1918), «Восьмистишия» (1933–35) и др. (Ковельман А. в комментарии к русскому переводу Талмуда; Нестеров). То, что известно сегодня о биографии, образовании и сфере интересов О. М. за пределами детских лет, заставляет считать, что достаточно систематические, хотя, разумеется, лишь первичные сведения об иудейской традиции все же были получены О. М. в доме родителей. Однако читателям, не знакомым с иудаизмом, такие

сведения кажутся глубокими и обширными. Невозможность представить себе О. М. «глубоким» знатоком иудаизма приводит к отрицанию евр. слоя творчества О. М. вообще, однако не «глубиной» и системностью познаний поэта, а систематическим присутствием евр. и иудейских образов в прозе и поэзии определяется место «родимого омота» в его творчестве.

Стих. «Посох», к-рое традиционно сопоставляется со ст. о *Чаадаеве* (1914), также имеет иудейские подтексты, м. б., сознательно скрытые поэтом за напрашивающимся параллелизмом со ст. о рус. прокатолическом мыслителе, взявшем посох свободы и отправившемся в Рим. В редакциях «Посоха» 1914 и 1927 имеются существенные различия в двух парах строк. «И печаль моих домашних мне по-прежнему чужда» – строка редакции 1927 возводится исследователями (С.С. *Аверинцев* и др.) к Евангелию от Марка. Стих. толкуется обычно без учета того, что в 1914 строка первой редакции «Виноградников домашних не пьянит меня вода» прямых евангельских аллюзий не содержала. Вторая параллель касается последней строки обеих редакций: «Прав народ, вручивший посох мне, идущему на Рим» (1914) и «Прав народ, вручивший посох мне, увидевшему Рим» (1927).

В первом случае слова из Евангелия от Матфея (10, 36; см.: *Аверинцев* в С. 33) являются параллельным местом к кн. пророка Михея, где находятся и строки о виноградниках, к-рые будут плодоносить, однако люди будут пить и не напиваться, есть и не наедаться и т. д. (См.: Михей 7,6). В иудаизме это один из признаков прихода Мессии, восходящий к книгам малых пророков (см. Еврейская энциклопедия. Т. X. Стб. 909–910). Кроме того, евр. талмудическая эсхатология, в отличие от христ., предусматривает приход в мир Мессии сначала из дома Иосифа, гибнущего в Риме, а лишь затем наступает очередь Мессии из дома Давидова, к-рый впоследствии похоронит предыдущего Мессию вместе с пророками в Иерусалиме. Ряд др. образов «Посоха» – таких, как «сердцевина» и «бытие», также находят себе параллели в рамках иудейской терминологии и образности. Значимо и название стих. «Посох». Ибо нем.-евр. фамилия «Мандельштам» переводится с идиш как «ствол миндаля» и заставляет внимательного читателя Библии вспомнить о процветшем миндальном жезле первосвященника Аарона (Числа 17. 1–10), а также о видении пророка Иеремии: «Я сказал: вижу жезл миндального дерева...» (Иер. 1, 11) (ср.: *Сегал* С. 270–71). О происхождении

своей фамилии поэт никогда не забывал, обыгрывая его в стихах и в прозе, что заметил и использовал в стихах П. Целан (Террас В., Веймар К. С. Мандельштам и Целан: пост-скрипtum // Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания. Т. 1: Диалоги и переключки. М., 2004. С. 154). Т. о., имя и фамилия поэта, взятые в контексте иудейской эсхатологии, включаются в библиотопику саморепрезентации автора «Камня».

Не исключено, что «Посох» имеет в числе своих источников и стих. Л.-И. Мандельштама «Вот стоят друзья и братья...» (Стихотворения. 1840), посвященное той же теме и актуализированное для О. М. вновь в 1927 при переработке раннего стих. Кроме того, этот текст приводится в кн. В.Л. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература» (1922).

Своеобразное понимание ситуации еврейства в совр. мире в сочетании с христ. контекстом и особое использование важнейшего иудейского понятия «Храм» отличает стихи О. М. 1916–1917. Стих. 1916 «Эта ночь непоправима...» посвящено памяти матери поэта Ф.О. Вербловской. Размышляя о ее смерти, он упоминает черное солнце, взошедшее «у ворот Иерусалима», где «в светлом храме иудей», «благодати не имея и священства лишены», «отпевали прах жены». Дом ритуальных омовений на С.-Петербургском Преображенском евр. кладбище менее всего может именоваться «светлым храмом» и не вызывает воспоминаний об Иерусалиме. В то же время, согласно традиц. представлениям, в Последние времена, к-рые для иудеев связаны с восстановлением Храма, а для христиан – со вторым Пришествием Христа, произойдет восстание из мертвых как евреев, так и христиан. Поэтому черное солнце апокалипсиса или черно-желтый свет мессианских времен, по пророку Исайе (24, 21–23), менее страшен, чем сегодняшнее «желтое солнце», при котором встреча с матерью невозможна.

Наиб. яркое воплощение образов, связанных с иудейской эсхатологией, находим в стих. «Среди священников левитом молодым...». Традиционно текст датируется нояб. 1917 на основании того, что он был записан на одном листке со стих. «Я знаю, может быть, не хватит мне свечи...», написанном в связи с выборами патриархом Тихона в нач. нояб. 1917.

Первоначально стих. с посвящением А.В. *Карташову* называлось «Иудеям». Это обращение крещеного еврея О. М. с посвящением министру исповеданий Временного прави-

тельства связывает стих. с эсхатологическим пророчеством Исаяи, отразившимся и в Апокалипсисе. Согласно иудейским верованиям, «остаток народа» Израиля спасется после прихода Мессии (Машиаха), а согласно христ. источникам, в Последние времена спасается «весь Израиль» (Рим. 11. 25–27, со ссылкой на Исаяю 59, 20–21; 27, 9), из чьего колена Давидова и должен прийти Мессия. «Методист» Мандельштам в соответствии с евр. законом встретит Мессию евреем. Именно такой человек и мог обратиться одновр. как к своим нынешним, так и к бывш. единоверцам с Вестью. А совмещение эсхатологических ожиданий иудеев, связанное с освобождением Иерусалима и надеждами на восстановление Храма, с апокалиптическими предчувствиями православных времен революций 1917 и гибели «брата-Петрополя», создали специфическую образность и символику стихотворения О. М.

Стих. содержит ряд явно иудейских образов типа «Храм разрушенный угрюмо созидался», не говоря уже о левитах и священниках Храма, совершающих жертвоприношения. Как известно, христ. традиция не предусматривает восстановление иерусалимского Храма и жертвоприношений в нем. «Старцы», считающие «черно-желтый свет», восходящий к эсхатологическим образам пророка Исаяи, «радостью Иудеи», явно приветствуют пришествие иудейского Мессии. А термин «радость Иудеи» подразумевает название иудейского праздника «радость Торы», к-рый завершает цикл осенних праздников, начинающийся неделей покаяния от Рош-Хашана (Нового года) до Иом Кипура (Судного дня). Строка «Уж над Евфратом ночь» отсылает к словам Исаяи, к-рый сопоставляет будущих владык Иудеи с «рекой ассирийскою» – Евфратом (Ис. 8.6). Надо отметить, что этот топоним отсутствует и в оригинале, и в переводах Писания, однако присутствует в Апокалипсисе (Ап. 9.14). Строка из кн. пророка Исаяи встречается в ст. «Силоамская надпись» «Еврейской энциклопедии» Брокгауза–Ефрона (Т. XIV. Стб. 213), в виде: «И за то, что народ отверг воды Силоама... Евфрат потечет через Иудею», а в контексте описания храмового ритуала праздника Суккот, предшествующего Симхат Тора (радости Торы), ритуал возливания воды на жертвенник из Силоамского источника находится в ст. «Силоам» той же энциклопедии (Т. XIV. Стб. 214), что позволяет отнести время создания стих. к осенним евр. праздникам 1917, к-рые отмечались с сер. сент. до нач. окт. Это был период наиб. активных дискуссий вокруг идеи

евр. нац. очага в подмандатной Палестине, к-рые вылились в «Декларацию Бальфура», окончательно принятую 31 окт. 1917. Указанное событие предшествовало входу англ. войск в Иерусалим 26 нояб. 1917. Параллельно входу англичан в Иерусалим имело место и избрание Тихона Патриархом Всея Руси в самом нач. нояб. 1917. Близость этих событий во времени, по-видимому, и привела к тому, что стих., связанное с ситуацией в Палестине, было записано вместе со стих. о Тихоне, оказавшись своеобразной параллелью посвящения министру исповеданий Временного правительства (фактическому на тот момент главе русской церкви) стих. «Иудеям».

Ряд образов и поэтич. особенностей этого стих.: «Он с нами был, когда...», «Он говорил...», «...он долго оставался», – в сочетании с описанием гибели и грядущего восстановления иерусалимского Храма позволяют соотнести его с более ранними сионизмами С. Маршака и Я. Година из сб. «Песни “Молодой Иудей”» (Ялта, 1906).

А. Ковельман в работе «Осип Мандельштам как экзегет» («Сохрани мою речь...»: Вып. 4. В печати) предложил в качестве библич. источника стихотворения кн. пророка Захарии (2. 6–10), повествующую о восстановлении Второго Храма после возвращения евреев из Вавилонского плена. С учетом того, что именно кн. Захарии отразилась в Апокалипсисе, этот источник позволяет увидеть и христ. эсхатологическую перспективу стих., на к-рую обращала внимание Н. М. Подход А. Ковельмана, основанный на чисто иудейских правилах толкования библич. текста, позволяет четче увидеть библич. слой текста О. М., соотнесенный в стих. с конкретными полит. событиями 1917, образной символикой для осмысления к-рых было именно восстановление Второго Иерусалимского Храма. Ведь тогдашние лидеры еврейства Петербурга прямо связывали вход англ. войск в Иерусалим с возвращением евреев из Вавилонского плена: «Перед евреями открывается новая эра. Еврейство сейчас переживает новую эпоху, напоминающую библич. времена, хотя бы возвращение из Вавилона», – говорил в интервью петроградский раввин М.Г. Айзенштадт (Вечер. 30.11.1917) (Цит. по: Сегал Д. «Сумерки свободы»: о нек-рых темах рус. ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее. Ист. альманах. №3. М., 1991. С. 194).

Двойственность эсхатологической позиции О. М. видна и в строках: «Когда стусит свет над венчиком свечи, / Среди левитов тьмы останусь я в ночи», сохранившихся

в архиве С. Каблукова. Этими строками в 1917 начиналось в одном из вариантов стих., связанное с выборами патриархом Тихона и записанное вместе со стих. «Среди священников левитом молодым...».

Эсхатологические символы иудеев занимали О. М. и в более позднее время, когда в стих. «Дайте Тютчеву стрекозу...» (1932) он упоминал бороду Хомякова, торчащую всегда «у ворот Ерусалима».

Связь многих библ. образов О. М. со стихами Хомякова позволила М. Каганской полемически заостренно назвать О. М. «поэтом иудейским» (см.: Каганская). В свою очередь, образ «бороды», торчащей «у ворот Ерусалима», восходит к пророку Исае (22.20–25), говорящем о «ключе от дома Давидова» у этих ворот. Аналогичный сюжет в виде «Легенды из Иерусалимского Талмуда» лежит в основе стихотворения крупнейшего рус.-евр. поэта С. Фруга («Стихотворения». СПб., 1885), чьи произведения, во многом основанные на поэзии Хомякова, по-видимому, оказали влияние на О. М. (Кацис Л. Книга С. Фруга «Стихотворения» (1885) и динамика подтекста в русско-еврейской поэзии // Еврейский книгоноша. 2005. №7. С. 31–39).

Герои «Шума времени», взятые вместе, представляют собой практически все варианты евр. судьбы в тогдашней России: это и евреи, строго придерживающиеся традиц. иудаизма, и еврей-реформисты, и крещеная молодежь, и караимы (члены иудейской секты, не признающие Талмуд), и потомки николаевских солдат-кантонистов, к к-рым семья О. М. ездила в Финляндию, и т. д. То же касается и эпизодов жизни самого О. М., как отраженных в кн. [обучение в школе, свободной от процентных ограничений для евреев («Тенишевское училище»), интерес к марксизму («Эрфуртская программа»)], так и не попавших в нее (формальное протестантское крещение для поступления в ун-т и, наконец, творческое и идейно-филос. сближение с модернистскими, авангардными художественными кругами, не всегда свободными от антисемитизма). В силу психологически понятного и неоднократно описанного внутреннего противодействия все это привело к сохранению ряда евр. компонентов в самосознании поэта и ряда характерных черт социального поведения О. М., типологически свойственных евреям, входящим в новую для них культуру, что, в свою очередь, стало причиной усиления роли евр.-иудейского подтекста в творчестве О. М. Подобная биографическая

стратегия европ. еврея, связанная с постоянным преодолением законодательных, религ. и моральных проблем, переживаемых евреями из-за своего происхождения, и приводящая к формированию специфических культурных позиций у человека, не имеющего прямого доступа в официальные культурные структуры своих стран, однако преодолевающего эти препятствия при сохранении тех или иных форм своего еврейства, обычно именуется евр. «стратегией аутсайдерства». Признаком такого рода стратегии часто бывает явный интерес к христианству, своеобразный евр.-христ. мессианизм художественных сочинений, сочетающийся с написанием откровенно евр. мемуаров о детстве и юности. Именно к таким мемуарам относится во многом и «Шум времени».

Рассказ о детстве и юности О. М. в «Шуме времени» дополняется главами, связанными с событиями Гражданской войны в Крыму («Феодосия»). Этот текст вызвал резко неприязненный «Мой ответ Осипу Мандельштаму» М. Цветаевой, не свободный от антисемитских ноток. Однако при жизни О. М. и М. Цветаевой «ответ» не публиковался.

Заключительная гл. «Феодосии» «Мазеса да Винчи» завершает и цикл, и книгу «Шум времени» (1925), и ряд евр. мотивов прозы О. М. Так, перечень книг в шкафу Мазесы (Моисея), где стояли «испанская Библия, словарь Макарова, «Соборяне» Лескова, энтомология Фабра и путеводитель Бедкера по Парижу» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 400), представляет собой список, явно дополнительный к тому, что был у отца О. М. в «Шуме времени». Одноврем. эта гл. завершает описание культурного мира еврея, типологически близкого О. М.

Следующая большая проза О. М., впоследствии публиковавшаяся вместе с «Шумом времени», «Египетская марка» (1927), – является одним из наиб. сложных текстов поэта. В ст. «Конец романа» (1922) О. М. говорил, что «дальнейшая судьба романа будет ничем иным, как историей распыления биографии», а «мысль прозаика векшей растекается по древу истории, и не нам заманить эту векшу в ручную клетку» (Там же. С. 274, 275). Эта мысль оказывается ключом к «Египетской марке», к-рая выглядит как бы «разлетевшимся» романом евр. писателя Шолом Алейхема «Кровавая шутка» (1911–13), вышедшим по-русски в 1914. Целый ряд упоминаемых в «Египетской марке» персонажей производит впечатление пародийно трансформированных героев «Кровавой шутки». Это и гл. герой романа Шолом Алейхема дантист Григорий

(Герш) Рабинович («страховой старичок» Гешка Рабинович в «Египетской марке»), и тетка Вера П. (лютеранка тетя Вера Пергамент в «Египетской марке»), и Давид Шапиро (Николай Давыдович Шапиро в «Египетской марке»), и Бетти (Лизочка, живущая с Генрихом Яковлевичем Рабиновичем в «Египетской марке»), и Юдифь (в «Египетской марке» это «Юдифь» Джорджоне, к-рая «улизнула от евнухов Эрмитажа»), и жандармский офицер (в «Египетской марке» – ротмистр Кржижановский).

Пародийная трансформация первостепенных фигур «Кровавой шутки» в эпизодических персонажах «Египетской марки», по-видимому, соответствовала идее О. М. о разрушении традиц. романной формы ввиду утраты интереса к судьбе гл. героя, высказанной в ст. «Конец романа».

Характерно, что О. М. вовсе не стремился в 1928, когда вышла в свет не только «Египетская марка», но и сокр. пер. «Кровавой шутки», раскрывать сюжетобразующий подтекст своей прозы. Поэтому он оставил в черновиках «Египетской марки» и некоего Лapidусзона (т. е. сына Лapidуса), и сцену, где обсуждались «чернила» этого персонажа. Между тем Лapidус – герой «Кровавой шутки», к-рый принял христианство для поступления в ун-т в обход процентной нормы для евреев. И он же написал антисемитскую ст., где доказывал ритуальное употребление евреями христ. крови. Это была проблематика дела Бейлиса, легшего в основу романа Шолом-Алейхема. Дело это, судя по воспоминаниям Э. Герштейн, волновало О. М. и вызвало его саркастические комментарии к высказываниям А. Блока, записанные на полях не дошедшего до нас экз. блоковской поэмы «Возмездие».

Ряд сцен «Египетской марки», таких, как сцена самосуда толпы с «загадочным» образом «пуговиц из крови животных» (Там же. С. 476), восходит к «Кровавой шутке», а также – к кн. В.В. Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (1914), посвященной «доказательству» существования у иудеев кровавых жертвоприношений.

Заключительные сцены «Египетской марки», содержащие упоминание «железнодорожного кофия, который готовится по рецепту, неизменному со времен Анны Карениной» (Там же. С. 495), выпитого ротмистром Кржижановским, и мысль о том, что поезд Анны Карениной разрезал пополам историю рус. лит-ры, вновь связаны с «Кровавой шуткой», ибо этот роман является пародией на знаменитый роман Л.Н. Тол-

того. Не всегда соответствовавшее ожиданиям просвещенной и связанной с рус. культурой евр. общественности поведение великого писателя в евр. вопросе (его отказ открыто выступить против творившихся в те годы евр. погромов) нашло свое отражение не только в романе, но и в некрологах 1910, в частности у А. Горнфельда, а также на страницах евр. изданий. Ряд образов «Египетской марки» находит параллели, как отметила Е. Толстая (см.: Аким Волинский в «литературных зеркалах» // Литературное обозрение. 1996. № 5–6), в неопубликованной работе А. Волинского «Рембрандт», где критик пытался доказать евр. происхождение художника. Эта же исследовательница предлагает «поставить вопрос об осмыслении еврейского мира как тайной изнанки имперского Петербурга у Мандельштама» в общий контекст меняющегося в последние десятилетия XX в. восприятия евр. компоненты культуры этой эпохи потомками. К тому же типу «еврейско-рембрандтовских текстов», наряду с кн. Л. Пастернака о Рембрандте и еврействе в его творчестве, следует отнести более позднее стих. О. М. «Как светотени мученик Рембрандт...» (1937) с его образом «Межами сумрака взволнованное племя».

Важным подтверждением обозначенного выше понимания «Египетской марки» и роли киевского евр. подтекста в «петербургской повести» О. М. является заявка на повесть «Фагот» (1929). Жанр этого сочинения О. М. определил как «семейная хроника», сразу же отсылая читателя к «Детским годам Багрова-внука» С.Т. Аксакова. «Киев эпохи убийства Столыпина», совершенного евреем Д. Богровым, отвечал на размышления О. М. о тех, у кого не было детства Багровых-внуков. Главным персонажем повести должен был стать «фагот» Киевской оперы, а сама повесть, в отличие от «Египетской марки», планировалась «строго документальной». В качестве возможной документальной детали укажем на сообщение повременной прессы о том, что пуля Богрова попала в руку «концертмейстеру Бергеру, одесскому еврею».

Вторая часть повести, в отличие от документальной первой, должна была быть посвящена «поискам утерянной неизвестной песенки Шуберта», вводя ист. тему Германии. Возможно, «утраченная» и одновременно «неизвестная» песенка Шуберта, связанная с евр. проблематикой «Фагота», окажется не столько реальным сочинением, сколько знаком, отсылающим к музыкальной критической прозе Г. Гейне «Лютетия», края во многом параллельна «Еврейству в музыке» Р. Вагнера.

Гейне с презрением пишет о тех евреях, к-рые пытаются сочинять нем. музыку, говорит о постоянном нарушении своих авторских прав (это открывает ходы к будущей проблематике «Четвертой прозы» с ее сквозными гейневскими мотивами) и, наконец, издевательски упоминает «песенный хлам» некоего Камилла Шуберта, выдающего себя за родственника великого Франца.

Особое место в евр. образной и сюжетной структуре «Египетской марки» играет ее важнейший персонаж Парнок, чей образ многими нитями связан как с реальным В. Парнахом, так и с его мемуарной прозой «Пансион Мобэр» (Впервые: Диаспоры. Т. VII. М., 2005). Происходя из Таганрога, города, бывшего вне черты евр. оседлости, В. Парнах, в отличие от О. М., сразу же оказался включен в рус. культуру. Ему не пришлось преодолевать трудности нац. самоопределения. Между тем травма, нанесенная делом Бейлиса, и рос. государственный антисемитизм вообще привели к тому, что он оставил пределы России и отправился в путешествие, к-рое включало в себя Париж, Палестину, Америку и вновь, уже после революции, Россию. Невозможность оторваться от рус. яз. заставила Парнаха вернуться на родину. Здесь он издал кн. поэтов – жертв исп. инквизиции, включившись, благодаря этой работе, в неомарранский контекст европ.-евр. культуры в его романском варианте. Фраза Мандельштама «Господи! Не сделай меня похожим на Парнока!» (Собр. соч.-2. Т. 2. С. 486), наряду с прочими возможными толкованиями, основанными на образе «маленького человека» в рус. культуре, свидетельствует о бесполезности побега рус. поэта-еврея от самого себя, включая и практический сионистский биографический эксперимент автора «Пансиона Мобэр».

Явным предшествованием киевских подтекстов и аллюзий «Египетской марки», связанных с киевским делом Бейлиса, являются очерк О. М. «Киев» (1926) с рассказом о «бильярдном мазчике из Петербурга» Гришеньке Рабиновиче и «погромном липовом пухе», и его ст. «Михоэльс» (1926), упоминающая «пластическую славу и силу еврейства», пронесенное через столетия «ощущение формы», в отличие от рассыпающегося романа с его распавшейся отдельной судьбой героя, где уже возникали прообразы будущей «Египетской марки».

Нем.-евр. контекст оказывается ключевым и в «Четвертой прозе» (1929), связанной с именами видных евр. деятелей А. Горнфельда и Д. Заславского.

Имя, к-рым О. М. назвал А. Горнфельда – «дядя Моня», его предложение запретить писателям, для к-рых творчество – это «муки слова», иметь детей, наконец, предложение поставить перед ними «стакан мочи Горнфельда» выдает основной евр. подтекст «Четвертой прозы» – мемуары Г. Гейне в пер. А. Горнфельда. Речь в них идет о некоем «дяде Соломоне» (уменьшительное – Моня), у к-рого не было детей и к-рый думал, что он писатель, писателем не являясь. Кроме того, дядя Соломон не был и врачом, как его отец и старшие братья, однако жительницы города раздражали его, принося склянки со своей мочой. Гейневский подтекст «Четвертой прозы» позволяет обнаружить и истоки высказывания О. М. о том, что он гордится своим происхождением от библич. патриархов и царей. Эта мысль в форме: «Если бы гордость происхождением не противоречила воину революции, моим демократическим убеждениям, я гордился бы тем, что предки мои происходили из благородного дома Израиля...» – приведена в ст. А. Горнфельда «Генрих Гейне» в «Еврейской энциклопедии» (Т. VI. Стб. 275). Важно, что практически вся евр. проза Гейне пришла к рус. читателю в пер. Горнфельда.

Рассуждения О. М. о позорном акте лит. обрезания, к-рый совершили над ним писатели, вкуче с уверенностью, что дело поэта «Бородатые студенты в клетчатых пледах, смешавшись с жандармами в пелеринах, предводительствуемые козлом-регентом, в буйном восторге выводя, как плясовую, “Вечная память”, вынесут <...> из продымленной залы окружного суда» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 175), восходят к заключительным эпизодам дела Бейлиса.

В свою очередь, ст. Горнфельда «Русское слово и еврейское творчество» (1922), в к-рой он относил О. М. к рус.-евр. писателям, была рецензией на кн. В.Л. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература». Еще одним откликом на эту кн. была ст. Д. Заславского «Русская литература и евреи». Оба автора откликов возражали против идеи Львова-Рогачевского считать рус.-евр. лит-рой евр. лит-ру на рус. яз., обращенную к евреям и отражающую лишь нац. ценности. Они считали необходимым включать в число авторов такой лит-ры и евреев-русских литераторов, и евреев-христиан, определяя свой предмет как евр. творчество на рус. яз., независимо от направленности конкретных авторов и тематики их сочинений.

Ряд произведений европ. авторов, о к-рых писал О. М. или на к-рые составлял внутр. редакционные заключения, были

связаны с евр. темой. Это же касается и ряда переводов О. М., в частности перевода романа Б. Лекаша «Радан великолепный» (1928). В предисловии О. М. к этой кн., атрибутированном Д. Сегалом переводчику, хотя и остающемся до сего дня *dubia*, сказано: «Против антисемитизма возросла и окрепла новая французско-еврейская литература... Еврейское происхождение писателя отнюдь не служит критерием для причисления к этой группе... Литературное творчество, ощущающее себя французско-еврейским, зародилось внутри французской литературы, не отделяя себя от нее, как одно из закономерных ее проявлений» (Там же. Т. 2. С. 450–451).

В тот момент, возможно из литературно-полемических соображений, О. М. придерживался позиции В. Львова-Рогачевского, т. е. относил себя в качестве автора предисловия к евр. лит-ре на рус. яз. В то время как Д. Заславский и А. Горнфельд были сторонниками рассмотрения в качестве евр. творчества всей лит-ры, созданной лицами евр. происхождения на рус. яз., включая сюда и творчество евреев, полностью отказавшихся от своего еврейства. Эта позиция Горнфельда была провозглашена в той самой ст., где О. М. назывался рус.-евр. поэтом. Исторические обстоятельства «дела Уленшпигеля», где А. Горнфельд обвинял О. М. в плагиате, сложились, однако, так, что на писательском суде В. Львов-Рогачевский оказался судьей, принявшим сторону противников О. М. и бывших своих науч. оппонентов. А. Горнфельд, напр., с глубочайшим презрением писал об оценке в кн. В.Л. Львова-Рогачевского «Русско-еврейская литература» творчества Л.И. Мандельштама, важного, по-видимому, для О. М.

Творчество этого одного из самых первых рус.-евр. литераторов было попыткой перехода с евр. и нем. языков на рус.

Д. Заславский был автором еще одной важной для О. М. работы того же времени – развернутой рец. на сб. статей с предисл. М. Бубера, к-рый назывался «Современные немецкие писатели-евреи». Следы этой рец. просматриваются в «Четвертой прозе» (Кацис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002. Гл. «Современные немецкие писатели-евреи» Д. Заславского и предисловие О. Мандельштама к книге Б. Лекаша «Радан Великолепный». С. 435–445).

«Четвертая проза» включает в себя и цитаты из анонимно изданного перевода О. М. пьесы Э. Толлера «Человек-масса» (М.; Пг.: Гос. Изд-во, 1923). А.Г. Мец атрибутировал этот перевод О. М. по отрывку из него, опубли. в газете «Московский

понедельник» (1922. № 2). «Человек-масса» является вторым сочинением в цикле, начинавшемся пьесой «Преображение», где нем. художник-еврей под влиянием Первой мировой войны переживает нац. и личностный кризис, становясь в своих глазах новым Мессией, объединяющим евреев и христиан. В свою очередь, статьи О. М. 1922 «Революционер в театре» и «Гуманизм и современность» связаны с идеями нем.-евр. философа П. Наторпа о кризисе европ. культуры и соц. оптимизме. Цитата из пьесы нем. экспрессиониста важна для понимания евр. подтекста «Четвертой прозы», ибо и она, и рец. О. М. на кн. Б. Лекаша полемически отвечают на ст. Д. Заславского о нем. писателях-евреях, большинство к-рых представляли именно экспрессионизм. Здесь свойства т. н. франко-евр. лит-ры противопоставлялись тем чертам нем.-евр. лит-ры, на к-рые указывал Д. Заславский. Однако ни его имя, ни кн. «Современные немецкие писатели-евреи» в статье О. М. не назывались.

Укорененность лит. дискуссий по нац. вопросу в полемике вокруг экспрессионизма подтверждается и тем, что знаменитые строки М. Цветаевой «В сем христианнейшем из миров / Поэты – жида!» восходят к манифесту О. Флаке из журн. «Меркур» [Flake O. Die Grossn Worte // Der neue Merkur. Jg. 4 (1920–1921)], где аутсайдерство экспрессионистов в совр. обществе сравнивается с изгойством евреев в мире. Т. о., размышления О. М. в «Четвертой прозе» и в ряде связанных с ней текстов попадают в общеевропейский синхронный культурный контекст, ибо именно активное участие евреев, как национально ориентированных, так и ассимилированных, в экспрессионистском движении требовало своего настоящего осмысления как раз в 1920-е гг. (*Mittelmann H. Judische Expressionisten: Identität im Aufbruch – Leben «im Aufschub» // Judische Selbstwahrnehmung. La crise de conscience de l'identité juive. Tübingen, 1997*).

Если учесть, что многие обертоны «ответа Осипу Мандельштаму» М. Цветаевой на его «Шум времени» восходят к сочинениям Розанова времен дела Бейлиса, то после «Египетской марки», осмыслявшей дело Бейлиса в контексте идишистского романа «Кровавая шутка», «Четвертая проза» оказывается заключит. этапом осмысления зрелым О. М. своего еврейства на широком фоне современной ему рус. и европ. культуры XX в.

Следующей большой прозой О. М. явилось «Путешествие в Армению» (1931–32), страну, которую поэт назвал «субботней».

Это наименование подтверждается специфически библ. игрой слов, отмеченной Э. Зихером (см.: S i c h e r). Исследователь указал, что ключом к пониманию ситуации оказывается имя министра просвещения Армении – Аскназ Аршакович Мравьян. Это имя (Аскназ=Ашкеназ) восходит, наряду с назв. символического для армян Арарата (к к-рому, к тому же, по Библии, пристал и Ноев Ковчег), к названиям трех древних народов: Ашкеназ (впоследствии – евр. назв. Германии и европ. евреев), Арарат и Сефарад (впоследствии – евр. назв. Испании), – упомянутых в Библии. Т. о., проезд в страну Ноева Ковчега европ. еврея-ашкеназа О. М., внутренне ориентированного на Золотой век исп. еврейства, понятого нем. евреями-реформистами XVIII–XIX вв. в качестве Золотого века истории еврейства вообще, завершало для О. М. основной евр. сюжет его прозы 1920 – нач. 1930-х гг. Именно такое понимание «страны субботней, которую Арменией зовут» объясняет написание здесь «Канцоны» (1931). Строка «я скажу села начальнику евреев» в «Канцоне» объясняется, исходя из того, что во времена О. М. происхождение «реш гелута» – «вождей изгнания» евреев Армении возводилось к тому же царю Давиду, что и происхождение рода О. М. «Прозорливец», т. е. пророк Самуил (Шмуэль) получил от Псалмопевца – Давида «дар», отраженный в его Псалмах: Самуил наряду с Моисеем и Аароном будет встречать в Последние времена Мессию. В свою очередь, строки из варианта «Канцоны», посланного в «Лит. совр.», где уже «Псалмопевец» получил дар от «Прозорливца», связаны с помазанием Давида на царство Самуилом, к-рый научил царя еще и играть на киноре. Образы «зрения», «бинокля», «прозрения» параллельны внутр. форме ивритского слова «нави» – «пророк», восходящей к «зрению». А то «завтра», к-рое может «увидеть» поэт («Неужели я увижу завтра...»), связано, помимо очевидного автобиографического аспекта, с эсхатологическим контекстом.

Еврейско-апокалиптическая линия творчества О. М. найдет свое завершение в «Стихах о неизвестном солдате» (1937), где многочисленные цитаты из Библии, Апокалипсиса, европ. поэтов-визионеров будут соседствовать с цитатами из евр. молитв на Судный День (Иом кипур) (см.: К а ц и с . С. 141–49).

Существенное количество евр. и иудейских образов и терминов содержат шуточные стихи О. М., особенно сонет, написанный, возможно, вместе с Б.К. *Лившицем*, «На Моховой семейство из полесья...» (1924–25), посв. Д. *Выгодскому*.

Иудейские и евр. образы поэзии О. М. до рубежа тысячелетий практически игнорировались лит. наукой и основной массой читателей. Выражения типа «хаос иудейский» или «грязная еврейская клоака» часто отталкивали национально мыслящих евреев от О. М. Попытки целостного анализа еврейства О. М. резко критиковались, отвергались или игнорировались в науч. печати, даже когда они принадлежали Н. М. (Аверинцев С. Так почему же все-таки Мандельштам? // Новый мир. 1998. № 6).

В то же самое время в комментарии к стихам 1930–37 Н. М., говоря о стих. «Канцона», высказала мысль, важную для глубинного понимания творчества О. М., «... к еврейству Мандельштам приходит через европейскую мысль и культуру. Это не возвращение по зову крови, а приход вместе с тем европейским миром, в котором он жил» (Мандельштам Н. (3). С. 161). Эта мысль в сочетании с мнением М. Зенкевича: «...Вы знаете, когда я о нем думал, что он по векам там бродит и так далее – Мандельштам... Так ведь это от того, что еврейская-то кровь древнее нашей, мы-то в свое время еще скифами где-то были... А они Рим и все это... Это у них, так сказать, в крови, они бродят по своей истории, правда?..» (М. Зенкевич, запись В. Дувакина // О. и Н. Мандельштамы), – ярко описывает полюса осмысления еврейства и иудаизма в жизни и творчестве О. М., задавая координаты и демонстрируя возможности постижения трудной и спорной темы.

Динамический процесс осмысления творчества О. М. в рамках изучения евр. и иудео-христ. составляющей рус. и европ. культур является одной из актуальных областей науки об О. М.

Лит.: Еврейская энциклопедия. Брокгауз–Ефрон: В 16 т. СПб., [1911]; Каганская М. Осип Мандельштам – поэт иудейский // Сион. № 20. 1977; Мандельштам Н. (3); Аверинцев С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Соч.Т. 1.; Морозов А. Мандельштам в записях дневника С.П. Каблукова // ЛО. 1991; Струве Н. Осип Мандельштам. Томск, 1992; Завьялов-Левинг Ю. Тенишевцы Владимир Набоков, Осип Мандельштам, Самуил Розов: пересечения // Русское еврейство в зарубежье. Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. I (VI). Иерусалим, 1998; Сегал; Баранова Г., Беляускене Р. Леон и Осип из династии Мандельштамов (по документам Государственного исторического архива Литвы) // Евреи в меняющемся мире. Материалы

4-й международной конф. Рига, 2002; Кацис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М., 2002; Венгерова П. Воспоминания бабушки. М.; Иерусалим, 2003; Городецкий Л. Мандельштам и язык идиш // Материалы Одиннадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конф. по иудаике. Ч. 2. М., 2004; Нестеров А. Иконография и поэзия, или Комментарий к некоторым текстам Мандельштама, написанный на основе emblemata // НЛО. 2004. № 67; Ronen O. Mandelshtam Osip Emylyevich (1891–1938?) // Encyclopaedia Judaica. Yearbook 1972. Events of 1972. Jerusalem, 1973; Sichev E. Jews in Russian Literature after the October Revolution. Writers and Artists between Hope and Apostasy. Cambridge, 1995; Mayers D. An Aspect of Metamorphosis in Mandelshtam // Elementa. Vol. 3. № 1. 1996; Stanislavski M. Autobiographical Jews. Essays in Jewish Self-fashioning. Seattle; L., 2004. Ch. 3: Two Russian Jews. Moshe Leib Lilienblum and Osip Mandelstam.

Л.Ф. Кацис

ИНТЕРНЕТ, междунар. компьютерная сеть, предоставляющая своим клиентам виртуальный доступ к размещенной в ней информации и возможность виртуального общения. Существует с 1982. Подавляющее большинство упоминаний О. М. в И. – это справочно-энциклопедич. статьи или предложения электронных книжных магазинов. Вместе с тем встречаются и произв. О. М. – в составе ряда электронных б-к или сайтов, вывешенных в html- или pdf-формате. Наиб. серьезным из такого рода изд. О. М. в И. является собр. стихов О. М., подготовл. С. Винницким и размещенное на сайте «Б-ки Максима Мошкова»: www.lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM. Оно подготовлено на базе Соч. и Собр. соч.-2, но не содержит переводов, большую часть промежуточных ред. и коммент. Это же собрание размещено и на ряде др. сайтов (напр., «Рисунок акварелью»: www.kulichki.com/~risunok/literatu/silver_age/mandelstam или «Мир Марины Цветаевой»: www.ipmce.su/~tsvet/WIN/silverage/mandelshtam/verse.html. Т. 1 из Соч. находится в составе корпуса, подготовл. Ин-том рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН: irlras-cfml.rema.ru/mandels.htm. Тот же Винницкий свел тексты сб. О. М. «Камень» (1913) и «Tristia» (1922) по оригинальным изданиям 1913 и 1922 и с сохранением старой орфографии; они вывешены на сайте «Рус. виртуальной б-ки» (rvb.ru/rtl/oldrus/cp1251/mand_orig.html, rvb.ru/rtl/

oldrus/utf8/mand_orig.html), а также, с более совершенным дизайном, – в б-ке А.А. Никитина-Перенского «ImWerden»: www.imwerden.de/mandelshtam.html. Корпус «Tristia» воспроизводится и в коллекции электронных текстов Вирджинского ун-та: <http://etext.lib.virginia.edu/cyrillic/mandelstam/> – с предисл. и коммент. Б.А. МакЛеланда. Тексты даются на рус. яз. (в кириллице и в транслитерации), в виде факсимиле соответствующих страниц оригинального издания и в переводе на англ. яз. Избр. стихи О. М. (как правило, без указания источников) встречаются и в др. б-ках, напр. в б-ке «Ковчег» (www.perfilov.narod.ru/ser_poetry/mandelshtam.htm), на сайте «Друзья и партнеры» www.fplib.ru/literature/20century/mandelshtam.html или на сайте М. Школьниковой «Стихия: лучшая поэзия»: www.litera.ru/stixiya/authors/mandelshtam.html (этот сайт, в свою очередь, лег в основу др. сайтов, напр. «Классика.Ru»). На сайте «ImWerden» – наиб. полная на сегодня коллекция прозы О. М., в т. ч. и репринт «Египетской марки» (1928). Отд. прозаич. произведения встречаются на портале «Грамота.Ru» (www.gramota.ru/lsec.html?branchid=1&authorid=24) и на сайте «Мир Марины Цветаевой». Очерки и критич. статьи О. М. вывешены в «Б-ке Александра Белоусенко»: belousenkolib.narod.ru/Mandelshtam/MandelshtamO.html. В И. можно встретить мемуарную и критич. лит-ру об О. М. Так, «Воспоминания» Н. М. впервые появилась на сайте «Общий текст» (text.net.ru/arch2.html), а ее «Вторая книга» [по тексту Мандельштам Н. (2)] – на сайте А. Белоусенко: belousenkolib.narod.ru/Mandelshtam/MandelshtamN.html. Тексты Э.Г. Герштейн встречаются значит. реже (в частности, на сайте журнала «Знамя» – месте ее 1-й публ.: magazines.russ.ru/znamia/1998/2/gerstn.html). Кн. И.В. Бушман «Поэтич. иск-во Мандельштама» подготовлена С. Винницким в 2001 для «Б-ки М. Мошкова». На портале «Грамота.Ru» вывешены рец. С.Я. Парнок на «Камень» (1916) и рассказ В.Т. Шаламова «Шерри-бренди». Отдельные статьи и рец. см. также на анонимной «персональной» странице «Мандельштам Осип Эмильевич»: mndlstam.chat.ru. Также имеется опись архива О. М., хранящегося в *Принстонском университете*.

На ряде веб-страниц содержатся коллекции переводов из О. М. на иностр. яз. Так, на англ. яз. О. М. представлен переводами И. Шамбата в «Б-ке М. Мошкова»: (lib.ru/POEZIQ/MANDELSHTAM/tristia_engl.txt), А. Клейна (сайт

«Данте и другие: поэзия и проза»: www.tonykline.free-online.co.uk/Mandelstam.htm) и Э. Бонвера (сайт «Страницы любителей поэзии»: www.poetryloverspage.com/poets/mandelshtam/mandelshtam.html – содержит переводы Э. Бонвера, Д. и Т. Каршtedтов). Страница Э. Бонвера содержит 36 стих. в оригинале и в переводе на нем. яз. (без указания имени переводчика): home.arcor.de/berick/illeguan/mandell.htm. Систематич. сведения об О. М. и его переводах на англ. яз. содержит портал «To day in Literature»: www.todayinliterature.com/biography/osip.mandelstam.asp.

В И. можно встретить и др. материалы об О. М. Так, в б-ке «ImWerden» можно найти все 10 стих., сохранившихся в авт. исполнении О. М., а также стихи О. М. в исполнении Л.К. Чуковской и Ю.М. Нагибина. Галерею фотографий О. М. можно посмотреть на личном сайте Г. Фрейдина в Стэнфордском ун-те, США: www.stanford.edu/~gfreidin/courses/188/mand1.htm.

В 1999 в И. в составе сайта книжного магазина «Графоман» впервые появилась страница *Мандельштамовского общества* (МО) www.openweb.ru/mandel/. Самостоят. сайт МО был воссоздан И.Б. Делекторской в 2002 и размещен по адресу: www.mandelstam.by.ru/. На сайте размещалась информация о деятельности МО и *Кабинета мандельштамоведения* РГГУ, об изданиях, конференциях и др. событиях, связанных с О. М. С 2002 веб-дизайнер сайта МО – В.Б. Литвинов (его новый адрес: www.rvb.ru/mandelstam/m_o/). Со временем на базе сайта МО планируется формирование отдельного И.-портала, посвященного О. М. В 1999 П.М. Нерлер высказал идею междунар. проекта «Воссоединенный Интернет-архив Осипа Мандельштама». В настоящее время над его подготовкой работают П. Нерлер, Д. Бэйнз (Оксфорд), А. Козьмин и В. Литвинов.

Лит.: Нерлер П., Шапиро Н. Рус. лит. сайты в Интернете и дигитальный проект «Воссоединенный архив Осипа Мандельштама» // РМ (Париж). 2000. № 4318. 18–24 мая. С. 15; Нерлер П. Рукописи из корзины. В Принстоне планируется дигитальный проект «Воссоединенный архив Осипа Мандельштама» // Моск. новости. 2000. № 46. 14–20 нояб. С. 23.

П.М. Нерлер, А.А. Никитин-Перенский

ПРОСТРАНСТВО, одна из фундамент. категорий худож. мира О. М. и одна из безусловных доминант его мировосприятия. Широта и смысловое многообразие отражающей П. образности значительно превосходят аналогич. содержат. модели, выражающие категорию *времени*, вследствие чего можно утверждать, что для худож. сознания О. М. пространств. начало универсума преобладает над временным. Пространств. символика устойчиво присутствует на протяжении всего творч. пути О. М. в авт. худож. произведениях и переводах, лит.-критич. текстах, дет. стихах и переписке и формируется как комбинация собственно топографич., культурно-ист. и личностно-экзистенц. начал.

Прямых свидетельств о влиянии конкретных науч. систем на формирование натурфилос. воззрений О. М. не зафиксировано. Исследователи высказывали предположения о его знакомстве с разл. источниками представлений о пространств.-временном строении мира – от науч.-поп. взглядов К. Фламариона (см.: Р о н е н О. К сюжету «Стихов о неизвестном солдате» // *Slavica Hierosolymitana*. 1979. Vol. IV), излож. в его кн. «Рассказы о бесконечном» (1872; рус. изд: По волнам бесконечности: Астрономич. фантазия К. Фламариона / Пер. с франц. В. Ранцева. СПб., 1894) до открытых лекций сов. физика Л.И. Мандельштама, прочитанных в Москве в 1932–34 (см.: Р е й ф и л д Д. Мандельштам и звезды // Филол. зап.: Вестник лит.-ведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2). Неоднократно упоминается в прозе О. М. А. Эйнштейн и теория относительности, однако сведений о прямом знакомстве О. М. с его трудами нет.

Ряд биогр. деталей позволяет допускать, что О. М. был осведомлен о последних достижениях в физике, астрономии и математике – именно по этим науч. дисциплинам он предполагал продолжить обучение после окончания *Тенишевского*

училища: 13.8.1907 им было подано прошение о зачислении вольнослушателем естеств. отд. физ.-матем. ф-та Имп. Санкт-Петербургского университета, отозванное 8.10.1907 (см.: Мец А. Г. Избр. даты жизни О. Э. Мандельштама // Камень. 1990. С. 366). В данной связи интересно письмо О. М. к В. И. Иванову (13.8.1909), использующее и астрономич., и матем. образность: «Ваша книга прекрасна красотой великих <...> астрономич. систем. <...> И только дыхание Космоса обвеваает вашу книгу, сообщая ей прелесть <...>. У вас в книге есть одно место, откуда открываются две великих перспективы, как из постулата о параллельных две геометрии – Эвклида и Лобачевского» (Собр. соч.-2. Т. 4. С. 14–15). Влияние на формирование натурфилос. взглядов О. М. могли оказать прослушанные им в период обучения в Гейдельбергском университете (1909–10) лекции нем. философов Г. В. Виндельбанда и Э. Ласка, посв. истории философии и, в частности, учению И. Канта (см.: Нерлер. 1994 (1). С. 36–38, 72–73). Косв. подтверждением этого может служить появляющийся в акмеистич. манифесте О. М. «Утро акмеизма» (1912; 1913? 1914?) образ «мировой клетки, к-рую с помощью своих категорий построил Кант» (Собр. соч.-2. Т. 1. С. 179). Также немаловажно, что Ласк считается учителем М. Хайдеггера – автора одной из самых глубоких и ориг. филос.-культурологич. концепций П. в XX в. В это же время значит. влияние на мировоззрение О. М. оказала концепция творч. эволюции А. Бергсона, однако в большей степени это касается не столько П., сколько категории времени. Источником совр. науч. представлений о П. могло быть для О. М. в 1-й пол. 1910-х гг. общение с С. П. Каблуковым, к-рый после окончания матем. отд. физ.-матем. ф-та С.-Петерб. ун-та (1906) был оставлен для науч. работы на кафедре астрономии и геодезии и одноврем. с этим преподавал математику и астрономию (см.: Мец А. Г. Комментарии // Камень. 1990. С. 356). Возможно, в нач. 1930-х гг. мандельшт. взгляды на П. испытали опред. воздействие со стороны А. Белого: по свидетельству современника, в это время О. М. упоминал «о Коперниковом видении мира, связывал свои новые постижения с Коктебелем. Мне показалось, что многое из его слов было навеяно на этот раз беседами с Андреем Белым» (Герштейн. С. 46).

Независимо от конкретных науч. воззрений на пространств.-врем. строение универсума на протяжении своего творч. пути О. М. последовательно создает глубоко индивид. образ П., с одной стороны, возникающий, развивающийся и

функционирующий в соответствии с мифопоэтич. представлениями о нем и, с др. стороны, в полной мере отражающий худож. и биограф. опыт самого автора. Важнейшим качеством П. в мандельшт. модели мира выступает его динамизм, способность к пребыванию в пост. движении, изменяющемся состоянии, что отражено в «Путешествии в Армению» (1931–32) в образе «живой грозы, перманентно бушующей в мироздании» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 194). Представления о динамич. свойствах П. формируются в худож. сознании О. М. с нач. 1920-х гг. и достигают максимального проявления в 1930-е гг.

Гл. проявлением динамизма П. является его способность к пребыванию в сжатом, свернутом состоянии. Характерный пример реалистич. изображения компрессир. П. содержит описание в «Путешествии в Армению» Аштаракской ц., где «север, запад, юг, восток <...> не находят себе места. Кому же пришла идея заключить пространство в этот жалкий погребец, в эту нищую темницу» (Там же. С. 207). Значительно чаще описания свернутых форм П. у О. М. предельно метафоричны, как, напр., в очерке «Яхонтов» (1927): «предмет, с к-рым Яхонтов ни за что не расстанется, – это пространство, к-рое он носит с собой, словно увязанным в носовой платок портного Петровича, или вынимает его, как фокусник яйцо из цилиндра» (Там же. Т. 2. С. 460); близким образом описывается восприятие Крыма начальником феодосийского порта в мемуарных заметках «Феодосия» (1923–24), Каменноостровского просп. в «Египетской марке» (1927) и др. Специфич. худож. особенностью смысловых конструкций, отображающих компрессир. состояние П., выступает их предельная визуализация, обязат. присутствие зрительности, – как, напр., в метафорич. восприятии географ. карты героем «Египетской марки», к-рый «полагал, что аквамариновые и охряные полушария <...> заключают в себе сгущенное пространство и расстояние» (Там же. С. 467). Исключительно способным к наделению признаком компрессированности выступает образ *города* – один из гл. пространств. элементов мандельшт. модели мира: «Все города русские смешались в моей памяти и слиплись в один большой небывалый город» (Там же. С. 246).

В равной степени П. в худож. мире О. М. оказывается способным и к расширению, разворачиванию вовне [«Я <...> гордился пространством за то, что росло на дрожжах»; «И висят городами украденными <...> / Растяжимых созвездий шатры»

(«Стихи о неизвестном солдате», 1937)], однако изображения процесса разрастания П. встречаются значительно реже и в более метафорич. формах, чем состояние свернутости. Способность П. к «расширению» предопределена свойств. ему качеством избыточности, что прямо отражено в текстах О. М.: «И тянется глухой недоразвиток <...> / Понять пространства внутренний избыток» («Преодолев затверженность природы...», 1934); ср. в «Разговоре о Данте» (1933): «Пространство как бы выходит из себя самого» (Там же. С. 78, 228). Как и в случае с компрессир. моделями, максимальной способностью к расширению, разрастанию обладает образ города; именно так представлен в поэзии О. М. Рим: «Природа – тот же Рим и отразилась в нем. / Мы видим образы его гражданской мощи / В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде роши» («Природа – тот же Рим...», 1914). Наиб. полным отображением подобных представлений становится урбанистич. пассаж в «Разговоре о Данте», где город практически полностью уравнивается с космосом, становится равновелик ему: «Для изгнанника свой единственный, запрещенный и безвозвратно утраченный город развеян всюду – он им окружен. <...> Итал. города у Данта <...> – эти милые гражданские планеты – вытянуты в чудовищные кольца, растянуты в пояса, возвращены в туманное, газообразное состояние» (Там же. Т. 3. С. 250).

Важной особенностью худож. мира О. М. является повыш. степень антропоморфизации П., наделения его признаками и качествами, присущими человеку, вплоть до включения в набор собственно пространств. координат одной из самых сильных человеч. эмоций: «Страх <...> координата времени и пространства» (Там же. Т. 2. С. 494). Семантич. конструкции, проводящие идею опред. тождественности человека и универсума, впервые появляются в творчестве О. М. в нач. 1920-х гг., а с нач. 1930-х гг. становятся устойчивыми и широко представл. мотивами. Чаще всего антропоморфизация затрагивает образ города, к-рый может прямо именоваться человеком: «морщинистых лестниц уступки <...> / Поднял медленный Рим-человек» («Рим», 1937). Развернутые случаи полного отождествления П. и человека встречаются довольно редко – см., напр., характеристику Каменноостровского просп. в «Египетской марке»: «это легкомысленный красавец, накрахмаливший свои две единственные каменные рубашки, и ветер с моря свистит в его трамвайной голове. Это молодой

и безработный хлыщ, несущий под мышкой свои дома, как бедный щеголь свой воздушный пакет от прачки» (Там же. С. 473). К этому же смысловому ряду принадлежат и характерные для творчества О. М. 1930-х гг. случаи «метонимич.» антропоморфизации: «Я говорю за всех с такою силой, / Чтоб небо стало небом» («Я больше не ребенок!...», 1937); «Мир, который как череп глубок» («Чтоб, приятель и ветра и капель...», 1937) и др.

Значительно чаще уподобление пространств. форм человеку происходит по сходству «осуществляемых» этими формами действий; напр.: <Армения> «отвернулась со стыдом и скорбью / От городов бородатых востока» («Закутав рот, как влажную розу...», 1930); ср. обращение к Франции: «Наклони свою шею, безбожница» («Я молю, как жалости и милости...», 1937). Еще один тип антропоморфизации – определение форм П. через характеристики, устойчиво применяемые только по отношению к человеку, см., напр., о Петербурге: «Самолубивый, проклятый, пустой, моложавый!» (Там же. С. 43). В то же время в худож. мире О. М. прослеживается и противоположная ситуация – «наделение» пространств. признаками и качествами человека, оказывающегося способным «наполняться» П., вмещать его в себя: «Одиссей возвратился, пространством и временем полный» («Золотистого меда струя...», 1917); «И когда я наполнился морем – / Мором стала мне мера моя» («Флейты греческой тэта и йота...», 1937); «О, этот медленный, одышливый простор! – / Я им пресыщен до отказа» («О, этот медленный, одышливый простор!...», 1937). Возможен и крайний случай, когда человек полностью «трансформируется» в пространств. формы: «Я хочу, чтоб мыслящее тело / Превратилось в улицу, в страну» («Не мучнистой бабочкою белой...», 1935–36); см. более метафорич. и относящееся, скорее, к П. культуры: «в книгах ласковых <...> / Воскресну я сказать, что солнце светит» (<Ода>, 1937), – и «зеркальное» ему: «И много прежде, чем я смел родиться, / <...> Я книгой был» («К немецкой речи», 1932). Предельно явно представления о взаимосвязи П. и человека выражены О. М. в «Разговоре о Данте» при характеристике «Одиссеевой песни»: «Эта песнь о составе человеческой крови, содержащей в себе океанскую соль. Начало путешествия заложено в системе кровеносных сосудов. Кровь планетарна, солярна, солонна... <...> Обмен веществ самой планеты осуществляется в крови» (Там же. С. 238). Сближение П. и человека получает максимальное выражение

и в «Стихах о неизвестном солдате» (1937), где индивидуум и космос не только оказываются взаимопроницаемы, но и в опред. смысле последовательно уравниваются, становятся абсолютно тождественны друг другу.

Прямым следствием антропоморфизации П. является наделение его статусом своеобраз. участника диалога с лирич. героем текста: «Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье» («Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...», 1937); «Я молю <...>, / Франция, твоей земли и жимолости» («Я молю, как жалости и милости...») и т. п. Такого рода содержательные конструкции связаны еще с одним индивид. качеством, к-рым обладает П. в худож. мире О. М., – семантизацией, наличием смысла и, как следствие, собств. «языком» – см. метафорич.: «Язык булыжника мне голубя понятней, / <...> течет рассказ подков / По звучным мостовым» («Париж», 1933); «И вы, часов кремлевские бои, – / Язык пространства, сжатого до точки» («Наушники, наушнички мои...», 1935); «Я <...> уже никогда не раскрою <...> / Прекрасной земли пустотелую книгу» («Я тебя никогда не увижу...», 1930), – вплоть до совершенно явного: «Моя страна со мною говорила» («Стансы», 1935). В свою очередь, семантизация П. м. б. связана с его опред. зависимостью от творч. начала – см. программное: «И, если подлинно поется / И полной грудью, наконец, / Все исчезает – остается / Пространство, звезды и певец!» («Отравлен хлеб, и воздух выпит...», 1913); при этом сам худож. текст способен быть равнозначным универсуму – см. характеристику япон. танки: «...она не миниатюрна, и было бы грубой ошибкой благодаря ее краткости смешивать ее с миниатюрой. <...> Она никак не относится к миру, потому что есть сама мир и постоянное внутреннее вихревое движение внутри атома»; ср. о «Божественной Комедии» Данте: «...вся поэма представляет собой <...> кристаллографич. фигуру, то есть тело. <...> Немыслимо объять глазом или наглядно себе вообразить этот чудовищный по своей правильности тринадцатитысячеграник» (Там же. Т. 1. С. 97; Т. 2. С. 269; Т. 3. С. 227).

Последнее обстоятельство позволяет говорить еще об одной специфич. черте мандельшт. мира – наличии вербального П., что прямо выражено в связи с фигурой В.Н. Яхонтова, для к-рого слово – «это второе пространство» (Там же. Т. 2. С. 460). Формирование образа вербального П. приходится, вероятно, на сер. 1920-х гг.; так, на выступлении 8.3.1926 на семинаре в Гос. ин-те истории искусств О. М. рассуждал о замк-

нутости П. в стихотв. тексте (см.: Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из восп. Четыре повести. Л., 1989. С. 7–9). Представления о вербальном П. наиболее отчетливо выражены самим автором при описании творчества *Данте Алигьери*: «Задолго до Баха <...> Алигьери построил в словесном пространстве бесконечно могучий орган и уже наслаждался всеми его мыслимыми регистрами»; в неоконч. заметке «<О Чехове>» (1935) соединяются вербальный и космич. аспекты текста: «воронкообразный чертеж дантовской Комедии, с ее кругами, маршрутами и сферич. астрономией» (Собр. соч.-2. Т. 3. С. 225, 414). Метафорич. процесс вербализации П. двунаправлен – не только текст наделяется пространств. признаками (ср. замечание о поэмах Г.А. *Санникова*, к-рые «похожи на ранние географические карты с неосвоенными пространствами»), но и само П. может приобретать качества текста [как в черновых набросках к «Путешествию в Армению»: «Горизонт дан в форме герундивума» (Там же. С. 273, 387)].

В наборе универс. координат П. (стороны света, горизонталь и вертикаль и т. п.), представл. в мандельшт. мире, выделяется специфически изображаемое расстояние: особая роль отводится ему уже 1910-е гг. и сохраняется на протяжении всего творч. пути О. М. С одной стороны, расстояние может восприниматься как некая величина, самостоят. по отношению к П., «внеположная» ему – см. о геогр. карте: «Уважение к ильинской карте осталось в крови Парнока еще с баснословных лет, когда он полагал, что аквамариновые и охряные полушария <...> заключают в себе сгущенное пространство и расстояние» (Там же. Т. 2. С. 467). Семантич. самостоятельность расстояния сохраняется и при указании на отсутствие этой координаты, причем как для компрессир. худож. форм П. («Весь Батум, как на ладони. Не чувствуется концов-расстояний»), так и для развернутых («Тамерланова завоевательная даль стирает всякие обычные понятия о близком и далеком» (Там же. С. 227; Т. 3. С. 387). С др. стороны, расстояние способно выступать в качестве эквивалента П. – ср. метафорич.: «Я без пропуска в Кремль вошел, / Разорвав расстояний холстину» («Средь народного шума и смеха...», 1937). Наконец, в ряде случаев расстояние, сохраняя свою пространств. основу, становится не только метафорой, но и прямым заместителем времени, необходимого культурной традиции для освоения творч. наследия художника: в ст. «О собеседнике» [1913 (1912?), 1927] О. М. так определяет поэтич. произв.: «Этим строкам, чтобы

дойти по адресу, требуется астрономич. время, как планете, пересылающей свой свет на другую», – и там же говорится: «Не об акустике следует заботиться: она придет сама. Скорее о расстоянии» (Там же. Т. 1. С. 188, 187). В этом же значении О. М. использует расстояние при характеристике творчества И.Ф. Анненского: «Всю мировую поэзию Анненский воспринимал как сноп лучей, брошенный Элладой. Он знал расстояние, чувствовал его пафос и холод» (Там же. С. 226). Образ расстояния метафорически переносится и в экзистенц. план – см. его появление в черновых редакциях к «Египетской марке» в ситуации познания расстояния «от себя до чужих глухариных миров», и в сферу межличностного общения, сохраняя свое положит. значение, – см. письмо О. М. к В.В. Гиппиусу (14.4.1908): «С давнего времени я чувствовал к вам особенное притяжение и в то же время чувствовал какое-то особенное расстояние, отделявшее меня от вас» (Там же. Т. 2. С. 576; Т. 4. С. 11).

Еще одной важной индивид. характеристикой П. в мандельшт. мире выступает пустота, образ к-рой, как и в случае с расстоянием, устойчиво присутствует во все периоды творчества О. М. Одним из источников появления этой характеристики могли послужить воззрения Бергсона, в частности, в работе «Творческая эволюция» определявшего П. как однородную пустую среду, бесконечную и бесконечно делимую. Др. вероятным источником данного образа могут быть «Философич. письма» П.Я. Чаадаева с их изв. сопоставлением России с пустотой, пробелом, ничто (см.: Чаадаев П. Я. ПСС и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 330–331). Образ пустоты неоднократно появляется уже в ранних стихах О. М. в сюжетно обусловл. ситуациях, как, напр.: «Пустует место. Вечер длится, / Твоим отсутствием томим» («Пустует место. Вечер длится...», 1909) и мн. др. Тогда же пустота становится устойчивой характеристикой образа неба – прямой («Напрасно вечером зияла / Небес золотая пустота» [«В смиренномудрых высотах...», 1909]), – и метафорич. [«... немая вышина, / Как пустая башня белая» («Скудный луч холодной мерою...», 1911)], сохраняющейся на протяжении всего творчества О. М., вплоть до изображения неба в «Стихах о неизвестном солдате»: «Миллионы убитых задешево / Протоптали тропу в пустоте». Пустота может осознаваться как некая форма существования универсума вообще: «Твой мир, болезненный и странный, / Я принимаю, пустота!» («Слух чуткий парус

напрягает...», 1910), при этом пространств. природа пустоты для О. М. столь значительна, что она ощущается даже при характеристике психологич. состояния лирич. героя текста: «Паденье – неизменный спутник страха, / И самый страх есть чувство пустоты» («Пешеход», 1912).

В абсолютном большинстве случаев признак пустоты прямо или опосредованно соотносится с категориями смерти, ущербности, недостатка, направл. на человека, – ср. характеристику моноспектакля Яхонтова: «Основная тема “Петербурга” – это страх “маленьких людей” перед великим и враждебным городом <...> страх пространства, стремление заслониться от набегающей пустоты» (Там же. Т. 2. С. 461). Отчетливее всего негативная природа пустоты проявляется в случаях «поглощения» ею П. и его субститутов и объектов – петерб. Дворцовой пл. в очерке «Кровавая мистерия 9-го января» [«царь рухнул, дворец стал гробом и пустыней, площадь – зияющим провалом»] или России в картине мира одного из героев «Феодосии» («в этом ландшафте был провал, образовавшийся на месте России. Черное море надвинулось до самой Невы; густые, как деготь, волны его лизали плиты Исаакия» (Там же. С. 242, 399)]. Одноврем. с этим, как проявление абсолютной пустоты, принимающей непространств. форму, воспринимал О. М. образ ада в «Божественной Комедии»: «Неправильно мыслить *inferno* как нечто объемное, как некое соединение огромных цирков, пустынь с горящими песками, смердящих болот, вавилонских столиц и докрасна раскаленных мечетей. Ад ничего в себе не заключает и не имеет объема, подобно тому как эпидемия, поветрие язвы или чумы, – подобно тому как всякая зараза лишь распространяется, не будучи пространственной» (Там же. Т. 3. С. 250).

Лит.: Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983; Он же. О «психофизиологич.» компоненте поэзии Мандельштама // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Иссл. в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995; Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии О. Мандельштама. М., 2003.

С.Г. Шиндин

Библиография, архивы
и архивные росписи

3.

Методические материалы к библиографии

1. ЦЕЛИ

Работа над библиографией преследует две близкие, но не тождественные цели:

- а) создание библиографии как самостоятельного и стремящегося к исчерпывающей полноте произведения;
- б) создание библиографии – составной части МЭ, с учетом того, что в ней могут оказаться востребованной не вся, а только часть собранной библиографической информации.

Поэтому первоочередной творческой задачей является первое, второе же – достигается механически из первого.

2. МАКРОСТРУКТУРА

Библиография делится на следующие четыре макрораздела:

I. ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

I А. Произведения О.Э. Мандельштама

I Б. Литература об О.Э. Мандельштаме

- 1) монографии;
- 2) монографические сборники;
- 3) статьи в неперіодических изданиях;
- 4) статьи в периодических изданиях;
- 5) интервью.

II. ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

II А. Переводы произведений О.Э. Мандельштама

II Б. Литература об О.Э. Мандельштаме

Вопрос о выделении в особый раздел библиографии Н.Я. Мандельштам отпадает по следующей причине: ее произведения автоматически попадают в литературу об О. М., а рецензии на ее произведения – также автоматически учитываются. Тем самым «выпадут» только ее «тарусские рассказы».

Библиографические описания в разделах II А и II Б строятся по тем же принципам, что и в разделах I А и I Б с поправками (если это необходимо) на особенности языка издания.

3. ПРИНЦИП ПОСТРОЕНИЯ МАКРОРАЗДЕЛОВ

В разделах I А и I Б действует хронологическо-алфавитный принцип (сначала – деление по годам, внутри каждого года – по алфавиту).

В случаях разделов II А и II Б вперед выдвигается деление по языкам публикаций (последовательность самих языков дается по алфавиту).

4. ОБРАЗЦЫ СХЕМ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

В разделах I Б и II Б выделяются заглавными буквами: фамилия автора – при описании авторских монографий. заглавие – при описании коллективных монографических сборников.

1. Схема библиографического описания монографии

Фамилия Инициал*. Заглавие: Подзаголовок / Сведения о составителях или редакторах. Место издания: Издательство, год издания. Количество страниц. («Серия»). (Прочее).

Если существуют рецензии на данную монографию, то после описания монографии даются описания рецензий (см. ниже) в алфавитном порядке.

2. Схема библиографического описания статьи в сборнике или периодическом издании

Фамилия Инициал. Заглавие: Подзаголовок / Сведения о публикаторах и проч. // Название периодического издания

* В разделе I А имя Мандельштама не указывается (зато указывается – в самом конце описания – в поле «прочее» – характер подписи под произведением, поскольку ряд публикаций подписан инициалами, а некоторые и псевдонимами).

или сборника (Место издания, если нужно). Год издания. Номер. Том. Страницы. (Прочее.)

3. Схема библиографического описания сборника

Заглавие: Подзаголовок / Сведения о составителях или редакторах. Место издания: Издательство, год издания. Количество страниц. («Серия»). (Прочее).

Необходимо отметить, что помимо общего описания сборника каждая его статья описывается и как отдельная библиографическая единица.

4. Схема библиографического описания рецензии

Фамилия Инициал. Заглавие: Подзаголовок: [Рец. на кн.: Автор Инициалы. Заглавие: Подзаголовок. Место издания: Издательство, год издания. Количество страниц. («Серия»)].

Ответственные исполнители:

П.М. Нерлер, И.Б. Делекторская, М.В. Соколова

Редактор А.Т. Никитаев

Издания произведений
О.Э. Мандельштама,
монографии и статьи
о жизни и творчества поэта
(1999–2003 гг.)

1999

- Воронежские тетради: Стихи. Воспоминания. Письма. Документы / Сост. В.А. Свительский. Воронеж: Изд-во им. Е.А. Волховитинова, 1999. 574 с.
«Я тяжелую память твою берегу...» / Публ. А. Смольевского // Нева. 1999. № 3. С. 193–198.

* * *

- БАРЗАХ А. Обратный перевод. СПб.: Митин журнал, 1999. 420 с.
ГАРИН И. Серебряный век : В 3 т. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 3: Гумилев, Мандельштам, Цветаева. 815 с.
ЕЖОВА Е. Лингвистические средства организации звукового мира в поэтических текстах О. Мандельштама: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т., 1999. 253 с.
КАРПОВ А. Осип Мандельштам: Жизнь и судьба. М.: Ун-т Дружбы народов, 1999. – 192 с.
КУЗИН Б. Воспоминания, произведения, переписка. МАНДЕЛЬШТАМ Н. 192 письма к Б.С.Кузину. СПб: Инапресс, 1999. 800 с.
Рец.: *Золотоносов М.* Памятник неизвестному писателю: Н. Мандельштам и Б. Кузин. Двойной портрет в интерьере тоталитаризма // Московские новости. 1999. 20–26 июля.
МАНДЕЛЬШТАМ Н. Воспоминания / Подгот. текста Ю. Фрейдина; Предисл. Н. Панченко; Примеч. А. Морозова. М.: Согласие, 1999. 552 с.
МАНДЕЛЬШТАМ Н. Вторая книга / Подгот. текста С. Василенко; Предисл. и примеч. А. Морозова. М.: Согласие, 1999. 750 с.
ФОН МЕКК Г. Как я их помню / Пер. с англ. Б. Никитина. М.: Фонд им. И.Д. Сытина, 1999. 336 с.

* * *

- Амелин Г., Мордерер В.* А вместо сердца пламенное mot: (Об одном метаязыковом элементе русской поэзии Серебряного века) // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 204–217.
- Амелин Г., Мордерер В.* Орфоэпия смерти: Хлебников – Пушкин – Мандельштам // Постскрипtum (СПб.; М.). 1999. № 1. С. 192–209.
- Антонов И.* Поэтика названия и временные мотивы книги О. Мандельштама «Шум времени» // Инновационные проблемы филологической науки и образования. Уфа, 1999. С. 83–84.
- Асракадзе Л.* Цветовая лексика в поэтических произведениях О. Мандельштама // Край Воронежский: Межвуз. студен. сб. Воронеж, 1999. Вып. 3. С. 7–14.
- Бельская Л.* Об одной «тройчатке» Осипа Мандельштама: Семантический анализ // Studia Metrica et Poetica: Памяти П.А.Руднева. СПб., 1999. С. 148–157.
- Волжанинова С.* В память погибших литераторов // Северная звезда (Чердынь). 1999. 5 авг. С. 4.
- Воронцов А.* «И мальчики кровавые в глазах...» // День литературы: Газета русских писателей. 1999. № 5 (23). С. 6.
- Гандельсман В.* Сталинская «Ода» Мандельштама // Новый журнал (Нью-Йорк). 1999. Кн. 215. С. 311–319.
- Гандельсман В.* Подтверждающий эпитет // Октябрь. 1999. № 8. С. 169–173.
- Гаспаров Б.* Развитие или реструктурирование: Взгляды академика Т.Д. Лысенко в контексте позднего авангарда (конец 1920–1930-е годы) // Логос. 1999. № 11/12. С. 21–36. (В частности, идеи Мара и Мандельштам: с. 32–35.)
- Гаспаров М.* Техника мозаического монтажа у раннего Мандельштама // История кино: Методология киноведения. Кино и другие искусства. Кино в пространстве культуры. М., 1999. С. 149–162.
- Гаспаров М., Ронен О.* О. Мандельштам. «Сумерки свободы»: Опыт академического комментария // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58, № 5/6. С. 3–9.
- Герштейн Э.* Поэт поэту – брат // Знамя. 1999. № 10. С. 132–157.

- [Герштейн Э.] На фоне всех ревизий века: Беседа Ирины Врубель с Эммой Герштейн // Зеркало (Тель-Авив). 1999. № 9–10. С. 3–33.
- Рец.: *Оборванель И.* Разве мама любила такого? // Солнечное сплетение (Иерусалим). 1999. № 9. С. 143–144.
- Данин Д.* Нечаянное счастье Осипа Мандельштама // Наука и жизнь. 1999. № 7. С. 70–77.
- Дашевская О.* Идеи русской космической философии в поэтическом мире О. Мандельштама: Поэтика эволюционной темы // Проблемы литературных жанров: Материалы IX Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Томского государственного университета, 8–10 дек. 1998 г. Томск, 1999. Ч. 2. С. 110–115.
- Жолковский А.* О неясной ясности: Логоцентрические заметки на полях стихотворения Мандельштама «Не сравнивай: живущий несравним...» // Звезда. 1999. № 2. С. 177–191.
- Золотоносов М.* Памятник неизвестному писателю: Н. Мандельштам и Б. Кузин. Двойной портрет в интерьере тоталитаризма: [Рец. на кн.: КУЗИН Б. Воспоминания, произведения, переписка. МАНДЕЛЬШТАМ Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999] // Московские новости. 1999. 20–26 июля.
- Каган Ю.* [Рец. на кн.: ГЕРШТЕЙН Э. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998] // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 418–422.
- Капинос Е.* О некоторых чертах «фактурности» в стихах Баратынского и Мандельштама // Литературное произведение: сюжет и мотив. Новосибирск, 1999. С. 149–162.
- Кауцис Л.* «Книжный шкаф» отца, «черно-желтый» цвет иудаизма и русско-немецкий неомарранизм в творчестве О. Мандельштама // Вестник еврейского университета: История. Культура. Цивилизация. 1999. № 2 (20). С. 92–128.
- Кауцис Л.* Кровь черновиков // Окна (приложение к газ. «Вести») (Тель-Авив). 1999. 2 сент.; 9 сент.; 16 сент.; 23 сент.
- Кауцис Л.* Осип Мандельштам и еврейская Варшава 1914 года: Из комментариев к стихотворению «От вторника и до субботы...» // Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojcieh Zalewski. Stanford, 1999. С. 61–76.
- Кауцис Л.* «У ворот Иерусалими...»: Об одном общем мотиве у А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Белого // Oh, Jerusalem! (Pisa; Jerusalem). 1999. С. 211–220.

- Корницкая Н., Мишевцева Т.* «Великая энергия сопротивления». К столетию со дня рождения Надежды Яковлевны Мандельштам // Литературная газета. 1999. № 44 (5764) (3–9 нояб.). С. 9.
- Кривошеина Н.* Нежданная встреча в Ульяновске: А.А. Любичев. Два письма к Н.Я. Мандельштам // Звезда. 1999. № 10. С. 118–129.
- Кружков Г.* Рубище певца: Мандельштам и Йейтс // Новый мир. 1999. № 8. С. 196–206.
- Крышук Н.* «Я предлагаю тебе герб: стакан с кипяченой водой» // Первое сентября. 1999. № 20 (20 апр.).
- Кукулин И.* Мандельштам и Москва: [Рец. на кн.: ВИДГОФ Л.М. Москва и Мандельштам: Книга-экскурсия. М.: Корона-Принт, 1998] // Знамя. 1999. № 8. С. 222–225.
- Кушнер А.* Заметки на полях // Арион. 1999. № 1.
- Левинтон Г.* Город как подтекст (из «реального» комментария к Мандельштаму) // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998 [1999]. С. 730–755.
- Левинтон Г.* Душа ведь женщина (Из комментариев к «Летейским стихотворениям» Мандельштама: «Когда Психея-жизнь спускается к теням...») // Studia Metrica et Poetica: Сб. ст. памяти П.А. Руднева. СПб., 1999. С. 265–277.
- Левинтон Г.* «Романистика» Мандельштама // Единство и многообразие романского мира. Язык, искусство, культура: Тезисы международной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения академика Г.В. Степанова (1919–1999). СПб., 1999. С. 31–34.
- Лекманов О.* Из комментариев к мандельштамовским текстам // Художественный текст и культура: Материалы и тезисы докладов на международной конференции, 13–16 мая 1999 г. Владимир, 1999. С. 107–109.
- Лекманов О.* Осип Мандельштам и поэзия Вячеслава Иванова: Заметки к теме // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Тверь, 1999. С. 107–111.
- Ликович Я.* Я сидел за его партой...: Неопубликованная глава из повести «Слово о Тенишевском училище» // Новое русское слово. 1999. 16–17 января. С. 42.
- Лопачева М.* «Теперь не время бояться радикализма»: 18 век в откликах О. Мандельштама на революцию // Текст: узоры ковра: Научно-методический семинар «Textus»: Сб. ст. Вып. 4. Ч. 17: Общие проблемы исследования текста. СПб.; Ставрополь, 1999. С. 55–60.

- [Мандельштам Н.] Три письма Надежды Мандельштам к Алексею Суркову / Публ. С. Шумихина // Окна (Приложение к газ. «Вести») (Тель-Авив). 1999. 2 дек. С. 34.
- Месс-Бейер И.* Мандельштам и Пушкин: Уроки свободы // Russian Language Journal: Commemorates the 200th anniversary of the bert of A.S. Pushkin. 1999. Vol. 53 (Winter-Spring). С. 275–328.
- Мочульский К.* Проза Мандельштама: [Рец. на кн.: МАНДЕЛЬШТАМ О. Шум времени. Л.: Время, 1925] // МОЧУЛЬСКИЙ К. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск: Водолей, 1999. С. 246–247.
- Наппельбаум И.* Слепая ласточка // Гамбургская мозаика: Научно-популярный и литературный альманах. 1999. № 3. С. 104.
- Насрулаева С.:* [Рец. на кн.: ВИДГОФ Л.М. Москва Мандельштама. М.: Корона-Принт, 1998] // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 405–407.
- Нерлер П.* Без киллеров и банкиров // Общая газета. 1999. 14–20 янв. С. 9.
- Нерлер П.* Мандельштам и вандалы // Русская мысль. 1999. № 427 (27 мая–2 июня). С. 10.
- Нерлер П.* О документах О. Мандельштама в Принстонском университете // Вестник архивиста. 1999. № 2–3 (50–51). С. 107.
- Нерлер П.* О Принстонском архиве Осипа Мандельштама // Русская мысль. 1999. № 4287 (7–13 окт.). С. 12; № 4288 (14–20 окт.). С. 12; № 4289 (21–27 окт.). С. 12.
- Нерлер П.* Четвертые Мандельштамовские чтения // Русская мысль. 1999. № 4259 (25 февр.–3 марта). С. 15.
- Никитина Т.* Материал и мир в поэзии О.Э. Мандельштама 1908–1925 годов // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 1999. Вып. 3. С. 72–80.
- Никитина Т.* Пушкинская цитата и мифологема «овечьего» в лирике О. Мандельштама 1908–1925 гг. // Национальный гений и пути русской культуры: Пушкин, Платонов, Набоков в конце XX века. Омск, 1999. Вып. I. С. 95–98.
- Никольский А., Поболь Н.* Как их везли // Железнодорожное дело. 1999. № 2–4. С. 43–47.
- Оборванель И.* Разве мама любила такого? [Рец. на журн.: Зеркало. Тель-Авив, 1999. № 9–10.] // Солнечное сплетение (Иерусалим). 1999. № 9. С. 139–145 (об опубликованном

- в журнале «Зеркало» интервью И. Врубель-Голубкиной с Э. Герштейн С. 143–144).
- Онаниян Г.* «Муза двадцатого века», или О пересечениях судеб в искусстве и жизни // Кольцо А (Москва). 1999. Вып. 9. С. 210–232.
- Осват А., Ронен О.* Камень веры: Тютчев, Гоголь и Мандельштам // Тютчевский сборник II. Тарту, 1999. С. 48–55.
- Переяслов Н.* Подражая Скуле и Ерошке: Заметки по поводу одного из «оправдательных» стихотворений Осипа Мандельштама // Десна (Брянск). 1999. № 9. С. 80–82.
- Подкорытова Т.* Ночные похороны солнца: Осип Мандельштам о смерти Пушкина // Национальный гений и пути русской культуры: Пушкин, Платонов, Набоков в конце XX века. Омск, 1999. Вып. I. С. 69–75.
- Попов О.* «Золотистого меда струя...» // Русская речь. 1999. № 1. С. 25–27.
- Прокофьева В.* «Язык пространства, сжатого до точки...»: «Узор» как метафора мира в поэзии О. Мандельштама // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. Оренбург, 1999. № 1(11). С. 20–26.
- Радзишевский В.* Чад небытия // Литературная газета. 1999. № 51/52. С. 9.
- Рогацкина М.* «Стихи о неизвестном солдате» О.Э. Мандельштама: Черты поэтического стиля // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск, 1999. С. 80–83.
- Руднева Е.* Метрико-семантическое единство «Второй книги» стихов Осипа Мандельштама // *Studia Metrica et Poetica*: Сб. ст. памяти П.А. Руднева. СПб., 1999. С. 131–147.
- Свительский В.* Одолевшая время: Завтра исполняется 100 лет Н. Мандельштам, жене и верной спутнице гения века // Воронежский курьер. 1999. 30 окт. С. 7.
- Свительский В.* Чарли Чаплин в сознании А. Платонова и О. Мандельштама // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 107–117.
- Сендерович С.* Мандельштам и Гершензон: заметки к пониманию «Восьмистиший» Мандельштама // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 218–225.
- Смирнов А.* Античный Петербург в поле культурных кодов: Опыт реконструкции одного творческого задания // Вопросы литературы. 1999. № 2. С. 44–62.

Тименчик Р. Теневой портрет русской поэзии начала века // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojcieh Zalewski.* Stanford, 1999. С. 119–144.

Тоддес Е. Смыслы «мирного отрывка» // *Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова.* М., 1999. С. 226–234.

Хвостов Б. Ночь и раковина: Проблема сходства поэтических образов и мотивов в ракурсе сопоставительного анализа стихотворений Г. Бенна и О. Мандельштама // *Россия – Германия: Проблемы коммуникации на рубеже нового тысячелетия.* Владимир, 1999. С. 192–194.

Циммерлинг В. Промер // *ЦИММЕРЛИНГ В.* Да и нет не говорите: Эссе. М.: Институт экономики РАН, 1999. С. 57–95.

Чуковский К. [Воспоминания о Мандельштаме] // *ЧУКОКОЛА: Рукописный альманах К. Чуковского.* М.: Премьера, 1999. С. 21–25.

Этов В. «Широкий ветер Орфея...»: О березах Есенина и Мандельштама // *Русская словесность.* 1999. № 5. С. 12–18.

Языкова И. Архитектурные образы в творчестве Осипа Мандельштама // *Страницы: Богословие. Культура. Образование: Журнал Библейско-богословского института св. Апостола Андрея.* 1999. Т. 4. Вып. 4. С. 580–593.

2000

Заблудился я в небе. М.: Эксмо-пресс, 2000. 382 с.

Избранное. Смоленск: Русич, 2000. 288 с. («Библиотека поэзии»).

Избранные стихотворения. М.: Олма-пресс, 2000. 479 с. («Библиотека классической поэзии»).

Проза поэта. М.: Вагриус, 2000. 224 с.

Стихотворения. М.: Профиздат, 2000. 288 с. («Стихотворения XX века»).

Шум времени: Воспоминания. Статьи. Очерки. СПб.: Азбука, 2000. 382 с.

Silentium // *Новый акрополь.* 2000. № 2. С. 61.

* * *

АМЕЛИН Г., МОРДЕРЕР В. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.: Языки русской культуры, 2000. 320 с.

- Рец.: *Барзах А.* // Новая русская книга. 2000. № 6 (7). С. 59–62.
- Д.Л.* // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 423–424.
- Перцов Н.* Игроки: (Пары' истолкованья Осипа Мандельштама) // Вопросы литературы. 2001. Вып. 6 (Нояб.-дек). С. 340–353.
- Толстой И.* // Русская мысль. 2001. № 4353 (15–21 февраля). С. 10.
- БАБАЕВ Э. Воспоминания. СПб.: Инапресс, 2000. 336 с.
- Рец.: *Арутюнов С.* Негромкий страж // Знамя. 2000. № 8. С. 222–225.
- Кузьменко П.* Однако, черт побери: Эдуард Бабаев создал жанр захватывающего мемуара // Ex libris НГ. 2000. 15 июня. С. 2.
- КАПИНОС Е. Словесная пластика и архитектоника (от Батюшкова и Баратынского к Мандельштаму): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000. 17 с.
- КУЗЬМИНА С. В поисках традиции: Пушкин – Мандельштам – Набоков: Монографический цикл статей. Минск: Ин-т современных знаний, 2000. 172 с.
- ЛЕКМАНОВ О. О двух акмеистических книгах: «Дикая порфира» (1912) Михаила Зенкевича, «Камень» (1913) Осипа Мандельштама. М.: Изд-во МКЛ № 1310, 2000. 64 с.
- МУСАТОВ В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: Ника-Центр; Эльга-Н, 2000. 560 с.
- Рец.: *Таборисская Е.* Лирический мир Осипа Мандельштама как целое // Русская литература. 2001. № 3. С. 229–231.
- Чумакина Л.* Голодное время // Книжное обозрение. 2000. 16 окт. С. 8.
- ПРОБШТЕЙН Я. Мотив странствия в поэзии О.Э. Мандельштама, В.В. Хлебникова и И.А. Бродского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2000. 24 с.
- ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ: Сборник трагической памяти Н.И. Харджиева / Сост. М.Б. Мейлах и Д.В. Сарабьянов. М.: Языки русской культуры, 2000. 845 с.
- РОНЕН О. Серебряный век как умысел и вымысел. М.: ОГИ, 2000. 151 с.
- СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ... Вып. 3 / Сост. О. Лекманов, П. Нерлер, М. Соколова, Ю. Фрейдин: В 2 ч. М.: РГГУ, 2000. Ч. 1: Публикации, статьи. 266 с.; Ч. 2: Воспоминания, материалы к биографии, современники. 277 с.

- Аграновский Г.* Откуда родом Мандельштамы? // Ами (Вильнюс). 2000. 17 июля.
- Айзенберг М.* Читая мемуары [Рец. на кн.: ГЕРШТЕЙН Э. Мемуары. СПб.: Инапресс, 1998] // Знамя. 2000. № 1. С. 214–217.
- Александров В.* «Куда как страшно нам с тобой»: О сонете и Мандельштаме // Русская мысль. 2000. № 4306 (24 февр. – 1 марта). С. 10.
- Арутюнов С.* Негромкий страж [Рец. на кн.: БАБАЕВ Э. Воспоминания. СПб.: Инапресс, 2000] // Знамя. 2000. № 8. С. 222–225.
- Барзах А.* [Рец. на кн.: АМЕЛИН Г., МОРДЕРЕР В. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама. М.: Языки русской культуры, 2000] // Новая русская книга. 2000. № 6 (7). С. 59–62.
- Безелянский Ю.* Персоны октября: Надежда Яковлевна Хазина (18 октября 1899 года) // Алеф (Ежемесячный российский еврейский журнал). 2000. № 2 (окт.). С. 42.
- Бирнабаум Х.* Параллели и контрасты, следы и отголоски: Новое о Мандельштаме и Целане // ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ: Сборник трагической памяти Н.И. Харджиева / Сост. М.Б. Мейлах и Д.В. Сарабьянов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 664–665.
- Врубель-Голубкина И.* По поводу письма Эммы Герштейн // Новый мир. 2000. № 4. С. 231. (Ответ на публ.: Герштейн Э. Открытое письмо // Новый мир, 2000. № 2. С. 231.)
- Галушкин А.* «Вы, вероятно, знаете поэта О.Э. Мандельштама...»: Николай Бухарин об Осипе Мандельштаме // Русская мысль. 2000. № 4321 (8–14 июня). С. 13.
- Гандельсман В.* Из дневника читателя (Вторая речь: 27 декабря 1938 года умер Осип Мандельштам) // Волга. 2000. № 1. С. 114–126.
- Гардзонио С.* О переводных «Неаполитанских песенках» Осипа Мандельштама // ПОЭЗИЯ И ЖИВОПИСЬ: Сборник трагической памяти Н.И. Харджиева / Сост. М.Б. Мейлах и Д.В. Сарабьянов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 651–655.
- Гардзонио С.* О переводных «Неаполитанских песенках» О.Э. Мандельштама // Philologia: Рижский филологический сборник. Вып. 3: Cum Italia. Рига, 2000. С. 134–139.

- Гардзонио С.* Тосканские холмы: Некоторые штрихи к теме «Манделштам и Италия» // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59, № 5. С. 46–51.
- Гаспаров М.* Мандельштамовское «Мы пойдем другим путем»: О стихотворении «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 88–98.
- Гевер Л.* «Симфоническая увертюра», сновидение или миф?: Заметки на полях «Египетской марки» Мандельштама // Музыка и незвучащее. М., 2000. С. 167–185.
- Генис А.* Модернизм как стиль XX века // Звезда. 2000. № 11. С. 202–209 (Об О. Мандельштаме: С. 207–209).
- Герштейн Э.* Открытое письмо // Новый мир. 2000. № 2. С. 233.
- Гладков А.* «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945–1973) / Предисл и публ. С. Шумихина // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 521–656.
- Горбачев Д., Павлов А.* Еврейские художники в Киеве (первая треть XX в.): Надежда Хазина-Мандельштам // Егупец: Художественно-публицистический альманах Института Иуадики. Киев, 2000. С. 338–339.
- Григорьев В.* Поздний Мандельштам: хитрые углы: «Ода» Сталину или/и Хлебникову? // ГРИГОРЬЕВ В. Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 682–700.
- Григорьев В.* Промер // Europa Orientalis: Studi e ricerche sui paesi e le culture dell'Est Europeo. 2000. № 1. С. 215–223.
- Григорьев В.* Хлебников и Мандельштам // ГРИГОРЬЕВ В. Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 637–700.
- Ермолин Е.* Глазами соучастника // Дружба народов. 2000. № 1. С. 210–212. (Упоминается кн.: КУЗИН Б. Произведения. Переписка. МАНДЕЛЬШТАМ Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999).
- Жирмунский В.* Преодолевшие символизм // Николай Гумилев: Pro et contra. СПб.: Изд-во Русского христианского института, 2000. С. 397–427.
- Зусман Н., Зусман В.* Ритм как константа литературы и музыки // СВОЕ и ЧУЖОЕ в европейской культурной традиции: Литература. Язык. Музыка. Нижний Новгород, 2000. С. 218–219.
- Иванов Вяч.* Два анаграмматических построения в стихах позднего Мандельштама // ИВАНОВ ВЯЧ. Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 435–441.

- Иванов Вяч.* Лунц и Мандельштам: фабула у серапионовых братьев // Там же. С. 498–503.
- Иванов Вяч.* «Стихи о неизвестном солдате» в контексте мировой поэзии // Там же. С. 449–458.
- Карасты Р.* Три поездки на трамвае // Звезда. 2000. № 7. С. 217–232 (Эссе о мемуарах Л. Чуковской, Л. Гинзбург и Э. Герштейн).
- Кауцис Л.* Маяковский. Пастернак. Мандельштам: Маяковский в «Охранной грамоте», «Путешествии в Армению», «Втором рождении» // КАЦИС Л. Владимир Маяковский в интеллектуальном контексте эпохи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 416–432.
- КИХНЕЙ Л.* Осип Мандельштам. Бытие слова. М.: Диалог–МГУ, 2000. 146 с.
- Рец.: *Мурашов А.* Онтологическая поэтика Осипа Мандельштама // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 5. С. 129–132.
- Ковзун А.* «Некрещеный позвоночник» у О.Э. Мандельштама // Поэтический текст и культура: Международный сб. научных трудов. Владимир, 2000. С. 217–223.
- Кубатъян Г.* Собиратели пространства // Дружба народов. 2000. № 11. С. 171–183.
- Кузнецов В.* Улица Мандельштама // Новое время. 2000. № 10. С. 39–41.
- Кузьменко П.* Однако, черт побери: Эдуард Бабаев создал жанр захватывающего мемуара [Рец. на кн.: БАБАЕВ Э. Воспоминания. СПб.: Инапресс, 2000] // Ex libris НГ. 2000. 15. июня. С. 2.
- Левинтон Г.* Литературная шутка у акмеистов // Северо-Запад: Историко-культурный региональный вестник. Вып. III. Сб. памяти В.А. Сапогова. Череповец, 2000. С. 145–169.
- Левинтон Г.* Романия и романистика у Мандельштама // Res philologica-2: Сб. ст. памяти академика Г.В. Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1989). СПб., 2000. С. 203–213.
- Левинтон Г., Тименчик Р.* Книга К.Ф. Тарановского о поэзии Мандельштама // ТАРАНОВСКИЙ К. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 404–416 (Перепечатка рецензии 1978 г.).
- Лекманов О.* Из заметок об акмеизме // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 213–217.
- Лекманов О.* «Рождественская звезда»: Текст и подтекст // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 162–165.

- Лурье С.* Миндальное дерево, Железный колпак // Нева. 2000. № 11. С. 184–189.
- Лурье С.* Стилль как овеществленное время // Русская мысль. 2002. № 4330. С. 12.
- Маковский С.* Осип Манделъштам // МАКОВСКИЙ С. Портреты современников. М.: XXI Век-Согласие, 2000. С. 397–420.
- Мартыненко Ю.* Мифологические антропонимы в поэзии Манделъштама // Русский язык в школе. 2000. № 6. С. 57–62.
- Молок Ю.* Ахматова и Манделъштам: К биографии ранних портретов // Поэзия и живопись: Сборник трагической памяти Н.И. Харджиева / Сост. М.Б. Мейлах и Д.В. Сарабьянов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 289–301.
- Мусатов В.* Еще раз к вопросу об «Оде» Осипа Манделъштама // Потаенная литература: Исследования и материалы. Вып. 2. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2000. С. 162–170.
- Мусатов В.* Лирика Осипа Манделъштама // Воздушные чернила. Киев: Факт, 2000. С. 5–72.
- Неретина С., Огурцов А.* Эмбриональное поле культуры: О.Э. Манделъштам // Человек. 2000. Вып. 3. С. 21–35.
- Нерлер П.* На веселой ноте: К выходу последнего тома 10-томного собрания сочинений О.Э. Манделъштама на немецком языке // Русская мысль. 2000. № 4342 (23–29 нояб.). С. 14.
- Нерлер П.* Переписка Манделъштама по-французски [Рец. на кн.: *Mandelstam O. Letters / Trad. G. Carogna-Bardet. Paris, 2000. 375.*] // Русская мысль. 2000. № 4334 (28 сент. – 4 окт.). С. 14.
- Нерлер П., Шапиро Н.* Русские литературные сайты в Интернете и дигитальный проект «Воссоединенный архив Осипа Манделъштама» // Русская мысль. 2000. № 4418 (16–14 мая). С. 15.
- НИКОЛЬСКАЯ Т.** «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с. (Об О. Манделъштаме: С. 173–177).
- Обухова О.* Овладение пространством: раннее творчество О. Манделъштама с точки зрения пространственных отношений // Поэзия и живопись: Сборник трагической памяти Н.И. Харджиева / Сост. М.Б. Мейлах и Д.Д. Сарабьянов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 635–639.
- Оганесян А.* Искусство слова в поэзии Осипа Манделъштама // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов, 2000. Вып. 3. С. 66–68.

- Панова Л.* Пространство в поэтическом мире О. Мандельштама // Логический анализ языка: Языки и пространство. М., 2000. С. 429–439.
- Петрова Н.* Конец антропоцентрической эпохи и проблема личной целостности – О. Мандельштам // Художественный текст и историко-культурный контекст. Пермь, 2000. С. 20–33.
- Поляновский Эд.* Как упоительны в России вечера // Известия. 2000. 4 июля. С. 9 (Интервью с Б.И. Моисеенко).
- Рассадин С.* Мандельштам Осип Эмильевич // РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ 20 ВЕКА: Биографический словарь / Сост. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия; «Рандеву-АМ», 2000. С. 449–451.
- Сидорова М.* Анализ стихотворения О.Э. Мандельштама «Куда мне деться в этом январе...» (1937) // Русская словесность. 2000. № 2. С. 67–71.
- Стеблева И.* Колыбельная о черном солнце Осипа Мандельштама // Восток. 2000. № 1. С. 114–121.
- Усминский О.* Лингвистический анализ стихотворения О. Мандельштама «К немецкой речи» // Русский язык: Вопросы теории и методики преподавания. Сургут, 2000. С. 31–41.
- Фигурнова О.* О Мандельштаме, Марии Петровых и раковине в виде пепельницы: В чем ошиблась Эмма Герштейн? // Кулиса НГ. 2000. № 15 (17 нояб.). С. 2. (Интервью с дочерью М. Петровых).
- Фигурнова О., Фигурнова М.* Умных жен переносят не многие: Семья Шкловских вспоминает Надежду Мандельштам // Огонек. 2000. № 42 (4669). С. 42–45.
- Халимова Н.* Венецианская тема в русской литературе (Пушкин, Мандельштам, Бродский) // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых ученых. Саратов: Саратовский ун-т, 2000. Вып. 3. С. 49 – 53.
- Чалмаев В.* Осип Мандельштам и Иосиф Сталин // День литературы. 2000. № 14 (44). С. 3.
- Черашняя Д.* Тема мавзолея в творчестве О. Мандельштама // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59, № 4. С. 36–48.
- Чистяков Г.* «Я изучил науку расставанья...»: Еще раз о Мандельштаме и античности // Русская мысль. 2000. № 4336 (12–18 окт.). С. 13; № 4337 (19–25 окт.). С. 13.
- Чумакина Л.* Голодное время [Рец. на кн.: МУСАТОВ В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000] // Книжное обозрение. 2000. 16 окт. С. 8.

- Шварц Н.* Осип и Надежда // ШВАРЦ Н. Жизнь – Пунктир. М.: Шварц, 2000. С. 102–104.
- Шапир М.* «Стигийского воспоминанье звона»: Блуждающие звуки и призрачные смыслы в «Скорбных элегиях» Осипа Манделъштама // Евразийское пространство: звук и слово: Тезисы и материалы международной конференции. М., 2000. С. 127–135.
- Шиндин С.* К интерпретации стихотворения Манделъштама «Сохрани мою речь навсегда...» // Поэзия и живопись: Сборник трагической памяти Н.И. Харджиева / Сост. М.Б. Мейлах и Д.В. Сарабьянов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 640–650.
- Шомева Т.* О стихотворении «Ламарк» Осипа Манделъштама // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59, № 5. С. 38–45.
- Щеглова Е.* Некоторые характерные особенности поэзии О. Манделъштама и их перевода на иврит // Материалы Седьмой Ежегодной международной конференции по иудаике. М., 2000. С. 282–284.
- Эпштейн М.* Хасид и талмудист: Сравнительный опыт о Пастернаке и Манделъштаме // Звезда. 2000. № 4. С. 82–99.

2001

- Избранное: Стихотворения 1908–1925 гг. Проза. Статьи. Москва. М.: Вече, 2001. 448 с.
- Ленинград // Идуд Хасадим. 2001. № 9 (9). С. 7.

* * *

- ВЕНОК МАНДЕЛЬШТАМУ: Стихотворения / Сост. Е. Голубовский, С. Кобринская. Одесса: Друк, 2001. 160 с.
- КИХНЕЙ Л. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. 184 с.
- ПЕТРОВА Н. Литература в неатропоцентрическую эпоху. Опыт О. Манделъштама. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 311 с.
- ПЕТРОВА Н. Поэтика О. Манделъштама в аспекте становления поэтического реализма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001. 53 с.

- Архангельский А.* Улица Мандельштама: 15 января – 110 лет самому трагическому поэту русского XX века // Известия. 2001. № 4 (25842) (15 янв.). С. 1, 8.
- А.Т.* День Мандельштама // Воронежский курьер. 2001. № 3 (1597) (16 янв.). С. 1.
- Баевский В.* Кулацкий подголосок и враг народа: двойной портрет // Вопросы литературы. 2001. Сент.-ок. С. 3–43. (Об О. Мандельштаме и А. Твардовском: с. 35–38.)
- Бунимович Е.* О памятнике О. Мандельштаму // Международная еврейская газета. 2001. № 03. С. 1.
- Бялосинская Н.* Шестой акмеист // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 322–328 (Н.Я. Мандельштам и акмеизм).
- В.Л.* [Лавров В.] Поэт-арестант // Воронежские вести. 2001. № 4 (17 янв.).
- Воротников И.* «Я слово позабыл, что я хотел сказать»: Феноменологическое исследование // Урал (Екатеринбург). 2001. № 1. С. 238–239.
- Геворкян Т.* «Несколько холодных великолепий о Москве»: Марина Цветаева и Осип Мандельштам // Континент. 2001. № 109. С. 386–410.
- Гейзер М.* Мандельштам, Михоэлс, Маршак // Еврейское слово. 2001. № 16 (38) (25 апр. – 1 мая). С. 8.
- Гримберг Ф.* «Я – русский поэт»: К 110-летию со дня рождения Осипа Мандельштама // Международная еврейская газета. 2001. № 03. С. 4.
- Д.Л.* [Рец. на кн.: Амелин Г., Мордереф В. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.: Языки русской культуры, 2000] // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 423–424.
- Иванов П.* 110 лет со дня рождения Осипа Мандельштама // Еврейское слово. 2001. № 4 (26) (24–30 янв.). С. 12.
- Kantor-Kazovsky L.* Архитектурная метафора у Мандельштама // Cahiers du Monde Russe. 2001. 42/1 (Jan.–mars). С. 95–114.
- Кауцис Л.* Европейская культурная юдофобия в зеркале «Шума времени» Осипа Мандельштама // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5 (23). С. 77–118.
- Кауцис Л.* «Хаос иудейский» и «еврейский синтез» Осипа Мандельштама // Алеф: Ежемесячный иудейский международный журнал. 2001. № 1. С. 12–14.

- Козловская Н.* От ритмики до лексики [рец. на кн.: СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ... Вып. 3: В 2 ч. М.: РГГУ, 2000] // Книжное обозрение. 2001. № 18–19 (1820–1821) (7 мая). С. 10.
- Костюков Л.* Длинное дыхание: Обольшой поэтической форме // Арион. 2001. № 1. С. 52–62 (есть об О. Мандельштаме).
- Кривонос В.* «У ворот Ерусалима...»: Об иудейской теме в лирике О. Мандельштама // Корни: Вестник Народного университета еврейской культуры в Центральной России и Поволжье. 2001. Янв.–июнь. С. 47–60.
- Кружков Г.* Крик павлина и конец эстетической эпохи: О «тройном созвучии» у Мандельштама, Йейтса и Стивенса // Иностранная литература. 2001. № 1. С. 253–261.
- Кружков Г.* Рубище певца: Мандельштам и Йейтс // КРУЖКОВ Г. Ностальгия обелисков: Литературные мечтания. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 233–269.
- Кушнер А.* Возвращение // Московские новости. 2001. № 1–2 (3–15 янв.). С. 22–23.
- Кшондзер М.* Услышать ось земную: К 110-летию со дня рождения Осипа Мандельштама // Свободная Грузия. 2001. № 4(22202) (16 янв.). С. 5.
- Лавренюк Б.* Осипу Мандельштаму – 110 лет // Культура. 2001. № 4 (1–7 февраля). С. 4. (Сообщение в рубрике «Хроника» о вечере к 110-летию О. Мандельштама в Интерьерном театре в Санкт-Петербурге.)
- Ласкин А.* Ангел, летящий на велосипеде: Документальная повесть // Звезда. 2001. № 10. С. 30–80 (об Ольге Ваксель).
- Левинтон Г.* Романия и романистика у Мандельштама // Res Philologica-II. Филологические исследования: Сб. ст. памяти академика Г.В. Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1999). СПб.: Петрополис, 2001. С. 203–213.
- Лекманов О.* На подступах к стихотворению О. Мандельштама «Когда б я уголь взял для высшей похвалы...» // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60, № 1. С. 62–65.
- Мандельштамовские дни в Москве // Вестник еврейского агентства в России. 2001. № 6 (47) (февр.). С. 5.
- Мирошкин А.* Скамейка Мандельштама // Книжное обозрение. 2001. № 3 (1805). С. 1–2.
- Мурашов А.* Онтологическая поэтика Осипа Мандельштама // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 5. С. 129–132.
- Нерлер П.* Мандельштамовские дни в Принстоне // Русская мысль. 2001. № 4383 (1–7 нояб.). С. 13.

- Нерлер П.* Материалы об О.Э. Мандельштаме в американских архивах // Россия в США: Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. VII. М.: Институт политического и военного анализа, 2001. С. 90–123.
- Нерлер П.* Мы выжили: К 10-летию Мандельштамовского общества // Московские новости. 2001. № 1–2 (3–15 янв.). С. 23.
- Новопрудский С.* Мандельштамп, мандельштамб, мандельштат // Известия. 2001. 17 янв.
- Орлова Е.* Н.В. Недоброво и акмеизм // Вопросы литературы. 2001. № 5–6. С. 313–322.
- Персоны января: Осип Мандельштам* // Алеф: Ежемесячный иудейский международный журнал. 2001. № 1. С. 36.
- Перцов Н.* Игроки: (Пары' истолкованья Осипа Мандельштама) [Рец. на кн.: АМЕЛИН Г., МОРДЕРЕР В. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.: Языки русской культуры, 2000] // Вопросы литературы. 2001. Вып. 6 (Нояб.-дек.). С. 340–353.
- Радзишевский В.* Держу пари, что я еще не умер // Литературная газета. 2001. № 4 (5819) (24–30 янв.). С. 9.
- Рубинов А.* Она его не приняла... // Алеф: Ежемесячный иудейский международный журнал. 2001. № 3 (895) (нояб.). С. 44–46 (З. Гиппиус и О. Мандельштам).
- Рубинштейн Л.* «Что за фамилия чертова?» // Итоги. 2001. 23 янв. С. 4.
- Сарнов Б.* Дата смерти не установлена: 110 лет со дня рождения Осипа Мандельштама // Гудок. 2001. 16 янв. С. 6.
- Силин В.* «...Сидел просто в библиотеке “Коммуны”» // Коммуна. 2001. 16 янв.
- 110 лет со дня рождения Осипа Эмильевича Мандельштама (1891–1938): Воспоминания современников об О.Э. Мандельштаме [А. Ахматова, Б. Кузин, В. Шкловский, Н. Гумилев] // Иуд Хасадим (газета Межрегиональной ассоциации по оказанию благотворительной помощи «Иуд Хасадим», СПб.). 2001. № 9 (9). С. 1.
- Табориская Е.* Лирический мир Осипа Мандельштама как целое [Рец. на кн.: МУСАТОВ В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000] // Русская литература. 2001. № 3. С. 229–231.
- Толстой И.* [Рец. на кн.: АМЕЛИН Г., МОРДЕРЕР В. Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М.: Языки русской культуры. 2000] // Русская мысль. 2001. № 4353 (15–21 февр.). С. 10.

- Фигурнова О., Фигурнова М.* «Он собрал нас всех и прочел...»: Осип Мандельштам в воспоминаниях Василисы Шкловской-Корди // *Ex Libris* НГ. 2001. 17 мая. С. 3.
- Щеглова Е.* Анализ переводов стихотворений О. Мандельштама «Мы с тобой на кухне посидим...» и «За гремучую доблесть грядущих веков...» на иврит // *Judaica Rossica*. Вып. 1. М., 2001. С. 223–240.

2002

- КАЦИС Л.** Осип Мандельштам: Мускус иудейства. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2002. 598 с.
Рец.: *Эдельштейн М.* Кацис, Мандельштам и этика любви // *Лехаим*. 2002. № 2. С. 57.
- ЛАСКИН А.** Ангел, летящий на велосипеде: Документальная повесть об Ольге Ваксель и Осипе Мандельштаме; *Ваксель О.* Я недолго жила на земле...: Избранные стихи. СПб.: Стройиздат, 2002. 224 с. («Царскосельская библиотека»)
Рец.: *Елагина Е.* Небывший день за тучами погас // *Нева*. 2003. № 4. С. 206.
- Кузнецова И.** // Вопросы литературы 2003. Вып. 3. С. 350–352.
- ЛИВШИЦ Г.** Многозначное слово в поэтической речи: История слова «ночь» в лирике О. Мандельштама. М.: МАКС Пресс, 2002. 272 с.
- ОСИП И НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМЫ В РАССКАЗАХ СОВРЕМЕННИКОВ** / Вступит. ст., подгот. текста, сост. и коммент. О. Фигурновой и М. Фигурновой. М.: Наталис, 2002. 544 с.
Рец.: *Данилова-Насрулаева С.* Неудачное продолжение // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 327–333.
- Матвеева А.** Штаны и Абрам-царевич // *Книжное обозрение*. 2002. № 8 (1862) (26 февр.). С. 26.
- РОНЕН О.** Поэтика Осипа Мандельштама: Сб. ст. / Предисл. М.Л. Гаспарова. СПб.: Гиперион, 2002. 230 с. («Филологическая библиотека»)
Рец.: *Арьев А.* К вопросу о розе // *Звезда*. 2002. № 12. С. 214–219.

* * *

- Андреева И.* «Бродячая собака» // *ВЗОР*. 2002. № 7. С. 36–39.

- Арьев А.* К вопросу о розе [Рец. на кн.: РОНЕН О. Поэтика Осипа Мандельштама. СПб.: Гиперион, 2002] // Звезда. 2002. № 12. С. 214–219.
- Бам Е.* «Приветственным шелестом встреченный коротких осенних минут...» // Русская Германия. 2002. № 45 (11–17 нояб.). (Вечер, посвященный О. Мандельштаму в Форуме Льва Копелева (Кельн)).
- Видгоф Л.* О «чертежнике пустыни» О. Мандельштама // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 5. С. 43–51.
- Вновь осквернен памятник Осипу Мандельштаму // Международная еврейская газета. 2002. № 11(281) (март). С. 2.
- Воробьева Е.* Узнавай же скорее...: Денек, желток и прочие лексико-семантические единицы в плотной сети межтекстовых взаимосвязей // EX LIBRIS НГ. 2002. 4 июля. С. 4.
- Гаспаров М., Ронен О.* «Венецийская жизнь...» О. Мандельштама: Опыт комментария // Звезда. 2002. № 2. С. 193–202.
- Гаспаров М.* «Сеновал» О. Мандельштама: История текста и история смысла // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. Исследования и материалы. Тарту, 2002. С. 376–390.
- Глоцер В.* Памяти Эммы Герштейн // Литературная газета. 2002. № 27 (5883) (3–9 июля). С. 2.
- Григорьев В.* Об одном тире в одном из «Восьмистиший» Осипа Мандельштама // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2002. Т. 61, № 5. С. 52–61.
- Громов-Колли А.* Путевая проза русских писателей // Русская речь. 2002. № 5. С. 24–30. (О «Путешествии в Армению»: С. 24–30.)
- Данилова-Насфулаева С.* Неудачное продолжение [Рец. на кн.: Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М.: Наталис, 2001] // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 327–333.
- Дзядко Ф., Утгоф Г.* «The Undercurrents of Suggestion»: К проблеме «Набоков и Мандельштам» // Русская филология. 13: Сб. научных работ молодых филологов: Памяти Е. Швайковской. Тарту: Tartu University Press, 2002. С. 140–144.
- Кауцис Л.* Русские сиониды 1900–1910-х годов и Осип Мандельштам // Российский сионизм: история и культура. М.: Сэфер – Дом еврейской книги, 2002. С. 215–231.

- Крючков В. «Щелкунчик» О.Э. Мандельштама как динамическая интертекстема // Русская литература. 2002. № 4. С. 193–198.
- Лахути Д. Вышивала ли Пенелопа? // Московский лингвистический журнал. Т. 6. № 1. М., 2002. С. 157–169.
- Лекманов О. Цитата vs. цикада // Звезда. 2002. № 7. С. 216–218.
- Лурье С. Миндальное дерево, железный колпак: Стиль как овеществленное время // Русская мысль. 2002. № 4330. С. 13.
- Матвеева А. Штаны и Абрам-царевич [Рец. на кн.: ОСИП И НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМЫ В РАССКАЗАХ СОВРЕМЕННИКОВ. М.: Наталис, 2001] // Книжное обозрение. 2002. № 8 (1862). 26 февр. С. 26.
- Менделевич А. Встреча с Мандельштамом // Круг (Кельн). 2002. Ноябрь. (Вечер, посвященный О. Мандельштаму в Форуме Льва Копелева (Кельн)).
- Мец А. О. Мандельштам: заметки к комментариям (в томе стихов 1995 г.) // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. Исследования и материалы. Тарту, 2002. С. 366–375.
- Нерлер П. «За гремучую доблесть грядущих веков...»: Мандельштам и Германия – литературный вечер в Кельне // Еврейская газета. 2002. Дек. С. 15.
- Нерлер П. Председатель Мандельштамовской комиссии // Роберт Рождественский: Удостоверение личности. М., 2002. С. 407–414.
- Ронен О. Межтекстовые связи, подтекст и комментирование // Русская филология. 13: Сб. научных работ молодых филологов: Памяти Е. Швайковской. Тарту: Tartu University Press, 2002. С. 13–32.
- Федотов О. Элегический дистих в русской поэзии начала XX в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2002. № 3. С. 113–120.
- Черашняя Д. Осип Мандельштам: «лирическая трилогия» о России // Кормановские чтения. Вып. 4: Материалы Международной конференции «Текст – 2000» (апр. 2001 г.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002. С. 241–255.
- Эдельштейн М. Кацис, Мандельштам и этика любви [рец. на кн.: Кацис Л. Осип Мандельштам: мускус иудейства. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2002] // Лехаим. 2002. № 2. С. 57.

Сочинения: Стихотворения. Проза. Эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

Шум времени: Мемуарная проза. Письма. Записные книжки. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 480 с. («Эпохи и судьбы».)

* * *

ЛЕКМАНОВ О. Жизнь Осипа Мандельштама: Документальное повествование. СПб.: Звезда, 2003 // Книжное обозрение. 2003. № 27–28. С. 6.

ПАНОВА Л. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с. Рец.: *Давыдов Д.* Абсолютный классик // Книжное обозрение. 2003. № 27–28. С. 6.

ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ ЛИРИКИ О. МАНДЕЛЬШТАМА: Субъективная дифференциация словоформ / Автор-сост. Д.И Черашня. Ижевск, 2003. 1024 с.

* * *

Аленов М. Архитектура в «Камне» Мандельштама // АЛЛЕНОВ М. Тексты о текстах. М.: Новое Литературное Обозрение, 2003. С. 210–270.

Аленов М. Адмиралтейство Захарова в «Адмиралтействе» Мандельштама // Там же. С. 271–301.

Васильева А. Семантическое поле «единства» в узусе и поэтическом творчестве О. Мандельштама // Лингвосмысловый анализ художественного текста. Томск, 2003. С. 67–78.

Видгоф Л. О. Мандельштам в начале 1930-х годов: выбор позиции // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 12, № 5. С. 21–32.

Видгоф Л. Москва: Материалы к Мандельштамовской энциклопедии // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2–3. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 189–252.

Гаспаров М., Ронен О. Похороны солнца в Петербурге: О двух театральных стихотворениях Мандельштама // Звезда. 2003. № 5. С. 207–219.

- Григорьев В.* Мандельштам и Хлебников, II (1932–1936) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1. С. 51–67.
- Давыдов Д.* Абсолютный классик [Рец. на кн.: ПАНОВА Л. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003; ЛЕКМАНОВ О. Жизнь Осипа Мандельштама: Документальное повествование. СПб.: Звезда, 2003] // Книжное обозрение. 2003. № 27–28. С. 6.
- Елагина Е.* Небывший день за тучами погас [Рец. на кн.: ЛАСКИН А. Ангел, летящий на велосипеде: Документальная повесть об Ольге Ваксель и Осипе Мандельштаме; ВАКСЕЛЬ О. Я недолго жила на земле...: Избранные стихи. СПб.: Стройиздат, 2002] // Нева. 2003. № 4. С. 206.
- Кауцис Л.М.* Из еврейских комментариев к биографии и творчеству О.М. Мандельштама // Еврейский книгоноша. 2003. № 4. С. 61–68.
- Кузнецова И.* [Рец. на кн.: ЛАСКИН А. Ангел, летящий на велосипеде: Документальная повесть об Ольге Ваксель и Осипе Мандельштаме; Ваксель О. Я недолго жила на земле...: Избранные стихи. СПб.: Стройиздат, 2002] // Вопросы литературы 2003. Вып. 3. С. 350–352.
- Мурашов А.* Мандельштам 1921–1925 годов: зарисовка на фоне К. Леонтьева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 3. С. 149–153.
- Панченко О.* Литературный текст и текст жизни: динамическая корреляция: (Виктор Шкловский, Осип Мандельштам и другие) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия лингвистика. 2003. № 4. С. 139–144.
- Подосинов А.* Овидий в поэзии Мандельштама и Бродского: парадоксы рецепции // Scripta Gregoriana. М., 2003. С. 320–339.
- С твердой верой в добро: (А.Т. Твардовский и Н.Я. Мандельштам) / Публ., вступ. и коммент. В.А. и О.А. Твардовских // Дружба народов. 2003. № 1. С. 139–143.
- Сурат И.* Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин // Новый мир. 2003. № 3. С. 155–173.
- Сурат И.* Мандельштам и Пушкин. Статья вторая: Лирические сюжеты // Там же. № 11. С. 152–171.
- Толкач Ю., Черашняя Д.* Кто и что «играл наизусть» в стихотворении О. Мандельштама «Жил Александр Герцевич...»? //

Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 12, № 5. С. 32–39.

Черных Н. Языковая картина мира как отражение поэтического сознания акмеистов: На материале лирики О. Мандельштама // Филологические исследования. 2002. Саранск, 2003. С. 68–77.

Шестакова Л. Гармония: слово в поэтическом гипертексте и отдельном стихотворении // Логический анализ языка. Космос и хаос. М., 2003. С. 603–612.

Ямпольский М. История культуры как история духа и естественная история // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 22–89.

«БИБЛИОТЕКА МАНДЕЛЬШТАМОВСКОГО ОБЩЕСТВА» (БМО), серийное издание *Мандельштамовского общества*. Идея основания серии возникла в Совете МО в 1994 в ходе дискуссии, связанной с выходом в «Записках Мандельштамовского общества» книги С.Д. Кржижановского, не имеющей прямых переключек ни с творчеством, ни с биографией О. М. Тогда же было решено основать новую серию – БМО, в которую входили бы книги как современников поэта, так и совр. авторов, продолжающих традиции О. М. Типич. элементы серии: многожанровость осн. корпуса, наличие предисловия и послесловия, характеризующих автора и издание, а также аппарата в виде комментария, библиографии (хотя бы избранной) и т. п. Единое серийное оформление отсутствует.

К 2004 в серии вышли 3 т.

Т. 1: Сопроводительный А. А. Провода поэта: Стихотворения. Статьи / Сост. Т.Н. Полетаева, предисл. Н.М. Коржавин, послесл. Г.С. Померанц. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1997. 240 с. (Рец.: Кенжеев Б. «Я пью за волчье сладкое житье» // ЛГ. 1998. 25.3. № 12. С. 11; Новиков М. Вышла книга Александра Сопровского // Коммерсант-Daily. 1997. 9.10. № 172. С. 13), кн. стихов и критич. прозы выпущенная на ср-ва, собранные друзьями поэта. Осн. корпус составили «Автобиография» и 2 части – поэтическая и прозаическая. 1-я ч. состоит из 2 разделов: «От весны к весне» (поэтич. книга, включающая стихи, написанные в 1974–87, составленная самим Сопровским) и «Стихи последних лет. 1988–90», 2-я, озаглавл. «Провода

поэта», подобрала в себя лучшие статьи и эссе Сопровского [«О книге Иова», «Вера, борьба и соблазн Льва Шестова» (свободный конспект кн. «Афины и Иерусалим»), «Конец прекрасной эпохи» и др.]. Ст. «Правота поэта», посвященная О. М., дала имя разделу и книге в целом. Изд. иллюстрировано фотографиями и факсимиле автографов из семейного архива Сопровского; на обложке – портрет автора. Сост. тома – Т.Н. Полетаева – вдова поэта. Сост. библиографии – Н.Л. Поболь и П.М. Нерлер (авторство в издании не указано). В заметке «От издателей» (автор – П.М. Нерлер) раскрывается концепция серии. Редакторы – Н.Я. Марголина и П.М. Нерлер, художник – В.М. Трофимов.

Т. 2: Горнунг Б. Поход времени / Сост. М.З. Воробьева. В 2 ч. Ч. 1: Стихи и переводы. 192 с.; Ч. 2: Статьи и эссе. 510 с. М.: РГГУ, 2001 [Рец.: Богомолов Н. А. «Когда-нибудь дошлый историк...» (Обзор изданий второстепенных поэтов XX в.) // НЛО. 2003. № 60. С. 336–37; Александров Н. А. <http://www.echo.msk.ru/headings/archive/4126.html> – Радиостанция «Эхо Москвы», передача «Книжечки». 24.12.2001; Давыдов Д. «Поход за временем» // <http://skurkislov.narod.ru/rec/rec7.htm-2002>], включает собр. произв. Б.В. Горнунга «Поход времени». Кн.1: авт. кн. «Поход времени» (1925) и др. стихотворения 1920-х и 1970-х гг., а также его переводы из франц. и нем. поэзии; кн. 2: критич. проза Горнунга, в т. ч. рецензии, мемуарные фрагменты «Воспоминания: Записки о поколении 20-х годов», а также избр. переписку с М.А. Кузминым, Б.К. Лившицем. Г.Г. Шпетом. Кн. 2 открывается факсимиле письма О. М. к Горнунгу, упоминания О. М. в ней довольно многочисленны. Издание иллюстрировано фотографиями, факсимиле автографов, обложек книг и дарств. надписей; на обложках обеих книг – портреты автора. Кроме вводной заметки П.М. Нерлера «В походе за шумом времени» и заметок «От составителя» (в каждой из книг), издание снабжено биограф. заметкой «Поэт, ученый, человек» и библиограф. трудов Горнунга (и лит-ры о нем), подготовленными М.Б. Горнунгом – сыном Б.В. Горнунга, а также подробными примеч. к публикуемым текстам и алф. указ.

Т. 3: Горнунг Л. Упавшие зерна. Горнунг А. Бегущие ландыши: Избр. стихотворения / Сост. М.З. Воробьева. М.: Балтрус (при участии изд-ва «Вердана»), 2004. 174 с. (Рец.: Делекторская И. Влюбленные свидетели // НЛО. 2004.

№ 70. С. 336–337), избр. стихотворения двух др. мл. современников О. М. и предст. семьи Горнунгов – Л.В. *Горнунга* («Упавшие зерна») и его жены А.В. Горнунг («Бегущие ландыши»); соответствующие разделы снабжены портретами авторов. Автор заметки «От составителя» (общее предисл. к сборнику) и ст. «Хранитель памяти» (послесл. к стихам Л. В. Горнунга, а также примеч. к ним) – М.З. Воробьева; автор ст. «Уцелевшая» (послесл. к стихотворениям А.В. Горнунг, а также примеч. к ним) – М.Б. Горнунг. Издание снабжено библи. публикаций обоих поэтов.

П.М. Нерлер

Переводы и изучение О.Э. Мандельштама за рубежом

НИДЕРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК (Нидерланды. Бельгия). После 1945 рус. лит-ра стала популярной в Бельгии и в Нидерландах. Большие изд-ва регулярно выпускали произведения рус. писателей в нидерл. переводах. Если до войны рус. лит-ра часто переводилась с переводов на др. языки – франц. или нем., то начиная с 1950-х гг. нормой стали прямые переводы с рус. яз. В это время изд-во «Ван Орсхот» в начале 1950-х гг. основало «Русскую библиотеку» – престижную кн. серию, в к-рой выходили основные произведения русских прозаиков-классиков. Гл. редактором серии стал Шарль Тиммер (Charles V. Timmer; 1907–1991). Найти переводчиков было ему нетрудно. Если до войны в Нидерландах существовала лишь одна кафедра славистики – в Лейденском ун-те, то к нач. 1960-х гг. их уже было три. Их первые выпускники переводили рус. прозаиков XIX–XX вв. – Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Олешу, Бабеля, Синявского, Даниэля и др. В то же время поэзию издавали очень редко: она не приносила прибыли, да и среди переводчиков с рус. яз. только один – Марко Фондсе (Marko Fondse, 1932–1999; настоящая фамилия: van Dijke, M. C.) – обладал поэтическим талантом. Первой его публ. был сб. стих. совр. советских поэтов – Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского и др., позже он стал переводить Маяковского. Первым переводчиком поэзии О. М. на НЯ стал славист и прозаик Кэйс Верхейл (Kees Verheul; род. 1940), до этого переводивший Л. Толстого и никогда не занимавшийся поэтическими переводами. Будучи в 1967 в Москве и в Ленинграде научным стажером в МГУ, он познакомился и подружился с Н. М. Когда в 1970 в Нью-Йорке вышли ее воспоминания, Верхейл убедил изд-во «Ван Орсхот» в необходимости их публикации на НЯ. В 1971 он взялся за перевод «Воспоминаний», а затем и «Второй книги» Н. М., вышедших соответственно в

1972 и 1973 и произведших на голл. и флам. читателей огромное впечатление. Как следствие, возник читательский интерес к поэзии самого О. М. В 1974 в том же изд-ве вышел первый сб. О. М. на НЯ (в пер. К. Верхейла) – «Нашедший подкову». В него вошло ок. 40 стихотв. О. М., начиная от «Камня» и до «Воронежских стихов». Переводчик не старался передать формальных качеств поэзии О. М., но по возможности точно переводил ее содержание. В 1978 «Ван Орхот» впервые выпустило прозу О. М. («Египетская марка») в пер. Тома Экмана (Tom Eekman) и Ш. Тиммера и с послесл. Т. Экмана. В кн., помимо «Египетской марки», вошли «Шум времени» и «Четвертая проза». Проза О. М. возымела больший успех, чем поэзия, и уже через год вышло 2-е изд. Если не считать инкунабулы «Zwarte aarde [Чернозем]» в пер. К. Верхейла, выпущенной изд-вом «Guillaume Le Roy» в 1976 тиражом всего в 20 экз., а также 3 стихотв. О. М., переведенных в 1977 фламандцем Жильбером Деметсом (Gilbert Demets), сборник 1974 долго оставался единственным переводом поэзии О. М. на НЯ. Новые переводы из О. М. увидели свет только в 1980-е гг.: в 1980–1981 впервые появились переводы М. Фондсе и Ш. Тиммера, а также стих. «Я скажу это начерно, шопотом...» в пер. (а точнее – в поэтической обработке) голл. поэта Ари Виссера (Arie Visser). В 1982 вышло 2-е изд. сб. «Нашедший подкову». К. Верхейл включил в него еще 14 стихотв., а также ряд статей О. М. и «Четвертую прозу». Переводы стихотв., как и прежде, оставались неметрическими и нерифмованными, но переводчик впервые постарался (и не безуспешно) передать ритм оригинала. Вторым событием этого года для любителей рус. поэзии стал сб. «Квартет», составленный и переведенный Ш. Тиммером: в него вошли стихотв. А. Ахматовой, Б. Пастернака, О. М. и М. Цветаевой, снабженные обширными комментариями. В отличие от Верхейла, Тиммер старался передать и поэтическую форму стихотворений. И, хотя переводы его часто нескладны и архаичны, эта кн. впервые показала читателям новые стороны творчества О. М. В нач. 1980-х гг. к поэзии О. М. обратились и др. переводчики – как в Голландии, так и в Бельгии. Так, флам. поэтесса Мириам Ван Хее (Miriam van Hee) вместе с Петером Эвербруком (Peter van Everbroghe) опубл. в 1983 большую подборку переводов «Воронежских стихов» во флам. лит. журнале «Heibel», а в 1986 в Лувене выпустила всю кн. (под заглавием «Чернозем»). Находя, как и Верхейл, рифмованные переводы избыточными,

Ван Хее старалась передать ритм оригинала (см.: Van Hee M. *Bijdrage aan een lopende discussie: Het vertalen van Russische rolzie* // Язык и культура: Материалы конференции «Бельгия – Нидерланды – Россия» / Под ред. П. ван Нюнена и А. Семенова. М.: Наука, 1999. С. 88–92). Но др. переводчики (напр., М. Фондсе) все же стремились передать и формальные качества поэзии О. М. Явлением стала коллективная работа группы славистов под рук. лейденского профессора рус. лит-ры Карела ван хет Reve (Karel van het Reve; 1921–99): в этой группе сообща обсуждались каждая строка и каждое слово (их переводы публиковались под разными названиями: *Werkgroep slavistiek Leiden, Leidse slavisten met Karel van het Reve, Vertaalgroep Leidse Slavisten*). Из поэзии О. М. эта группа перевела 7 стихотв., причем настолько удачно, что они много раз включались в антологии. Из Лейденской группы со временем вышли Марья Вибес (Marja Wiebes) и Мархрит Берг (Margriet Berg), уже в 1990-е гг. переведшие совместно еще 10 стихотв. О. М. В 1986 в пер. Йоланды Блумен (Yolanda Bloemen) отдельной книжкой вышли письма О. М. 1936–38, а в 1990–91 двумя изданиями и впервые на НЯ появилось и «Путешествие в Армению» в пер. Кристины Варменховен (Kristien Warmenhoven) и с предисл. англ. поэта Брюса Чатвина (Bruce Chatwin; 1940–89). В 1990-е гг. в Голландии появился еще один новый переводчик и пропагандист творчества О. М. – Петер Зеeman (Peter Zeeman). После защиты диссертации о поздней поэзии О. М. в Амстердамском ун-те в 1988, он все чаще стал выступать как переводчик. В 1992 Зеeman опубликовал популярную монографию о Мандельштаме, в к-рую включил несколько своих переводов, а в 1996 – маленькую антологию поэзии Анненского, Бродского, Кушнера и О. М. под названием «Четыре Петербуржца». Зеeman был одним из составителей самой обширной антологии рус. поэзии на НЯ – «Зеркало русской поэзии» (О. М. представлен в ней 12 стихотв., из них 11 – в его переводе). В эти же годы отдельные стихотв. О. М. выходили в переводах Й. де Бозе (J. de Boose), Франса-Йозефа ван Ахта (Frans-Joseph van Agt), Ханса Боланда (Hans Boland), Ко Кармана (Ko Karman) и Томаса Лангерака (Thomas Langerak). Однако последняя по времени большая публ. стихотворений О. М. (2004) принадлежит перу не фламандского или голландского слависта, а художницы русско-грузинского происхождения Нины Тархан-Мурави (Nina Targan Mouravi). В предисл. к антологии «Россия, Лета,

Лорелея» она пишет, что импульс этому необычному проекту дала любовь к поэзии и переводам, унаследованная ею от матери (переводчицы с груз. яз. Анаиды Беставашвили). Несмотря на отдельные языковые неточности, ее переводы хорошо передают музыкальность поэзии О. М. Всего же за 30 лет общими усилиями было переведено ок. 200 стихотв. О. М. Многие из них переводились по несколько раз, причем особенно популярными (переведенными по 5 раз каждое!) оказались стихотв. «Дано мне тело – что мне делать с ним...» и «Бессонница, Гомер, тугие паруса...». Переведены и основные прозаические произведения О. М., а вот эссеистика и эпистолярная О. М. переведены относительно слабо. Практически не переведенными остаются детские и шуточные стихи О. М.

Библиография

Нидерландский (голландский) язык – язык жителей Нидерландов и северной части Бельгии – Фландрии. В библиографию входят произведения, изданные в Нидерландах и в Бельгии (переводы, изданные в др. странах, если таковые имеются, в ней не отражены). В описание издания входят: заглавие (в т.ч. перевод заглавия на рус. яз.; заглавия типа «Vier gedichten» [Четыре стихотворения], «Osip Mandelstam» и т.п. не переводятся), сведения о переводчике, составителе, авторе послесловия и т.д., место издания, издательство и количество страниц. Внутреннее содержание книг и больших (более 5 вещей) подборок стихотв. О. М. не приводится. В двуязычных изданиях заглавие оригинала стоит на первом месте. В случае, когда публикация не имеет заглавия (напр., в антологии Leningrad: Verhalen van een stad, 1984), в начале библиографического описания даются заглавие переведенного произведения или первая строка, после тире – заглавие или первая строка оригинала. В случае, когда в одну единицу библиографического описания входят переводы разных переводчиков, эти переводы снабжены порядковыми номерами в скобках, а после фамилии переводчика даются номера стихотворений, им переведенных. В библиографию переводов входят также переводы, включенные в статьи о Мандельштаме – в тех случаях, когда стихотворения были специально переведены для данной статьи и не публиковались в других местах. Библиографические описания рецензий на отдельные книги даются после описания этих книг, при этом список выявленных рецензий не претендует на полноту. В библиографии использованы

следующие сокращения: comm. – commentaar [комментарии]; dr. – druk [издание]; ill. – illustraties [иллюстрации]; inl. – inleiding [предисловие]; naw. – nawoord [послесловие]; NRC – Nieuwe Rotterdamse Courant; vert. – vertaling [перевод].

Vrij Nederland = Свободная Голландия.

Переводы О.Э. Мандельштама
на нидерландский язык
(1973–2004 гг.)

1973

Wie een hoefijzer vindt (Нашедший подкову) / Vert. Kees Verheul // Tirade. 1973, dec. Jrg. XVII. Nr. 192. P. 626–629.

1974

WIE EEN HOEFIJZER VINDT: EN ANDERE GEDICHTEN [Нашедший подкову и другие стихотворения] / Vert. K. Verheul. Amsterdam: Van Oorschot, 1974. 92 p.

Содерж.: STEEN – КАМЕНЬ «Het aarzelende, doffe geluid...» – «Звук осторожный и глухой...»; Adem [Дыхание] – «Дано мне тело – что мне делать с ним...»; Schelp – Раковина; «Je gestalte, ijl en tergend...» – «Образ твой, мучительный и зыбкий...»; Amerikaans meisje – Американка; «Ik heb de verhalen van Ossian nooit gehoord...» – «Я не слышал рассказов Оссиана...»; «Onder vrolijk gehinnik weiden de paarden...» – «С веселым ржанием пасутся табуны...»; TRISTIA «In het veelstemmige gezang van hun maagdenkoor...» – «В разноголосице девического хора ...»; «In een slede die met stro bedekt was...» – «На розвальнях, уложенных соломой...»; «In het doorzichtige Petropolis zullen wij sterven...» – «В Петрополе прозрачном мы умрем...»; «Deze nacht is onherstelbaar...» – «Эта ночь непоправима...»; Vrijheidsschemer – Сумерки свободы; Tristia; «Van het triest en onvruchtbaar leven van Venetië...» – «Венециейской жизни, мрачной и бесплодной...»; «Als Psyche – ons leven – in het spoor van Persefone afdaalt...» «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»; «Ik ben het woord vergeten dat ik wilde zeggen...» – «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»; «Neem om je te verblijden uit mijn open handen...» – «Возьми на радость из моих ладоней...»; «In Petersburg zullen wij weer samenkomen...» – «В Петербурге мы сойдемся снова...»; GEDICHTEN 1921–

1925 – СТИХОТВОРЕНИЯ 1921–1925 Wie een hoefijzer vindt – Нашедший подкову; 1 januari 1924 – 1 января 1924; «Nee, ik ben nooit iemands tijdgenoot geweest...» – «Нет, никогда, ничей я не был современник...»; VERSPREIDE GEDICHTEN – СТИХИ, НЕ СОБРАННЫЕ В КНИГИ De telefoon – Телефон; «Terwille van de luidruchtige faam van toekomstige eeuwen...» – «За гремящую доблесть грядущих веков...»; Fragment uit een vernietigd gedicht [Отрывок из уничтоженных стихов] – «В год тридцать первый от рожденья века ...»; Impressionisme – Импрессионизм; Batjoesjkov – Батюшков; Ariosto – Ариост; «Wij leven zonder onder onze voeten ons land te voelen...» – «Мы живем, под собою не чуя страны...»; Zwarte aarde – Чернозем; «Ik moet leven al ben ik twee keer gestorven...» – «Я должен жить, хотя я дважды умер...»; «Binnen de bergwand rust de afgod...» – «Внутри горы бездействует кумир...»; «Wat moeten wij met de doodse verslagenheid van de vlakten...» – «Что делать нам с убитостью равнин...»; «Nog ben ik niet gestorven, nog ben ik niet alleen...» «Еще не умер я, еще я не один...»; «Waar vind ik een toevlucht in deze januarimaand?..» – «Куда мне деться в этом январе?..»; Uit 'Verzen voor de onbekende soldaat' [Из «Стихов о неизвестном солдате»] – «Наливаются кровью аорты...»; «Ik ben in de hemel verdwaald... Wat moet ik doen?..» – «Заблудился я в небе – что делать?..»; «Misschien is dit het begin van waanzin...» – «Может быть, это точка безумия...»; Notities van de vertaler [Заметки переводчика].

1976

Zwarte aarde [Чернозем] / Vert. K.Verheul, ill. Guillaume Le Roy. Amsterdam: [s.n.], 1976. (Илл. – гравюры. Тир.: 20 экз.).
Содерж.: Zwarte aarde – Чернозем.

1977

«Osip Emiljevitsj Mandelstam (1892-1943 [sic! – T.L.]» // Alle schoonheid is vermetel. Bloemlezing uit zestig jaar Russische полzie / Samengesteld, ingeleid en vertaald door Gilbert Demets – Nijmegen-Brugge: B. Gottmer: Orion, 1977. P. 30-31. (Gegeven werd mij 't lichaam [«Дано мне тело – что мне делать с ним...»]; Is het mogelijk te prijzen... [«Возможна ли женщине мертвой хвала?..»]; De dichter treurt in ballingschap [«Лишив меня морей, разбега и разлета...»]).

1978

DE EGYPTISCHE POSTZEGEL [Египетская марка] / Vert. T. Eekman en Ch. B. Timmer; Naw. Tom Eekman. – Amsterdam: Van Oorscot, 1978. 143 p. («Russische miniaturen» [4]).

Содеpж.: De Egyptische postzegel – Египетская марка; Het tumult van de tijd – Шум времени; Feodosia – Феодосия; Het vierde proza – Четвертая проза; Nawoord – послесловие; Annotaties – примечания.

Рец.: *Verheul K. Antwoord van een buitenstaander // Vrij Nederland*. 1979, 3 februari. Перепеч. в кн.: *Verheul K. Antwoord van een buitenstaander*. Amsterdam: Atheneum – Polak & Van Gennep, 1981. P. 26–32.

«Novellino» [«Вы помните, как бегуны...»] / Vert. K. Verheul // *De Revisor*. 1978. V.6. P. 51. (Перевод в статье: *Verheul K. Twee Russische hommages aan Dante / Ibid*. P. 51–53).

1979

DE EGYPTISCHE POSTZEGEL [Египетская марка] / Vert. T. Eekman en Ch. B. Timmer; Naw. Tom Eekman – Amsterdam: Van Oorscot, 1979. 2e dr. 143 p. («Russische miniaturen» [4]).

Содеpж.: De Egyptische postzegel – Египетская марка; Het tumult van de tijd – Шум времени; Feodosia – Феодосия; Het vierde proza – Четвертая проза; Nawoord – послесловие; Annotaties – примечания.

1980

«ik zeg dit zacht en niet concreet...» [«Я скажу это начерно, шепотом...»] / Vert. Arie Visser // *NRC Handelsblad*. 1980, 25 juni.

«ik zeg dit zacht en niet concreet...» [«Я скажу это начерно, шепотом...»] // Visser, Arie. *Voorlopig overzicht*. – Amsterdam: Loeb & van der Velden, 1980. P. 128. [Поэтич. обработка голландского поэта Ари Виссера, включенная в кн. его стихов].

Vier gedichten uit «Steen» (1916) / Vert. M. Fondse // *De Tweede Ronde*. 1980, zomer. P. 141–144. («Niet gebaat is het met spraak en woord...» [«Ни о чем не нужно говорить...»]; «Ik kreeg een lijf, wat zal ik ermee zijn...» [«Дано мне тело – что мне делать с ним...»]; Schelp [Раковина]; «Insomnia. Homerus. Zeilen bol en strak...» [«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»])

1981

Uit: Kwartet / Vert. Ch. B. Timmer // Maatstaf. 1981, 11-12 (nov.-dec.). Jrg. XXIX. P. 24-26. (Zelfportret [Автопортрет]; De eeuw [«Век мой, зверь мой, кто сумеет...»]).

Vier gedichten / Vert. K. Verheul // De Tweede Ronde. 1981, winter. 2^e jaarg., Nr.4. P.141-144. (Lutheraan [Лютеранин]; Notre Dame; Lamarck [Ламарк]; «Gewapend met wat slanke wespen kunnen zien...» [«Вооруженный зрением узких ос...»]).

1982

WIE EEN HOEFIJZER VINDT: GEDICHTEN EN ESSAYS [Нашедший подкову: Стихотворения и эссе] / Vert. en commentaar K. Verheul. 2e herz. en verm. uitg. [Изд. 2-е, расширенное и пересмотренное] – Amsterdam: Van Oorschot, 1982. 2e dr. 140 p. *Содерж.*: GEDICHTEN – СТИХОТВОРЕНИЯ «Het aarzelande, doffe geluid...» – «Звук осторожный и глухой...»; Adem – «Дано мне тело – что мне делать с ним...»; Silentium; Schelp – Раковина; «Je gestalte, ijl en tergend...» – «Образ твой, мучительный и зыбкий...»; Lutheraan – Лютеранин; Hagia Sophia – Айя-София; Notre Dame; Amerikaans meisje – Американка; «Ik heb de verhalen van Ossian nooit gehoord...» – «Я не слышал рассказов Оссиана...»; «Onder vrolijk gehinnik weiden de paarden...» – «С веселым ржанием пасутся табуны...»; «In het veelstemmige gezang van hun maagdenkoor...» – «В разноголосице девического хора...»; «In een slede die met stro bedekt was...» – «На розвальнях, уложенных соломой...»; «In het doorzichtige Petropolis zullen wij sterven...» – «В Петрополе прозрачном мы умрем...»; «Deze nacht is onherstelbaar...» – «Эта ночь непоправима...»; Vrijheidsschemer – Сумерки свободы; Tristia; «Van het triest en onvruchtbaar leven van Venetië...» – «Венецкой жизни, мрачной и бесплодной...»; «Als Psyche – ons leven – in het spoor van Persefone afdaald...» – «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»; «Ik ben het woord vergeten dat ik wilde zeggen...» – «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»; «Flauw flakkert het spookachtige toneel...» – «Чуть мерцает призрачная сцена...»; «Neem om je te verblijden uit mijn open handen...» – «Возьми на радость из моих ладоней...»; «Het grootse ogenblik: de miskelk...» – «Вот дароносица, как солнце золотое...»; «In Petersburg zullen wij weer samenkomen...» – «В Петербурге мы сойдемся снова...»; Wie een hoefijzer vindt – Нашедший подкову; 1 januari 1924 – 1 января 1924; «Nee, ik ben nooit iemands tijdgenoot geweest...» – «Нет, никогда, ничей я не был современник...»; De telefoon –

·Телефон; «Terwille van de luidruchtige faam van toekomstige eeuwen...» – «За гремучую доблесть грядущих веков...»; (Fragment uit een vernietigd gedicht) – «В год тридцать первый от рождения века ...»; Lamarck – Ламарк; Novellino – «Вы помните, как бегуны...»; Impressionisme – Импрессионизм; Batjoesjkov – Батюшков; Ariosto – Ариост; «Wij leven zonder onder onze voeten ons land te voelen...» – «Мы живем, под собою не чуя страны...»; Zwarte aarde – Чернозем; «Hoe heet deze straat?..» – «Это какая улица?..»; «Ik moet leven al ben ik twee keer gestorven...» – «Я должен жить, хотя я дважды умер...»; «Binnen de bergwand rust de afgod...» – «Внутри горы бездействует кумир...»; Geboorte van een glimlach – Рождение улыбки; «Wat moeten wij met de doodse verslagenheid van de vlakten...» «Что делать нам с убитостью равнин...»; «Nog ben ik niet gestorven, nog ben ik niet alleen...» «Еще не умер я, еще я не один...»; «Zoals een steenblok uit de hemel de aarde ergens wekt...» – «Как землю где-нибудь небесный камень будит...»; «Waar vind ik een toevlucht in deze januarimaand?..» – «Куда мне деться в этом январе?..»; Uit 'Verzen voor de onbekende soldaat' – «Наливаются кровью арты...»; «Zoals de martelaar van licht en schaduw Rembrandt...» – «Как светотени мученик Рембрандт...»; «Gewapend met wat slanke wespen kunnen zien...» – «Вооруженный зреньем узких ос...»; «Ik ben geworpen in een leeuwenkuil, een vesting...» – «Я в львиный ров и в крепость погружен...»; «Ik ben in de hemel verdoemd... Wat moet ik doen?..» – «Заблудился я в небе – что делать?..»; «Misschien is dit het begin van waanzin...» – «Может быть, это точка безумия...»; ESSAYS – ЭССЕ; De gespreksgenoot – О собеседнике; De ochtend van het acmeïsme – Утро акмеизма; Het woord en de cultuur – Слово и культура; Het humanisme en de huidige tijd – Гуманизм и современность; Notities van de vertaler bij Mandelstams poëzie – Послесловие переводчика; Toelichtingen bij Mandelstams essays – Комментарии к эссе. Рец.: Langerak, T. Waar de loodlijn heerst // NRC Handelsblad. 1982. 2 april.

Osip Mandelstam // KWARTET. Osip Mandelstam – Anna Achmatova – Marina Tsvetajeva – Boris Pasternak / Vert. en comm. Ch. B. Timmer. Amsterdam: Arbeiderspers, 1982. P. 37–81. [1. Silentium; 2. «Een fijn gehoor zet fijnste zeilen bij...» – «Слух чуткий парус напрягает...»; 3. «Ik haat de saaie glans...» – «Я ненавижу свет...»; 4. «Jouw beeld zo kwellend ongewis...» – «Образ твой, мучительный и зыбкий...»; 5. «Het grauw sliep in...» – «Заснула чернь. Зияет площадь аркой.»; 6. Zelfportret – Автопортрет;

7. «Slapeloos. Homerus. Bolle zeilen...» – «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»; 8. «De trekken van 't gezicht vertrokken...» – «Черты лица искажены...»; 9. «Ik heb het koud, de lente is kristal en...» – «Мне холодно. Прозрачная весна...»; 10. «Petropolis van kristal – in jou ligt ons verderf...» – «В Петрополе прозрачном мы умрем...»; 11. «In het wonder van herrijzing niet gelovend...» – «Не веря воскресенья чуду...»; 12. «Deze nacht is onherstelbaar...» – «Эта ночь непоправима...»; 13. «Gruwelijk hoog een dwalend licht...» – «На страшной высоте блуждающий огонь!...»; 14. Tristia; 15. «Het toneel komt in spokig licht over me...» – «Чуть мерцает призрачная сцена...»; 16. «Neem nu blijmoedig uit mijn beide handen...» – «Возьми на радость из моих ладоней...»; 17. «In Petersburg, daar komen wij weer samen...» – «В Петербурге мы сойдемся снова...»; 18. «Ik vergat het woord, mij bijna reeds ontvallen...» – «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»; 19. «Mijn eeuw, mijn beest, wie is in staat...» – «Век мой, зверь мой, кто сумеет...»; 20. «Nee nyit ben ik geweest een tijdgenoot...» – «Нет, никогда, ничей я не был современник...»; 21. «Dat bijen zich wel naar de imker schikken...» – «Привыкают к пчеловоду пчелы...»; 22. Leningrad – Ленинград; 23. «Help mij, Heer, deze nacht te doorstaan...» – «Помоги, Господь, эту ночь прожить...»; 24. «Kom bij me in de keuken, knus...» – «Мы с тобой на кухне посидим...»; 25. «Ik drink op de oorlogsasters, op het slechts ooit van mij gedacht...» – «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...»; 26. «Bewaar mijn woord voor goed als voorsmaak van rampen en rook...» – «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»; 27. «Ik ben geen kind meer – en jij, grafzerk...» – «Я больше не ребенок!...»; 28. «Wij leven, maar kennen het land niet onder ons...» – «Мы живем, под собою не чуя страны...»; 29–35. Stancen – Стансы; 36. «Hij leeft en laat zich met niets vergelijken...» – «Не сравнивай: живущий несравним...»; 37. «Als hout en koper – in Favorski's vlucht...» – «Как дерево и медь – Фаворского полет...»; 38. «Wanneer de vijanden van ons mij zouden pakken...» – «Если б меня наши враги взяли...».]

Рец.: Maegd-Soëp, Carolina de // Handen, 1984. 1. P. 30–33.

Drie gedichten / Vert. M. Fondse (1, 2) en K. van het Reve (3) // De Tweede Ronde. 1982, zomer. 3^e jaarg., Nr. 2 P. 187-189. ((1) Cherry brandy [Шерри-бренди: «Я скажу тебе с последней...»]; (2) «Geen slaap hebben. Homerus. Alle zeilen strak...» [«Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»]; (3) «Van smalle wespen het gewarend oog...» [«Вооруженный зреньем узких ос...»]).

«33 vertalingen uit de schriften van Voronjezj» / Vert. en com. mentaar Peter van Everbroeck en Miriam van Hee // Heibel. – juni 1983, – 4. P. 67–93. [«Hoe heet deze straat? Mandelstamstraat...» – «Это какая улица? Улица Мандельштама...»; «Ik hok in een volkstuin van hoog volk...» – «Я живу на важных огородах...»; «Al ben ik twee keer gestorven, ik moet leven...» – «Я должен жить, хотя я дважды умер...»; «Ja, ik lig in de grond en mijn lippen fluisteren...» – «Да, я лежу в земле, губами шевеля...»; «Je ontnam me zeel, aanloop, ruimte...» – «Лишив меня морей, разбега и разлета...»; «Distelvink, ik hou mijn hoofd achterover...» – «Мой щегол, я голову закину...»; «Mij niet, jou niet, hùn behoort...» – «Не у меня, не у тебя – у них...»; «Vandaag heeft een gele mond...» – «Нынче день какой-то желторотый...»; «Zover het oog reikt strekken zich stapels hoofden uit...» – «Уходят вдаль людских голов бугры...» [четверостишие из «Оды»]; «Als op de sombere takken...» – «Когда в ветвях понурых...»; «Dit dierbare gist der wereld...» – «Дрожжи мира дорогие...»; «Een duiveltje in doorweekte pels...» – «Влез бесенок в мокрой шерстке...»; «Ik staar alleen de vorst in het gezicht...» – «В лицо морозу я гляжу один...»; «Wat gedaan met het platgeslagene van de vlakten...» – «Что делать нам с убитостью равнин...»; «O, die lome, benauwende ruimte...» – «О, этот медленный, одышливый простор!..»; «Niet vergelijken: wie leeft is niet te vergelijken...» – «Не сравнивай: живущий несравним...»; «Wat vertering en vervalsing weerstand bood...» – «Как женственное серебро горит...»; «Nog ben je niet gestorven, niet verlaten...» – «Еще не умер ты, еще ты не один...»; «Nu sta ik in het spinneweb van licht...» – «Я нынче в паутине световой...»; «Waar is het vastgeketend, – geklonken gesteun...» – «Где связанный и пригвожденный стон?..»; «Een vers viel verstoten, vader onbekend...» – «Как землю где-нибудь небесный камень будит...»; «Ik hoor, hoor het ochtendijs...» – «Слышу, слышу ранний лед...»; «Ik hou van de adem die bevriest...» – «Люблю морозное дыханье...»; «Ik zag een meer dat rechtop stond...» – «Я видел озеро, стоявшее отвесно...»; «Op een diendblad van framboos en ducatengoud...» – «На доске малиновой, червонной...»; «Ik schrijf dit in het klad, ik fluister het...» – «Я скажу это начерно, шопотом...»; Laatste Avondmaal – Тайная вечеря; «Ik ben de weg kwijt in de hemel.. wat gedaan?...» – «Заблудился я в небе – что делать?..»; «Misschien is dit het begin van waanzin...» – «Может быть, это точка безумия...»; Wijnkruik – Кувшин; «Hoe graag zou ik willen vliegen...» – «О, как же я хочу...»; «Pere- en

kersebloesem mikken op mij...» – «На меня нацелилась груша да черемуха...»; [1] «Op de lege aarde, onwillekeurig wankelend...» – «К пустой земле невольно припадаю...» [2] «Er zijn vrouwen, met de aard van de vochtige aarde...» – «Есть женщины сырой земле родные...»].

1984

(1) Kinderimperialisme. [Ребяческий империализм]; (2) Rellen en Françaises [Бунты и француженки]; (3) Vijf gedichten: Petersburgse strofen [Петербургские строфы]: De Admiraliteit [Адмиралтейство]; «In Petersburg zullen wij weer samenkomen...» [«В Петербурге мы сойдемся снова...»]; Leningrad [Ленинград]; «Met de wereld van het rijk was ik alleen kinderlijk verbonden...» [«С миром державным я был лишь ребячески связан...»] / Vert. T. Eekman en Ch. B. Timmer (1-2), K. Verheul (3) // Leningrad: Verhalen van een stad. / Red. Hans Driessen. Amsterdam: Meulenhoff informatief, 1984. P. 88–93 (1–2), 127–132 (3).

Gedicht / Werkgroep slavistiek Leiden / De Tweede Ronde. 1984, lente. 5e jaarg., nr. 1. – P. 185. («In de keuken zetten wij ons neer...» [«Мы с тобой на кухне посидим...»]).

1985

Gedicht / Vert. Werkgroep slavistiek Leiden // De Tweede Ronde. 1985, zomer, 6e jaarg., nr. 2. P. 212. («In een goudgele stroom gleed de honing zo traag en zo zacht...» [«Золотистого меда струя из бутылки текла...»]).

1986

Laatste brieven: 1936–1938 [Последние письма: 1936 – 1938] / Vert. Yolanda Bloemen. – Maastricht: Gerards & Schreurs, 1986. 34 p. («Fragmenten» 1).

Содерж.: Письма: Е.Э. Мандельштаму от 8 янв. 1936 г. и от начала 1936 г.; Б.Л. Пастернаку от 28 апр. 1936 г. и от 2 янв. 1937 г.; Е.Э. Мандельштаму от 4 февр. 1937 г.; В.Я. Хазиной от начала 1937 г.; два письма К.И. Чуковскому от начала 1937 г.; Ю.Н. Тынянову от 21 янв. 1937 г.; письма Н.Я. Мандельштам от 19 апр. 1937 г., 23 апр. 1937 г., 26 апр. 1937 г., 28 апр. 1937 г. и от 30 апр. 1937 г.; в секретариат Союза советских писателей от 30 апр. 1937 г.; письма Н.Я. Мандельштам от конца апр. 1937 г., 2 мая 1937 г. 4 мая 1937 г. (2 письма) и от 7 мая 1937 г.; В.П. Ставскому от июня 1937 г.; А.Э. Мандельштаму от 20–30 окт. 1938 г.; nawoord – послесловие.

Rec.: Fondse, M. // Vrij Nederland. 1986, 30 augustus; Voeten, Jessica, Mandelstam. // NRC Handelsblad. 1986. 13 juni.

Zwarte aarde: Schriften uit Voronezj [Чернозем: Воронежские тетради] / Vert. Miriam van Hee en Peter van Everbroeck. – Leuven: Kritak, 1986. 134 p. («Kritak klassiek» 4).

Содерж.: I Zwarte aarde – Чернозем; «Ik woon in voorname tuinen...» – «Я живу на важных огородах...»; «Ik moet leven, al ben ik twee keer gestorven...» – «Я должен жить, хотя я дважды умер...»; «Laat me vrij, geef me wèèr, Voronezj...» – «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...»; «Koptelefoons, mijn beste koptelefoons...» – «Наушнички, наушники мои!...»; «Hoe heet deze straat? Mandelstamstraat...» – «Это какая улица? Улица Мандельштама...»; «Nog zijn we boordevol leven...» – «Еще мы жизнью полны в высшей мере...»; 1. «Wat is het donker voor de ogen aan de Kama...» – «Как на Каме-реке глазу темно, когда...» 2. «Я смотрел, отдаваясь, на хвойный восток...»; Stanza's <1–8> – Стансы <1–8>; «De dag stond daar vijfkoppig. Vijf dagen lang...» – «День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток...»; «Vanop het vochtige doek...» – «От сырой простыни говорящая...»; «Je ontnam me zeeën, aanloop, ruimte...» – «Лишив меня морей, разбега и разлета...»; «Een lofzang op een vrouw na haar dood?...» – «Возможна ли женщине мертвой хвала?...»; «Op de dode wimpers de kou van Isaak...» – «На мертвых ресницах Исакий замерз...»; «Goudstaven van Romeinse nachten...» – «Римских ночей полновесные слитки...»; «Achter Paganini met de lange vingers...» – «За Паганини длиннопалым...»; «Een golf holt, volgt een golf, breekt haar de rug...» – «Бежит волна-волной, волне хребет ломая...»; «Ik volg het ritueel van het roken...» – «Исполню дымчатый обряд...»; «Nee, migraine is het niet, maar geef me de mentholstift...» – «Нет, не мигрень, – но подай карандашик ментоловый...»; «Niet als een meelwitte vlinder...» – «Не мучнистой бабочкою белой...»; II «Loei vanachter de huizen en de bossen...» – «Из-за домов, из-за лесов...»; De geboorte van de glimlach – Рождение улыбки; «Ik verwonder me nog over de wereld...» – «Подивлюсь на свет еще немного...»; «Distelvink, ik hou mijn hoofd achterover...» – «Мой щегол, я голову закину...»; «Als een distelvink in bladerdeeg...» – «Когда щегол в воздушной сдобе...»; «Vandaag heeft een gele mond...» – «Нынче день какой-то желторотый...»; «Ik sta in het hart van de eeuw, de weg onduidelijk...» – «Я в сердце века, путь неясен...»; «Mij niet, jou niet, hùn behoort...» – «Не у меня, не у тебя – у них...»; «De afgod in de berg richt niets uit...» – «Внутри горы бездействует кумир...»; «De meesterkanonniëter...» – «А мастер пушечного цеха...»; «De wet van

het dennenbos...» – «Сосновой рощицы закон...»; «Met een fijn Gillette-mesje...» – «Пластинкой тоненькой жиллета...»; «Deze provincie in het donker regenseizoen...» – «Эта область в темноводье...»; «Mijlpalen van een ver konvooi...» – «Вехи дальние обоza...»; «De emmer aanhoudend onweer...» – «Шло цепочкой в темно водье...»; «Een achterstallig geschenk...» – «Как подарок запоздалый...»; «Vandaar al deze ongelukken...» – «Оттого все неудачи...»; «Je pupil in de hemelse korst...» – «Твой зрачок в небесной корке...»; «Glimlach, toornig lam, vanop Rafaels doek...» – «Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста...»; «Wanneer op de treurige takken...» – «Когда в ветвях понурых...»; «Naast Koltsov ben ik...» – «Я около Кольцова...»; «Deze dierbare gist van de wereld...» – «Дрожжи мира дорогие...»; «Een duiveltje in doorweekte pels...» – «Влез бесенок в мокрой шерстке...»; «Nog ben ik niet gestorven, niet verlaten...» – «Еще не умер я, еще я не один...»; «Alleen staar ik de vorst in het gezicht...» – «В лицо морозу я гляжу один...»; «O, die lome, benauwende ruimte...» – «О, этот медленный, одышливый простор!..»; «Wat gedaan met de neergevelde vlakten...» – «Что делать нам с убитостью равнин...»; «Niet vergelijken: wie leeft is niet te vergelijken...» – «Не сравнивай: живущий несравним...»; «Wat vertering en vervalsing weerstand bood...» – «Как женственное серебро горит...»; «Nu sta ik in een spinneweb van licht...» – «Я нынче в паутине световой...»; «Als een steen uit de hemel die de aarde wekte...» – «Как землю где-нибудь небесный камень будит...»; «Zover het oog reikt strekken zich stapels hoofden uit...» – «Уходят вдаль людских голов бугры...» [четверостишие из «Оды»]; «Ik hoor, hoor het ochtendijs...» – «Слышу, слышу ранний лед...»; «Ik hou van adem die bevriest...» – «Люблю морозное дыханье...»; «Waarheen vluchten, in januari?...» – «Куда мне деться в этом январе?...»; «Waar is het vastgeketend, vastgeklonken gesteun...» – «Где связанный и пригвожденный стон?...»; «Als de martelaar van licht en donker, Rembrandt...» – «Как светотени мученик Рембрандт...»; «Onderbroken ronde baaien, kiezel, blauw...» – «Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева...»; «Ik zing ongeveer ind met een krop in de keel...» – «Пою, когда гортань сыра, душа – суха...»; «Gewapend met de blik van slanke wesp...» – «Вооруженный зреньем узких ос...»; «Mijn ogen waren scherper dan een zeis...» – «Были очи острее точимой косы...»; «Nog herinnert ze zich mijn afgedragen schoenen...» – «Еще он помнит башмаков износ...»; «De Don: een droom waakt over mijn zevenslaper...» – «Обороняет сон мою донскую сонь...»; «Als hout en koper in 'De vlucht' van Favorski...» – «Как дерево и медь – Фаворского

полет...»; De Kama af – «Средь народного шума и спеха...»; «In een leeuwenkuil gegooid, in een vesting...» – «Я в львиный ров и в крепость погружен...»; III «Als onze vijanden mij gevangen namen...» – «Если б меня наши враги взяли...»; Over de onbekende soldaat – Стихи о неизвестном солдате 1. «Laat deze lucht getuigen...» – «Этот воздух пусть будет свидетелем...» 2. «Als fluisterende druiventrossen...» – «Шевелящимися виноградинами...» 3. «In de tienvoudig betekenisvolle ether...» – «Сквозь эфир десятично-означенный...» 4. «Een Arabische mengelmoes, hutsepot...» – «Аравийское месиво, крошево...» 5. «Voetvolk sterft een schone dood...» – «Хорошо умирает пехота...» 6. «Heeft daarvoor de schedel zich ontwikkeld...» – «Для того ль должен череп развиться...» 7. «Essehouten klaarheid, esdoornhouten waakzaamheid...» – «Ясность ясеневая, зоркость яворовая...» 8. «Aorta's stromen vol bloed...» – «Наливаются кровью арты...»; «Op een diendblad van framboos en dukatengoud...» – «На доске малиновой, червонной...»; «Ik zag een meer dat rechtop stond...» – «Я видел озеро, стоявшее отвесно...»; «Ik smeed om medelijden, genade, Frankrijk...» – «Я молю, как жалости и милости...»; Roma – Рим; «Ik schrijf dit in het klad, ik fluister het...» – «Я скажу это начерно, шопотом...»; Laatste Avondmaal – Тайная вечеря; «Ik ben verdwaald in de hemel... wat nu?...» – «Заблудился я в небе – что делать?...»; «Misschien is dit het begin van de waanzin...» – «Может быть, это точка безумия...»; «Hoe graag zou ik willen vliegen...» – «О, как же я хочу...»; Wijnkruid – Кувшин; «Om zijn pottenbakkers is het beroemd, het blauwe eiland...» – «Гончарами велик остров синий...»; «Nereïden, Nereïden van me...» – «Нереиды мои, нереиды...»; «De thèta en de iota van de Griekse taal...» – «Флейты греческой тэта и йота...»; «Opdat de vriend van wind en van druppels...» – «Чтоб, приятель и ветра и капель...»; «Door heel Kiev, door de straten van het monster...» – «Как по улицам Киева-Вия...»; «Ik breng dit groen naar mijn lippen...» – «Я к губам подношу эту зелень...»; «Pereboom en kerseboom mikken op mij...» – «На меня нацелилась груша да черемуха...»; [1] «Op de lege aarde, onwillekeurig wankelend...» – «К пустой земле невольно припадаю...» [2] «Er zijn vrouwen, verwant aan de vochtige aarde...» – «Есть женщины сырой земле родные...»; Epiloog – Послесловие.

Рец.: Vriese, Carlos de. Mandelstam in Voronezj // Poëziekrant. 1987. Nr. 3. P. 4.

Gedicht / Werkgroep Slavistiek Leiden // De Tweede Ronde. 1986, zomer. 7e jaarg. Nr. 2. P. 155. («Ik drink op de sterren en

strepen, op ieder onzalig verwijt...» [«Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...»]).

Osip Mandelstam / Inl., vert., en naw. Miriam van Hee, en Peter van Everbroeck // Yang. 1986, jan.-febr. Nr. 127. P. 15–24. [Mediterrane gestalten van Mandelstam – Предисловие: Средиземноморские образы Мандельштама; «Niet vergelijken: wie leeft is niet te vergelijken...» – «Не сравнивай: живущий несравним...»; «Al ben ik twee keer gestorven, ik moet leven ...» – «Я должен жить, хотя я дважды умер...»; «Ik hoor, hoor het ochtendijs...» – «Слышу, слышу ранний лед...»; «Ik ben verdwaald in de hemel... wat nu?..» – «Заблудился я в небе – что делать?..»; Laatste Avondmaal – Тайная вечеря; «Glimlach, toornig lam, vanop Rafaels doek...» – «Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста...»; «De thèta en de iota van de Griekse taal...» – «Флейты греческой тэта и йота...»; Wijnkruid – Кувшин; «Om zijn pottenbakkers is het beroemd, het blauwe eiland...» – «Гончарами велик остров синий...»; «Waar is het vastgeketend, vastgeklonken gesteun...» – «Где связанный и пригвожденный стон?..»; nawoord – послесловие].

1987

Gedicht / Vert. Werkgroep Slavistiek Leiden // De Tweede Ronde. – 1987, zomer, – 8e jaarg., nr. 2. P. 162. [«Wij leven en hebben geen voet aan de grond...» – «Мы живем, под собою не чуя страны...»].

1988

Osip Mandelstam (1891–1938) // De meisjes van Zanzibar. 27 gedichten van Aleksandr Blok, Vladislav Chodasevitsj, Nikolaj Gumiljov, Anna Achmatova, Boris Pasternak, Osip Mandelstam, Marina Tsvetajeva, Vladimir Majakovski, Sergej Jesenin, Vladimir Nabokov en Iosif Brodski / Vert. Leidse slavisten met Karel van het Reve. – Maastricht: Gerards & Schreurs, 1988. P. 45–57. («Visum» 4). [«Золотистого меда струя из бутылки текла...» – «In een goudgele stroom gleeed de honing zo traag en zo zacht...»; «Мы с тобой на кухне посидим...» – «In de keuken zetten wij ons neer...»; «Я скажу тебе с последней...» – «Cherry brandy of jenever...»; «Я пью за военные астры, за все, чем корили меня...» – «Ik drink op de sterren en strepen, op ieder onzalig verwijt...»; «Мы живем, под собою не чуя страны...» – «Wij leven en hebben geen voet aan de grond...»; «Вооруженный зреньем узких ос...» – «Van smalle wespen het gewarend oog...»]. (Двуязычное издание).

1990

REIS NAAR ARMENIË [«Путешествие в Армению»] / Vert.: Kristien Warmenhoven; Inl.: Bruce Chatwin. Houten: Het Wereldvenster, 1990. 63 p.

Rec.: Heuzel J. In de Kaukasische kring // Kruispunt (Brugge). 1990. Nr. 132. P. 173; Vanhole, Kamiel. De plaag van naïef realisme // De Morgen. 1990, 11 mei.; Zeeman, Peter. Het aller-mooiste handgeklap // NRC Handelsblad. 1990. 20 april. P. 3.

Twee gedichten / Vert. Werkgroep Slavistiek Leiden // De Tweede Ronde. – 1990, zomer. 11e jaarg., nr. 2. P. 178–179. (Leningrad [Ленинград]; «Tergend en ongrijpbaar ging uw smalle...» [«Образ твой, мучительный и зыбкий...»]).

1991

REIS NAAR ARMENIË [«Путешествие в Армению»]. (2-e изд.) / Vert.: Kristien Warmenhoven; Inl.: Bruce Chatwin. – Houten: Het Wereldvenster, 1991. 63 p.

Mandelstam // Van Derzjavin tot Nabokov: Russische poëzie uit drie eeuwen / Samenst. en vert. Marja Wiebes en Margriet Berg. – Leiden: Plantage/G&S, 1991. P. 178–183. («Visum» VII). ([«Только детские книги читать...»] – «Kinderboeken te lezen, meer niet...»; [«В Петербурге мы сойдемся снова...»] – «Eenmaal kom ik je in Petersburg weer tegen...»; [«Что делать нам с убитостью равнин...»] – «Wat moeten wij dan met de neerslachtigheid der vlakten aan...»). (Двуязычное издание).

Gedicht / Vert. Margriet Berg en Marja Wiebes // De Tweede Ronde. 1991, zomer. 2er jaarg. Nr. 2. P. 147. («Kinderboeken te lezen, meer niet...» [«Только детские книги читать...»]).

Gedichten / Vert. Peter Zeeman en Marc Schreurs (1, 6), Peter Zeeman (2, 3, 4, 7, 8), Amsterdamse werkgroep poëzie-analyse o.l.v. Peter Zeeman (5) // Tijdschrift voor Slavische Literatuur. – 1991, (juni). 10. P. 23–28. [(1) «Geluid, voorzichtig en gedempt...» – «Звук осторожный и глухой...»; (2) «Op het email, het bleek-blauw vlakke...» – «На бледно-голубой эмали...»; (3) Amerikaanse – Американка; (4) «Ik wil net als de andren...» – «Я наравне с другими...»; (5) «'k Waste mij op 't erf, 't was nacht en koud...» – «Умывался ночью на дворе...»; (6) «Kou heeft de roos in de sneeuw...» – «Холодно розе в снегу...»; (7) «Op

het geribde politiepapier...» – «На полицейской бумаге верже...»; (8) «Prikkende wimpers. En diep in mijn borst stokt een traan...» – «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...»].

1993

Gedichten / Vert. Peter Zeeman // De revisor. 1993. Nr. 4. P. 70–73. [«Ik kreeg dit lichaam – wat te doen ermee...» – «Дано мне тело – что мне делать с ним...»; Silentium; Dag-en-nachtevening – Равноденствие; «De slaap blijft uit. Homerus – strakke zeilen. Zon...» – «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»; «Nog lig je niet in 't graf, nog ben je niet alleen...» – «Еще не умер ты, еще ты не один...»; De geboorte van een glimlach – Рождение улыбки; «Zoals een hemelsteen de aard soms doet ontwaken ...» – «Как землю где-нибудь небесный камень будит...»].

1994

«Vier vroege gedichten» / Vert. en inl. J. de Boose // Yang. 1994. 1–2. P. 12–16. [«Steeds trager dalen bijen sneeuw...» – «Медлительнее снежный улей...»; «Uit een helse, kleffe kolk...» – «Из улья злого и вязкого...»; «Vandaag een kwade dag...» – «Сегодня дурной день...»; «Ik verafschuw licht...» – «Я ненавижу свет...»].

1996

Osip Mandelstam 1891–1938 // Vier Petersburgers: Innokenti Annenski, Osip Mandelstam, Alexander Koesjner, Joseph Brodsky / Gekozen, vertaald en ingeleid door Peter Zeeman. Amsterdam: Uitgeverij De Bezige Bij, 1996. P. 23–44. [«Geluid, voorzichtig en gedempt...» – «Звук осторожный и глухой...»; «Ik kreeg dit lichaam – wat te doen ermee...» – «Дано мне тело – что мне делать с ним...»; Silentium; Notre-Dame; Amerikaanse – Американка; Bach – Бах; Dag-en-nachtevening – Равноденствие; «In bed. Homerus. Zeilen aan de horizon...» – «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»; «Ik heb het koud. Een helder voorjaar deed...» « In helder Petersburg wacht ons de dood...» – «Мне холодно. Прозрачная весна...»; «В Петрополе прозрачном мы умрем...»; «Ik wil als alle mannen...» – «Я наравне с другими...»; Concert in het station – Концерт на вокзале; «Waste mij op 't erf, 't was nacht en koud...» – «Умывался ночью на дворе...»; De geboorte van een glimlach – Рождение улыбки; «Wind strijkt door mijn schaarse haren...» – «Холодок щекочет темя...»; Armenië – Армения; «Op het geschepte politiepapier...» – «На полицейской бумаге верже...»; «In de keuken is het warm en goed...» – «Мы с

тобой на кухне посидим...»; «Prikkende wimpers. En diep in mijn borst stokt een traan...» – «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...»; «Nog vol van leven zijn we bovenmate...» – «Еще мы жизнью полны в высшей мере...»; «De afgod sluimert binnen in de berg...» – «Внутри горы бездействует кумир...»; «Nog lig je niet in 't graf, nog ben je niet alleen...» – «Еще не умер ты, еще ты не один...»].

«Met alle hoop nu uitgedoofd...» [«Неумолимые слова...»] / Vert. Frans-Joseph van Agt // Tijdschrift voor Slavische Literatuur. 1996. 20. P. 15. (Перевод в статье Й. ван дер Энг-Лидмейер о религиозных мотивах в поэзии О.М.: *Eng-Liedmeier, Jeanne van der. Kruis en kathedraal in Mandelstams poëzie* // Ibid. P. C. 14–21).

1997

Осип Мандельштам / Osip Mandelstam // Шестое чувство / Het zesde zintuig. Gedichten van Anna Achmatova, Nikolaj Goemiljov en Osip Mandelstam / Samenst. Marja Wiebes en Margriet Berg, vert. Marja Wiebes en Margriet Berg (1, 2, 4, 5, 6, 12, 14, 15), Karel van het Reve (16) en Vertaalgroep Leidse Slavisten (3, 7, 8, 9, 10, 11, 13) – Leiden: Plantage, 1997. P. 72–105. («Visum» 10) [(Двуязычное издание); (1) «Только детские книги читать...» – «Kinderboeken te lezen, meer niet...»; (2) «Дано мне тело – что мне делать с ним...» – «Ik kreeg een lichaam, wat ermee gedaan?..»; (3) «Образ твой, мучительный и зыбкий...» – «Tergend en ongrijpbaar ging uw smalle...»; (4) Петербургские строфы – Peterburgse strofen; (5) «В разногласии девического хора...» – «Als een veelstemmig meisjeskoor, heel ingetogen...»; (6) «На розвальнях, уложенных соломой...» – «We zijn op een met stro bedekte slede...»; (7) «Золотистого меда струя из бутылки текла...» – «In een goudgele stroom gleeed de honing zo traag en zo zacht...»; (8) Ленинград – Leningrad; (9) «Мы с тобой на кухне посидим...» – «In de keuken zetten wij ons neer...»; (10) «Я скажу тебе с последней...» – «Cherry brandy of jenever...»; (11) «Я пью за военные астры...» – «Ik drink op de sterren en strepen, op ieder onzalig verwijt...»; (12) «Шестого чувства крохотный придаток...» – «Van 't zesde zintuig dat wat extra is...»; (13) «Мы живем, под собою не чуя страны...» – «Wij leven en hebben geen voet aan de grond...»; (14) «Что делать нам с убитостью равнин...» – «Wat moeten wij met de neerslachtigheid der vlakten aan...»; (15) «Еще не умер я, еще я не один...» – «Nog ben ik niet gestorven, ben ik niet alleen...»];

(16) «Вооруженный зреньем узких ос...» – «Van smalle wespen het gewapend oog...»].

Mandelstam // Bloemlezing van de Russische poëzie / Samenst. en vert. Marja Wiebes en Margriet Berg – Leiden: Plantage, 1997. P. 262–272. («Visum» 11). [«Kinderboeken te lezen, meer niet...» – «Только детские книги читать...»; «Ik kreeg een lichaam, wat ermee gedaan?...» – «Дано мне тело – что мне делать с ним...»; Peterburgse strofen – Петербургские строфы; «Ik heb het koud. Petropolis is al...» – «Мне холодно. Прозрачная весна...»; «Als een veelstemmig meisjeskoor, heel ingetogen...» – «В разноголосице девического хора...»; «We zijn op een met stro bedekte slede...» – «На розвальнях, уложенных соломой...»; «Eenmaal kom ik je in Petersburg weer tegen...» – «В Петербурге мы сойдемся снова...»; «Van 't zesde zintuig dat wat extra is...» – «Шестого чувства крошечный придаток...»; «Wat moeten wij met de neerslachtingheid der vlakten aan...» – «Что делать нам с убитостью равнин...»; «Nog ben ik niet gestorven, ben ik niet alleen...» – «Еще не умер я, еще я не один...»].

2000

Osip Mandelstam // De meisjes van Zanzibar: Twintigste-eeuwse Russische, Tsjechische en Poolse gedichten. – Leiden: Plantage, 1997. P. 54–57. («Visum» 13). ((1) [«Бессонница, Гомер, тугие паруса...»] «Insomnia. Homerus. Alle zeilen strak...» (2) [«Мы живем, под собою не чуя страны...»] «Wij leven en hebben geen voet aan de grond...»). (Двуязычное издание; пер.: Yolanda Bloemen (1), Leidse slavisten met Karel van het Reve (2)).

Osip Mandelstam (1891–1938) // Spiegel van de Russische poëzie van de 12^e eeuw tot heden. / Samengesteld door Willem G. Weststeijn en Peter Zeeman / Amsterdam: Meulenhoff, 2000. – P. 224–229. (Vert. Peter Zeeman (1–8, 10–12), Leidse slavisten met Karel van het Reve (9); [(1) Silentium; (2) Dag-en-nachtevening – Равноденствие; (3) «In bed. Homerus. Zeilen aan de horizon...» – «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...»; (4) Petropolis («Ben koud. Een transparante lente deed...», «In helder Petersburg wacht ons de dood...») – «Мне холодно. Прозрачная весна...», «В Петрополе прозрачном мы умрем...»; (5) Tristia; (6) Concert in het station – Концерт на вокзале; (7) «Wind strijkt door mijn schaarse haren...» – «Холодок щекочет темя...»; (8) «In de keuken is het warm en goed...» – «Мы с тобой на кухне посидим...»; (9) «Wij

leven en hebben geen voet aan de grond...» – «Мы живем, под собою не чуя страны...»; (10) «De afgod sluimert binnen in de berg...» – «Внутри горы бездействует кумир...»; (11) «Nog lig je niet in 't graf, nog ben je niet alleen...» – «Еще не умер ты, еще ты не один...»; (12) «Waar berg ik mij in deze januarimaand?...» – «Куда мне деться в этом январе?...»].

Twee gedichten / Vert. Hans Boland // De Tweede Ronde. 2000. zomer. 21^e jaarg., nr. 2. P. 224–225. [«We bestaan, maar we voelen geen grond, in een land...» – «Мы живем, под собою не чуя страны...»; «Voor een mensengeslacht in een heel ver verschiet...» – «За гремящую доблесть грядущих веков...»].

Gedichten / Vert. Peter Zeeman // De gids. 2000. Nr. 8 (163). P. 592–604. [«Tederder dan teder...» – «Нежнее нежного...»; «Op het geëmailleerde vlakke...» – «На бледно-голубой эмали...»; «Kan ik er wat aan doen dat ik geen maan...» – «Нет, не луна, а светлый циферблат...»; Voetganger – Пешеход; «Kornuitje met je grote mond...» – «Куда как страшно нам с тобой...»; «Geef me de kracht, Here God, deze nacht te doorstaan...» – «Помоги, Господь, эту ночь прожить...»; «Om de ronkende roem die de toekomst belooft...» – «За гремящую доблесть грядущих веков...»; «Houd mijn verzen in ere, omdat ze van rampspoed en rook zijn doortrokken...» – «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»; «'k Moet leven, schoon ik tweemaal ben gestorven...» – «Я должен жить, хотя я дважды умер...»; «Zeg, hoe heet het hier ook weer...» – «Это какая улица? Улица Мандельштама...»; «Alleen ik kijk de vorst in het gezicht...» – «В лицо морозу я гляжу один...»; «Zo scherp als ranke wespen kunnen zien...» – «Вооруженный зреньем узких ос...»; «Misschien is dit de kern van je geweten...» – «Может быть, это точка безумия...»].

2001

(1) «De kunstenaar heeft voor ons gelet...» [Импрессионизм];
(2) «Er zijn vrouwen, verwant aan de vochtige aarde...» [«Есть женщины сырой земле родные...»] / Vert. Ko Karman (1), Thomas Langerak (2) // De tweede gisting: Over de compositie van dichtbundels / Red. Ad Zuiderent en Evert van der Starre. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2001. P. 220–221, 230. [Пер. двух стихотв. в ст. Т. Лангерака: *Langerak T. Een niet voltooide bundel: «Schriften uit Voronezj» van Osip Mandelstam // Ibid. P. 213–232].*

(1) «Ja, Schubert in de beek, en Mozart in de vogels...» – «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...»; (2) «Als ik jou nog eens bekende...» – «Я скажу тебе с последней...» / Vert. Arie van der Ent. // Silvestrov V. Stille liederen: Tichie Pesni. Приложение к журналу Tortuca. 2002. 14. P. 67 (1), 70 (2). [Пер. текстов песен из цикла «Тихие песни» В. Сильвестрова. Первая строка стих. у Сильвестрова: «И Моцарт на воде, и Шуберт в птичьем гаме...»].

Osip Mandelstam [1891–1938] // Rusland Lethe Lorelei: Poesjkin Tjoettsjev Goemiljov Achmatova Mandelstam Pasternak Galitsj Achmadoelina Okoedjava / Vert. en voordracht Nina Targan Mouravi. – s.l.: Uitgeverij Azazello, 2004. P.117–165. [Предисловие; «Здесь отвратительные жабы...» – «Hier springen walgelijke padden...»; «В морозном воздухе растаял легкий дым...» – «Een ijle rookpluim lost in luchten op, het vriest...»; «Как кони медленно ступают...» – «Hoe langzaam deze paarden treden...»; «Я не слышал рассказов Оссиана...» – «Nog nimmer proefde ik van oude wijnen...»; «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» – «Insomnia. Ilias. Wind blaast zeilen strak...»; «У моря ропот старческой кифары...» – «De stem der zee is een bejaarde citer...»; «В разноголосице девического хора...» – «Onsamenhangend zijn de lieflijke gezangen...»; «Золотистого меда струя из бутылки текла...» – «Amberkleurige honing was vloeiende uit de fles...»; Декабрист – Dekabrist; «Возьми на радость из моих ладоней...» – «Neem heden tot je vreugde uit mijn handen...»; «За то, что я руки твои не сумел удержать...» – «Omdat ik vroegtijdig de grip op je handen verloor...»; «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» – «Larie haalt me weer in, ik verstop me vergeefs...»; «О, как мы любим лицемерить...» – «Wat zijn wij toch een huichelaren...»; «За гремучую доблесть грядущих веков...» – «Om de roemrijke moed der toekomstige tijd...»; В альбом спекулянтке Розе – In het album van woekeraarster Roza; Из Антологии античной глупости: «Сын Леонида был скуп, и кратеры берег он ревниво» – «Gierig was Leonids zoon, hij bewaakte zijn kraters vol ijver...»; «– Смертный, откуда идешь? – Я был в гостях у Шилейко...» – «– Sterveling, kom je van ver? – Ik was op bezoek bij Sjileiko...»; «Пушкин имеет проспект, пламенный Лермонтов тоже...» – «Poesjkin kreeg een boulevard, de vurige Lermontov idem...»;

Газелла – Ghazel; «Скажи-ка, бабушка, – хе-хе!..» – «Zeg ouwetje, – hi-hi! – vertel's...»; «Марья Сергеевна, мне ужасно хочется...» – «Ik stelde me Marja Sergejevna levendig...»; «Это какая улица?..» – «Welke straat is dit ook weer?..»; «Да, я лежу в земле, губами шевеля...» – «U hoort me wel, ik prevel in de grond...»; «Как по улицам Киева-Вия...» – «Zoekt een vrouwtje haar man – welke man dan?..»; «Есть женщины сырой земле родные...»]. (Двуязычное издание с компакт-диском).

Литература об О.Э. Мандельштаме
на нидерландском языке
(1972–2001 гг.)

1972

Mandelstam N. Memoires [Воспоминания] / Vert. Kees Verheul. Amsterdam: Van Oorschot, 1972. 479 p.

1973

Mandelstam N. Tweede boek [Вторая книга] / Vert. Hans Leerink. Amsterdam: Van Oorschot, 1973. 611 p.

1974

Meijer J.M. Analyse van Mandel'stam's 'Grifel'naja oda' [Анализ «Грифельной оды» Мандельштама] // *Handelingen van het tweeëndertigste Nederlands Filologencongres.* Amsterdam, 1974. P. 298–299.

van der Eng-Liedmeier A.M. Opmerkingen over de semantische structuur van Mandel'stam's gedicht 'V Peterburge my sojdemsja spova' [Заметки о семантической структуре стихотворения Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова...»] // *Handelingen van het tweeëndertigste Nederlands Filologencongres.* Amsterdam, 1974. P. 299.

Verheul K. De muziek in het werk van Osip Mandel'stam [Музыка в творчестве О.М.] // *Handelingen van het tweeëndertigste Nederlands Filologencongres.* Amsterdam, 1974. P. 300.

Verheul K. Notities van de vertaler [Заметки переводчика] // *Wie een hoefijzer vindt: en andere gedichten* / Vert. Kees Verheul. Amsterdam: Van Oorschot, 1974. P. 69–89.

1978

Eekman T. Nawoord [Послесловие] // *De Egyptische postzegel* / Vert. Tom Eekman en Charles B. Timmer; Naw. Tom Eekman. Amsterdam: Van Oorschot, 1978. P. 130–136.

Verheul K. Twee Russische hommages aan Dante [Два русских посвящения Данте] // *De Revisor*. Vol. V. Nr. 6 (dec. 1978). P. 51-52 (О стихотворениях «Novellino» Мандельштама и «Данте» Ахматовой)

1979

Eekman T. Nawoord [Послесловие] // *De Egyptische postzegel / Vert.* Tom Eekman en Charles B. Timmer; Naw. Tom Eekman. Amsterdam: Van Oorschot, 1979. P. 130-136.

1981

Verheul K. Antwoord van een buitenstaander [Ответ постороннего]. [Рец. на кн.: *De Egyptische postzegel / Vert.* Tom Eekman en Charles B. Timmer; Naw. Tom Eekman. – Amsterdam: Van Oorschot, 1978. 143 p.] // *Verheul, Kees.* Antwoord van een buitenstaander. Amsterdam: Atheneum – Polak & Van Gennep, 1981. P. 26-32.

Verheul K. Twee Russische hommages aan Dante [Два русских посвящения Данте] // *Verheul Kees.* Antwoord van een buitenstaander. Amsterdam: Atheneum – Polak & Van Gennep, 1981. P. 33-39 (О стихотворениях «Novellino» Мандельштама и «Данте» Ахматовой)

1982

Langerak T. Waar de loodlijn heerst [И всюду царь – отвес] // *NRC Handelsblad*. – 1982, 2 april. [Рец. на кн.: *Wie een hoefijzer vindt: Gedichten en essays / Vert. en commentaar Kees Verheul.* Amsterdam: Van Oorschot, 1982. 2e dr. 140 p. (2e herz. en verm. uitg.)]

Timmer Ch. B. Inleiding. Osip Mandelstam. [Предисловие. Осип Мандельштам]. // *Kwartet. Osip Mandelsjtam – Anna Achmatova – Marina Tsvetajeva – Boris Pasternak / Vert. en comm.* Ch. B. Timmer. Amsterdam: Arbeiderspers, 1982. P. 11-38.

Verheul K. Notities van de vertaler bij Mandelstams poëzie [Заметки переводчика о поэзии Мандельштама] // *Wie een hoefijzer vindt: Gedichten en essays / Vert. en commentaar Kees Verheul.* Amsterdam: Van Oorschot, 1982. P. 111-132 (2e herz. en verm. uitg.).

1984

de Maegd-Soëp C. / [Рец на кн.: *Kwartet. Osip Mandelsjtam – Anna Achmatova – Marina Tsvetajeva – Boris Pasternak / Vert.*

en comm. Ch. B. Timmer. Amsterdam: Arbeiderspers, 1982.] //
Handen, 1984. Nr.1. P. 30-33.

1986

Bloemen Y. Nawoord [Послесловие] // *Laatste brieven: 1936-1938 /*
Vert. Yolanda Bloemen. – Maastricht: Gerards & Schreurs, 1986
(«Fragmenten» 1). P. 32-33.

Fondse M. // *Vrij Nederland /* [Рец. на кн.: *Laatste brieven:*
1936-1938 / Vert. Yolanda Bloemen. – Maastricht: Gerards &
Schreurs, 1986]. – 1986, 30 augustus.

Voeten J. Mandelstam / [Рец. на кн.: *Laatste brieven: 1936-1938 /*
Vert. Yolanda Bloemen. – Maastricht: Gerards & Schreurs, 1986.] //
NRC Handelsblad. 1986, 13 juni.

1987

Vriese Carlos de. Mandelstam in Voronezj [Мандельштам в Воро-
неже] / [Рец. на кн.: *Zwarte aarde: Schriften uit Voronezj / Vert.*
Miriam Van hee en Peter van Everbroeck. – Leuven: Kritak, 1986.
134 p.] // *Poëziekrant.* 1987. Nr. 3. P. 4.

1990

Heuzel J. In de Kaukasische kring [Кавказский меловый круг].
[Рец. на кн.: *Reis naar Armenië / Vert.: Kristien Warmenhoven;*
Inl.: Bruce Chatwin. Houten: Het Wereldvenster, 1990. 63 p.] //
Kruispunt (Brugge). 1990. Nr. 132. P. 173.

Vanhole Kamiel. De plaag van papef realisme [Бич наивного ре-
ализма] / [Рец. на кн.: *Reis naar Armenië / Vert.: Kristien*
Warmenhoven; Inl.: Bruce Chatwin. Houten: Het Wereldvenster,
1990. 63 p.] // *De Morgen.* 1990, 11 mei.

Zeeman Peter. Het allermooiste handgeklap [Самые прекрасные
рукоплескания] / [Рец. на кн.: *Reis naar Armenië / Vert.: Kristien*
Warmenhoven; Inl.: Bruce Chatwin. – Houten: Het Wereldvenster,
1990. 63 p.] // NRC Handelsblad. 1990, 20 april. P. 3.

1991

Popov D. Het archief van Mandelstam [Архив Мандельштама] /
Vert. Hans van der Molen // *Tijdschrift voor Slavische literatuur.*
1991. 10. P. 13-15.

Zeeman Peter. Het hellenistisch proza van Mandelstam. [Эллини-
стическая проза Мандельштама] // *Tijdschrift voor Slavische*
literatuur. 1991. 10. P. 16-22.

1992

Weststeijn W. Moskouse indrukken. [Московские впечатления] // De Gids. 1992. 2. P. 141–148.

Zeeman P. Osip Mandelstam: De waanzin voorbij [Точка безумия]. Kampen: Kok Agora 1992. 124 p. («Monografieën»)

Zeeman P. Mandelstam en Moskou. [Мандельштам и Москва] // De Gids. 1992. Nr. 2. P. 148–152.

1996

van der Eng-Liedmeier J. Kruis en kathedraal in Mandelstams poëzie [Крест и церковь в поэзии Мандельштама] // Tijdschrift voor Slavische literatuur. 1996, 20. P. 14–21.

2001

Langerak T. Een niet voltooide bundel: 'Schriften uit Voronezj' van Osip Mandelstam [Незаконченная книга стихов: «Воронежские тетради» Мандельштама] // De tweede gisting: Over de compositie van dichtbundels / Red. Ad Zuiderent en Evert van der Starre. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2001. P. 213–232.

T. Лангерак

ПРИНСТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (Princeton University), один из старейших ун-тов США. Осн. в 1746 в Принстоне (шт. Нью-Джерси), статус ун-та получил в 1896. С 1976 ОР Отдела редких книг и спец. коллекций Файерстоунской б-ки П. у. является местом хранения наиб. полного и представит. собрания подлинных мат-лов о жизни и творчестве О. М. (см. *Архив Мандельштама*). Коллекция состоит из рукоп. и машинописных мат-лов О. М. (в осн. черновиков и списков, сделанных рукой Н. М.), его переписки и ряда биограф. источников, датированных 1900–70-ми гг., гл. обр. на рус. яз. Ядро коллекции – мат-лы, характеризующие творчество поэта и являющиеся текстологич. источниками его произв.: рукописи, авториз. и неавториз. машинописи и списки. Большинство мат-лов – черновики и промежуточные редакции, отражающие все осн. этапы творчества поэта и документирующие практически все его осн. произв. (за исключением «Шума времени»). В коллекцию входят книги О. М. с дарств. надписями С.П. Каблукову («Камень», 1913) и Н.Е. Штемпель

(«Стихотворения», 1928), содержащие важные пометы (как авт., так и владельч.), комментарии Н. М. к произв. О. М. и многочисл. биограф. материалы об О. М., а также о Н. М. и ее семье. Коллекция П. у. является, по существу, семейным архивом О. М. и Н. М.

Из СССР архив О. М. был вывезен в два приема: в 1974 жена франц. культур-атташе В.Н. Татищева вывезла его в Париж, после чего архив некоторое время хранился у проф. Н.А. Струве. Согласно воле Н. М., он должен был передать его проф. П. у. К. Брауну, что и было сделано в 1976 при посредничестве проф. Пенсильванского ун-та Э. Моссмана (E. Mossman), в прошлом ученика Брауна. Н. М. предложила завещать архив либо Брауну лично, либо П. у. После отказа Брауна от прав личного владения Н. М. дарственной от 7.4.1976 официально предоставила П. у. безоговорочное право собственности и распоряжения архивом, включая и лит. права. Архив (2 небольших чемодана) был разобран Брауном, сохранившим первонач. порядок (по-видимому, основанный на принципах систематизации самой Н. М. и помогавшей ей в разборе архива И. М. Семенко), затем он был передан в П. у., а сам Браун стал его первым куратором.

Состав коллекции (2003): 5 коробок с оригиналами, 5 коробок с идентич. фотокопиями, 1 коробка с оригиналами сброшюров. мат-лов, 4 катушки микрофильмов и 9 коробок с фотографиями, отпечатанными с микрофильмов. Оригиналы хранятся в том виде и той последовательности, как они поступили на хранение. Несмотря на оптимальные микроклиматич. условия хранения, их физич. состояние вызывает большие опасения. С целью обеспечения сохранности оригиналов и согласно воле Н. М., читателям выдаются, как правило, фотокопии.

Внутр. сигнатура коллекции П. у. – CO539. Устоявшаяся аббревиатура – АМ (Архив О.Э. Мандельштама). Справочно-информац. аппарат к фонду: Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Manuscript Division. Osip Mandelstam Papers (CO539). 1900s-1970s, bulk 1914–1937. A Finding Aid. Prepared by Yevgeny Pavlov. Princeton, 1994. 112 р. (экз. имеется в Мандельштамовском обществе). Описание включает в себя след. указатели: стихотв. произв.; прозаич. произв.; адресатов писем О. М. и Н. М.; отправителей писем к О. М. и Н. М. (см. его также на сайте П. у. в Интернете: <http://libweb.princeton.edu:2003/libraries/firestone/rbcs/>

aids/mandelshtam/; веб-страница открыта в сент. 1998). Над описанием мандельшт. материалов принстонской коллекции работали также Г. Фрейдин и Л.В. Алексеева. Науч. публикации на основе материалов АМ были сделаны в нач. 1980-х гг. В.А. Швейцер, Н.А. Струве; в 1991–2001 в П. у. с ними работали также С. В. Василенко, М.Л. Гаспаров, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин и др.

Мат-лы коллекции периодически пополняются вторичными мат-лами («Моск. дневник» К. Брауна, 1-й вариант описания архива, сост. Г. Фрейдиным, и др.), к-рые неоднократно использовались при текстологич. подготовке изд., написании книг и статей, а также экспонировались на выставках в России и Германии в 1991–94. В дек. 1991 копии микрофильмов коллекции от имени П. у. переданы Алексеевой Ю.Л. Фрейдину для передачи в фонды *Гос. литературного музея*; отд. разрозненные фотокопии хранятся в МО. В окт. 2001 в П. у. состоялась организованная МО, Файерстоунской б-кой и Слав. отделением П. у.науч. конф., посв. 25-летию поступления архива О. М. в Файерстоунскую б-ку (см. *Конференции*).

Лит.: Ж. В. Возвращение архива Мандельштама // ЛГ. 22.1.1992; Василенко С. В. «А теперь приведем...» // Ученые и ун-ты России в условиях переходного периода: Мат-лы конф. Ульяновск, 1998; Н е р л е р П. Принстонский архив О. Мандельштама // Рус. мысль (Париж). 1999. Окт. (№ 4287–89); О н ж е . Мандельштамовские дни в Принстоне // Там же. № 4383. 1.7.2001. С. 13.

П.М. Нерлер

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ государственный (ГЛМ), крупнейший в СССР и России музей истории отеч. лит-ры. Образован по инициативе В.Д. *Бонч-Бруевича*. В мае 1931 Наркомпрос РСФСР учредил спец. Комиссию по подготовке и организации Центр. лит. музея в Москве (пред. А.С. Бубнов, зам. пред. Бонч-Бруевич) 3.7.1933 организован Центр. музей худож. лит-ры, критики и публицистики, к-рый в 1934 объединен с Лит. музеем при Всес. б-ке им. В.И. Ленина под общим назв. Гос. лит. музей (первый дир. Бонч-Бруевич, до 1940). Всего за несколько лет архивное собрание ГЛМ превратилось в крупнейшее в СССР. В этом успехе свою роль сыграли не только активность и целеустремленность директора, но и общая обстановка в стране в 1930-х гг., когда люди старались избавиться от личных архивов.

Кроме того, ГЛМ вел издательскую деятельность: издавал ряд серий – «Звенья.: Сб-ки мат-лов и док-тов по истории лит-ры, иск-ва и обществ. мысли XIX в.» (1932–51), «Летописи Гос. лит. музея» (1936–48), «Бюллетени Гос. лит. музея» (1935–49; последние 3 вып. под назв. «Каталоги»), выпускал открытки с портретами писателей; вел выставочную и экскурсионную работу. В мае–июне 1941 441 личный фонд (ок. 3 млн ед. хр.) из архивного собрания ГЛМ передан в специально для этого созданный Центр. гос. лит. архив при Гл. архивном управлении НКВД РСФСР, на их основе создан Центр. гос. архив лит-ры и иск-ва (ЦГАЛИ, ныне *Российский государственный архив литературы и искусства*, РГАЛИ). В настоящее время в фондах ГЛМ св. 700 тыс. ед. хр., охватывающих историю рус. лит-ры с древнейших времен, рукописные и первопечатные книги, прижизн. издания и книги с автографами писателей, личные архивы и фонды деятелей рус. лит-ры и культуры и др., архивы изд-в, творч. объединений, уникальные фотографии, работы виднейших рус. художников, предметы прикладного иск-ва, памятники культуры, быта, собрание мем. вещей, разл. коллекции, в т. ч. фоно- и видеозаписей. Филиалы ГЛМ: мем. музеи А.И. Герцена, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, М.М. Пришвина, А.Н. Толстого, Б.Л. Пастернака. ГЛМ проводит «круглые столы», науч. конференции, чтения, лит. и лит.-муз. вечера, встречи с писателями.

С.В. Шумихин

ГЛМ располагает значительным собранием материалов о жизни и творчестве О. М. В отделе рукописных фондов имеется именной фонд О.Э. Мандельштама (Ф. 352), организованный в 1990-х гг. Этот фонд является составным и содержит в основном копии с оригинальных материалов, отложившиеся в собрании ГЛМ в связи с подготовкой выставки об О. М. (1991). Ядро «мандельштамианы» в этом собрании составляют автографы и списки (гл. обр. рукой Н. М., а также М.А. *Зенкевича*) стихотворений О. М. в фондах Зенкевича (Ф. 247) и лит. критика Н.И. Замошкина (1896–1960; Ф. 49), поступивших в музей практически одновременно – в 1973–74. Большинство из них относятся к 1930-м гг., но некоторые – к 1920-м гг.; отдельные автографы (напр., автограф стихотворения «Нет, не мигрень...») являются единств. прижизн. источниками текста и имеют поэтому исключит. текстологич. значение. Кроме того, единичные авторизованные источники содер-

жатыся в фонде Д. И. Ширина-Юрениевского (Ф. 283; «После скрипичного концерта») и в Ф.352 («Я не слышал рассказов Оссиана...», «Мне жалко, что теперь зима...», «Золотистого меда струя из бутылки текла...», «Полночь в Москве»). В Ф. 247 хранятся два письма О. М. к Зенкевичу, а также письма к нему В.И. *Нарбута*, в к-рых содержится много ценных упоминаний об О. М. В коллекции Е.Ф. *Никитиной* оказались интересные документы 1923 – печатное воспроизведение силуэта О. М. (худ. Е.С. Кругликова) с дарственной надписью Никитиной и адресованное ей письмо О. М. от 20 мая (Ф. 349). В этом же комплексе находятся биография О. М. и библиография его изданий, составленные Никитиной в конце 1920-х гг. (Ф. 349). Имеются и др. материалы биографич. характера. Так, в фонде Об-ва драматич. писателей и оперных композиторов (Ф. 151) хранится собственноручное заявление О. М. от 28.5.1924 о приеме его в члены Об-ва; в фонде П.Н. *Васильева* (Ф. 112) – пародия Васильева на О. М. (1933) с письм. пояснением А.Е. *Крученых*, а в «Коллекции пригласительных билетов и театральных программ XIX–XX вв.» (Ф. 268) – программа «Вечера лирики» в кабаре «*Бродячая собака*» 26.1.1914 с участием О. М. Несколько анонсов с упоминанием О. М. отмечены и в фонде Н.Н. Минаева (Ф. 383). Среди многочисл. материалов, созданных уже после смерти О. М., встречаются мемуары о нем, в частности, фрагменты из воспоминаний А.А. *Ахматовой* (1957; Ф. 40) и воспоминания А.Г. *Глухова-Щуринского* «О.Э. Мандельштам и молодежь (1929–1930)» (Ф. 352). Кроме того, в ряде фондов единичные упоминания О. М. обнаруживаются в переписке современников, имеются также автографы посвященных ему стихотворений. В изобразит. фонде ГЛМ имеются редкие оригиналы из состава иконографии О. М.: фотография, на к-рой О. М. снят вместе с К.И. *Чуковским*, Б.К. *Лившицем* и Ю.П. *Анненковым* перед отправкой Лившица на фронт (авг. 1914; об истории снимка см.: Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец. Л., 1989. С. 544–45; Чукоккала: Рукоп. альм. Корнея Чуковского. М., 1999. С. 45–46); акварельные и карандашные рисунки и оттиск карикатуры М.В. Ле-Дантю «Поход Игоря Северянина на Берлин» (1914), где О. М. изображен среди персонажей лит.-артистич. кафе «Бродячая собака»; шаржированный рисунок (возможно, набросок панно или росписи) на гостей другого известного кабаре «*Привал комедиантов*», слушающих выступающего со сцены О. М.; шарж Н.Э. Радлова под назв. «Сумасшедший корабль», отсылающий

к одним. роману О.Д. Форш, петроградскому «Дому искусств» и его обитателям. На рисунке в лодке под парусом наряду с О. М. определенно узнаются Н.С. Гумилев, В.Б. Шкловский, М.Л. Слонимский, А.Л. Волынский; погрудный портрет О. М. работы рижского худ. Л. Ортеги (1978; гравюра рулетой), воплощающий образ поэта в худож. сознании поколения 1970-х гг. Значительный комплекс фотоматериалов (фотокопии и фотомуляжи), сложившийся во время подготовки юбилейной выставки О. М., включает почти все известные изображения поэта, портреты его родственников, лиц ближайшего окружения, а также виды мест, связанных с его биографией. Собрание афиш располагает редким экземпляром афиши, анонсировавшей «Вечер современной поэзии и музыки» 15.04.1916 в Концертном зале *Тенишевского училища*. В числе его участников названы имена Г.В. Адамовича, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, М.А. Зенкевича, С.А. Есенина, Г.В. Иванова, Р. Ивнева, Н.А. Клюева, М.А. Кузмина, О.Э. Мандельштама, Ф. Сологуба, Н. Тэффи, С.С. Прокофьева и др. Книжная коллекция включает основные прижизненные издания О. М., в том числе книги с его автографами, пометами и правками: «Камень» (СПб.: Акмэ, 1913) с автографом З.А. Венгеровой; «Tristia» (Пб.; Берлин: Petropolis, 1922) с авторскими пометами; «Камень» (М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923) с авторскими правками; «Вторая книга» (М.; Пб.: Круг, 1923) с автографом Д.К. Богомилскому; «Шум времени» (Л.: Время, 1925) с автографами Н.О. Лернеру и М.А. Зенкевичу. К числу редких относятся севастьяпольские альманахи 1920 «Обвалы сердца» и «Пьяные вишни» с публикацией стихотворений О. М. Их обложки и переплет оформлены в традиции «рукотворных» футуристических книг – вручную. В книжном собрании представлены и другие периодические издания, в к-рых публиковались произведения О. М., а также его переводы, последующие издания и собрания сочинений. Хранящиеся в ГЛМ аудио и видеозаписи 1920–1990-х гг. – редчайшие источники «мандельштамианы». Уникальными среди них являлись записи авторского чтения О. М. десяти стих., сделанные на восковых валиках проф. Института истории искусств С.И. Бернштейном в 1920-е гг. По инициативе заведующего сектором литературных звукозаписей Л.А. Шилова запись была реставрирована и включена в состав грампластинки «Голоса, зазвучавшие вновь» (1978). Консультантом реставрации была М.С. Петровых; в ее исполнении Шилов за-

писал на магнитофон экспромт О. М., связанный с началом ее переводческой деятельности («Марья Сергеевна! Мне ужасно хочется...»). Современные видео и аудиозаписи фиксируют проходившие в Москве заседания Первых Мандельштамовских чтений (ИМЛИ, 1988) и вечера памяти О. М. (ЦДЛ, 1987; Колонный зал, 1991).

Л.К. Алексеева, П.М. Нерлер

Материалы О.Э. Мандельштама из коллекции Государственного литературного музея

1. Стихотворения

1. «Я не слышал рассказов Оссиана...» 1914. Список рукой неустановл. лица с подписью. 1 л. Черные чернила.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 1.
2. «Мне жалко, что теперь зима...» [1922]. Список рукой Н.Я. Мандельштам с подписью. 1 л. Красные чернила, пометы карандашом.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 4.
3. «Золотистого меда струя из бутылки текла...» [1922]. Список рукой Н.Я. Мандельштам (строфы 1–2) и рукой неустановл. лица (строфы 3–5) с подписью. 1 л. Красные чернила.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 2.
4. «Виноград» («Золотистого меда струя из бутылки текла...»). Вырезка из газеты «Московский понедельник». 1922. № 13. 11 сентября. Печать. 1 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 3.
5. «Из табора улицы темной...» [1927]. Автограф. 1 л. Карандаш, чернила (подпись); на обороте бланка издательства «Новый мир». 1 л.
Ф. 49 (Н.И. Замошкин). Оп. 2. Д. 54.
6. «Цыганка» («Сегодня ночью, не солгу...») [1927]. Автограф. 2 л. Карандаш, синий карандаш (подпись); на оборотах бланков издательства «Новый мир». Впервые опубликовано в журнале «Новый мир», 1927, № 6.
Ф. 49 (Н.И. Замошкин). Оп. 2. Д. 56.
7. «Семь стихотворений». 1930–1931. Автограф (титул), список рукой Н.Я. Мандельштам с подписью (л. 8). 8 л. Л. 1 – автор, заглавие рукой О.Э. Мандельштама с пометой Н.И. Харджи-

ева: «< титул-автограф> Н.Х.». Карандаш; л. 2 – «Мы с тобой на кухне посидим...»; л. 3 – «Не говори никому...»; л. 4 – «Куда как страшно нам с тобой...»; л. 5 – «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»; л. 6 – «Я скажу тебе с последней прямокой...»; л. 7 – «После полуночи сердце ворует...»; л. 8 – «На полицейской бумаге верже...». Карандаш.

Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 40.

8. «Помоги Господь эту ночь прожить...» 1931. «Как бык шестикрылый и грозный...» (вступительное четверостишие к циклу «Армения») 1930. Автограф. 1 л. Зеленые чернила. Помета Н.И. Харджиева карандашом: «<автограф> Н. Х.»

Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 41.

9. «Я скажу тебе с последней прямокой...» 2 марта 1931. Авторизованный список рукой Н.Я. Мандельштам. 1 л. Фиолетовые чернила. Помета Н.И. Харджиева карандашом: «<эпиграф и подпись авторские> Н. Х.»

Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 43.

10. <Стихотворения> Март–апрель 1931. Автограф, списки. 5 л. Л. 1 – «За гремучую доблесть грядущих веков...» Март 1931. Автограф с правкой и пометой М.А. Зенкевича. Карандаш; л. 2 – «Колют ресницы. В груди холодеет слеза...» Март 1931; л. 3 – «Неправда» 4 апреля 1931; л. 4 – «Я пью за военные астры...» 11 апреля 1931; л. 5 – «Нет, не спрячься мне от великой муры...» Апрель 1931. Списки рукой М.А. Зенкевича. Зеленые чернила.

Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 44.

11. «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...» 23 апреля 1931; «Дикая кошка армянская речь...» Октябрь 1930. Автограф. 1 л. с об. Л. 1 – синие чернила. Помета Н.И. Харджиева карандашом: «<автограф> Н. Х.»; л. 1 об. – карандаш. Пометы М.А. Зенкевича.

Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 45.

12. <Три стихотворения> [1931] Автограф, списки. 1 л. с об. Л. 1 – «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» [1931]. Автограф (первые две строки) и список рукой Н.Я. Мандельштам с авторской правкой. Фиолетовые и красные чернила. Помета Н.И. Харджиева карандашом: «<авторские поправки> Н. Х.»; «Мы с тобой на кухне посидим...» [1931]. Список рукой Н.Я. Мандельштам и автограф (две последние строки); л. 1об. «Я скажу тебе с последней прямокой...» 2 марта 1931. Список рукой М.А. Зенкевича. Черные чернила.

Ф. 247 (М. А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 42.

13. «Сегодня можно снять декалькомани...» 25 июня 1931. Автограф с правкой. 3 л. Синие чернила. На л. 1 помета Н.И. Харджиева карандашом: «<автограф>Н.Х.
Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 46.
14. «Полночь в Москве» («Роскошно буддийское лето...») Июль 1931. Машинопись с правкой и подписью. 3 л. Авторская правка и подпись карандашом
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 6.
15. «Сегодня можно снять декалькомани...» Август 1931. Машинопись с правкой. 2 л. Авторская правка карандашом
Ф. 247 (М. . Зенкевич). Оп. 1. Д. 47.
16. «Сегодня можно снять деколькомани...» [1931]. Машинопись. 2 л. На л. 1 слева на полях надпись неустановл. лица карандашом: «Не печатать»
Ф. 49 (Н.И. Замошкин). Оп. 2. Д. 55.
17. «Еще далеко мне до патриарха...» Май-сентябрь 1931. Беловой автограф. 2 л. Синие чернила. На л.1 помета Н.И. Харджиева карандашом: «<автограф> Н. Х.»
Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 48.
18. «Батюшков» 18 июня 1932. Беловой автограф. 2 л. Синие чернила.
Ф. 49 (Н.И. Замошкин). Оп. 2. Д. 53.
19. «После скрипичного концерта» Май 1935. Авторизованная машинопись. 1л. Место (Воронеж), дата и подпись – синими чернилами.
Ф. 283 (Д.И. Ширин-Юрневский). Оп. 1. Д. 88.

2. Материалы к биографии

20. Мандельштам О.Э. Дарственная надпись Никитиной Е.Ф. 16 января 1923. 1 л. На листе с печатным воспроизведением силуэта О.Э. Мандельштама работы Е.С. Кругликовой синим карандашом: «Евдоксия Федоровна меня, надеюсь, извинит в том, что я не похож на изображенного здесь – правда 10 лет тому назад – молодого, и весьма своеобразно и условно-изящного, но по-своему элегантно жениха! О. Мандельштам. 16/1/23».
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 16.
21. Мандельштам О.Э. Письмо Никитиной Е.Ф. 20 мая 1923. Автограф. 1 л. Синие чернила.
Ф 135 (Е.Ф. Никитина). Оп. 2. Д.462
22. Мандельштам О.Э. Заявление о приеме в Общество Драматических писателей и Композиторов (ОРДП). 28 мая 1924.

Машинопись, автограф. 1 л. Вставки в машинописный текст черными чернилами.

Ф. 151 (Об-во драматич. писателей и оперных композиторов). Оп. 1. Д. 102.

23. Мандельштам О.Э. Письма Зенкевичу М.А. [1927; 1929]. Автограф. 5 л., 2 док. Л.1-4 – карандаш; л.5 – черные чернила.

Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Д. 21.

24. Нарбут В.И. Письма Зенкевичу М.А. 1913–1916 (упоминание О.М.). Автограф. 12 л. 7 док. Черные чернила.

Ф. 247 (М.А. Зенкевич). Оп. 1. Из д. 22.

25. Афиша лекции Кульбина Н.И. «Футуризм и отношение к нему современного общества и критики» в Концертном зале при Шведской церкви. Санкт-Петербург. 10 декабря 1913 (упоминание О. М.). Фотокопия. 1 л.

Ф. 372 (Рюрик Ивнев [М.А. Ковалев]). Оп. 1. Д. 362.

26. Программа «Вечера лирики» в кафе «Бродячая собака». Санкт-Петербург. 26 января 1914 (упоминание О. М.). Печать. 1 л.

Ф. 268 (Коллекция пригласит. билетов и театральных программ XIX–XX вв.). Оп. 1. Д. 41.

27. Арго А.М., Адуев Н.А. «Анкета на тему как родился поэт». Цикл из шести поэтических пародий на В.Я. Брюсова, О.Э Мандельштама, С.М. Городецкого, Б.Л. Пастернака, И. Северянина, Д. Бедного // Бюллетень «Литературного особняка». 20 сентября 1920. Машинопись. 2 л.

Ф 383 (Н.Н. Минаев). Оп. 1. Д. 314.

28. Листовка-анонс о выходе в свет еженедельника литературы, театра, искусства «Сегодня». 21 августа 1922 (упоминание О. М.). Печать. 1 л.

Ф. 383 (Н.Н. Минаев). Оп. 1. Д. 325.

29. Всерос. союз поэтов. Письмо Минаеву Н.Н. 8 ноября 1923 (упоминание О. М.). Печать, рукописн. 1 л.

Ф. 383 (Н.Н. Минаев). Оп. 1. Д. 274. Л. 4.

30. Рождественский Вс.А. Письмо к неустановл. лицу с обращением: «Многоуважаемый Николай Николаевич». 18 сентября 1925. Автограф. 2 л. Синие чернила. Л. 1 об. – упоминание О.М.

Ф. 349 (Коллекция автобиографий писателей, собранная Е.Ф. Никитиной). Оп. 1. Д. 892.

31. Никитина Е. Ф. Биобиблиографические материалы О.Э. Мандельштама [1929]. Рукописн., машинопись, печать. 5 л.
Ф. 349 (Коллекция автобиографий писателей, собранная Е.Ф. Никитиной). Оп. 1. Д. 669.
32. Ивнев Р.И. <Выступление по поводу ликвидации РАПП>. 1932. Машинопись (упоминание О. М.). 1 л.
Ф. 372 (Рюрик Ивнев [М.А. Ковалев]). Оп. 1. Д. 308.
33. Васильев П.Н. Пародия на О.Э. Мандельштама. 1933. Авторизованный список рукой А.Е. Крученых. Комментарий А.Е. Крученых. 1935–1957. Автограф. Синие чернила. 2 л.
Ф. 112 (П.Н. Васильев). Оп. 1. Д. 3.
34. Трамвайный проездной билет Мандельштама О.Э. [1933]. Копия. 1 л.
Ф. 352-к. Рнв. №. 4905.
35. Следственное дело Мандельштама О.Э. в ОГПУ СССР. 16 июня 1934. [Извлечения]. Ксерокопия. 21 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Рнв. 4142.
[Подлинник: ЦА ФСБ РФ].
36. Следственное дело Мандельштама О.Э. в НКВД СССР. 30 апреля – 2 августа 1938. [Извлечения]. Ксерокопия. 21 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Рнв. 4743
[Подлинник: ЦА ФСБ РФ].
37. Личное дело на арестованного Бутырской тюрьмы ГУГБ НКВД Мандельштама О.Э. [Извлечения]. 4 августа 1938 – 7 декабря 1938. Ксерокопия. 8 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Рнв. 4744.
[Подлинник: ЦА МВД РФ].
38. Ксерокопированные копии материалов из коллекции Отдела редких книг и коллекций Файерстоунской б-ки Принстонского университета (США): рукописи, документы к биографии, письма и телеграммы О.Э. Мандельштама и к нему, документы Н.Я. Мандельштам.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 2. Д. 1–20. 20 л.;
Ф. 352. Оп. 3. Д. 1–74. 274 л.
39. Микрофильмированные копии материалов архива О.Э. Мандельштама в Отделе редких книг и коллекций Файерстоунской б-ки Принстонского ун-та (США): В 4 ч. (рулонах).

3. Посмертные публикации,
воспоминания, увековечение памяти

40. *Мандельштам О.Э.* «Сухаревка». Вырезка из журнала «Горизонт». 1988. № 9. Печать. 3 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 5.
41. *Оболенская Ю.Л.* <Материалы к биографии К.В. Кандаурова>. 1941. Автограф. 40 л. Черные чернила. Л. 15 об., 19 – упоминание О. М.
Ф. 348 (Ю. Л. Оболенская). Оп. 1. Д. 7.
42. *Ахматова А.А.* «Воспоминания о О. Мандельштаме» 25 июля 1957. Машинопись. 9 л.
Ф. 40 (А.А. Ахматова). Оп. 2. Д. 11.
43. Она же. «Листки из дневника» 28 июля 1957. Авторизованная машинопись (неполная редакция). 4 л.
Ф. 40 (А.А. Ахматова). Оп. 1. Д. 22.
44. *Сивачева Н.П.* Письмо Шепеленко Д.И. 10 сентября 1958. Автограф 2 л. Синие чернила. Л. 388, 389 – упоминание О. М.
Ф. 366 (Н.П. Кугушева). Оп. 1. Из д. 11.
45. *Гумилевский Л.И.* «Судьба и жизнь». Ч. 2. Воспоминания. 1962. Авторизованная машинопись. 224 л. Подпись черными чернилами. Л. 88 – упоминание О. М.
Ф. 317 (Л.И. Гумилевский). Оп. 1. Д. 4.
46. *Рождественский Вс.А.* Письмо Эвин Э. Э. 25 декабря 1963. Автограф. 1 л. Синие чернила. Л. 39 – упоминание О. М.
Ф. 342 (Э.Э. Эвин). Оп. 1. Из д. 36.
47. *Татарина Н.* Цикл стихотворений, посвященных О.Э. Мандельштаму. 2 июля 1965. Автограф. 6 л. Синие чернила
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 11
48. *Миндлин Э.Л.* Письмо Эвин Э.Э. [26 февраля 1976]. Автограф. 2 л. Синие чернила. Л. 1 – упоминание О. М.
Ф. 342 (Э.Э. Эвин). Оп. 1. Д. 27.
49. *Глухов-Щуринский А.Г.* «О. Э. Мандельштам и молодежь (мои воспоминания. 1929–1930 гг.)» 2 сентября 1980. Автограф. 8 л. Синие чернила.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 8.
50. *Горнунг Л.В.* «Воспоминания о Сергее Есенине (по личным впечатлениям и рассказам о нем). Материалы для биографии». 1935–1989. Авторизованная машинопись. 28 л. Л. 2 – упоминание О. М.
Ф. 397 (Л.В. Горнунг). Оп. 1. Д. 1.

51. *Он же.* «Воспоминания о Софии Яковлевне Парнок». 1980-е гг. Машинопись. 39 л. Л. 1,5 – упоминание О. М.
Ф. 397 (Л.В. Горнунг). Оп. 1. Д. 2.
52. *Трифонов Ю.* «Осип Мандельштам: “Еще не умер я, еще я не один...”». Интервью с А.А. Мандельштамом в газете «За автомобильно-дорожные кадры». 1988, № 2 (1332). 1 янв.
С. 3. Печать.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д.12.
53. *Кушнер А.С.* «Выпрямительный вздох». Выступление на Первых Мандельштамовских чтениях. ИМЛИ им. А.М. Горького. 24 февраля 1988. Машинопись. 11 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 9
54. Пригласительный билет на Первые Мандельштамовские чтения. ИМЛИ им. А. М. Горького. 24–25 февраля 1988. Печать. 2 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 14.
55. *Рождественский Р.И.* Стихотворение «Мандельштам». 15 января 1990. Автограф. 1 л. Синие чернила.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д.10.
56. Пригласительный билет на выставку ГЛМ – ЮНЕСКО, посвященную О.Э. Мандельштаму и М.А. Булгакову. Париж. 1991. Печать. На франц. яз. 4 л.
Ф. 352 (О.Э. Мандельштам). Оп. 1. Д. 15.

4. Редкие издания и книги с автографами

57. *Мандельштам О.Э.* Камень: Стихи. СПб.: Акмэ, 1913. 33 с. На титульном листе: «Зинаиде Афанасьевне Венгеровой в знак глубокого уважения автор. 22 мая 1913». Черные чернила.
Инв. № 17624.
58. То же. На титульном листе текст автографа вырезан; осталось: «Автор. 30 марта 1913». Черные чернила.
Инв. № 108841
59. *Мандельштам О.Э.* «Меганон», «В горячке соловьиной» // Обвалы сердца. Севастополь: Таран, 1920. С. 15.
Инв. № 213300
60. *Мандельштам О.Э.* «Американка», «О, пальцы гибкие!..» // Пьяные вишни. Севастополь: Таран, 1920. С. 7.
Инв. № 188742
61. *Мандельштам О.Э.* Tristia. Пб.; Берлин: Petropolis, 1922. 77 с. На обороте авантюла: «Книжка составлена без меня

против моей воли безграмотными людьми из кучи понадерганных листков. О. Мандельштам 5/ II/23»; в тексте пометы и авторская правка. Черные чернила.

Инв. № 94722

62. *Мандельштам О.Э.* Камень. Первая книга стихов. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 98 с. Под названием рукой автора: «второе издание»; слово «первая» подчеркнуто; в правом нижнем углу: «а даты стихов где? или хотя бы книги?»; в тексте правка и даты стихов. Синий карандаш.

Инв. № 205287

63. *Мандельштам О.Э.* Вторая книга. М.; Пб.: Круг, 1923. 89 с. На авантитуле: «Другу книги Давиду Кирилловичу Богомильскому с благодарностью О. Мандельштам 24/V.23». Синие чернила.

Инв. № 53696

64. *Мандельштам О.Э.* Шум времени. Л.: Время, 1925. 103 с. На титульном листе: «Николаю Осиповичу Лернеру с глубоким уважением О. Мандельштам 26/IV 25 г.». Черные чернила.

Инв. № 73656

65. То же. На титульном листе: «Дорогому Михаилу Зенкевичу эту никчемную и ненужную книжку О. Мандельштам 2/V.27 Москва». Черные чернила.

Инв. № 205288

66. *Мандельштам О.Э.* Стихотворения / Вступ. ст. А.Л. Дымшица; Сост. подгот. текста и примеч. Н.И. Харджиева. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1973. 335 с. (Б-ка поэта. Большая серия). В тексте пометы рукой Э.Г. Герштейн. Шариковая ручка, карандаш.

Инв. № 298147

67. *Мандельштам О.Э.* Сочинения в 2 т. / Сост. и подгот. текста С.С. Аверинцева и П.М. Нерлера; Коммент. П.М. Нерлера. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. 464 с. На обороте форзаца рукой П.М. Нерлера: «Дорогой Эмме Григорьевне Герштейн – слепок далеко не застывшей работы. Все-таки радуюсь. 16.XII.90 [Подпись]». Шариковая ручка. В тексте предисловия, основного корпуса текста и комментариях многочисленные пометы рукой Э.Г. Герштейн. Шариковая ручка, фломастер, карандаш.

Инв. № 298144

68. *Герштейн Э.Г.* Мандельштам в Воронеже // Подъем. 1988. № 6. С. 112–123. На с. 1 рукой Герштейн Э.Г.: «Милый

Эдуард Григорьевич (Эдик, Бабаев) на сс. 112–123 и далее в NN 7, 8, 9, 10 Вы найдете нужный для Вашей работы материал, и вообще примите их от меня на добрую память. Э. Герштейн н-брь 1988 Москва». На сс. 121–122 авторская правка. Шариковая ручка.

Инв. № 062121

69. *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. Париж: YMCA-PRESS, 1972. 712 с. В тексте на полях многочисленные пометы и комментарии рукой Э.Г. Герштейн. Шариковая ручка.

Инв. № 298143

70. Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. 512 с. В тексте пометы рукой Э.Г. Герштейн. Шариковая ручка, карандаш.

Инв. № 298159

5. Оригинальные изобразительные материалы

71. Мандельштам О.Э., Чуковский К.И., Лившиц Б.К., Анненков Ю.П. Петроград. 1914. Фотография. 9,0x14,0.

КП 50952\2373

72. Ле-Дантю М.В. «Поход Игоря Северянина на Берлин». Карикатура на гостей литературно-художественного кафе «Бродячая собака» [О. М. в числе изображенных]. 1914. Б., акв. 26,0x42,5.

КП 46627

73. Ле-Дантю М.В. Подготовительные рисунки и наброски групповой карикатуры. [О. М. в числе изображенных]. 1914. Б., акв., тушь, кар. 17,7x22,2; 16,6x23,5; 25,5x44,0.

КП 3975\1-3

74. Ле-Дантю М.В. «Поход Игоря Северянина на Берлин». Карикатура на гостей литературно-художественного кафе «Бродячая собака» [О. М. в числе изображенных]. 1914. Печатн. оттиск. 32,5x49,0.

КП 55693

75. Поляков С. [Полякова-Дюссек С.Р.]. «Привал комедиантов» в 1916 году [О. М. на сцене лит.-художеств. кафе]. Шаржированный рисунок. 1916–1920-е. Б., кар. 68,8x106,5.

КП 10264

76. Афиша «Вечер современной поэзии и музыки» в Концертном зале Тенишевского училища. Санкт-Петербург. 15 апреля 1916. [упоминание О. М.] Печать. 37,0x27,6.

КП 36492

77. Радлов Н.Э. «Сумасшедший корабль». Шарж [О. М. в числе изображенных]. Конец 1920-х-начало 1930-х. Б., тушь, перо. 10,5x15,0

КП 55084\10

78. Ортега Л. Портрет О.Э. Мандельштама. 1978. Гравюра рулетой. 48,5x32,5.

КП 53941

*Л.К. Алексеева, А.Ю. Бобосов,
Е.М. Варенцова, М.В. Соколова*

*при участии Л.Б. Брусиловской,
И.Б. Делекторской, П.М. Нерлера*

Contents

<i>Nerler P.</i> Towards the Mandelshtam Encyclopedia	9
---	---

1. Glossary and methodological materials

Glossary (as of December 31, 2004)	15
Abbreviations list	22

2. Selected articles and materials

Personas

Babaev E.G. (<i>P. Nerler</i>)	37
Briusov V.Ia. (<i>V. Kalmykova</i>)	38
Voloshin M.A. (<i>S. Danilova</i>)	51
Gippius V.V. (<i>E. Kuranda</i>)	62
Dostoevsky F.M. (<i>E. Soshkin</i>)	65
Zabolotsky N.A. (<i>I. Loshchilov</i>)	71
Zoshchenko M.M. (<i>M. Kotova</i>)	74
Ivask Iu.P. (<i>N. Bogomolov, P. Nerler</i>)	76
Kant I. (<i>S. Shindin</i>)	80
Kluev N.A. (<i>K. Azadovsky</i>).....	82
Lamarck J.-B. (<i>T. Igosheva</i>).....	85
Mallarm� S. (<i>Ia. Linkova</i>)	93
Mandelshtam (Khazina) N.Ia. (<i>Iu. Freidin</i>)	97
Meierhold V.E. (<i>O. Kuptsova</i>)	111
Napoleon I (<i>A. Buzyleva</i>)	112
Nedobrovo N.V. (<i>E. Orlova</i>)	115
Pasternak B.L. (<i>A. Sergeeva-Kliatis</i>)	117
Pushkin A.S. (<i>I. Surat</i>)	128
Tikhonov N.S. (<i>O. Lekmanov</i>)	138

Usov D.S. (<i>T. Neshumova</i>)	141
Shengeli G.A. (<i>S. Dugoveiko-Dolzhanskaya</i>)	144
Shershenevich V.G. (<i>A. Kobrinsky</i>)	147
Erenburg I.G. (<i>B. Frezinsky</i>)	149

Geographical names

Heidelberg (<i>P. Nerler</i>)	163
Sudak (<i>S. Shindin</i>)	165

Organizations and institutions

“Vremya” (<i>K. Azadovsky</i>)	167
All-Ukrainian Agency for Photo and Cinema (<i>S. Shindin</i>)	169
The Writers’ House (<i>S. Shindin</i>)	169

Works

“Hagia-Sophia” (<i>M. Gasparov, P. Nerler</i>)	172
“Notre Dame” (<i>M. Gasparov, P. Nerler</i>)	175
“The Petersburg Verses” (<i>M. Gasparov, P. Nerler</i>)	178

O.E. Mandelshtam and the world culture

Buddhism (<i>E. Macheret</i>)	181
Judaism and the Jewry (<i>L. Katsis</i>)	193
Internet (<i>P. Nerler, A. Nikitin-Perensky</i>)	219

Poetics

Space (<i>S. Shindin</i>)	222
-----------------------------------	-----

3. Bibliography, archives and archival catalogs

Methodological materials for the bibliography	233
Editions of O.E. Mandelshtam’s works, books and articles on the poet’s life and works (1999–2003) (<i>P. Nerler, I. Delektorskaya, M. Sokolova</i>)	236

“The Mandelshtam Society Library” (<i>P. Nerler</i>)	258
Translating and studying Mandelshtam abroad: Dutch: bibliography: translation of Mandelshtam into Dutch; literature on Mandelshtam in Dutch <i>(T. Langerak)</i>	261
Princeton University (<i>P. Nerler</i>)	286
Literary Museum (<i>S. Shumikhin, L. Alexeeva, P. Nerler</i>)	288
Mandelshtam’s materials from the State Literary Museum collection (<i>L. Alexeeva, A. Bobosov, E. Varentsova, M. Sokolova et al.</i>)	292

O.E. Mandelshtam, his predecessors and contemporaries. Materials for Mandelshtam Encyclopedia.

This collection has been prepared by the Mandelshtam Society and Mandelshtam Studies Room at the Research Library of the Russian State University for the Humanities as part of the project to create the Mandelshtam Encyclopedia as a compendium of information about O.E. Mandelshtam, his life and work. This collection includes the working glossary, a selection of methodological materials for the authors and editors of the Encyclopedia, selected encyclopedic articles on different subjects, as well as samples of consolidated archival records and bibliographies in Russian and other languages.

This book is designed to give the reader an idea of the concept of the Encyclopedia, some of its intermediary results and the problems of personal literary encyclopedias in general.

For literary scholars and for everybody interested in the life and work of O.E. Mandelshtam.

М23 О.Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Записки Мандельштамовского общества. Вып. 11: Сб. материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 305 с.
ISBN 978-5-7281-0953-2

Книга подготовлена Мандельштамовским обществом и Кабинетом мандельштамоведения научной библиотеки Российского государственного гуманитарного университета в рамках работы по созданию Мандельштамовской энциклопедии как компендиума сведений об О.Э. Мандельштаме, его жизни и творчестве. Она включает в себя рабочий словарь, подборку методических материалов для авторов и редакторов энциклопедии, избранные энциклопедические статьи по различным темам, а также образцы сводной архивной описи и библиографий на русском и иностранных языках.

Издание призвано дать читателю представление о концепции энциклопедии, о некоторых ее промежуточных итогах и о проблемах персональных литературных энциклопедий в целом.

Для литературоведов, а также читателей, интересующихся жизнью и творчеством О.Э. Мандельштама.

УДК 82(03)
ББК 83.3(2Рос-Рус)6я43

Научное издание

**О.Э. Мандельштам,
его предшественники
и современники**

Художественный редактор
В.В. Сурков

Технический редактор
Г.П. Каренина

Корректор
Т.М. Козлова

Компьютерная верстка
Е.И. Спиридонова

Подписано в печать 09.04.2007.

Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 17,9. Уч.-изд. л. 16,0.

Тираж 500 экз. Заказ № 90

**Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6**

Российский государственный гуманитарный университет